

**ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ШАМАНСТВУ И ИНЫМ ТРАДИЦИОННЫМ
ВЕРОВАНИЯМ И ПРАКТИКАМ, т.3, часть 1**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Балзер Марджори Мандельштам (Вашингтон)
Жуковская Наталия Львовна (Москва)
Потапов Леонид Павлович (Санкт-Петербург)
Ревуненкова Елена Владимировна (Санкт-Петербург)
Соколова Зоя Петровна (Москва)
Тишков Валерий Александрович (Москва) - Главный редактор
Функ Дмитрий Анатольевич (Москва) - Зам. главного редактора
Харитоновна Валентина Ивановна (Москва)
Харнер Майкл (Милл Велли, Калифорния)
Хотпал Михай (Будапешт)

**ETHNOLOGICAL STUDIES OF
SHAMANISM AND OTHER INDIGENOUS SPIRITUAL BELIEFS
AND PRACTICES, Vol.3, part 1**

EDITORIAL COMMITTEE

Balzer Marjorie M. (Washington)
Zhukovskaya Nataliya L. (Moscow)
Potapov Leonid P. (St. Petersburg)
Revunenkovna Yelena V. (St. Petersburg)
Sokolova Zoya P. (Moscow)
Tishkov Valery A. (Moscow) - Editor
Funk Dmitry A. (Moscow) - Editor Assistant
Kharitonova Valentina I. (Moscow)
Harner M. (Mill Valley, California)
Hoppal Mihaly (Budapest)

**От редколлегии серии
"Этнологические исследования по шаманству
и иным традиционным верованиям и практикам"**

Уважаемые читатели!

Представленная Вашему вниманию книга продолжает публикации академической международной серии "Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам"*.

В этой серии мы публикуем этнологические исследования и материалы известных отечественных и зарубежных ученых по классическому шаманизму и "нешаманству", языческим верованиям "нешаманских" народов, народному целительству и проч.

Научный интерес к шаманству и иным традиционным верованиям народов мира, к различным духовным практикам заметно вырос в последние десятилетия. Регулярно проводятся международные конгрессы, создаются фонды и общества, способствующие развитию исследований в этой области. Тем не менее, надеемся, что предлагаемое нами серийное издание не затеряется в потоке близкой по тематике литературы и внесет посильный вклад в постижение сути феномена шаманства, иных традиционных верований и практик.

Ваши отклики с пожеланиями и предложениями возможных источников финансирования издания, а также заявки (с подробными аннотациями) на публикацию Ваших монографий мы будем рады получить по адресу: 117334 Москва, Ленинский проспект, 32а. Институт этнологии и антропологии РАН. Отдел Крайнего Севера и Сибири. Редколлегия серии "Этнологические исследования по шаманству ...". Тел. (095) 9381871, факс (095) 9380600.

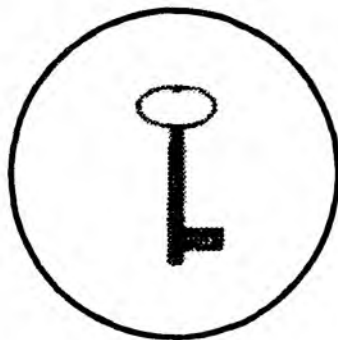
---

* Английский вариант названия серии "Ethnological Studies of Shamanism and Other Indigenous Spiritual Beliefs and Practices" предложен доктором Майклом Харнером.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
имени Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ**

В. И. ХАРИТОНОВА

**ЗАГОВОРНО-ЗАКЛИНАТЕЛЬНОЕ
ИСКУССТВО
ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН**

**проблемы традиционных интерпретаций
и
возможности современных исследований**

Москва 1999

Ответственный редактор:
член-корр. РАН, проф., д.и.н. *З.П.Соколова*

Рецензенты:
проф., д.фил.н. *В.М.Гацак*
академик РАН, к.т.н. *А.Е.Акимов*
к. филос. н. *В.В.Майков*

Харитонова В.И. **Заговорно-заклинательное искусство восточных славян: проблемы традиционных интерпретаций и возможности современных исследований.** М.: ИЭА РАН, 1999. Часть 1. 292 с. (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам Т.3. в 2-х частях)

Монография представляет комплексное исследование магико-мистической практики и заговорно-заклинательной традиции, выполненное на восточнославянском материале с привлечением широкого круга данных иных традиционных верований и практик, особенно шаманизма. Основное внимание уделено искусству профессионалов в области магико-мистической деятельности, «посвященных» и «приобщенных» к эзотерическому знанию. Анализ осуществлен с опорой на новейшие концепции фундаментальных наук о природе Вселенной и Человека.

Книга предназначена для этнографов, этнологов, религиоведов, культурологов, фольклористов, антропологов, а также для широкого круга читателей, интересующихся вопросами истории культуры, магии, религии, заговорно-заклинательной практики, шаманизма.

ISBN 5-201-13722-9

© В.И.Харитонова, 1999 г.

© Институт этнологии и антропологии РАН, 1999 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Содержание</i>	3
<i>От автора</i>	6
<i>Введение: Заговорно-заклинательное искусство: непонятое наукой знание или заблуждения древних?</i>	11
<i>Глава 1: Современные научные концепции и возможности интерпретации «магико-мистической» сферы</i>	22
В ситуации «магико-мистической анархии». – Физика вторгается в эзотерику: теория резонансно-полевого взаимодействия. – Концепция биоэнергоинформатики. – Теории торсионных полей и Физического Вакуума. – Проблема функционирования Сознания. – Возможность интегрально-полевых контактов («тонких» взаимодействий). – Понятие «биополя». – Проблемы современной медицины. – Психология в исследовании необычных явлений. – Трансперсональная психология. – Новое научное видение мира на пороге третьего тысячелетия	
<i>Глава 2: Магико-медицинская практика и сопутствующие ей явления в России конца второго тысячелетия</i>	52
Проблема суперсенситивного восприятия и экстрасенсорного воздействия в современной лекарской практике. – Интегральная медицина и «народное целительство»: рефлексотерапия, мануальная терапия, биоэнерготерапия, эниотерапия, гипнотерапия, транскрирurgia, практика гаданий и предсказаний, хиромантия, астрология, фитотерапия, гомеопатия. – Западные варианты эзотерических техник в целительстве: Рейки, дианетика Р.Хаббарда, холодинамика В.Вульфа, шаманизм М.Харнера. – Православие и целительство. – Шаманские целительские практики. – Основные группы практикующих целителей. – Особенности становления и специальное образование целителей. – Мировоззрение и статус современных целителей. – Принципы и основные типы работы целителей. – Традиционная магико-мистическая практика и заговорно-заклинательное искусство «Колдовство», «ведьмовство» и «бесовщина» в ситуации «магико-мистической анархии».	
<i>Глава 3: Основы магико-мистической практики и заговорно-заклинательного искусства</i>	87
Собирательско-исследовательская работа в сфере заклинательного искусства. – Вопросы бытования заговорно-заклинательной традиции. – Проблема передачи знания в заговорно-заклинательной практике. – Основы магико-мистической практики: ИСС и природа магико-мистического. – Способы погружения в ИСС и средства, используемые для этого: алкоголь; травы, пейот, мухомор и др.; ЛСД-25, гипноз. – Два типа погружения в ИСС: (1) психо-физического возбуждения (камлания, ритуально-экстагические обряды, религиозно-мистическая практика, секс, творческое вдохновение) и (2) психо-физического угнетения (медитация, гипноз, сон). – Магико-мистические элементы обрядово-ритуальных действий славян. – Гипноз в колдовской практике. – Инсайт («прямые слова», «прямой выход») в	

практике магов и колдунов. – Классификация адептов магико-мистического знания. – Общая характеристика знахарей, колдунов, ведунов, магов. – Ясновидящие, блаженные, одержимые. – Водьмовство и ведовство. – Принципы и основы воздействия на человека и природу у представителей различных групп обладателей магико-мистического знания.

Глава 4: Проблемы эволюции магико-мистической практики восточных славян.....155

Проблемы формирования техник погружения в ИСС. – Вопрос об аффективном типе достижения ИСС у славян – Шаман и колдун: два принципа магико-мистической работы. – Древнерусские волхвы и кудесники – Были ли волхвы шаманами? – Куда исчезли волхвы? – Проблемы «черной» и «белой» магии (колдун и знахарь). – Современные трансформации магико-мистической практики: почему «неошаман» не всегда камлает, а колдун-экстрасенс забывает обряд?

Глава 5: Заговорно-заклинательная традиция восточных славян в ретроспективном освещении 218

Проблемы реконструкции магико-мистической практики и заговорно-заклинательной традиции – Трансформации традиции в период образования Древнерусского государства и принятия христианства. – Заговорно-заклинательный текст и его исполнение (речитатив, ритм, интонация). – Заговорный текст: проблема устойчивости. – Заговорно-заклинательные тексты и ИСС-видения. – Вопрос формирования заговорных текстов в фольклористике XIX века. – Заговорно-заклинательное действие и характер его трансформации. – Практика ИСС в христианском мистицизме («умная молитва» и «фаворский свет» исихастов; Нил Сорский). – Распространение магико-мистической практики и заговорно-заклинательных познаний в Средние века и Новое время. – Тексты сыских дел. – Характер бытования текстов в среде «посвященных» и «приобщенных». – «Ключи» и «кодовые слова» в практике «посвященных». – Вербальный текст и магия. – «Медитативно-аффективная техника» в магико-мистической практике восточных славян. – Типы заговорно-заклинательных текстов, отражающих главные принципы магико-мистической работы. – География заговорно-заклинательной традиции.

Глава 6: Искусство заклинания восточных славян: заговорно-заклинательный акт как основа практики заклинателей 293

Принципы полевой фиксации материала заговорно-заклинательной традиции. – Заговорно-заклинательный акт (ЗЗА). – Заговорно-заклинательное средство (ЗЗС). – Основные этапы заговорно-заклинательного действия. – Разновидности ЗЗА. – ЗЗА-«отчитывание словом» (техника отчитывания на одном дыхании; состояние оператора и перцепиента; психоэнергетическая и энергоинформационная сторона при отчитывании). – ЗЗА-«обрядовое действие» (психоэнергетические и энергоинформационные истоки техники). – ЗЗА-«зрелищно-игровой». – Проблемы перехода в «психические миры» и работы на «тонкоматериальном уровне» у славянских ведунов и колдунов. – Заговорно-заклинательные тексты (ЗЗТ) и «психическая Вселенная» восточнославянских заклинателей. – ИСС и порождение заговорно-заклинательных текстов. – Зависимость психоэнергетической и энергоинформационной работы от используемого ЗЗТ. – Проблемы распространения различных типов ЗЗА и ЗЗТ. – Пространство и время в ЗЗА и ЗЗТ.

– Звук и речь в ЗЗА. – Движение и действие в ЗЗА. – Коммуникативный аспект ЗЗА
 – ЗЗА в функциональном плане. – Категории фольклорных исполнителей и их
 отношении к заговорно-заклинательной традиции. – Возможности исследования
 ЗЗА и ЗЗТ в традиционной фольклористике и этнографии.

*Глава 7: Заговорно-заклинательный текст – вопросы текстообразо-
 вания и бытования.*.....391

Слово в заговорно-заклинательной практике. – Шепотное и проголосное
 заговаривание. – Роль и место слова (вербального гекста) в различных типах ЗЗА. –
 Разновидности ЗЗТ. – Микротексты и принципы их классификации. – Заговорно-
 заклинательные формулы и заклинательные паремии. – Заговоры и
 заклинательные приговоры. – Тексты-наименования («заклинательное слово»). –
 Инвективы среди ЗЗТ. – Заговорно-заклинательные формулы (формулы договора,
 обмена, счета, сращения, сопоставления и противопоставления, заклинательный
 диалог). – Роль заклинательных паремий и заговорно-заклинательных формул в
 макротекстах. проблема «ключевых слов». – Принципы жанрово-видовой
 классификации заговорно-заклинательных текстов. – Текстообразование и
 текстотворчество.

Заключение: Вначале было Слово?.....461

Литература......482

Приложения......511

1. Из интервью с потомственной ведуней П.П.Ильиной.....516

2. Из интервью с народной целительницей Л.В.Манаевой.....529

3. Из интервью с народной целительницей Т.И.Виселевой.....541

4. Из интервью с колдуном/целителем А.А.Сафтуфом.....541

5. Из интервью с народной целительницей Н.Г.Сидорченко.....564

6. Из интервью с народным целителем И.Б.Вербицким.....567

7. Из интервью с наследовавшей **знание** Е.В.....570

8. Из интервью с целительницей-экстрасенсом И.К.Лежавой.....572

9. Из интервью с Л.С. Прокопьевым (владыкой Рафаилом).....580

10. Из интервью с хакасской шаманкой Т.В.Кобежиковой.....585

11. Из книги Е.И.Зуева «Древо целительства».....593

12. Из программы международной конференции по проблемам онкологии.....594

13. Из рукописи А.В.Лукашовой.....595

Об авторе 597

Summary 598

ОТ АВТОРА

Предлагаемая вниманию читателей книга создавалась на протяжении многих лет, чем во многом объясняются ее достоинства и недостатки. Исходно это было фольклористическое исследование заговорно-заклинательных текстов с попыткой установить зависимость образования и использования текста от особенностей фольклорно-этнографической традиции, индивидуальных свойств заклинателя. Однако большой опыт полевой работы (моя первая научная экспедиция состоялась летом 1975 года) и приобщенность с детства к заговорно-заклинательной традиции подсказывали мне, что понять искусство заклинателя можно только через магику-мистическую практику, через постижение тайны психоэнергетической работы человека. Счастливая случайность свела меня с людьми, которые пытались разгадать ту же загадку, но на несколько ином материале. В результате длительных наблюдений в области комплексных исследований загадочных явлений была создана та концепция, которая предлагается вниманию читателей. Таким образом, можно сказать, что книга формировалась на протяжении, как минимум, 25-летней научно-исследовательской работы автора. Разумеется, эта работа могла быть осуществлена только благодаря тем людям, которые щедро делились со мной своими знаниями и опытом, помогали понять то, что трудно постичь человеку, воспитанному в духе рационалистического мышления, - всем им я сердечно благодарна и признательна.

Вряд ли это исследование могло обрести свое содержание, если бы у меня не было жизненного опыта, самым непосредственным образом связанного с традиционной народной культурой и магику-мистическими представлениями, заговорно-заклинательной практикой в том числе. Именно поэтому главное слово благодарности я должна сказать моим родным и близким, людям, рядом с которыми я росла, в кругу которых формировались мои представления о мире. Мои бабушки – Наталья Тимофеевна Зарщикова и Евдокия Андреевна Харитонова – были моими первыми информаторами-учителями в магику-мистической практике.

Сельская жизнь насытила меня в детстве всем тем, что с большим изумлением открывают для себя исследователи фольклора

и этнографии, попадающие в традиционную среду в годы студенчества. Исконно освоенное знание и естественно приобретенный опыт позволили мне в моем статусе фольклориста-собираателя быть своей среди своих в любой деревне. Это, конечно же, сыграло значительную роль в легкости установления контактов с теми, кто обладал таинственными знахарско-колдовскими знаниями, но особенно тому способствовали сами люди, с которыми сводила меня судьба в экспедиционных поездках. Их отличали огромная душевная щедрость, умение удивительно проникновенно понимать окружающий мир, восприятие жизни с любовью и терпением. Я не могу назвать множество имен, но я благодарна и признательна всем им не только за переданное знание - в первую очередь за необыкновенную любовь и искреннюю привязанность, которыми одаривали меня мои информаторы. К сожалению, уже мало кто из них узнает о том, что книга, которая не могла быть написана без их бескорыстной помощи, вышла в свет.

Конечно же, этот труд не мог состояться без моих учителей-фольклористов, первой среди которых была Нина Ивановна Савушкина, сумевшая на своих семинарских занятиях увлечь студентов фольклористикой, воспринимавшейся в ее объяснениях отнюдь не как сухая теория, а позже, в северных фольклорных экспедициях, и самим фольклором, который с ее помощью даже "элитарные горожане" начинали осознавать как часть своей культуры. Я признательна всей кафедре русского устного народного поэтического творчества филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, где я имела возможность учиться, закончить аспирантуру и защитить диссертацию, куда я приезжала на ФПК и стажировки.

С искренней любовью я хочу сказать о том необыкновенном коллективе, с которым мне посчастливилось общаться в ИСИБ АН СССР и в Полесских экспедициях, о людях, у которых я многому научилась - это Никита Ильич и Светлана Михайловна Толстые, Людмила Николаевна Виноградова, Валерия Васильевна Усачева, Нина Георгиевна Владимирская, Ольга Алексеевна Терновская, Анатолий Федорович Журавлев, Александр Викторович Гура, Татьяна Алексеевна Агапкина, Андрей Львович Топорков.

Флорентина Бадаланова, Лариса Михайловна Ивлева и многие другие участники экспедиционных выездов.

Я часто вспоминаю Львовский госуниверситет им.И.Франко, где мне пришлось проработать несколько лет. Руководство ЛГУ, благодаря активной поддержке Константина Константиновича Трофимовича (декана филологического факультета), предоставило мне возможность вести экспедиционно-полевую работу в тех регионах, какие меня интересовали. Особенно я признательна моим студентам, оказывавшим мне неоценимую помощь и поддержку в моей работе. Некоторые из них и сейчас продолжают заниматься фольклорно-этнографическими и антропологическими исследованиями: Маргарита Владимировна Готман, Оксана Васильевна Лагошняк, Элеонора Евгеньевна Гаврилюк.

Отдельно я должна поблагодарить своих коллег по Львовскому университету, которые помогали в руководстве фольклорными практиками – Людмилу Ивановну Полякову и Галину Мирославовну Лесную, а также выезжавших вместе со студентами для работы в составе Полесских этнолингвистических экспедиций ИСиБ АН СССР – Галину Павловну Тыртову и Валентину Онаньевну Вальчук.

Я уверена, что эта книга никогда не была бы написана (точнее, рукопись была бы издана в чисто фольклористическом варианте несколько лет назад), если бы я не попала однажды на семинар Ипполита Моисеевича Когана и не познакомилась там с биологом Стефаном Борисовичем Стефановым, который позже привел меня во Всероссийский научно-исследовательский центр традиционной народной медицины (ВНИЦТНМ «ЭНИОМ») и представил своему другу врачу-психиатру Дмитрий Георгиевич Мирза вместе со Стефаном Борисовичем помогали мне постигать нелегкую азбуку «запредельных» наук, удерживая от срывов в обычный оккультизм. Этому активно способствовала и психолог Елена Александровна Мещерякова.

На протяжении нескольких лет я имела уникальную возможность работать в Центре, выбирая по своему усмотрению целителей для знакомства с их практикой, участвуя в различных экспериментах, наблюдая становление целительской практики и ее исследователей. Все это могло осуществляться исключительно

благодаря пониманию и доброте директора ВНИЦТНМ «ЭНИОМ» Якова Григорьевича Гальперина, а также постоянной опеке со стороны директора Высших курсов биоэнерготерапии Киры Анатольевны Фостенко, ученого секретаря Центра Екатерины Семеновны Сидоркиной, профессора медицины, наблюдавшего за работой целителей, Михаила Филипповича Меркулова, помощи зав. издательским отделом Валентины Ивановны Паисовой

Я не могу здесь перечислить имена народных целителей, которые щедро делились со мной своими знаниями и опытом (о некоторых из них я писала в своих книгах и статьях), но я помню их всех: многие же помогают мне и сейчас, деятельно участвуя в научной работе, это Игорь Борисович Вербицкий, Нина Георгиевна Балашова, Елена Владимировна Батова, Ольга Георгиевна Борисоглебская, Ольга Михайловна Зальцман, Наталья Павловна Ильина, Татьяна Васильевна Кобожикова, Ирина Карловна Лежава, Людмила Семеновна Осипова-Янатович, Нина Григорьевна Сидорченко, Татьяна Федоровна Соколова, Ирик Каюмович Шайдуллин. Особенно признательна я моим постоянным консультантам - Александру Афанасьевичу Сафтуфу и Александру Михайловичу Фролову. Без преувеличений можно сказать, что эта книга - труд коллективный, поскольку без помощи людей, познавших на собственном опыте работу в измененных состояниях сознания, я не смогла бы понять, что именно является основой магико-мистической практики и заговорно-заклинательной традиции

Еще один человек, также не понаслышке знающий, что такое ИСС, сыграл, сам того не подозревая, весьма существенную роль в формировании моей концепции заговорно-заклинательного искусства - это доктор Майкл Харнер. Образ профессора, на собственном опыте постигшего тяжелое бремя шаманского дара, ошеломил меня несколько лет назад при знакомстве с рукописью его книги «Путь шамана», в перепечатке передававшейся из рук в руки. Тогда я даже не могла предположить, что десятилетие спустя мы с ним встретимся как коллеги, подготовившие сообща международный конгресс по шаманизму.

Мне хочется поблагодарить всех, кто оказал практическую помощь в подготовке рукописи к публикации - ответственного редактора, не единожды внимательно прочитавшей текст книги, Зою

Петровну Соколову, рецензентов, взявших на себя труд вникнуть в столь многоплановое исследование – моего давнего наставника известнейшего фольклориста Виктора Михайловича Гацака, представителя современной физики, сумевшего проинтерпретировать психическое через физические законы – Анатолия Евгеньевича Акимова, неустанного пропагандиста новейшей западной психологии в нашей стране психолога Владимира Валерьяновича Майкова и, конечно же, первого читателя, главного рецензента и редактора моих рукописей – моего мужа Дмитрия Анатольевича Функа.

В подготовке этой книги значительна была помощь РГНФ, благодаря гранту которого (96-01-00352) удалось завершить доработку рукописи в варианте комплексного междисциплинарного исследования с этнографической доминантой.

Моя судьба, вероятно, совершенно закономерно привела меня в ИЭА РАН. Семнадцать лет назад зав. кафедрой русского устного народного поэтического творчества МГУ пытался не допустить до защиты мою кандидатскую диссертацию по разделу филологических наук: он считал работу этнографической. К счастью, в ИЭА РАН эту книгу, как и предыдущую, не восприняли как «непрофильную», за что я признательна коллегам и благодарна директору института Валерию Александровичу Тишкову.

Валентина Харитонова

ЗАГОВОРНО-ЗАКЛИНАТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО: НЕПОНЯТОЕ НАУКОЙ ЗНАНИЕ ИЛИ ЗАБЛУЖДЕНИЯ ДРЕВНИХ?

Заговоры... составляют для меня самый загадочный предмет... Всякому, кто займется подобным исследованием на деле, легко убедиться, что тут кроется не один только обман, а еще что-нибудь другое.

(Даль В.И. «О повериях ...»)

То, что сегодня утверждает микрофизика, еще в 1990 году считалось чистой метафизикой, вопиющим оккультизмом.

(Кальвайт Х. «Шаманы, целители, знахари»)

Всякому, кто как исследователь или как простой пользователь обращался к знатокам заговорно-заклинательной практики (если, конечно, этот "всякий" попадал к настоящим «посвященным» – не просто хранителям традиционного знания, а обладателям уникальных суперсенситивных и экстрасенсорных способностей), становилось очевидно: магико-мистическая деятельность человека – это не только "туманная, состоящая из фантастических представлений область" (Токарев, 1990; 426)*. Однако, чтобы прийти к такому заключению, надо столкнуться с кругом явлений, которые в академической науке до недавнего времени было принято рассматривать исключительно как эзотерические или просто считать несуществующими. Рационалистическая научная ментальность "европейского типа" не допускала мысли, что эзотерические практики – это всего лишь пока непознанные и необъясненные наукой сферы деятельности человека.

Впрочем, даже те исследователи-рационалисты прошлого века, которым удалось соприкоснуться с загадочными проявлениями жизни во Вселенной, начинали, по крайней мере, подозревать, что за магико-мистической практикой и заговорно-заклинательной традицией – как частью ее, скрывается что-то серьезное. Например, один из великолепных собирателей русского фольклора В.И. Даль,

.....
* Здесь и далее в сносках указывается фамилия автора используемого источника, том (после «»), год издания (после «»), страницы (после «») и номер текста. В случаях коллективного авторства указывается первая фамилия авторского списка с последующим знаком «...» и «,»

интересовавшийся народной медициной (кстати, врач по профессии), сетовал на то, что "ученые испытатели природы, копясь по целым годам над каплею гнилого настоя и отыскивая в ней микроскопических наливняков, не посвятят средств и сил своих сему более общему и важному предмету, о коем они, не зная его вовсе, по одному только предубеждению относятся презрительно" (*Даль, 1996: 33*).

Такое заявление вовсе не свидетельствует о мистическом настрое автора, наоборот, оно подчеркивает желание серьезно разобраться в предмете, который трудно оценивать однозначно. Однако однозначность оценок до сих пор распространяется на весь круг явлений, который исследователи за невозможностью объяснить в существовавшей научной парадигме предпочли отнести к разряду парапсихологических. И даже в последние годы при существенном сдвиге в естественнонаучном изучении тех фактов, которые традиционно относились к «пара-наукам» (-физике, -квантовой механике, -психологии), господствующим среди представителей научной общественности, особенно гуманитарной, остается мнение о надуманности и эзотеричности данных проблем. Сложность наблюдений за необычными проявлениями природы и человеческой психики, трудность их воспроизведения в лабораторных условиях тормозит развитие "парапсихологии как области строгой научной деятельности и одновременно дает возможность ортодоксальным материалистам объявлять парапсихологию лженаукой, а религиозным фундаменталистам – оккультной наукой, основанной на использовании сатанинских сил" (*Смирнов, 1992: 32-33*).

Некоторые факты традиционной культуры, с точки зрения человека рационального склада относимые к «парафактам», действительно, могут рассматриваться исключительно как курьезные. Однако самые нелепые на первый взгляд сообщения в свете новейших данных фундаментальных наук, по крайней мере, наводят на размышления. Например, врач и этнограф Г. Попов в книге "Русская народно-бытовая медицина" (*Попов, 1903*) приводит поразивший его своей нелепостью факт из практики бабки-повитухи, которая выманивала ребенка из чрева матери с помощью... кусочка сахара-рафинада. Разумеется, сам по себе способ оказания родовспоможения более чем странный, и проще

всего его объяснить неграмотностью и глупостью повитухи; но может быть, стоит вспомнить, что известнейшая ясновидящая болгарка Ванга при диагностике и предсказаниях держала в руках кусочек сахара, с которым обратившийся к ней человек не расставался какое-то время. Нельзя исключать из круга гипотез предположение о том, что опыт повивальных бабок основывался на неких непонятных им самим знаниях о свойствах кристаллов. Для многих специалистов естественных наук подобное объяснение допустимо: известно, что кристаллические вещества хорошо сохраняют и передают энергоинформацию (1)*.

"Помимо материи и энергии существует еще одна составляющая Вселенной - информация.

Поэтому энерго-информационный обмен является одним из основополагающих законов природы... (...)

Вселенную можно рассматривать как огромную голограмму, а каждого человека микроскопической, но неотъемлемой частью этой голограммы.

Известно, что, отрезав небольшую часть этой голограммы, по ней с некоторой степенью приближения можно получить информацию, хранящуюся во всей голограмме. Таким образом, каждый человек несет в себе скрытый огромный объем информации" (*Сочеванов, 1994; 16-17*).

Исследования о передаче информации кристаллами и водой (*Акимов, 1999; 18*), активно ведущиеся в последние десятилетия, связаны с представлениями об информационном единстве живого вещества на Земле (ср. идеи ноосферы В.И.Вернадского, гипотезу о некаузальном принципе синхронности К.-Г.Юнга), об энергоинформационных основах мироустройства в целом, о главенствовании психического над физическим. "Человек в иерархии сложности Вселенной занимает определенное место, но в то же время является неотъемлемой частью целостной мегасистемы Мироздания, построенной на голографическом принципе (все во всем!). Информация в целостной системе, частью которой является Человек (будучи сам целостной системой!) течет в цепях, которые выходят за конвенциональные пределы индивидуальности и включают все окружающее. Психика Человека способна отражать, понимая сущность и оценивая как избранные отдельные части, так и их сумму (как многое) и то, что стоит за пределами простой суммы частей - целостное. Ей доступна любая часть системы в любой момент времени" (*Хлуповский..., 1993; 70*).

В свете этого, возможно, не столь уж странными выглядят представления людей о болезнях как неких существах "тонкого (психического) мира", известные с незапамятных времен, к чему

* Цифрами в круглых скобках обозначены номера примечаний к главам.

сейчас возвращаются даже некоторые представители современной медицины (*Беляков, 1996*).

Вероятно, после такой преамбулы вполне логично было бы начать изложение с заявления, подобного тому, которое позволил себе Клайд Кен Мейбен Клакхон в предисловии к книге "Зеркало для человека. Введение в антропологию": "Эта книга предназначена для любителей, а не для придирчивых профессионалов. Последних я покорнейше прошу помнить, что, если бы я включил в нее все документальные свидетельства, которые они хотели бы видеть, она бы разрослась до нескольких томов" (*Клакхон, 1998: 21*). Впрочем, трудность моего положения в том, что я попыталась написать книгу не только (и не столько) для любителей. Мною руководило желание рассказать известное мне о заговорно-заклинательной традиции восточных славян, рассматривая ее в общем контексте магико-мистической практики, понимаемой и интерпретируемой с позиций современного научного видения проблемы существования Человека во Вселенной, функционирования Со-знания в пределах знания – особого знания «посвященных», обретаемого ими суперсенситивным путем, путем единения со Сверхсознанием при нахождении человека в измененных состояниях сознания (ИСС).

Особое выделение «посвященных» из круга «приобщенных» к специфическому знанию при изучении магико-мистических практик и заговорно-заклинательной традиции в том числе, кажется, уже не должно восприниматься как новшество. Во-первых, на протяжении нескольких десятилетий во всем мире исследователи и энтузиасты-практики активно занимаются проблемами измененных (или необычных) состояний сознания, что позволило многое понять и оценить в реальности трансперсонального существования. Во-вторых, этнографы давно заметили на примере шаманства и шаманизма (*Функ..., 1999*), сколь значительно различается знание настоящих «посвященных» шаманов и сведения об этом знании людей, не занимающихся такой практикой, на что несколько лет назад снова обратил внимание Ю.Б.Симченко (*Симченко, 1996*). Добавлю, что среди второй группы стоит выделить «приобщенных» к знанию – участвующих в шаманской практике в качестве помощников, некоторых одаренных эпических певцов, гадателей и т.д. – и «непосвященных», простых наблюдателей и хранителей фольклорно-этнографической традиции. Этот аспект является основным разграничительным моментом шаманизма (как практики обладателей тайного, сакрального знания своеобразной «касты» «посвященных») и шаманства (как фольклорно-этнографической традиции). Разграничение «посвященных», «приобщенных» и «непосвященных» столь же значимо для восточнославянского колдовства/явхарства, как и для шаманизма/шаманства. Именно знание и

мировоззрение «посвященных» должны вызывать первоочередной интерес при исследовании магико-мистических практик в отличие от изучения фольклорно-этнографических традиций.

Эта чрезвычайно емкая задача выходит за пределы собственно гуманитарных наук и в силу сложности и многосторонности самой проблемы, и в силу того, что современный человек привык доверять в первую очередь данным так называемых "точных" или "фундаментальных" исследований. Представить же более или менее подробное изложение многочисленных вопросов, имеющих отношение к пониманию сущности эзотерического Знания и одновременно многоаспектный анализ заговорно-заклинательной традиции во всем ее многообразии – задача совершенно нереальная для одной работы. Данная книга сконцентрирована на рассмотрении вопросов специфики заговорно-заклинательного искусства восточных славян (от особенностей бытования и функционирования заговорно-заклинательных актов до свособразия вербальных текстов, используемых в них), а также проблем формирования, развития заговорно-заклинательной традиции на общем фоне магико-мистической практики. Исследовательская часть предваряется изложением новейших современных естественно-научных и психологических концепций, которые позволяют читателю войти в круг новых представлений философско-мировоззренческого характера.

Логика изложения материала в издании оказалась обратной истории его постижения автором. Десятилетие назад вариант книги был задуман и написан исключительно как фольклорно-этнографическое исследование заговорно-заклинательной традиции, что осуществлялось на базе изучения опубликованного корпуса текстов, архивных и авторских полевых материалов. Однако у рукописи был глобальный недостаток: в ней не хватало основного – понимания того, почему заговорно-заклинательная практика столь успешно в некоторых случаях конкурировала, например, с медициной (такой опыт встречается и в настоящее время) и имела значительные практические достижения. Для выяснения основ воздействия пришлось обратиться к другим магико-мистическим практикам, в частности, к шаманизму, к заявившему в тот момент о себе "народному целительству". А это, в свою очередь, вывело меня

на далекое от фольклориста, этнографа и даже антрополога техническое знание, профессиональную медицину, психиатрию и патопсихологию.

Попытка объять необъятное, конечно же, в значительной степени обедняет собственно фольклорно-этнографическую часть книги, но мне кажется, что в данный момент важнее представить новую возможность видения и интерпретаций традиционного материала, нежели чем продолжить его анализ в уже известном русле или предложить некое обобщение на хорошо устоявшихся научных позициях. Надо полагать, в силу непривычной для нашего мировоззрения трактовки эзотерического **знания** как некой вполне реалистически обоснованной сферы представлений и практически реализуемых навыков концепция книги вызовет у многих читателей стихийное отторжение. Это вполне закономерно. Человеку трудно было понять, что такое электричество, телефон, тем более, компьютер, пока он не прикоснулся к ним своими руками и не начал использовать их в повседневном быту. Трудно осознать, что такое давно известная гравитация, не говоря уже об энергоинформации, если их нельзя "потрогать руками". Однако, я очень надеюсь, что со временем изложенное в книге станет вполне понимаемым и принимаемым, хотя, возможно, это приведет к каким-либо поправкам в предложенной концепции и осмыслению в ее свете традиционного фольклорно-этнографического материала.

Науки антропологического направления, особенно в их культурологическом варианте, не могут не учитывать новых естественнонаучных представлений о мире, в значительной степени корректирующих наше знание о так называемом "магико-мистическом". Вместе с тем изучение сферы **знания** и его проявления в природе и человеке не только заставляет опережать время в плане обращения к новейшим психо-физическим теориям, но и возвращаться назад в методологическом отношении, вспоминая традиции отечественной гуманитарной науки, не делившей народную культуру на «фольклор» и «этнографию» и не стремившейся воздвигать непреодолимые барьеры между исследователями, рассматривающими один и тот же многогранный предмет. Традиции комплексного, системного анализа, исследования междисциплинарного характера представляются

наиболее подходящими для изучения заговорно-заклинательного искусства восточных славян, сложившегося в пределах магико-мистической практики, основанной на таинственном знании «посвященных» представителей человечества.

Естественно, предлагаемая установка требует исследовать материал и, конечно же, фиксировать его. во-первых, подразделяя на получаемый от 1) «посвященных» - специалистов различного магико-мистического профиля, обладающих «даром», то есть способностями с помощью разных техник входить в ИСС и работать в тех или иных фазах таких состояний, 2) «приобщенных» - людей, имеющих непосредственное либо опосредованное отношение к магико-мистической практике и заговорно-заклинательной традиции, не обладающих даром, но развивающим свои суперсенситивные и экстрасенсорные способности, 3) непосвященных - имеющих смутное представление о знании, но обладающих некоторыми сведениями о традиции и практике «знающих»; во-вторых, изучение конкретной традиции и практики должно базироваться на исходном знании естественнонаучных основ энергоинформационной природы Вселенной и стремиться к раскрытию глубинных первооснов практики воздействия человека на окружающий мир в его «живом» и «неживом» проявлении с последующим восстановлением своеобразия различных уровней этого воздействия и всей системы в целом. Данная методологическая установка позволяет прорабатывать анализ различной степени подробности в разных направлениях исследования заговорно-заклинательного искусства.

Обращу внимание на то, что термин «заговорно-заклинательное искусство» используется в работе вполне обоснованно. Возможное возражение, будто бы заговорно-заклинательная традиция в целом имеет утилитарное назначение, здесь не должно смущать читателя: дело в том, что любая деятельность «посвященных», связанная с погружением в ИСС, является своего рода творчеством, либо же столь мощно стимулирует творческий потенциал как самого оператора (лица, осуществляющего магико-мистическую работу), так и реципиента (или реципиента - объекта, воспринимающего воздействие оператора, чаще всего - пассивно), что раскрывает их творческие

задатки в реальной жизни (Райков, 1999). Конечно же, здесь исследуется не только уникальный дар «посвященных», но и традиция в целом (включающая сведения «приобщенных» и даже непосвященных хранителей фольклорно-этнографического наследия, далеких от магики-мистических познаний).

Однако основные задачи работы связаны с постижением тайны искусства «посвященных» в заговорно-заклинательной традиции и магики-мистической практике восточных славян. Предлагаемый предмет и путь познания требуют периодического обращения к материалу различных магики-мистических практик, в первую очередь, к шаманской, что вполне закономерно в славянской ситуации, и, конечно же, к современной «целительской» – практике биоэнерготерапевтов («народных целителей» - НЦ, опирающихся в воздействии на бесконтактный массаж), эниосуггестологов (НЦ, взявших за основу воздействия моделирование мысле-форм – «постановку программ» - Харитонова, 1995: 27-54), впрочем, и к обычной экстрасенсорике (см. специальные терминологические словари: Дождиков..., 1993; Наумов..., 1993; Харитонова, 1994).

Возникает логичный вопрос: насколько доступно знание «посвященных» для изучения – ведь всем известно, что любая магики-мистическая практика сакральна – и, если оно доступно, то каким объемом материала располагает автор работы, а также сколь велик должен быть объем материала в принципе для решения подобных задач? Разумеется, именно с этим связана масса сложностей, благодаря чему основные тайны магики-мистического до сих пор остаются тайнами «посвященных», хотя в настоящее время круг людей «знающих» (раскрывших для себя тайну знания через обучение и тренировки) в значительной степени пополнил ряды собственно «посвященных», «избранников духов» (Харитонова, 1997).

Проще всего получить материал от «знающих», для большинства из которых понятие сакральности утратило свое значение, а конкурентов они не особенно боятся – их все равно плодят с избытком многочисленные курсы и академии. Среди них встречаются люди, связанные с заговорно-заклинательной традицией (наследовавшие ее, случайно получившие познания и правильно использующие их, имеющие «наследственный капитал»,

но по какой-то причине не употребляющие эти познания на практике, специально обучавшиеся у представителей традиционной практики).

Однако передача сведений «знающими», а «посвященными» - в обязательном порядке, увязывается со способностями и предрасположенностью к соответствующей практике самого собирателя: передают по-настоящему знатоки своего дела только тем, кто это может принять (исключение составляет ситуация смерти колдуна, не успевшего передать - в таком случае может быть осуществлено мгновенное раскрытие энергетических каналов любому принимающему, что для него чревато тяжелейшими последствиями). В этом колоссальное отличие обычного фольклорно-этнографического собирательства, когда заговоры и заклинания иного рода можно писать десятками, от обретения настоящего **знания**: передают единицы, тем более что способных передать осталось не так много. Впрочем, надо отметить еще один момент: в общении «приобщенного» с понимающим его собирателем, с человеком «знающим» особенно, может идти разговор на равных, так сказать, обмен опытом. Этот метод, прекрасно оправдывающий себя в кругу «приобщенных», часто срабатывает и в контактах с «посвященными».

Постижение сути магико-мистической практики и раскрытие специфики заговорно-заклинательной традиции может осуществляться на различном объеме материала. Все зависит от того, насколько точны сообщения и инструкции, а также адекватно восприятие и понимание.

Мой опыт фольклорно-этнографической работы насчитывает более двух десятилетий, не говоря о естественном усвоении традиции в детстве. С 1975 по 1980 гг. я регулярно выезжала в составе Северных фольклорных экспедиций МГУ им. М.В.Ломоносова (в группе моего научного руководителя Н.И.Савушкиной, а в 1980г. руководила группой студентов; публикации части записей - *Русские заговоры...*, 1998).

С 1981г. я работала на территории Полесья в составе этнолингвистических экспедиций ИсиБ АН СССР под руководством Н.И.Толстого, сначала в московских отрядах, а потом с отрядами студентов Львовского госуниверситета им. И.Франко (*Антропов...*,

1995); материалы хранятся в ПА ИсиБ РАН. Помимо этого были выезды в среднюю полосу России, в Карпаты и Закарпатье.

Тема «народная медицина» и поиски сведений магико-мистической сферы от «посвященных» были для меня важны изначально, но с Полесских экспедиций стали основными. В полесских и среднерусских экспедициях у меня были наиболее интересные контакты и наблюдения над интересующим меня **знанием** и заговорно-заклинательной традицией. В количественном отношении подобные вещи измерить крайне сложно, может быть, даже невозможно, да, пожалуй, и не нужно. Любое общение с человеком **знания** бывает крайне своеобразно и высчитать в % полученное от него нереально.

В книге я привожу самые показательные образцы материала. Однако по тексту очевидно, что раскрытие смысла **знания**, его специфики связано в основном с именами «посвященных», практикующих преимущественно в Москве и прошедших дополнительное специальное обучение. Это вполне естественно, поскольку «посвященные», практикующие в своих деревнях по традиции, обычно затрудняются в объяснениях или стараются давать их как можно меньше из суеверных соображений. Замечу, что в данном случае качество раскрытия сути материала не зависит напрямую от его источника и количества.

Закономерно эволюционирующая и модифицирующаяся ныне традиция позволяет освоить основы, базу **знания** с помощью либо «знающих» (овладевших **знанием** на курсах или по литературе), либо «посвященных», получивших дополнительное образование, в то время как материнское русло традиции дает возможность перепроверить в ней многие сделанные ранее предварительные заключения и выявить те аспекты традиции, которые невозможно обнаружить в видоизменном научном знанием «целительстве», например. Однако именно среда «народных целителей» оказывается обогащенной сверхновыми научными знаниями, которые она синтезирует с известными ей традиционными практиками и религиозно-мистическими учениями Востока и Запада.

Полагаю, что именно с обзора новых теоретических сведений из области фундаментальных естественных наук и следует начать

экскурс в магико-мистическое знание, чтобы попытаться взглянуть на привычный фольклорно-этнографический материал с иной точки зрения.

.....

1. Специальные термины, используемые в работе (там, где речь идет о проблемах народного целительства, экстрасенсорики, общей биоэнергоинформатики), в значениях, принятых в биоэнергоинформатике (эниологии, парапсихологии, психотронике), см. словари: *Дождиков...*, 1993; *Наумов...*, 1993; *Маркон*, 1994; *Харитонова*, 1994. О понятии и основах "биоэнергоинформатики" - *Волченко*, 1995. Научно достоверное исследование феномена ясновидения Евангелии Димитровой Гуштеровой ("Ванги") осуществлял в 60-70-е годы болгарский проф. В. Добриянов. На основе проведенных экспериментов и интервью с Вангой, а также ее перцепиентами Добрияновым был написан солидный труд, который он не успел издать. Рукопись еще при жизни автора была переведена на русский язык к. биол. н. С. Б. Стефановым (в настоящее время русскоязычный вариант рукописи находится у вдовы С. Б. Стефанова - Л. В. Стефановой; издание оригинала книги в Софии осуществила вдова проф. В. Добриянова). О специальном методе статистической работы с Вангой - *Стефанов*, 1994.

СОВРЕМЕННЫЕ НАУЧНЫЕ КОНЦЕПЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ «МАГИКО-МИСТИЧЕСКОЙ» СФЕРЫ

Нормальная наука занимается по сути только решением задач: ее результаты в основном predetermined самой парадигмой, она производит мало нового. Главное внимание уделяется способу достижения результатов, а цель состоит в дальнейшем оттачивании ведущей парадигмы, что способствует увеличению сферы ее применения. Следовательно, нормальные исследования кумулятивны, так как ученые отбирают только те проблемы, которые могут быть решены при помощи уже существующих концептуальных и инструментальных средств. Кумулятивное приобретение фундаментально новых знаний при этих обстоятельствах не просто редкостно, а в принципе невероятно. Действительное открытие может произойти только в том случае, если не сбудутся предположения относительно природы, методов и средств исследования, основанные на существующей парадигме. Новые теории не возникнут без разрушения старых воззрений на природу.

(Гроф Ст. "За пределами мозга")

К концу 80-х годов в бывшем СССР магико-мистическая практика различного рода перестала быть "табуированной" или официально "закрытой" темой для исследований, а сама деятельность такого плана - запрещенной. Естественно, сразу же проявились не только положительные, но и отрицательные моменты, связанные с вседозволенностью обращения к тайному, сакрализованному знанию. Впрочем, негатив открытия "кувшина Пандоры" более значим для нравственного здоровья общества, "экологии сознания", а не для беспристрастного изучения явления и его места, роли в культурной традиции. Создававшаяся ситуация позволила, наконец, гуманитариям познакомиться с литературой и экспериментальными исследованиями в той области, которую большинство из них считали полуфантастической.

Открывшееся поле научной деятельности привлекло многих, кто ранее и не помышлял о подобных занятиях. Это породило некомпетентность в исследовательских суждениях, схожую с шарлатанством в практической "магико-мистической" деятельности тех, кто неожиданно обнаружил в себе задатки экстрасенсов,

шаманов, колдунов. К сожалению, научная разнородность занимающихся в настоящее время проблемами эниологии (науки о парапсихологических и близких им необычных явлениях) (1), а вместе с тем странная особенность некоторых ученых изобретать собственный терминологический словарь и "открывать Америку" даже в своей области знания приводит к тому, что обобщить наработанное оказывается необычайно сложно. Помимо этого, основы знания, породившего и поддерживающего в живом состоянии магику-мистическую практику, лежат в сфере теоретической физики, квантовой механики, нейрофизиологии, где гуманитарий не может проверить и оценить достоверность предлагаемых концепций, гипотез, описаний экспериментов.

Как можно было ожидать, в области исследования парапсихологических проблем сложилась ситуация научного взаимонепонимания или недопонимания: гуманитарии используют факты, известные им из естественных наук и психологии, трактуя их в силу собственной осведомленности; естественники пытаются обращаться к гуманитарным знаниям, оценивая в силу своего естественнонаучного образования фольклорно-этнографические материалы - например, считая былички, легенды, заговорно-заклинательные акты абсолютно достоверными фактами, как минимум. Особенно ловко с "колдовством" раздельваются журналисты (*Горбовский, 1993*). В самом сложном положении, вероятно, оказались медики: те из них, кто стал врачом-целителем, ищут истоки своего нынешнего статуса в далеком прошлом, создавая "новую историю и теорию" духовной, а порой и материальной культуры. Предельно "оригинальны" труды целителей с невысоким уровнем образования, отличающиеся установкой на вседозволенность трактовок и полную автономность от принятых в науке положений, что авторы объясняют особой степенью "посвященности", "высокой духовности" или приобщенности к тайному знанию.

Один из современных практиков, претендующий на абсолютность знания - Е.И.Зуев, составил книгу "Древо целительства" (*Зуев, 1995*). Автор представлен издательством "Советский спорт" как "Посвященный Целитель" (с.111) и "известный народный целитель в пятом поколении"; он является президентом Высшей академии социально-трудовой адаптации и древнерусского целительства. Последнее особенно настораживает. Будучи, так сказать, главой "древнерусских

целителей". Е.И.Зуев считает возможным в книге, тираж которой 15 тысяч экземпляров, изложить собственную теорию о "корнях современного целительства" и "Целительстве на Руси" (с. 4-5). Он предлагает свое толкование понятий "блаженный", "бесноватый", "кликуши", "пророк-проригатель", "юродивый" - разумеется, достаточно далекое от реально имеющихся в культурной традиции и принятых в науке. Ср., напр.: "Бесноватый - это тип биоэнергетика. (...) Он воздействует своей энергией, которой переполнен. (...) При встрече с ним вы всегда опутите его суетливостью. Более комфортно он чувствует себя, когда занимается лечением или другим способом отдает себя людям..."; "Юродивый - кладезь добра и света. (...) Его сущность - смех, появляющийся из ничего и уходящий в никуда. (...) Он - Божий человек, поэтому всякие рассуждения о нем - лукавое мудрствование..."; "Кликуши - их в народе называют "беснуоупимися". Они обладали способностью к ясновидению, энерговоздействию, предсказательству. (...) На этой ступени целитель не пуждается в мирских знаниях..."

Самое любопытное то, что, по Е.И.Зуеву, названные категории душевнобольных или почитаемых церковью (напр., Иоанн Крошггадтский причислен к кликушам) составляют основу древнерусского целительства. Автор дает пояснение: "Помимо них существовала другая группа не имеющих благодати, но обладающих познаниями в определенных областях: лекари-знахари, костоправы, бабки-повитухи, колдуньи, пользующиеся различными заговорами и приворотными средствами. Различие между двумя этими группами принципиальное: лекарь - лечил, целитель - исцелял" (с. 4). Естественно, в этом труде, как и в большинстве других изданий такого рода, ссылки на научную и иную литературу не даются, даже если автор переизлагает известные системы восточного массажа и прочее.

При всех сложностях и неразберихе в сфере вновь рождающейся и активно развиваемой людьми с различным образованием науке, которую все чаще предлагают именовать то "эниологией", то "биоэнергоинформатикой" в отличие от ранее распространенных "парапсихологии", "психотроники" (2), в настоящее время в ней уже видно рациональное зерно. Но это - увы - вовсе не означает, будто новые концепции поняты и приняты всем научным сообществом.

Несколько десятилетий назад академик В.И.Вернадский сетовал по поводу непризнанности и неприятия того, что многие из исследователей не понимали и не воспринимали: «Явления, о которых я здесь говорю, - подчеркивал он, - начинают охватываться научным исканием; они во всяком случае мало изучены, хотя мне представляется легкомысленным и не отвечающим положению дел часто встречаемое резко отрицательное к ним отношение. Это явление телепатии и аналогичные парапсихологические явления»

(Вернадский, 1975). Можно сказать, что человеческое мышление с тех пор изменилось слишком незначительно, а в пределах ортодоксальной науки – и вовсе не произошло никаких видимых сдвигов, хотя в настоящее время на «парапсихологические темы» написано множество серьезных работ.

О природе сенситивной деятельности человека есть ряд убедительных естественнонаучных гипотез. Оставив экзотику современной физики за пределами книги, попробую кратко отреферировать основное, без чего реализм магики-мистической практики будет казаться, как и прежде, совершенно надуманным.

Одна из теорий, претендующих на объяснение психофизических странностей нашего мира, – теория резонансно-полевого взаимодействия – изначально была выдвинута в области биологии (Дубров, 1973; 1980; 1989). Ее автор – биофизик, доктор биологических наук А.П.Дубров, позже распространил идею резонансно-полевых взаимодействий на более широкий круг явлений (Дубров, 1993).

А.П.Дубров, исходя из изучения телепатии, психо(теле)кинеза, трансформации материи, предположил, что физической основой подобных явлений может быть "способность человека создавать биогравитационное поле (что, впрочем, по устному сообщению Е.А.Акимова, вызывает возражения со стороны физиков. В.Х.) и черпать энергию из состояния, называемого биовакуумом" (Дубров, 1993: 17) "Под этими понятиями (биогравитационное поле и биовакуум, – В.Х.) подразумевается способность человека в результате психической деятельности создавать два вида физических явлений – поле-силовую компоненту, сходную в ряде свойств с гравитацией, и особое биовакуумное состояние, способное к созданию виртуальных полей и частиц с нулевой энтропией, наподобие физического вакуума. Оба этих психофизических процесса тесно связаны друг с другом, и указывают на то, что человек способен взаимодействовать с фундаментальными природными процессами преобразования вещества, полей и энергий" (Дубров, 1993: 17-18).

Учитывая многочисленные парапсихологические факты, а также возможность повторения многих из них в ходе экспериментов в лаборатории, А.П.Дубров предположил, что "в Природе существуют виды полевой материи, возникающие в результате психической

деятельности, формируемые и направляемые сознанием человека. Сознание способно создавать не только образные мыслемоформы, но и объективизировать их по своему желанию из виртуальных частиц. Из этого следует, что сама мысль, возникающая у человека, представляет собой универсальную энерго-полевую субстанцию, способную трансформироваться в любые виды материи и взаимодействовать с виртуальными частицами и полями физического вакуума" (Дубров, 1993; 18).

С точки зрения этого автора и некоторых других исследователей "биограви́тация, биовакуум и энерго-полевая универсальность мысли являются доказанными фактами" (Дубров, 1993; 19) (4). Так называемое "биополе" человека "возникает за счет резонансно-полевого взаимодействия с физическим вакуумом" (Дубров, 1993; 21). Это поле вибрационно, имеет широкий спектр частот. А.П.Дубров поясняет: "...тело живого организма резонирует на воздействие вакуума и как бы "излучает" свою вибрационную энергию. Ее спектр, плотность, мощность, вектор зависят от многих параметров организма - квантово-механических состояний, его атомно-молекулярных ансамблей, различного рода кооперативных эффектов в нем и суперпозиции разного типа полей, частиц, энергий. Все это создает вне организма то, что можно назвать интегральным биологическим полем" (Дубров, 1993; 21).

Идея биограви́тации связывается со способностью человека входить в вакуумное состояние; в таком состоянии человек имеет возможность оперировать виртуальными частицами собственного и физического вакуума (Кобозев, 1971; Targ R., Puthoff H., 1972, 602).

Правомерность авторской гипотезы подтверждается многочисленными документально засвидетельствованными экспериментами, которые показали, что "особо одаренные индивидуумы и обычные люди способны в результате психической деятельности:

- взаимодействовать психокинетически с предметами, изготовленными из любого по качеству материала (дерево, металл, пластик, керамика, стекло) - передвигать их, подвешивать в воздухе и т.д.;
- воздействовать психокинетически на приборы, измеряющие силу тяжести, ее градиенты и изменения - гравиметр, весы, маятник;
- воздействовать психокинетически на приборы, измеряющие различные виды магнитных и электромагнитных полей и излучений - ионизационную камеру Вильсона, счетчик Гейгера, магнитометр, термистор, фотосопротивление и т.д.;
- воздействовать психокинетически на металлические и кристаллические тела - изгибать, деформировать, разрывать, раскалывать их;

- воздействовать психокинетически на период полураспада радиоактивных элементов;
  - изменять психокинетически траекторию светового луча или прерывать действие лазерного луча на мишень;
  - создавать путем мысленного усилия любой вид электромагнитного излучения во всем диапазоне частот и энергий;
  - создавать любой вид вещественной материи и энергии с помощью мысленного усилия;
  - преодолевать за счет "мысленного туннельного перехода" физические барьеры, стенки, экраны, обычно недоступные для прохождения материальных тел;
  - взаимодействовать с веществом на атомарном уровне;
  - перемещать психокинетически материальные тела за счет делокализации в метризуемом пространстве;
  - засвечивать фотошленку при любом типе защитного экрана;
  - превращать пси-энергию в любые виды частиц, полей, энергий"
- (Дубров, 1993: 19) (3).*

Предлагаемый подход, вызывающий возражения физиков по поводу реальности «биогравитации», объясняет многое в явлениях, которые в среде ученых-гуманитариев принято считать несуществующими, либо же приписывать им не физическую сущностную природу, а возможность появления за счет особенностей психики у людей, склонных к излишнему фантазированию или наделенных большим воображением. Интересно, что у профессиональных психологов, например, у соавтора А.П.Дуброва по книге "Парапсихология и современное естествознание" доктора психологических наук В.Н.Пушкина, теория не вызвала возражений *(Дубров..., 1989)*.

Обоснование концепции "биоэнергоинформатики" предлагает в своих трудах В.Н.Волченко - доктор технических наук, профессор, руководитель лаборатории "Биоэнергетика и информатика" МГТУ им. Баумана *(Волченко, 1995; 1995а)*. Он рассматривает Вселенную как живую сложную голографическую систему, включающую вещественный и "тонкие" информационные миры сознания в их единстве, считая приоритетным Сознание.

Сознанием пронизано все ("живое" и "неживое"), но в разной степени. Важнейшими характеристиками жизни являются "информативность" и "энергия". В пределах перехода от биологической формы жизни к тонкому миру сознания "информация" стремится к бесконечности, а "энергия" к нулю. Проникновение человека в тонкие миры происходит через "информационно-энергетический барьер", что возможно при телесной смерти, во сне, в трансе, во

время творческих озарений, при экстрасенсорных взаимодействиях, в гипнотических или наркотических состояниях. В тонком мире предполагается существование "информационных полей" разного уровня, которые являются носителями и хранителями "информации".

В описаниях тонкого мира невозможно обойтись без эзотерических сведений: наиболее достоверными В.Н.Волченко полагает модели космогонии Розенкрейцеров (*Холл, 1993; Гендель, 1994*), а также сведения из дао, йоги, герменевтики. Такой подход базируется на идее творения Вселенной и рассмотрении нашего сознания как триединого: Интеллект + Душа + Дух. Автор полагает, что его теория является развитием теории ноосферы В.И.Вернадского (*Вернадский, 1975; 1991; Казначеев, 1989*) и особенно идей ученика В.И.Вернадского французского философа Тейяра де Шардена (*Тейяр де Шарден, 1987; Казначеев, 1985*).

В свете своих исследований В.Н.Волченко приходит к выводу, что возможны, но недопустимы различные формы манипулирования человеческим сознанием, а также признает реальность, практическую пользу и приоритетность методов традиционной народной медицины.

Остановимся несколько более подробно на идеях теоретической физики, которых придерживается профессор В.Н.Волченко и многие другие исследователи необычных парапсихологических феноменов. Среди наиболее достоверных и обоснованных научных концепций специалисты называют работы А.Е.Акимова (*Акимов, 1991*), Г.И.Шипова (*Шипов, 1993*), В.Е.Жвирблиса (*Жвирблис, 1994*), Ю.А.Фомина (*Фокин, 1995; 1996*) — это теория торсионных полей; теория физического вакуума; теория многомерного пространства. Представляется, что наиболее достоверные исследования в этой области опираются на теорию физического вакуума и первичных торсионных полей (полей кручения, порождаемых угловым моментом вращения; понятие введено в 1922 г. французским математиком Э.Картаном).

Библиография работ по проблемам торсионных полей включает более 12 тыс. наименований собственно научных исследований. Она была подготовлена на физическом ф-те МГУ им. М.В.Ломоносова (где на кафедре теоретической физики существует специализация по торсионным полям) и по инициативе доктора Хелля, профессора Кельнского университета, издана в Германии.

Наиболее серьезные разработки данного направления велись Межотраслевым научно-техническим центром ВЕНТ. В настоящее время они сконцентрированы в Международном институте теоретической и прикладной физики РАЕН, которым руководит академик РАЕН А.Е.Акимов. Там уже созданы приборы, регистрирующие сверхслабые сенсорные сигналы (Бобров, 1994).

Физические основы и принципы магико-мистической практики легко объясняются через теории торсионных полей и Физического Вакуума. Физики предполагают: «Существуют теоретические и экспериментальные основания считать, что торсионные поля на уровне вещества и первичные торсионные поля являются физической основой Сознания, Мышления и Памяти» (Акимов, 1999: 12; Акимов... 1996). На названные теории можно опереться потому, что «торсионные поля – это не просто некая красивая теоретическая конструкция. Это – научная концепция, за которой стоит большая экспериментальная база; часть ее уже имеет выход в промышленные технологии» (Акимов, 1999: 24). Остановимся на ее изложении подробнее, используя популярные разъяснения А.Е.Акимовым.

Теория исходит из того, что «в природе помимо гравитационного поля, порождаемого массами, и электромагнитного, порождаемого зарядами, существует еще одно универсальное поле, известное в физике как торсионное – поле кручения. Оно порождается спином, или угловым моментом вращения, и является таким же материальным, как и все остальные. Было показано, что переносчиком торсионных воздействий является физический вакуум – специфическая материальная среда, заполняющая все пространство Вселенной. Во времена Ньютона эту среду называли *эфиром*» (Акимов, 1999: 22).

Согласно современным физическим представлениям (Шипов, 1993), выделяются семь уровней реальности: 1) твердые тела; 2) жидкости; 3) газы; 4) плазма (элементарные частицы); 5) физический вакуум; 6) первичные торсионные поля; 7) Абсолютное «Ничто». Первые четыре уровня оцениваются физикой как вещество, последующие три – как поля; 5-7 уровни – уровни так называемой «Субъективной физики». «В действительности эти три уровня являются с физической точки зрения более широкой категорией, чем

поля. Так, физический вакуум (5-й уровень реальности) является самостоятельной категорией материи, хотя в определенных поляризованных состояниях он проявляет себя как универсальные поля – электромагнитное, гравитационное, торсионное.

(...) Представляет особый интерес иерархия уровней реальности Субъективной физики. Абсолютное «Ничто» порождает первичное торсионное поле, первичное торсионное поле порождает Физический Вакуум, в свою очередь порождающий элементарные частицы, из которых возникают атомы, составляющие основу мира вещества. Последние утверждения являются общепринятыми в современной физике.

Если три уровня субъективной физики: Абсолютное «Ничто», первичное торсионное поле и Физический Вакуум рассматривать как обобщенное понятие Физического Вакуума, то следует признать, что Физический Вакуум в этом смысле является источником ВСЕГО» (Акимов, 1999: 12-13).

«Пустота» физического вакуума объясняется его характеристиками: «В неполяризованном состоянии физический вакуум содержит в каждом своем составном элементе – фитоне – как бы два кольцевых волновых пакета, которые вращаются в противоположных направлениях. Физики называют это правый и левый спин. Первоначально они скомпенсированы и суммарный момент вращения равен нулю. Поэтому вакуум себя никак не проявляет» (Акимов, 1997: 27).

Таким образом, Абсолютное «Ничто» проявляет себя через торсионные поля.

«1. Торсионные поля – это поля, порождаемые спином на квантовом уровне или вращением на макроскопическом уровне.

2. Торсионные заряды (источники торсионного поля) – то есть спинующие объекты или объекты с вращением притягиваются, если торсионные заряды совпадают, то есть имеют одинаковый (по знаку) спин или однонаправленное вращение, и отталкиваются в противном случае.

Обратим внимание на то, что закон притяжения – отталкивания имеет на этих уровнях обратное выражение: из физики первых четырех уровней мы знаем о том, что притягиваются противоположные, а отталкиваются однозарядные объекты, в то время как психология предлагает нам вариант закона 5-7 уровней!

3. Стационарный спинующий объект (вращение, параметры которого не меняются) создает статическое торсионное поле. Динамический спинующий объект (параметры вращения меняются, например, есть процессы спина, или

изменение угловой частоты вращения) создает волновое торсионное излучение (Акимов, 1999; 14-15).

«В быту, в нашей повседневной жизни организм любого человека испытывает воздействие в равной мере того и другого: и статического, и волнового торсионного поля. Например, так называемое геопатогенное излучение является проявлением статических полей, а излучения в процессах биорезонансного лечения (целительства) – это проявление, как правило, волновых полей» (Акимов, 1997; 25).

«4. Торсионные излучения передаются информационно, то есть торсионные взаимодействия (воздействия) осуществляются без переноса энергии»

5. Ответствует ослабление (поглощение) торсионных волн (излучений) при прохождении через природные среды. (...)

6. Торсионные волны (излучения) не ослабевают с расстоянием. Для торсионных полей не действует закон обратных квадратов. (...)

7. Групповая скорость торсионных волн (излучений) равна бесконечности, то есть торсионное воздействие независимо от расстояния (см. п. 6) осуществляется мгновенно (...)

8. Средой, через которую распространяются торсионные волны, является Физический Вакуум, который по отношению к торсионным волнам ведет себя как трехмерная голограмма (*Голограмма – структура, любая часть которой несет полную информацию о целом; например – клетка живого организма содержит информацию о всем организме, на чем основана идея клонирования. – В.Х.*)

9. В отличие от электромагнетизма и гравитации, которые порождаются только своими зарядами, – электрическим зарядом и массой соответственно, торсионные поля могут порождаться не только своим зарядом – спином или макроскопическим вращением. Торсионные поля могут согласно современной теории самогенерироваться... Торсионные поля могут возникать как компонента электромагнитного поля (как статического, так и волнового) (...). Торсионные поля могут порождаться формой, когда источником торсионного поля становится, образно говоря, геометрия или топология.

10. Торсионные излучения (поля) порождаются спином, поэтому при действии на материальные объекты, единственно в чем это может выражаться, так это в изменении спиновой структуры этих объектов. При действии торсионного поля на объект возникает (индуцируется) та или иная спиновая система, структура которой определяется пространственно-частотной структурой действующего торсионного поля. Индуцированные спиновые структуры сами являются источниками торсионного поля – психического поля.

Выше уже приводился пример индуцированных полевых спиновых структур – фантомов.

Самостоятельный интерес имеют индуцированные спиновые структуры в веществе. (...) Эксперименты свидетельствуют, что для частот менее 10^{16} Гц возможна как запись торсионной информации на произвольные носители, так и ее стирание» (Акимов, 1999; 14-18).

И еще несколько наиболее важных для нас выводов, связанных с особенностями торсионных полей.

«Сознание (мысль) человека является дополнительным источником торсионных излучений...

Человек насыщает своей энергией каждый предмет при касании...

Современная экспериментальная база свидетельствует, что человек оставляет свой «след» и неконтактным способом. Особенно это проявляется в следе художника в индуцированном его торсионном портрете на картине и тем более ярко проявленном, чем дольше писалась картина, так как при этом удельная спиновая поляризация на единицу объема возрастает.

С изложенных позиций старый вопрос в эзотерике, реален ли невидимый мир, имеет однозначный ответ: да, невидимый мир реален. Реален в той же мере, в какой реально материальное и так же невидимое магнитное поле. Как и магнитное, торсионное поле тоже материально...

...Люди на протяжении своей жизни запечатлеваются сами в своих фантомах. Это позволяет видеть прошлое тому, кому дано воспринимать торсионные поля. Уже сейчас в ряде организаций Академии естественных наук, в вузах и отраслевых институтах ведутся работы, направленные на то, чтобы создать физические приборы для визуализации торсионных полей...

...Вернемся к эффекту запоминания физическим вакуумом полевых торсионных структур (...).

Если физический вакуум может обладать памятью, благодаря чему сохраняются наши образы в пространстве, то его элементы могут быть организованы как элементы вычислительной машины. Тогда подобная «вычислительная машина», созданная на основе спиновой поляризации физического вакуума в масштабах Вселенной, и будет тем, что называется Абсолютом или Всемирным Разумом.

Теперь учтем, что, согласно современным представлениям в области биофизики, мозг может рассматриваться как некая спиновая система, упорядоченная и весьма динамичная, то есть одновременно может рассматриваться и как источник торсионного поля, и как его приемник. Но мы только что констатировали, что физической природой Абсолюта тоже является торсионное поле. В результате оказывается, что Космос позаботился о том, чтобы мы имели физическую возможность достижения прямой связи с Абсолютом без всяких промежуточных устройств.

Напомним, что, согласно ведическим знаниям, каждый человек имеет возможность прямо общаться с Богом. Уточним, что торсионная природа сознания позволяет человеку прямо общаться и с Абсолютом, и с Богом, и с пророками, и с душами умерших, и с другими цивилизациями, что и наблюдается у известной категории людей.

...Признавая торсионную природу сознания, мы снимаем извечный вопрос философии: что первично – сознание или материя? Если фундаментальная доминанта природы сознания – материальное торсионное поле, то такие понятия, как сознание и материя, неотделимы, и вопрос «первичности» оказывается при таком подходе лишеным смысла» (Акилов, 1999).

Очевидно, что теория торсионных полей и физического вакуума позволяет объяснить очень многое (если не все) в магико-мистической практике, а также широко распространенной

биоэнергетике (5): «Сегодня можно однозначно утверждать: все проявления экстрасенсорики связаны с проявлением торсионных полей, которые порождает или воспринимает человек. Можно сказать, что мысль сама по себе имеет материальный носитель в виде первичного и вторичного торсионного полей» (Акимов, 1997: 34). Отметим, что благоприятными для человеческого организма являются «правые» торсионные поля, а неблагоприятными – «левые» (Акимов, 1997: 37).

Обратим внимание на исследование проблем сознания в рамках этих теорий. А.В. Бобров, суммировавший данные современных концепций сознания и проинтерпретировавший их с учетом новой физики, высказал предположение: «Разностороннее рассмотрение проблемы Сознания приводит к выводу: существует высокая степень вероятности того, что в основе его механизма лежат полевые информационные взаимодействия».

Основанием для этого служат следующие факты:

- Современными научными методами в коре головного мозга не обнаружены центры мышления и памяти, а также специфические структурообразования, реализующие функции мышления, памяти и сознания.

- Механизм реализации функций мышления и памяти неизвестен

- Мышление и долговременная память не могут быть реализованы путем распространения нервных импульсов по нейронным сетям головного мозга. Скорость перемещения потенциала действия вдоль нервного волокна и время синаптической передачи не обеспечивают реально существующее быстроедействие механизмов мышления и памяти. Такое быстроедействие при переносе, запоминании и извлечении из памяти ничем не ограниченных объемов информации может осуществляться только на полевом уровне.

- Биологические системы обладают материальной основой для реализации механизма сознания на полевом уровне» (Бобров, 1997: 22).

Современная психофизика (Акимов, 1991; Акимов..., 1995; 1995а; Шипов, 1995) рассматривает Сознание «как некий биокомпьютер, включающий в себя нейронные сети коры головного мозга и Физический Вакуум (ФВ) в некотором пространстве, окружающем кору».

Через ФВ проходит взаимодействие биокомпьютера Сознания индивида с торсионными полями (ТП), образованными другими объектами, спиновая структура которых близка к спиновой структуре мозга. В числе таких объектов могут быть ТП-фантомы –

носители идей и образов, возникшие некогда в процессе их генерации другим индивидом, и продолжившие свое независимое существование в ФВ на неопределенное время. Возникновение и существование таких спиновых структур в Физическом Вакууме подобно возникновению и существованию остаточной намагниченности в ферромагнетиках» (Бобров, 1997а; 25).

А.В.Бобров рассматривает «в качестве основной структурной единицы в механизме межуровневого обмена информацией и основного структурного элемента коры головного мозга, спиновая система которого в составе «мозаики» участвует в создании образа (идеи) на уровне ФВ ( ) возбужденную первую клетку. На уровне ФВ возбужденной нервной клетке мозга соответствует торсионное поле, адекватное спиновой структуре этой клетки, содержащее информацию о его возбужденном состоянии и пространственно-временной дислокации.

На уровне Физического Вакуума образу («мозаике») возбужденных первых клеток) должна соответствовать система торсионных полей этих клеток – сложное характеристическое торсионное поле, адекватное структуре спиновой системы мозга, содержащей информацию о пространственно-временной дислокации всех входящих в состав мозаики возбужденных нервных клеток мозга» (Бобров, 1997а. 27).

С позиции современной биофизики, психофизиологии, генетики, парапсихологии человек устроен так, что деятельность его бессознательного включает постоянную информационную работу с потоками излучений (торсионных полей) в "живой" и "неживой" природе.

Обратим внимание на два важных понятия – энергии и информации - в интерпретации физики и «бытовом» употреблении терминов в современном целительстве, экстрасенсорике. Когда речь идет о «тонких энергиях» или «тонких вибрациях», с помощью которых работают экстрасенсы, то, с точки зрения современного физика, это отображение в случае энергий – частот, а в случае вибраций – понятия квантовых масштабов. При «тонких энергиях» «речь, как правило, идет об объектах, квантовые масштабы которых, достаточно малы. Чем они меньше, тем ближе подходят к понятию «тонкие энергии». Хотя, в действительности, ... энергии там нет. Есть информация. Энергетические процессы являются вторичными» (Акимов, 1997; 36). Добавим, что энергия при этом (напр., электромагнетизм) мешает проявлению информации (эффекту торсионных полей), что показывают специальные эксперименты (Акимов, 1997; 39).

Судя по всему, часть этой информации попадает в зону сознания и интерпретируется им по психологическим законам,

порой воспринимаемая как некое озарение, приток вдохновения или предвидение, предчувствие. Именно здесь возникают сложности разграничения дозированно пропускаемой в сознание информации и собственно сознательных фантазий (а для оценки психики - разграничение нормально-аномального и болезненного).

Исследователи полагают, что "феномен сверхчувствительности может быть представлен как врожденная или приобретенная способность человека переводить в область сознания информацию, внечувственно получаемую посредством специфической рецепции потоков излучений, сопровождающих процессы в живой и неживой природе, использовать собственное поле для целей специфически организованной локации и воздействия на другие объекты, а также сознательно управлять при этом своими способностями, вырабатывая специфическую систему взаимодействия с внешней средой" (*Татаринцева...*, 1996: 65-66).

Интегрально-полевые контакты различных биообъектов могут быть в энергетическом отношении ничтожно малы и слабоощущаемы, но это не говорит о невозможности их восприятия. Современные биофизические и медицинские исследования показывают ошибочность наших представлений о многом, в том числе о качественных и количественных принципах воздействия на биообъект, например, на организм человека. Прочитую мнение доктора медицинских наук, действительного члена Академии военных наук, заслуженного врача РФ В.Е.Илларионова: "Теоретические и экспериментальные исследования в области экспериментальной физики дают основания утверждать, что живые объекты чем-то напоминают макроскопические квантовые эффекты, а это указывает на то, что процесс лечения внешними физическими факторами может быть очень эффективным и протекать с большой скоростью" (*Илларионов*, 1996: 51).

В медицине это связано (по В.Е.Илларионову) с проблемой "доза-эффект". Важно переключение биосистемы в иное функциональное состояние за счет изменения параметров самой системы, а не вследствие увеличения доз воздействия. Данные исследований такого рода как нельзя лучше иллюстрируют успешность работы гомеопатов и эносуггестологов, биоэнерготерапевтов.

В настоящее время существует довольно много достаточно грамотных обоснований возможностей "тонких" воздействий. Все они отражают в основном нынешнее понимание технической стороны процессов (6), давно открытых и осмысленных в эзотерической практике, концепции Агни-йоги (Акимов, 1999; 11-22) - разумеется, если не отображают всего лишь болезненное состояние психики породившего их субъекта.

Видение, углубленное в эзотерическое понимание происходящего на Земле и во Вселенной, представляют в своих трудах те исследователи, которые сами приобщились к практике восточных школ. Например, академик РАЕН физик, кандидат биологических наук Е.А.Файдыш, исходя в своих теоретических научных обоснованиях из синергетики, теории хаоса, а в практической части работы из восточных эзотерических знаний, предлагает весьма любопытную концепцию физической природы основных образований тонкого тела и биополей (Файдыш, 1993; 101-113).

Понятие "биополе" нельзя ассоциировать только с современной целительской терминологией, куда оно вошло недавно, но прижилось там довольно прочно. Этот термин был применен в области современной биологии профессором А.Г.Гурвичем, который пользовался им в своих разработках эмбриогенеза (Гурвич, 1944). Он трактовал это поле как морфогенное, способствующее стереотипности процессов формообразования. Это была попытка хотя бы как-то объяснить, что именно управляет формированием и становлением живого зародыша.

Теория А.Г.Гурвича получила свое зримое подтверждение в 1949 году в ставших со временем знаменитыми опытах супругов В.Х. и С.Д. Кирлиан по фотографии предметов, находящихся в высокочастотных электромагнитных полях (Кирлиан, 1949). Несколько позже В.Н.Пушкин связал "умозрительную" (особенно для времени ее обоснования - 1923 год) теорию А.Г.Гурвича с идеей постоянного контакта земного и космического. Он считал, что жизнь привнесена на Землю из Космоса не в виде живых молекул, а в виде некой силы, способной порождать эти живые молекулы там, где имеются необходимые физические условия (Пушкин, 1980). В настоящее время есть основание предполагать, что понятие

"биополе" терминологически выражено несколько неудачно, так как это "энерго-информационное нечто" свойственно всем физическим (не только биологическим) объектам (Маркон, 1990: 18-19). Физики же идентифицируют его с торсионным полем.

Если верна теория полевых образований, формирующихся в том числе при развитии человека и формирующих его, то вполне естественными и объяснимыми становятся даже традиционные представления, относимые европейской наукой к суевериям: например, понятие о душе - основе человеческого существа - или о болезнях - "сущностях" (полевых образованиях), вселяющихся в человеческий организм. В среде профессиональных медиков в настоящее время распространяется нетипичное для представителей этой профессии понимание человеческого организма как сложного многокомпонентного единства, включающего в том числе определенные тонкие структуры, частично уже поддающиеся отслеживанию с помощью новейших приборов; формируются представления о причинах и сущности заболеваний.

Например, кандидат медицинских наук Н.П.Беляков, работающий много лет как врач и народный целитель, убежден, что необходимо "рассматривать "энергию" как болезнь. Анализ системы "врач-больной-болезнь" привели Н.П.Белякова к мысли о схожести ее по свойствам с представлениями о болезни в народной медицине как о "нечистой силе": "Результаты исследований, их практическая значимость позволили сделать вывод о необходимости рассматривать "энергию" как самостоятельный патогенный фактор, как болезнь, подлежащую уничтожению при нетрадиционном лечении. (...) Анализ информационных связей подсистемы "болезнь" с другими подсистемами выявил сходство этой подсистемы с болезнью с точки зрения народной медицины. Этот вывод является перспективным в отношении изучения структуры "болезни" и механизмов влияния на нее способами народной медицины и методами психотоники" (Беляков, 1995: 19).

Таким образом, современные биология и биофизика, физика и психофизиология, генетика, парапсихология и даже медицина не противоречат многому в знании, которое всегда считалось эзотерическим, и все больше подтверждают правильность древнего видения мира.

Надо отметить, что научный подход к толкованию сущности феномена человека на Земле, сопрягающий свои выводы с эзотерическим знанием, распространяется и на объяснение мироустройства в целом. В первую очередь это имеет отношение к

представлению о многоуровневом устройстве Вселенной, о так называемых "тонких мирах". В настоящее время об этом следует говорить не как о факте научной фантастики, а как о гипотезе (или гипотезах), которые разрабатываются в новом направлении физики познания мира, изучающей вопросы психики и сознания, в том числе на основе необычного человеческого опыта; это направление принято именовать когнитивной физикой.

С позиции данной дисциплины, человек существует в многомерном пространственно-временном континууме. Тонкие миры (ТМ) "представляют собой природные образования с необычными свойствами, связанные с реальным психо-физическим пространством, в котором находится человек, особыми энергоинформационными связями. Необычность свойств ТМ подразумевает отличие их физической метрики и топологии, а особые информационно-энергетические связи человека с ними возможны только при особых измененных состояниях его сознания" (*Дубров, 1995: 54*).

История вопроса о "тонких мирах", принципах работы в измененных состояниях сознания (ИСС) уходит корнями в глубины веков. Что является собой картографируемая многомерная "вторая реальность" (7) - до сих пор остается загадкой; впрочем, не очень понятно и чьей проблемой это картографирование является - физики, психологии или психофизики?

Картины тонкоматериальных миров, фиксируемых в измененных состояниях сознания, различаются в зависимости от этнокультурных традиций, визионерского опыта и даже практико-исследовательской установки переходящего в особое состояние (в том числе экспериментирующего) человека. Необычайно интересны шаманские представления о "тонких мирах". Они отчасти породили длительные споры о шаманизме и шаманах (8), которые не утихают до наших дней. Восточнославянской знахарско-колдовской практике в этом отношении повезло значительно меньше (9), поскольку принципы работы, освоенные славянскими знатоками магии, не связаны по большей части с аффективными способами перехода в измененные состояния сознания - экстазом, трансом и прочим (*Харитонова, 1995: 54-70*), хотя это не означает, что знахарско-колдовская практика не располагает знанием о потусторонних мирах.

Методологически для объяснения многочисленных парадоксальных явлений парапсихологии необходимо учитывать некоторые представления, связанные с оккультными науками, что обычно пугает исследователей больше, чем знакомство с эзотерикой. Но в данном случае можно обратиться и к гораздо более понятной современному человеку тысячелетней практике йоги, знание которой базируется на представлениях о тонких мирах и нескольких тонкоматериальных телах человека (эфирном, астральном, ментальном и др.). Те, кто освоил какую-либо технику погружения в измененные состояния сознания или испытал на себе стороннее воздействие с подобным погружением, не удивятся таким допущениям в научном теоретизировании.

Некоторые исследователи, обратившиеся к "магико-мистической сфере" в смысле знакомства с практикой работы в измененных состояниях сознания, сами стали теоретиками такого рода деятельности (*Харпер, 1994; Файдыш, 1993*). Это относится и к медикам, которые под давлением получаемого ими нового знания начинают задумываться над принципами привычной нам аллопатической медицины, сравнивать их с принципами иных медицинских направлений, каковые в европейской аллопатии принято считать "неправильными" и, якобы, не дающими должных результатов.

Профессиональные медицинские работники, внимательно относящиеся к главному объекту своего воздействия - человеку, приходят все чаще и чаще к выводам, казавшимся совсем недавно странными или даже абсурдными. В настоящее время вполне очевидным становится колоссальный вред, наносимый состоянию здоровья человечества, нашему генофонду аллопатией, притом, что осознается как достаточно безопасная практика гомеопатии, психотерапевтического воздействия, а также рефлексотерапии, мануальной терапии, биоэнергетической, эниосуггестивной коррекции. Состояние современной медицины заставило ЮНЕСКО объявить 1992 год годом нестандартных методов лечения. В печати появились сведения о жертвах медицины европейского типа (10).

Одна из теоретиков современной медицинской науки, профессор кафедры анатомии Донецкого Государственного медицинского университета Р. П. Клещева, анализируя создающуюся

ситуацию, пришла к выводу, что "медицинская терапия вытесняет собственную естественную энергию лечения" в человеческом организме. Большие лекарственные дозы угнетают организм, не давая ожидаемого результата. "При этом возникает еще одна серьезная проблема, - пишет автор, - в официальной медицине утверждалось положение о том, что организм воспринимает химическое вторжение пассивно и благодатно, а это совершенно не соответствует истине. Организм сопротивляется этому вторжению, и постепенно это сопротивление дает эффект, обратный ожидаемому" (Клещева, 1996; 30).

Р.П.Клещева стала руководителем Донецкого отделения нетрадиционной медицины Академии наук нетрадиционных технологий (Украина). Будучи анатомом и обладая сенситивно-экстрасенсорными способностями, она создала свою методику лечения/исцеления человека. Р.П.Клещева убеждена, что "человечество пробуждается от длительной алхимической таблеточной летаргии и медленно, но уверенно поворачивается лицом к "нетрадиционной" медицине" (Клещева, 1996; 31). И она в своих исканиях не одинока (*Научно-практические аспекты...*, 1995; 1996; 1997).

Медицинские работники разного ранга в настоящее время стремятся создавать системы оздоровления человека, базирующиеся не столько на опыте привычной нам западной, сколько на знаниях традиционной восточной медицины, на наработках знахарской практики, на современных представлениях парапсихологического характера (*Неумывакин, 1992*). В первую очередь к таким методикам приходят те, кто сам переболел неизлечимыми в системе аллопатической медицины болезнями и остался жив благодаря иным методам воздействия на организм, или те, у кого подобное случилось с близкими. Параллельно с врачами такие методики "вновь изобретают", точнее, совершенствуют старое, приспособлявая полузабытые целительские системы к нашей сегодняшней жизни, представители немедицинских профессий, столкнувшиеся в свое время с необходимостью самолечения или помощи тяжело болевшим близким (*Семенова, 1991; Гагулан, 1994; Вязьмин, 1995*).

Современная медицинская и целительская практика используют новое понимание "магико-мистического" в прикладном

варианте. Впрочем, в той и другой практике есть особая сфера, где необходимы оценки и трактовки самой возможности осознания подобных вещей: это анализ психического (в сфере психиатрии - в патопсихологии, а в целительстве - в пропагандируемых мировоззренческих системах).

Очевидно, что у авторов новых естественнонаучных концепций и тех практиков, которые, базируясь на них, создают современные методы лечения/исцеления, в настоящее время найдется масса противников. И не только потому, что новые исследования - как было во все времена - на первых порах отрицаются просто за непониманием "странных" идей. Кстати, если вспомнить, что открытие системы кровообращения используют лишь полтора столетия, а лимфатическая система "получила право на существование" всего лет семьдесят тому назад, то как можно требовать в настоящий момент, чтобы все поняли, что такое "энергоинформационная система" или хотя бы привычная для восточной медицинской практики система энергетических каналов? Тем более, что раньше говорилось о "грубой" материи, видимой и осязаемой (кровь, лимфатическая жидкость), а теперь - о "тонкоматериальной" сфере, проникновению в которую необходимо учиться, если Бог не дал способности ее ощущать.

Фактически, речь должна идти о некоем новом, несвойственном европейцу-рационалисту представлении о психике и сознании - сознании, организующем материю; сознании, пронизывающем различные, известные нам более или менее, степени существования мира (микро-, макро- и мегамир). Наш современник, широко известный математик В.В.Налимов подчеркивал в одной из своих работ, что представление человека о сознании должно быть достаточно широким (Налимов, 1989); только это позволит ему приблизиться к более объективному пониманию мира. Однако осознание того, что миром управляют тончайшие энергоинформационные процессы, непосредственно связанные с психоэнергетической творческой деятельностью человеческого сознания, скорее всего, под силу тому, кто воспринимает мир интуитивно, многослойно и комплексно.

Любопытно, что в истории нашей культуры о разграничении вариантов постижения сущности вещей как о противоположных способах, рационального и

интуитивного овладения знанием размышлял Л.П. Голетой, которого Индия читит наряду с Великими Махатмами, а ясновидящая и официальная предсказательница Вашингтона Джейн Диксон внесла в свой список десяти великих медиумов мира (наряду с евангелистом Иоанном, пророком Исайей, Пострадамусом и Сведенборгом) (*Эзотерика...*, 1991; 536-537). Именуя рациональный способ познания "непониманием", а интуитивный - "пониманием", он писал в предисловии к трилогии "Детство", "Отрочество", "Юность" (черновой вариант): "Трудно и даже, мне кажется, невозможно разделять людей на умных, глупых, добрых, злых, но понимающий и непонимающий - это для меня такая резкая черта, которую я невольно провожу между всеми людьми". Далее писатель охарактеризовал понимание как человеческую особенность, что "способствует нам мгновенно осознавать те тонкости в людских отношениях, которые не могут быть постигнуты умом. Понимание не есть ум, - считал он, - потому что, хотя посредством ума можно дойти до сознания тех же отношений, какие познает понимание, но это сознание не будет мгновенно и потому не будет иметь приложения. От этого очень много есть людей умнейших, но не понимающих; одна способность несколько не зависит от другой".

Покажут, с разграничением *ratio* и *intuitio* нельзя не согласиться, как и с особенностями того и другого способа овладения знанием (особенно в свете новейших данных о возможностях научения индивида выходу в Информационное Поле), но вряд ли можно утверждать, что одно несоединимо с другим в конкретном человеке. Как правило, каждый из нас выбирает путь познания и придерживается его, что обеспечивается жесткостью границ между сознанием и подсознанием, бессознательным у каждого конкретного индивида, однако рациональное и интуитивное обычно все-таки сочетается в человеке, а, как показывают новейшие научные достижения в области психологии и энологии, "интуитивному" способу познания можно научить, как и "рациональному" - впрочем, с учетом степени одаренности человека (*Харитонова, 1995; 116-130.*)

Человечество подошло к постижению того, что принято называть сферой психоэнергетического. Нельзя сказать, будто это случилось сегодня. Во-первых, всем известно, что так называемые "посвященные" (люди, имеющие трансцендентный опыт) владели некой странной суммой знаний о психоэнергетике и энергоинформатике издавна; во-вторых, уже европейский психоанализ достиг многого в этом направлении (11):

К-Г Юнг в Предисловии к "Тибетской книге мертвых" (*Юнг, 1992; 14-15*) писал: "Единственная разновидность посвящения, которая известна в настоящее время на Западе, - это анализ бессознательного, осуществляемый врачом с психотерапевтическими целями. Такое проникновение в лежащие ниже уровня сознания слои - есть разновидность рациональной майевтики по Сократу: выявление психического содержания, в зародыше пребывающего в подсознании. (...) Психоанализ Фрейда - подчеркнул автор - по существу не пошел дальше

области Сидпа (третья область потусторонних путешествий умершего по Бардо, - В.Х.). (...) К несчастью, европейский ум достигает на этом своего предела. Можно, казалось бы, ожидать, что психоанализ Фрейда успешно проникнет в область так называемых внутритрубных переживаний и пойдет дальше; произойди это - и психоанализ покинул бы область Сидпа и проник в нижние слои Ченид. (...) Если бы путешествие все-таки удалось продолжить, это наверняка привело бы к постулату о предутробном существовании..." (Ср. с концепцией трансперсональной психологии: *Гроф, 1994; Мунделл, 1996; ср. также: Кейпер, 1986, 112-146*)

Далее К.-Г.Юнг интерпретирует область Ченид как сферу кармы, но предлагает понимать западному читателю эту странную категорию восточного знания о вневременности жизни с бесчисленными воплощениями как "психическую наследственность (в самом широком смысле этого слова)" (*Юнг, 1992; 17*).

Автору вполне удалось перекодировать восточное знание в западное: "Психическая наследственность действительно существует, поскольку наследуются такие психические характеристики, как черты характера, творческие способности, предрасположенность к определенным болезням и т.п., причем психическая сущность этих сложных явлений ничуть не страдает от того, что естественные науки сводят их к тем или иным физическим явлениям (ядерные структуры в клетках и т.д.). Среди наследуемых психологических характеристик имеется класс свойств, не зависящих ни от рода, ни от расы, к которым принадлежит индивидуум, - универсальные характеристики сознания. Их следует понимать по аналогии с платоновскими формами (eidola), в соответствии с которыми сознание организует свое содержание. Можно описать эти формы как категории, аналогичные логическим категориям, этим основным предпосылкам разума. Однако "формы", которые имею в виду я, относятся не к разуму, а к в о о б р а ж е н и ю" (*Юнг, 1992; 17*).

Известно, что сам Юнг не стремился к вторжению в сферу "запредельного воображения", однако постюнгянские исследования и практика работы в области глубинной психологии не чурались подобных экскурсов.

К.Г.Юнг стал первооткрывателем нового подхода к духовности, к оценке трансцендентной сферы. Почти параллельно методам и теории широко известного швейцарского психолога в Италии был создан оригинальный психотерапевтический метод, получивший название психосинтеза. Его автором был Роберто Ассаджиоли. Юнг и Ассаджиоли предложили принципиально иное отношение к сфере духовного, иные интерпретации психического, а также взаимодействия психического и физического

С 60-х годов на Западе стало активно формироваться и развиваться не просто иное отношение к духовной сфере человека, но новое экспериментальное направление в психологии (трансперсональная психология), новые методы работы с психической сферой, позволяющие заглянуть в глубины

трансцендентного. Важнейшим завоеванием нового направления было альтернативное понимание психозов, сформулированное в работах психиатров Т. Заза (Szasz, T. *The Myth of Mental Illness*. N.Y., 1961), Р. Д. Лэинга (Laing, R.D. *The Politics of Experience*. N.Y., 1967), К. Дабровского (Dabrowski, K. *Positive Desintegration*. Boston, 1964). Для отечественных медиков и сейчас представляется странным объявление таких диагнозов как шизофрения, маниакально-депрессивный психоз и инволюционная депрессия, по сути дела, психиатрической выдумкой, во всяком случае, как указал Р. Д. Лэинг, эти клинические термины «до сих пор не удалось связать ни с какими органическими повреждениями» (*Духовный кризис...*, 1998, 77). Психиатры смогли увидеть за страданиями пациентов психиатрических лечебниц глубокие трансперсональные переживания, связанные с измененными состояниями сознания, им удалось разработать методы, способствующие обновлению и обогащению человеческой личности в результате духовной практики.

Но, пожалуй, наиболее близко к освоению сферы запредельного, закрытого для человека **знания** подошла в своих исследованиях трансперсональная психология (обзор литературы: *Духовный кризис...*, 1998: 279-286) в ее Грофовском варианте (12).

Путешествия в бессознательное с помощью ЛСД и методики холотропного дыхания привели психиатра Ст. Грофа, его коллег, пациентов и испытуемых к встрече с запредельным, которое он не побоялся начать исследовать. Любопытно, его способы введения человека (условно говоря) в преджизнь или предсостояние позволяют проследить все то, что отслеживают психоаналитики путем работы с сознанием, контактируя с бессознательным. Если психоаналитик старается работать, актуализируя бессознательное, переводя образно-эмоциональное в логическое, то трансперсональная психология дает значительно большую свободу действия правому полушарию мозга (именно оно, как известно, отвечает за образно-эмоциональную сферу деятельности) и не боится переступить порог рождения. Ст. Гроф составил образно-психологические странствия своих пациентов с периодами их жизни и рождения, включая внутриутробное развитие и нечто предшествующее ему (*Гроф, 1993; 1994* и др. труды автора). В последней своей фундаментальной работе (*Гроф, 1997*) он предложил концепцию существования и развития Вселенной, места и роли человека в ней.

Еще более интересным представляется сопоставление этих путешествий из сознания через подсознание в бессознательное со сведениями о практике выведения людей из коматозных состояний (*Минделл, 1998*), с упоминавшейся уже "Тибетской книгой мертвых", данными о жизни после смерти (см.: *Мойоди, 1991*;

Жизнь..., 1991) и биофизическими данными о поэтапном отключении мозга после момента констатации физической смерти.

Постижением глубинных слоев психики всегда занимались мифология и религия, литература и философия, что также давало возможность приблизиться к пониманию сущности психоэнергетического и даже энергоинформационного (13). Нельзя не упомянуть в этом контексте уникальный труд нашего соотечественника С.М. Широкогорова „Psychomental complex of the Tungus». London, 1935, p. XVI + 469 (Reprinted in 1982 by AMS Press, New York) до сих пор не оцененный российской наукой.

Объединенные усилия психиатров, психологов и культурологов (в первую очередь мифологов и религиоведов) позволили привлечь эзотерическое знание, заложенное в культуре, для более глубокого понимания того, что лежит за пределами человеческого сознания. Книги мифолога *Джозефа Кэмпбела*, психолога *Абрахама Мэслоу*, этнолога *Мирича Элиаде*, этнолога и психолога *Хольгера Кальвайта*, этнолога *Джоана Халифакса* и, конечно же, уникальное изложение шаманской практики этнологом-шаманом *Майклом Харнером* дали возможность непредвзято оценить страдания и эйфорические переживания человеческой души, вырвавшейся на время из телесного плена, картографировать «психические миры», доступные человеку в ИСС, а также предложить различные варианты тренингов для достижения ИСС и работы в таких состояниях. Разумеется, этому способствовали в значительной степени работы тех авторов, которые были знакомы с восточными знаниями о психическом и техниками пробуждения скрытой в человеке духовности. Благодаря западному увлечению практикой йоги, техникой пробуждения кундалины, многие не просто научились преодолевать собственные психические кризисы, но обрели и развили свои парапсихологические способности. Эта тема была всесторонне исследована в работах *Чарльза Тарта* (Tart, С. PSY: Scientific Studies of the Psychic Realm и др.), *Стэнли Криппнера* (Krippner, St. Human Possibilities. N.Y., 1980 и др.). Запредельное перестало быть религиозно-мистической тайной для современного человека, а основы магико-мистической практики стали доступны каждому, желающему их постичь.

Нынешнее видение Человека и Вселенной заставляет говорить о сферах психоэнергетического и энергоинформационного не как о мифологическом плане восприятия действительности, но как о реальности. За этим кроется понимание мира, предложенное В.И. Вернадским (*Вернадский, 1975; 1991*), его учеником П.Тейяром де Шарденом (*Тейяр де Шарден, 1987*) и их последователями (*Волченко, 1995* и др.). Гипотеза о существовании ноосферы, хранящей - как информационный банк данных - любую информацию (в самом широком понимании термина) и представляющей ее при правильном востребовании пользователю (ср. с коллективным бессознательным К.-Г. Юнга), довольно просто и естественно объясняет все то, что происходит в сфере магики-мистического.

Обращение к подобным теориям свидетельствует: предлагаемая концепция магики-мистических и заговорно-заклинательных техник, практики и традиции в целом строится на понимании того, что любое обретение нового знания, включая постижение реальности в результате творческого процесса, базируется не на простом "достраивании" уже известного из более ранней практики, а, как минимум, на синтезе реального знания и творческого озарения за счет прорыва в бессознательное - «Сверхознание».

Все то, что связано с воображением (в том числе галлюцинаторным), творческой фантазией, вдохновенными озарениями (экстатическими состояниями), имеет самое непосредственное отношение к глубинному бессознательному. Анализируя "Тибетскую книгу мертвых", К.-Г.Юнг писал: "Так как плоды воображения в принципе визуальны, их формы с самого начала должны характеризоваться как образы и более того - как типичные образы (вот почему, следуя бл. Августину, я называю их "архетипами"). (...) Фантазии, имеющие архетипическую структуру, возникают самопроизвольно и в любое время и в любом месте, даже если всякая возможность для их заимствования отсутствует. Исходные структурные компоненты души столь же поразительно единообразны, как части человеческого тела. Архетипы - это, так сказать, органы человеческой души, извечно наследуемые формы и идеи, которые сами по себе лишены определенного содержания, но обретают его в течение жизни человека, чей опыт заполняет эти формы" (*Юнг, 1992: 17-18*).

Вопросы о визуализации образов, порождаемых нашим воображением (в процессе актуализации которого задействованы сознание + подсознание + бессознательное), о структурных константах психического (точнее, психоэнергетического), проявляющегося в результате деятельности воображения, исследуются сейчас с помощью компьютерной техники. Со времен Юнга наука уже сделала шаг вперед, и то, что гениальный психолог мог только гипотетически предположить и теоретически обосновать, теперь демонстрирует компьютерная графика. Например, работа с фрактальными множествами (*фрактал — структура, состоящая из многочисленных повторений одного фрагмента*) в компьютерном варианте позволила подтвердить то, что было известно Юнгу, и — как знание эзотерическое — шло из глубокой древности. Эти исследования демонстрируют реальность психоэнергетических структур тонкого тела человека, фрактальность их геометрических форм.

В книге "Карма и психотравмы" Е. А. Файдыш пишет о том, что "форма таких психоэнергетических структур, их геометрия отражает и их поведенческие особенности, т. е. именно те мотивации, желания, стереотипы поведения, какие они активизируют у человека. Иными словами, агрессивность порождает один тип геометрических форм, сексуальность — другой, страх — третий и т. д., т. е. внутренняя природа объекта проявляется в его внешней структуре. Это одно из отличительных свойств живых систем. Если мы обратим внимание на биохимический уровень нашего организма, то увидим там аналогичную картину. Каждое химическое соединение, молекула имеют свою специфическую форму. На распознавании этой формы и строится работа системы биохимической защиты, нашего иммунитета. (...)

Следует подчеркнуть, что такое соответствие формы и содержания бывает отнюдь не всегда, как правило, в технических системах оно отсутствует" (Файдыш, 1995: 41)

Подтверждением тому, что воздействие "магико-мистического" характера — реальность, являются эксперименты, в которых экстрасенсы работают с животными, растениями и отдельными живыми клетками. Таких опытов проводилось довольно много. Часть из них осуществляла, например, лаборатория биофизики МГУ им. М. В. Ломоносова (руководитель экспериментов д.б.н., проф.

Т.Е.Кренделева) – (Кренделева... 1994; см. описания подобных экспериментов: Карцев. 1995). С результатами исследований такого рода можно познакомиться по материалам трех прошедших в Москве конгрессов "Народная медицина России - прошлое, настоящее, будущее" (1993, 1995, 1997), а также по публикациям журнала "Парапсихология и психофизика" (издается фондом парапсихологии им. Л.Л.Васильева) и многим другим источникам. Реалистические концепции "магической" работы человека, то есть работы в измененных состояниях сознания (ИСС), а также НСС (необычное состояние сознания), предложены в трудах психологов (напр.: Гостев, 1992), парапсихологов или этнологов (напр., интереснейшие исследования кандидата технических и доктора медицинских наук А.Г.Ли - Ли, 1994; 1995 и др.).

Новое видение психоэнергетической стороны человеческой природы и энергоинформационной природы Вселенной позволяет научно обосновать многое из эзотерической сферы, а это приводит к пересмотру привычных научных взглядов не только на природу заговорно-заклинательного искусства и суть магиико-мистической практики, но и на сущность самого человека.

Отметим, что первым, кто попытался соединить в своих научных исследованиях физику и сознание, а также иные смежные знания, был физик Джон Хегелин (специалист по гравитации), который на протяжении многих лет работал с известным экстрасенсом Махариши Махеш Йоги, результатом чего стала книга «Трансцендентная медитация».

"Как мне представляется, - указывает один из основателей трансперсональной психологии Ст. Гроф, - тождественность человеческой личности не столь фиксирована, как это выглядит в традиционной науке. "Я" - ньютоновский объект, "я" – биологическая машина, "я" - клетки, нервы, органы, ткани и т.д. Это лишь один аспект того, что мы есть. И в холотропном состоянии мы обнаруживаем, что являемся полем сознания, безграничным полем, которое трансцендирует время, пространство. Мы обнаруживаем, что каким-то образом мы можем переживать самих себя как фатальность бытия. Наше самоопределение выходит за рамки эго, тела и распространяется на все, что есть в этом мире. Есть очень, очень многое, что мы воспринимаем как патологию, я не говорю сейчас об органической патологии, а об эмоциональных и психосо-

матических проблемах. Если вы позволите им развиваться и проявиться через симптомы, вы обнаружите, что за ними стоит попытка прорваться к этой более широкой тождественности, стоит желанию выйти наружу. И если вы отвергаете эту тождественность, возникающий компромисс проявляется как симптомы патологии" (Гроф, 1997: 34-35).

РЕЗЮМЕ

- В настоящее время естественные науки предложили ряд фундаментальных концепций, с помощью которых появились возможности реалистически объяснять знание, считавшееся ранее «теоретическим». Наиболее аргументированной и убедительной представляется на данный момент концепция физиков, корректирующая наше представление о мироустройстве, она основана на теории физического вакуума и торсионных полей.
- Фундаментальные науки предложили интерпретации основ магико-мистической практики человечества, представлений о «тонких мирах», «эфирической Вселенной» и ее реалиях. Представители различных сфер науки комплексно исследуют «тонкие воздействия» на человека и окружающую среду. Многопланово изучаются явления ясновидения, дальнего действия, биоэнергетической и эносоциальной практик. Нейрофизиологи и психологи, психиатры осуществляют многочисленные эксперименты с людьми, обладающими необычными свойствами.
- Современная медицина начинает использовать элементы традиционных духовных практик и лекарства, создавая на их базе новейшие методы и технологии.
- Новейшие данные западной психологии дают возможность понять и реально объяснить многие явления, связанные с традиционной магико-мистической практикой, в том числе в варианте восточнославянской заговорно-заклинательной традиции.
- На основе современных научных представлений уже сейчас реально комплексно проанализировать магико-мистическую практику восточных славян, включая заговорно-заклинательную традицию как ее составляющую. Системное исследование явления возможно при обращении к аналогичному материалу иных традиций (в первую очередь шаманской), современного варианта магико-мистических практик, народного целительства, интегральной медицины и, конечно же, различных техник погружения в ИСС.

1 Термин "эвиология" (Ханцесверов, 1996: 6, 9-15) представляется более корректным в отношении той суммы явлений и методов их современного исследования, которые ранее именовались "парансихологией".

2 Термин "психотроника" был введен в научный оборот чешскими исследователями В 1963 г. Зденек Радек создал Международную ассоциацию по изучению проблем психотроники. В СССР первые работы этого направления относятся к середине 60-х годов (А.Берзин, А.Солодилов и др., к этому направлению причисляют обычно ранние работы А.Л.Чижевского).

3. Здесь же (*Дубров, 1993; 22-23*) автор приводит список научных отечественных и зарубежных изданий, где описываются эти и подобные эксперименты. Перечень необычных свойств может быть расширен. Достаточно достоверными можно считать многочисленные сведения о парапсихологических феноменах, приводимые в книге д.т.н. Карпенко М.П. *Universum Sapientis (Карпенко, 1992)*, что подчеркивает в предисловии к изданию академик АМН СССР В.П.Казначеев.

4. О связи гравитации и вакуума в теоретической физике не единожды высказывались различные гипотезы. А.П.Дубров ссылается в частности на мнение академика А.Д.Сахарова, высказанное в его работах: Сахаров Д.А. Вакуумные квантовые флуктуации в искривленном пространстве и теория гравитации // Доклады АН СССР. Т.177. 1967, N 1, с.70-71; Сахаров Д.А. Спектральная плотность собственных значений волнового уравнения и поляризация вакуума // Теоретическая и математическая физика. Т.23. 1975, N 2, с.178-190, а также на предположения некоторых зарубежных исследователей.

5. В данном случае речь должна идти не просто о торсионных полях, но о сумме неких полевых образований, свойственных "живому" и "неживому", большая часть из которых, вероятно, пока не известна физике

6. Ю.А.Фомин (*Фомин, 1991;1993; 1996*) обосновывает концепцию энергоинформационных и иных проявлений неведомого с помощью теории многомерного пространства. Широко известна и популярна лептонная теория академика А.Ф.Охатрина (*Охатрин, 1989*). Стоит обратить внимание на еще одну интереснейшую разработку в этой области (*Болдырева..., 1992*). Основную библиографию по физическим проблемам парапсихологии см.: *Наумов..., 1993; 44-61*.

7. Проблемами измененных состояний сознания и "картографированием" воспринимаемого в ИСС много занимаются западные исследователи - один из обобщающих трудов: *Welten..., 1993*, обзорная работа: *Scharfetter, 1995*. Эта тема особенно популярна среди приверженцев трансперсональной психологии, работы которых в последние годы изданы Трансперсональным Институтом (Москва) - серия "Тексты Трансперсональной психологии" (международный издательский проект, редактор серии В.В.Майков) - *Уолли, 1996; Проф, 1997; Кримпнер..., 1997; Уилбер, 1998* и др. Одно из последних исследований тонкоматериальной реальности - *Файдыш, 1999*.

8. См. наиболее интересное освещение вопросов и библиографические справки в изданиях: *Новик, 1984; Ревуенкова, 1980*.

9. В исследованиях восточнославянской заговорно-заклинательной практики принято считать колдовство, ведовство и знахарство смесью мифологических представлений с чисто практическими (медицинскими, например) приемами воздействия на человека. Это мнение, по сути дела, никогда всерьез не оспаривалось. В литературе можно встретить только отдельные указания на необычность поведения некоторых колдунов, что интерпретируется, как правило, характерологически. О возможностях работы восточнославянских заклинателей в ИСС (НСС) - *Харитонова, 1995*.

10. Вот некоторые данные журнала "New England Journal of Medicine" и "Центра по контролю за заболеваемостью": ежегодно около 700.000 человек гибнут

в результате медицинского лечения: за последнее десятилетие с 1981 г. США убили 400.000 человек, а медицинское лечение около 4-х миллионов (Клещева, 1996; 30).

11. Познакомиться с принципами основных ветвей психоанализа и глубинной психологии можно по изданиям: Шерток..., 1991; К.-Г. Юнг..., 1996 и др.

Весьма вольно обходятся со сферой бессознательного иланешние "экстрасенсы" - как авторы различных своеобразных методик психологического характера, так и те, кто вторгается в чужое подсознание с помощью гипноза. Кстати, овладение вариантами эриксоновского гипноза (Erickson, 1980; Lankton, 1995) у многих одаренных целителей происходит спонтанно, они даже не подозревают, что обращаются к хорошо известным методам, порой заявляя при этом о невозможности использования гипноза в целительстве. Среди целителей есть те, кто пропагандирует весьма своеобразные методы работы с глубинным бессознательным, которое выступает для них в вариантном понимании восточной кармы (Лазарев, 1993; Гоч, 1991).

12. В этом отношении интересны, например, методики холодинамики (В.Зульф), дианетики (Р.Л.Хаббард) и некоторые другие.

13. Авторы терминологического словаря в издании "Парапсихология в России..." (Наумов..., 1993; 118, 119) определяют названные термины так: "ПСИХОЭНЕРГЕТИКА - изучение энергетических изменений и их проявлений, возникающих под влиянием психической деятельности. При рассмотрении фундамента психической деятельности, информационная энергетика должна стать составной частью той науки, которая призвана раскрыть физические основы психики и объединить квантово-механические и голографические принципы. Дальнейшие работы в этом направлении показывают, что для более глубокого понимания процессов этих явлений, необходимо учитывать информационные аспекты психической деятельности"; "ЭНЕРГОИНФОРМАТИКА - научное направление, изучающее нетривиальные проблемы информационно-энергетических взаимодействий в живых системах. (...) Термин введен В.Волченко в 1989 г."

МАГИКО-МЕДИЦИНСКАЯ ПРАКТИКА И СОПУТСТВУЮЩИЕ ЕЙ ЯВЛЕНИЯ В РОССИИ КОНЦА ВТОРОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Основной причиной стремления людей присваивать богам сверхчеловеческое всемогущество является чисто человеческое желание вымолить помощь и поддержку в полной бессмысленных несчастий и незаслуженных страданий, тоски и одиночества, беспечной и конечной жизни. Но тем не менее правы голтеки - возносить молитвы **Вселенной** бесполезно: ее разум весьма далек от человеческого. Это не просто нечто гораздо более величественное и грандиозное, это - совсем иные принципы, другие, если хотите, этика, толика и, что самое главное - другие жизненные цели и задачи.

(Карпенко М. "UNIVERSUM SAPIENS")

Загадки психознергетики и энергоинформатики, к решению которых в настоящее время человечество подошло, кажется, как никогда близко, пока все-таки во многом так и остаются загадками. И, может быть, это не случайно. Таинственное **знание**, передававшееся из поколения в поколение, требовало не только строгой секретности своего существования, но и наличия определенных качеств у тех, кто принимал от предков эстафету хранителей магии. Надо заметить, что это было связано не только с неким нежеланием «светлых сил» дать могущественное орудие в руки тех, чьи помыслы не были чисты, - такое объяснение, имеющее место в оккультной литературе и пособиях современных "магов", при изучении культурных традиций воспринимается исключительно как надуманное. **Знание** испокон веков использовалось с разными целями: в большинстве традиционных культур есть сведения о "черной" и "белой" магии (напр.: Жуковская, 1977: 125-136), что, кстати, вполне соответствует наличию правых и левых (положительных и отрицательных) торсионных полей и, как было подчеркнуто в предыдущей главе, имеет отношение к нравственной стороне проявлений человека. Скорее всего, проблема передачи **знания** осложнилась не столько моральными, сколько психофизическими причинами: принять и освоить его могли люди с врожден-

ными, случайно приобретенными или специально развиваемыми высокими суперсенситивно-экстрасенсорными качествами.

Наличие таких качеств обычно сопровождается повышенно развитой интуицией и часто неким отторжением рациональных начал. Приверженцы *intuitio* и *ratio* настолько по-разному ощущают мир, что порой с большим трудом понимают друг друга. В ситуации овладения **знанием** „*intuitio*“ - приоритетная группа - вряд ли имеет возможность объяснить „*ratio*“ тонкости психоэнергетической и энергоинформационной сфер. Но поскольку первые устремлены в основном в творческое освоение реальности и ирреальности, а вторые - в рационально-технократическое осознание и перестраивание мира, то в условиях активного развития цивилизации основные мировоззренческие концепции разрабатываются и навязываются обществу представителями второй группы. В такой ситуации, естественно, **знание** оказывается размытым в сфере творчества, прячущимся в среде хранителей культурных традиций, приверженцев освоения духовных практик.

Известно, что в кризисные периоды социально-исторического развития, когда человечество пытается спасти себя обращением к культурным истокам, всякий раз у социума в целом проявляется стремление приобщиться к вечному, найти сокровенное **знание**. История, а также ситуация наших дней, показывает, что это выливается, по большей части, в легализацию "бесовщины".

Попытки овладеть **знанием** свойственны не только толпе мракобесов и меркантильных шарлатанов. Ученые в разные времена проявляли интерес к этой сфере (Рабинович, 1979), но именно в наши дни естественнонаучное знание и психология достигли такой стадии развития, что оказались способны объяснить многие из сакральных тайн древности (1).

В настоящее время «магическое» образование можно получить в самых разных "Академиях", легко можно попасть в одну из современных сект, даже не желая этого. Однако в Москве и некоторых других городах существуют серьезные центры, занимающиеся исследованием и развитием необычных способностей человека, где могут делаться установки на конкретное направление в профессиональной деятельности (напр., Высшие курсы биоэнерготерапии и биоэнергетологии при ВНИЦГНМ "ИИОМ" занимаются исключительно подготовкой и переподготовкой народных целителей), на изучение определенных методов в исследовании психики человека (напр., Институт трансперсональной

психологии предлагает изучение новейших западных психологических методов, в первую очередь самой трансперсональной психологии), на научное постижение парапсихологических эффектов и развитие необычных способностей человека (напр. Институт общей и медицинской парапсихологии при Фонде парапсихологии им. Л.Л.Васильева предлагает различные практические и исследовательские методики для желающих заниматься научно-исследовательской работой и собственным духовным совершенствованием, овладеть практическими приемами биокакации, рефлексотерапии и др.).

Между прочим, люди, хорошо знакомые с некоторыми техниками воздействия на человека, признанными европейской медициной и максимально приближенными к традиционной медицинской практике, хорошо понимали реальность воздействия и даже его механизмы в заговорно-заклинательной практике. Одним из таких интуитивных знакоков знахарско-колдовских способов работы был знаменитый Вольф Мессинг. Обладатель колоссального гипнотического дара в своей широко известной книге «О самом себе» рассуждает о народном лекарстве так:

«...Наверное, и вам приходилось читать или слышать, как знахари «заговаривают кровь». Вот дается она из глубокой раны, прямой пульсирующей струйкой бьет. Явно перерезана какая-нибудь крупная артерия... Над ранкой склоняется знахарь. Шепчет какие-то непонятные слова. Ранка – вытрите ее – суха. Кровь останавливается...

Наверное, вам приходилось слышать и такое выражение – «заговаривать зубы». Чаще, впрочем, говорят «не заговаривай мне зубы». Поплю это выражение их польских и белорусских, да, наверное, и из российских деревень, где в старые времена и помину не было о зубных врачах. Но зубы – убежден в этом – у людей болели всегда. Как же их там лечили?

Заговорами. Та же знахарка, тот же знахарь приходил к больному, шептал какие-то слова, делал какие-то телодвижения – и зубы болеть переставали. Точнее, человек переставал ощущать эту боль.

И то, и другое – и «кровь заговаривать» и «зубы заговаривать» – занимает всего несколько секунд.

Удивительно? Да. Но ничего чудесного, во всяком случае, здесь нет. Нет никакого вмешательства «потусторонних сил» – ни злых, ни добрых. Это тоже одна из форм гипноза.

Я говорю об этом с такой убежденностью и знанием дела потому, что я и сам умею «заговаривать» зубы и изгонять головную боль не хуже самых знаменитых знахарей. Я делаю это тысячи раз. И, как принято говорить, всегда без осечки.

Конечно, я обхожусь без заклинаний и напентываний. Они не нужны. Я просто смотрю на моего пациента и представляю при этом свою абсолютно не беспокоящую меня челюсть, свой абсолютно здоровый зуб. И разговариваю при этом с пациентом о его болезни. И зуб у него перестает болеть. Занимает это столько же времени, сколько вы затратили, чтобы прочитать этот абзац» (*Мессинг, 1991; 87-88*).

В настоящее время довольно трудно непредвзято писать о ситуации, сложившейся в обществе в связи с "выходом из подполья" магии, мистики, современных представлений о колдовстве и шаманстве. Активизация магиго-мистических учений и практик всех мастей наряду с попытками пропаганды вариантов **знания**, приближенных к научно осмысляемому, и строго научное исследование непознанного отличают конец XX века и второго тысячелетия. Однако собственно научные интерпретации таинственного **знания** демонстрируют известное противостояние чувства и мысли: концепции, которые способны хотя бы как-то свести концы с концами в объяснении феноменов Человека, Космоса, Бытия часто не выдерживают формально логизированной критики и испытания рациональным доказательным экспериментом: человеку никак не удастся ухватить "Бога за бороду", пользуясь привычной системой логизированного мышления (2). Золотая середина в единении рационального и интуитивного ищется с большим трудом и серьезными осложнениями. Это способствует не только активному развитию **знания** в современных вариантах, но и разгулу "бесовщины", широкому распространению психических заболеваний и (в результате активного использования психотехник) психического "зомбирования" (3), а также - что совершенно естественно - шарлатанства и реализации с его помощью отдельными лицами их меркантильных устремлений.

В 80-90-е годы сформировалась и стала быстро расширяться сфера "народного целительства", началась своеобразная "легализация" шаманского и ведовского знания, наряду с ширящимся изучением лечебных методик древности, достаточно давно популярных во всем мире: шиаци, джуд-ши, цигун и др. Все это, с одной стороны, примыкало к обучению приемам рефлексотерапии и мануальной терапии (чем занимались в первую очередь медицинские работники), а с другой, к погружению в тайные науки (анархизм нашей свободы позволил шарлатанам разного рода открыть свои "академии" и "салоны") Приобщали всех желающих к тайным и не совсем тайным наукам как отечественные "знающие" и просто образованные люди, так и эмиссары из-за рубежа. Последнее внесло значительную сумятицу в без того запутанную систему представлений о необычных свойствах человека и их проявлении

Попытаюсь выделить по возможности основные направления деятельности "посвященных" ("знающих").

Прежде всего, надо обратить внимание на то, что в это время параллельно (реже – в контакте) с научной европейской медициной стали применяться различные методики из современной и древней восточной медицины. Вместе с восточной медициной появились и древние восточные эзотерические практики, имеющие отношение к оздоровлению человека (например, отдельные медицинские работники начали использовать не только популярные ранее сведения из йоги, но и систему Рейки); кое-кто обратился к древнему знанию Аюрведы. Получили популярность ароматерапия (лечение запахами), литотерапия (воздействие камнями), уринотерапия (использование мочи человека, мулов и др. с лечебными целями)

Одновременно с обращением к иноземной традиции в области лекарского дела многие вспомнили о восточнославянской народной медицине, что повлекло за собой использование различных практических методик, относимых сейчас к числу славянских, но, разумеется, известных и в иных традициях – гирудотерапия (лечение пиявками), рудометство (кровопускание с вскрытием крупных сосудов и использованием рожков), апитерапия (лечение продуктами пчеловодства, в том числе «живым» пчелиным ядом от укусов пчел), минералотерапия (напр., лечение глинами), аква-терапия (водолечение, в том числе банные процедуры и купание в ледяной воде). Многое из названного уже успело стать удачным дополнением к научной медицинской практике.

В настоящее время сформировались особые группы практикующих различные методы воздействия на человеческий организм, в составе которых оказались и энтузиасты новых форм профилактики-лечения и профессиональные медработники.

1. В кругу занявшихся лекарской практикой имело место распространение образования, близкого к научному, медицинскому: отдельные давно практиковавшие мануальщики и рефлексотерапевты начали обучать своих последователей на различных курсах, которые появились и при некоторых медицинских учреждениях. Эта разновидность образования позволила многим обратиться к древнекитайским, японским и иным методикам работы с физическим телом человека, его энергетической системой. Занятия

рефлексотерапией и мануальной терапией, впрочем, весьма часто были сопряжены с изучением древнейшего знания не только о физическом теле, но и об эфирном, астральном (4) и т.д., и уж во всяком случае о системе чакр и энергетических каналов. Некоторые любопытствующие рефлексотерапевты очень быстро находили дорогу к знанию эзотерическому.

2. Параллельно рефлексотерапевтическому образованию стало быстрее развиваться образование *биоэнергетическое*. Открывавшиеся курсы, школы, академии спешно готовили "народных целителей", споря друг с другом за право выдачи наиболее престижных дипломов. Такой тип обучения привлек не только жаждущих просвещения, но и уже бывалых знатоков традиции, унаследовавших магическую практику в соответствии с законами ее передачи. Биоэнерготерапия непосредственно и более прочно связана с эзотерическим знанием. Вместе с тем энологи (в первую очередь, исследователи в области психотроники), а также физики, биофизики и другие представители естественных наук попытались научно обосновать этот тип воздействия на окружающий мир и человека. Не вдаваясь в дискуссии по вопросу о реальности воздействия, подчеркну лишь одно: биоэнерготерапия среди "запредельных" наук оказалась наиболее легкой и доступной для каждого желающего заниматься целительством.

Биоэнерготерапия распространялась в варианте бесконтактного диагностирования и воздействия. И то, и другое в каждом конкретном случае имело свою специфику – зависело от особенностей целителя. Наиболее ярким представителем биоэнерготерапии стала Джуна (Евгения Ювашевна Давиташвили), которой удалось отстоять и фактически узаконить право на оказание такой лечебно-диагностической помощи (*Колодный, 1991*).

3. Помимо контактного (рефлексо- и мануальная терапия) и бесконтактного (биоэнерготерапия) воздействия на человеческий организм, люди, стремящиеся к лечебной деятельности, стали активно использовать *этносуггестивные методы*, предполагающие оказание воздействия посредством энергоинформации. Это практика работы на далекие расстояния без знакомства с реципиентом удавалась и удастся единицам. Однако при большом желании и хорошем обучении – как выясняется на грамотно организованных

курсах - такое становится доступно не только "магам по рождению" и особо посвященным, но и обычным людям с определенной нервно-психической организацией.

Эниосуггестивное воздействие стало базовым для народных целителей наиболее высокого класса. Они занимаются не только лечебным делом, но и предсказаниями разного рода, поиском пропавших людей и вещей, планированием судеб и так далее.

Эниосуггестивный тип работы (наиболее интересный для исследователей непознанных феноменов) осуществляется в разных вариантах. Условно-обобщенно можно выделить следующие: 1) неконтактное воздействие на присутствующего пациента ("прямая работа"), 2) работа по фотографии, 3) контакт через создаваемый "фантом" (подобное возможно при личном знакомстве с отсутствующим человеком, с использованием фотографии неизвестного лица или его личных вещей, по "наводке" посредника - специальной (намеренное и целенаправленное воспроизведение и удержание образа в сознании) или опосредованной (информация снимается с сознания/подсознания присутствующего знакомого, в том числе по длинной цепочке) и 4) при получении минимальных данных (напр.: фамилия, имя, отчество), что заставляет говорить об инсайте - "прямом знании", то есть, выходе в Единое Информационное поле. В данном случае речь идет только об основных характеристиках работы и не описываются ее принципы.

Эниосуггестивное воздействие не предполагает гипноз в традиционном понимании, мало того, абсолютное большинство владеющих такими способностями считают невозможным для себя использование гипноза (даже если владеют гипнотическими навыками); на некоторых курсах правилом хорошего тона считается критиковать гипноз как вредную и неэтичную форму воздействия на человека. Обратим внимание, что эниосуггестия отличается от работы путем гипнотизирования неподавлением сознания пациента, само воздействие ощущается только наиболее чуткими перцепиентами.

4. Появились многочисленные курсы *гипноза*. Их организаторы пропагандируют идею безвредности гипнотического воздействия для оператора и перцепиента. Они полагают также, будто владеющие техникой глубокого гипноза с обретением знаний

и навыков становятся столь высоконравственными людьми, что никогда не позволят обратить свои способности во вред кому-либо. Кое-кто из прошедших курсы гипноза занимается лечебной практикой, кое-кто направляет свои усилия на раскрытие языковых или творческих способностей человека, ну а наиболее рьяные поклонники магии, естественно, продолжают свои поиски в области неизведанного, что отнюдь не гарантирует окружающим полную безопасность (как, впрочем, и самим новоявленным магам, о чем их часто забывают предупредить).

5. В практике целительского лечения встречаются варианты соединения эносуггестии с ручной хирургической работой, известные во всем мире как *транسخирургия* (*Madelein Ridl-Michel, 1992; Меркулов, 1995; Харитонова, 1995в*). В какой-то мере это можно считать разновидностью "филиппинской хирургии", но наш вариант гораздо ближе к тому, который развивался в Латинской и Южной Америке. Есть основания говорить о его исконности у восточных славян (*Харитонова, 1995; 177*).

6. Заметно активизировалась оккультная практика разного рода. Ее преподавание соединилось в большинстве случаев с обучением биоэнергетике и эносуггестии. Особенно популярными стали знания гадательного и предсказательного характера по системе карт Таро (5), с помощью китайской Книги Перемен (*Книга..., 1992*), да и просто с использованием обычных карт, кофейной гущи и прочего.

Случайным популяризатором подобных знаний оказался А.Л.Топорков, выпустивший книгу "Предсказания судьбы" (*Топорков, 1990*). Интересно, что его небольшая книжечка, в которой были перепечатаны описания разнообразных способов гадания, сведения о символике цветов, камней и т.д. великолепно внедрилась в народную традицию: во время экспедиций мне приходится сталкиваться с фактами почти полного переписывания опубликованных материалов в девичьи песенники и рассказами об использовании магических рекомендаций по назначению. Аналогично воспринимаются и другие издания на магико-мистические темы, популяризирующие фольклорные материалы. Например, мне не единожды задавали вопросы о том, насколько действительны те или иные приворотно-отворотные средства, о которых я рассказывала в одном из популярных очерков в журнале "Сельская молодежь": этот очерк в сокращенных вариантах был перепечатан несколькими газетно-журнальными изданиями, благодаря чему дошел до очень широкого круга читателей (*Харитонова, 1992б*).

7 Особо стоит выделить *хиромантию*. Она бытует в разных вариантах. Помимо привычного, «цыганского» предсказания – «чтения книги жизни» по руке (сюда же можно отнести чтение линий на ступнях ног, физиогномику разного рода) – хиромантия, как и многое другое эзотерическое знание, в наши дни из тайного искусства превращается во вполне реалистическую практику планирования жизни. С развитием электронно-вычислительной техники хиромантия вообще утратит свою таинственность. Однако пока она существует в единичном грамотно-реалистическом варианте (6) и традиционно-мистическом - у абсолютного большинства практикующих.

8 Надо обратить внимание на активнейшее развитие *астрологии*, которая многими - что совершенно закономерно - воспринимается как наука, близкая к "точным". Переведенные специальные пособия и учебники (*Астрология...*, 1991), а также изданные в нашей стране в последние годы книги, написанные в разное время (*Вронский*, 1993), позволяют убедиться в том, что астрология - сложнейшая наука.

9. Современным целительством взята на вооружение *фитотерапия*. Об этом приходится говорить особо, так как фитотерапевтическое лечение и изыскания ведутся в системе целительства несколько необычным образом: в отличие от простой фитотерапии, имеющей место в медицинских центрах или развиваемой отдельными энтузиастами (7), использование траволечения у целителей осуществляется либо в варианте, близком традиционно знахарству (травы и их препараты предлагаются вместе с обрядом, заклинанием), либо целитель подбирает их эниосуггестивным путем (путем энергоинформационного восприятия, «диагностики» их качеств), либо же "фитотерапевтический" эффект придается заряжаемой воде, куда эниосуггестолог "вводит компоненты трав", необходимые пациенту, и как бы изначально уже получает раствор типа отвара, настоя (речь идет об эниосуггестивно «заряжаемой» воде и других жидкостях и гелях). Последнее – не фантастика. Производимые действия (эффект экспериментально подтвержден; ср. крещенская вода) соотносимы с работой по методу Фолля, в таких случаях фактически образуется вода с торсионной (спиновой) памятью (*Акимов*, 1999: 18)

10. "Знающие" в своей практике часто обращаются к *гомеопатической медицине*. Искусство гомеопатии, в отличие от аллопатии, признается большинством нынешних целителей. Однако и оно не просто принимается, но используется, обогащая целительскую практику "магического" характера. Гомеопатия обычно входит в комплекс лечения при эниосуггестивном или биоэнерготерапевтическом воздействии. Важно, что набор гомеопатических средств осуществляется путем эниосуггестивных тестов (Харитонов, 1994; 115-123). Стоит заметить, что такой вариант гомеопатического лечения у хороших эниосуггестологов оказывается всегда беспроигрышным. Впрочем, для полноты картины нельзя умолчать и о том, что эниосуггестологи часто консультируют по применению аллопатических препаратов, правда, сами предпочитают их не назначать.

А теперь несколько дополнительных пояснений.

1. Обращу внимание на то, что современный вариант магической практики и эзотерического знания в определенной среде его поклонников и интересующихся им исследователей все более и более обретает строго научные формы. Интересовавшиеся эниологической проблематикой в 60-70-е годы хорошо знают, что в то время старания Э.К.Наумова по пропаганде парапсихологии заканчивались только полупулегалными или нелегалными лекциями. Эти темы были строгойше засекречены, а людям активно навязывалась мысль о вреде «суеверий» и пользе – точнее, обязательности – исповедывания атеистического марксистско-ленинского мировоззрения.

Разумеется, в плане парапсихологических исследований и организации научной работы такого рода до середины 80-х годов удалось сделать довольно много. Наибольшей исследовательской активностью отличаются 50-70-е годы. 1) в 1958 г. возобновила свою деятельность лаборатория парапсихологии (она была открыта С.Я.Турлыгиным в 1955 г. и почти сразу же закрылась в связи с его кончиной), ее возглавил ученик С.Я.Турлыгина врач-психиатр Д.Г.Мирза, 2) в 1966 г. впервые в СССР в Москве состоялся международный симпозиум по парапсихологии; 3) в том же году по инициативе П.К.Ощепкова был основан Институт интроскопии; 4) в 1967 г. по инициативе Э.К.Наумова и при поддержке П.К.Ощепкова было организовано Отделение технической парапсихологии при Всесоюзном заочном машиностроительном институте и т.д. Подробно об организации работы и основных достижениях научной парапсихологии в СССР - Наумов..., 1993; 100-112.

В настоящее время "вышли из подполья" все те, кто ранее занимался изучением необычных эффектов. К ним примкнули новые свежие силы. Направление научных исследований, которое у нас традиционно именуется парапсихологией, а на Западе психотроникой, предлагает к осмыслению интереснейшие материалы. Вместе с тем среди эниологов (парапсихологов) нового поколения есть очень много практиков, хорошо знающих теорию, или теоретиков, обратившихся к практическим изысканиям. Это в большинстве своем инженерные работники, особенно те, кто связан с электронно-вычислительной техникой, хорошо знаком с виртуальной реальностью. Среди них есть и практикующие целители. Такая наиболее интересная группа новоявленных «магов» как никто иной способны точно комментировать происходящее с ними в процессе их "эзотерической" деятельности. Они же поставляют ценнейшие материалы для изучения традиционных фактов культуры. Любопытно, что среди этих людей оказываются ученые (в первую очередь физико-технического направления, а также математики, системотехники), обратившиеся непосредственно к прямому изучению оккультной практики через собственное приобщение к ней (Файдыш, 1993; Харитонова, 1994: 125-132 и др.).

Стоит также остановиться на том факте, что в разгадке тайны магического активно участвуют представители как естественных, так и гуманитарных наук, вовсе не стремящиеся к посвящению и приобщению к оккультной практике. Важнейшим и ведущим по полученным результатам здесь является биофизическое направление. Очень интересные наблюдения предоставляются психологами и психиатрами. Свою лепту в раскрытие древнейшей тайны пытаются внести и исследователи традиционной культуры, не чурающиеся так называемого эзотеризма (*Психологические аспекты...*; 1993, *Научно-практические аспекты...*, 1995; 1996; 1997).

Особо надо отметить наличие целительских систем или целых мировоззренческих школ (как с оккультной, так и со строго научной ориентацией), привнесенных к нам с Запада. Разумеется, в основном они пропагандируют восточные теории, "вновь открытые" в нынешнем или прошлом столетии, либо созданные западными учеными с помощью обращения (вплоть до собственного посвящения) к традиционной магической практике. Среди наиболее

активно внедряющихся в российскую действительность можно назвать японское искусство Рейки (напр.: *Хоран, 1993*), проникшее в нашу целительскую практику в самых разных вариантах: американском, немецком, голландском, дианетику американца Рона Хаббарда (*Хаббард, 1993*).

Отмечу, что методика Хаббарда, превращенная его последователями в своеобразный культ, вызывает негативное отношение в США. В нашей стране недавно также было официально выражено неприятие некоторых аспектов дианетики - см. приказ № 254 Министерства здравоохранения и медицинской промышленности Российской Федерации от 19.06.96 "Об отмене "Методических рекомендаций "Программа детоксикации", где, в частности, говорится: "Не допускать пропаганды и использования методов детоксикации, лишь заимствующих из учения Р.Хаббарда методов саспелогии и дианетики в практике здравоохранения"

В Москву на данном этапе завозится заокеанский шаманизм, школа д-ра М.Харнера оказалась представленной у нас в своем практическом варианте - окончившая ее А.Л.Слободова занимается подготовкой современных неошаманов в России. У нас активно пропагандируется тибетская медицина, появились даже представители вуду. Наряду с подобными методиками активно изучаются собственно научные практико-теоретические концепции, типа трансперсональной психологии Ст. Грофа. В настоящее время в Москве и других городах России есть несколько организаций, занимающихся пропагандой знаний и практики трансперсональной психологии, например, Трансперсональный институт (руководит к.ф.н. В.В.Майков), Фонд трансперсональной психологии Европейской ассоциации трансперсональной психологии (возглавляет академик РАЕН, к.б.н. Е.А.Файдыш), а также многочисленные "трениеры", проводящие тренинги холотропного дыхания, как, впрочем, и иных дыхательных техник.

Некоторые пропагандисты новых учений часто не желают идентифицировать свои методики с фактами, реально фиксируемыми биофизически и вполне объяснимыми с помощью психологических и нейрофизиологических данных. Например, адепты системы Рейки настаивают на прямой связи посвященных (прошедших специальное трехступенчатое, кстати, весьма дорогостоящее, посвящение в Рейки) с Космосом. Основная их идея заключается в том, что

они будто бы являются ретрансляторами Космической Энергии, Энергии Абсолюта. Несмотря на странность заявлений, не надо отождествлять подобные объяснения с шизофреническим бредом, поскольку чаще всего в таких случаях речь идет всего лишь о нереалистическом обосновании включения в работу биоэнергетического и эниосуггестивного плана различных отделов головного мозга.

Параллельно с «западными учениями», естественно, заимствованными с востока и представляющими собой чаще всего так называемый «нью эйдж», в России сейчас активно изучаются и используются практически аюрведа, тибетская медицина, некоторые варианты китайской и японской медицины, где преобладает элемент психического воздействия. В Москве и иных городах открыты центры восточной медицины, куда приглашаются практикующие специалисты из разных стран. Эти методики - как частные - используют в своей практике современные целители, обучившиеся на специальных курсах.

Любопытно, что в создавшейся в России ситуации православная церковь не смогла остаться в стороне от "бессовщины" (что, впрочем, было свойственно ей всегда, даже во времена самой активной борьбы с волхвами и иными вероотступниками). Правда, абсолютное большинство священнослужителей все же предпочитают признавать подобные проявления как еретические. Но и они вынуждены уступать желанию людей исцеляться необычным способом. Церковь пытается противопоставить волне оккультизма свою проповедь о добре и зле, основах творения мира, хотя при этом вынуждена создавать своеобразные центры, где вас не только исповедуют и вы пройдете обряд соборования (что приравнивается к сложнейшей системе очищения и, естественно, оздоровления), но даже посоветуют, к кому из православных врачей вам стоит обратиться.

Очень интересен факт отношения к целительству одной из групп, объявившей себя Русской Истинно-Православной Церковью: в ее пределах в Москве успешно работает научный учебно-оздоровительный центр "Проис", возглавляемый Л.С. Прокопьевым (в прошлом - военный летчик), который является вице-президентом созданной им и его сподвижниками «Российской Народной Академии Наук»; в РИПЦ же он - «владыка Рафаил», митрополит.

Отличие данного центра от всех прочих усматривается его сотрудниками в религиозной чистоте их действий (*«Приложение»*, 9). Впрочем, любой практикующий с помощью Божьего слова целитель говорит то же самое о себе, да еще предлагает солидную мотивацию: религиозные деятели-де пытаются исцелять по своему положению, а мы - по прямому велению Господа, осенившего нас своим даром целительства. Но как бы там ни было, среди представителей православной российской церкви в различных ее вариантах есть люди, обратившиеся к прямой лекарской деятельности, что, впрочем, было свойственно церковнослужителям и ранее, ведь на ранних этапах своего существования христианская церковь не просто лояльно относилась к исцеляющей деятельности некоторых церковнослужителей, но "изгнание бесов" в варианте отчитывания даже входило в обязанности священников (при церквях был специальный чин - экзерцист).

Совершенно естественно, что в период послабления административной цензуры более спокойно и активно стали продолжать свою практическую деятельность российские знахари, ведуны, колдуны. Хранители традиционного магико-медицинского знания, много десятилетий практиковавшие подпольно, теперь просто перестали скрываться. Им - в отличие от новоявленных целителей - совершенно ни к чему обзаводиться степенями и званиями магистров, докторов и профессоров, о них и без того знает вся округа. В их лице российская культура имеет естественное продолжение и развитие магико-медицинской традиции, но более точно - только определенной ее части. Это, если так можно сказать, бытовой вариант магико-медицинской деятельности. Наиболее сильные представители такой практики были уничтожены в период советской власти, а вместе с ними ушло и интереснейшее знание. Впрочем, здесь необходима одна оговорка: сами нынешние продолжатели традиции считают, что основы знания не утрачены, ведь магическое знание, навыки и тем более свойства передаются не только прямым путем обучения на этом свете, вполне возможно "посвящение из иного мира" или непосредственное "одаривание от Бога" (*Харитонов*, 1995: 160-167). Как ни странно, работа со «знающими» убеждает если не в абсолютной, то в значительной правоте этого малопонятного современному человеку утверждения.

Если православная религиозная система всегда боролась с целительской и иной практикой эзотерического характера вне церкви, то активно обновляемый ныне шаманизм является прямым воплощением этого эзотеризма. Нынешнее состояние "возрожденного шаманизма" позволяет, скорее, говорить о появлении неошаманства (о терминах см.: *Функ...*, 1999), нежели чем о прямом следовании традиции. И это естественно: множество людей, причисляющих себя к шаманским родам, то есть, мыслящих себя прямыми продолжателями традиции, на самом деле изначально прошли тот же путь целительского становления, что и нешаманствующие российские целители - в различных школах, академиях, на курсах. Они имеют специальные дипломы о целительском образовании, однако при этом разрабатывают собственные методики воздействия на человека, используя традиционный канон. Одно другому не мешает, во многих случаях даже помогает. Например, в Якутске функционирует такая школа под руководством В.А.Кондакова, он же, естественно, руководит Ассоциацией народных целителей (*Balzer, 1993*); туда съезжаются уже практикующие или начинающие целители со всей республики Саха. Среди них встречаются и профессиональные медицинские работники. В 1992 году мне удалось пообщаться с А.К.Чирковой, отец которой был известным шаманом, сама же она до недавнего времени возглавляет Абыйскую райбольницу в пос. Белая гора, а также с Г.М.Пермяковой, именующей себя "доктор Сахая", которая, имея образование врача-невропатолога, практикует как целитель то в Якутии, то в Москве (*Харитонова, 1995a*). В последние годы мне приходилось работать с хакасской целительницей-шаманкой Т.В.Кобежиковой, окончившей высшие курсы биоэнерготерапевтов при ВНИЦТНМ «ЭНИОМ» (*Харитонова, 1997; 1999b*).

Сибирское неошаманство во многом повторяет процессы российского целительства, но связи с традицией у шаманствующих, кажется, даже более интересны и тесны, чем у российских новоявленных колдунов и магов. Любопытно, что неошаманская элита Сибири и Севера богата кадрами с высочайшим образовательным цензом (например, доктора исторических наук Т.М.Михайлов и М.Б.Кенин-Лопсан считаются посвященными шаманами). В северной и сибирской глубинке, где удалось

сохранить настоящую традицию шаманизма хотя бы в какой-то степени, она продолжает развиваться своим естественным путем. И это снова аналогия тому, что происходит в городах и всях европейской части России. Однако нельзя забывать, что в годы советской власти профессиональный шаманизм, как и колдовство, ведовство, знахарство, практически исчезли в результате физического истребления обладателей знания. Таким образом лучше сохранилась часть традиции - "бытовое шаманство", более широко распространенный и упрощенный вариант прикладного шаманского знания. Оно было связано в том числе с целительством.

При характеристике состояния магики-мистической практики на сей день следует обратиться не только к описанию общих тенденций, но и к классификации лиц, считающих себя приобщенными к эзотерическому знанию. Здесь есть некоторые сложности. С одной стороны, эзотерическая литература и специальные работы, посвященные данной тематике, в нашей стране до недавнего времени были почти недоступны. Это обеспечило неподготовленность к произошедшему «магики-мистическому взрыву» не только в профанной среде, но и среди большинства специалистов, вынужденно сталкивающихся в своей работе с данной сферой. С другой стороны, совершенно неподготовленным к здравой оценке сложившейся ситуации оказалось общество: мифологизированность советского бытия и идеологии предопределили почти полное доверие ко всему якобы запредельному, о чем стали вещать не только сами заинтересованные в пропаганде своих "магических свойств" новоявленные "пророки", но и порой совершенно несведущие в этой области журналисты, ведущие теле- и радиопрограмм.

К сожалению, "эзотерическому просветительству" сопутствует, пытаясь противостоять, "антиокультурный бунт" (по-другому трудно назвать столь же невежественные, как и в первом случае, выступления в средствах массовой информации и на телевидении тех, кто старается доказать полное отсутствие "магики-мистических" свойств человека и природы). Разумеется, наступление оккультизма на элементарное здравомыслие зашло слишком далеко: такому натиску надо бы противопоставить научные оценки магики-мистического и эзотерического. В наблюдающемся противостоянии

легко выплеснуть из корыта младенца вместе с водой, ведь рациональное зерно необычайно многообразной и слишком широко распространившейся магики-мистической практики видят только специалисты, серьезно занимающиеся проблемой, да некоторая часть приобщенных к эзотерическому знанию.

Среди непосредственно посвященных и лиц, приобщенных к магики-мистической деятельности иными путями, можно выделить довольно разнородные группы.

1. *Истинные шарлатаны (психотерапевты и иллюзионисты)*. Это люди, четко сознающие, что есть некая таинственная сила или необычные свойства природы, а способности к иллюзионизму, определенная подготовка для демонстрации некоторых фокусов (типа хождения по углям или битому стеклу - Харитонова, 1997а). Они овладевают всем тем, что им поддается, в том числе навыками гипнотического воздействия на окружающих, и начинают "творить чудеса", прибегая к психотерапевтической обработке своих перцепиентов. Сознательная установка на обман не мешает оказывать в некоторых случаях довольно сильное влияние на обратившихся к ним. В этом нет ничего невероятного, о чем сами шарлатаны часто хорошо знают: психотерапия всегда приносила свои плоды, а в сочетании с демонстрацией фокусов - тем более. Нельзя забывать и о том, что человеческий организм обладает способностью к саморегуляции и самоисцелению; страдающему часто бывает необходим для включения компенсаторных механизмов только один толчок со стороны.

Интересно, что среди тех, кто начинал как истинный шарлатан, не верящий ни в сон, ни в чох, неожиданно могут появляться "уверовавшие" - у людей со слабой психикой в процессе работы порой происходит довольно значительное изменение сознания. К сожалению, в ситуации, когда таковым целителям оказывается необходима серьезная помощь психклиники, они продолжают активно практиковать, порой даже в стенах учреждений, претендующих на то, чтобы считаться медицинскими.

2. *Шарлатаны поневоле*. Это группа лиц, изначально обремененных некими навязчивыми идеями, приведшими их в целительство или к осознанию собственного избранничества. Нельзя сказать, что все они клинически больны. У многих имеет место

просто невозможность реалистической оценки происходящего вследствие сложившейся в стране ситуации. Во времена совдеповского мифологизма такие люди активно участвовали в общественной жизни и были уверены в собственной одаренности качествами и талантами, которые почитались на тот момент. При официальной смене акцентов в мировоззрении, такие «атеисты» довольно скоро вспомнили о своих прабабушках-колдуньях и шаманках, "почувствовав" в себе их таланты. Специфика магико-мистического способствует тому, что люди, не знающие и не понимающие ее, принимают обыденные проявления за необычное, убеждая себя в собственной необыкновенности. Слабая психика помогает некоторым из них "слышать", "видеть", "излучать энергию" и т.д. Чем больше они узнают о необычных явлениях, тем большими способностями начинают обладать в своем воображении. Это приближает их к тем из сознательно шарлатанствующих, которые вышли на прямой путь психических расстройств.

3. *Творческие личности суперсенситивно-экстрасенсорного склада.* Это - группа профессионалов в области магико-мистической практики, представители которой обладают "ирреальными" способностями разного качества. Их отличает склонность к творчеству в различных областях. Такие люди, если даже они до обращения к суперсенситивно-экстрасенсорной деятельности не были приобщены к какому-либо виду искусства, со временем, часто неожиданно для себя и окружающих, начинают заниматься живописью, музыкой, поэтическим творчеством, хореографией и иными видами искусства. Очень часто раскрытие способностей под воздействием странных обстоятельств является первоначальным к тому, чтобы они сочли себя вместилищем Божьей искры, пророками, существами инопланетного происхождения, присланными очистить Землю... Это не удивительно при том, что с ними происходит: скудость познания в области психологии, парапсихологии и психиатрии, равно как подготовленность к вере в чудеса может большинству из нас помочь стать "пророками" и "небожителями"

По отношению к данной группе интересно иное. Дело в том, что часть людей, у которых спонтанно проявились высокие творческие способности (при приличном уровне образования и культуры), может сохранить реалистическое мировосприятие и

попытаться объяснить случившееся естественными причинами. Слабость психики, низкий культурно-образовательный уровень толкают обычно на иной путь - путь осознания собственной необычности. И вот тут творческий человек, начавший свою целительскую карьеру с нормальных проявлений, в какой-то момент перестает четко отличать реально происходящее с ним от создаваемого в экстазе им самим. Обычно это проявляется в появлении навязчивых мыслей, которые принимаются за "информацию из Космоса", в звучании постороннего голоса («Учителя») и прочем, - то есть, выявляется классическая, на первый взгляд, картина клинического состояния. Однако в абсолютном большинстве случаев до клиники бывает очень далеко; скорее, такие проявления можно относить к определенному типу состояния творческого.

4. *Экстрасенсы суперсенситивы-окультисты.* К этой группе лиц относится большинство тех, кто обладает реальными суперсенситивно-экстрасенсорными способностями в разной степени развития и специфическом качественном проявлении: их объединяет желание объяснить происхождение подобных свойств проявленностью ирреального в нашем мире. Поскольку сфера человеческих возможностей сенситивно-экстрасенсорного характера не только не понята и не объяснена как следует, но даже не выделена и не охарактеризована полностью, то у человека всегда остается возможность присоединиться к существующей концепции ирреального или создать что-то подобное. Объяснения происхождения и специфики "чудес" могут быть самыми разными: от помощи духов и Господа Бога до связи с иными цивилизациями и контактом с Мировым Разумом, Абсолютом.

5. *Экстрасенсы суперсенситивы-реалисты* (гуманитарного и естественнонаучного склада). Среди одаренных необычными способностями во все времена оказывались люди, которые сомневались в иномирности происхождения необычных свойств. Разумеется, их более чем достаточно в наши дни в среде экстрасенсов/сенситивов с высоким культурно-образовательным уровнем и духовным развитием. Если обратить внимание на то, что большинство таких людей открыли "ирреальные" способности в себе сами, а не получили их по наследству или не обрели в результате травмы (физической либо психической), то это не покажется странным.

Экстрасенсы/суперсенситивы, относимые к этой группе, разумеется, как и все другие, не в состоянии объяснить доподлинно все сложности происходящего с ними и творящегося во Вселенной. Они (в этом проявляется их сходство с представителями четвертой группы) пытаются дать более или менее вероятные расшифровки своей работы и создать некие теории, определяющие происходящее. Каждый, конечно же, исходит из собственного научно-образовательного потенциала. Существует довольно много уже изложенных письменно теорий, авторство которых принадлежит не просто ученым-наблюдателям, а тем, кто владеет научным аппаратом той или иной отрасли знания и сам обладает экстрасенсорно/сенситивными способностями. Часто такие объяснения оказываются углубленными в теософский аспект видения мира, что представляется совершенно естественным.

Работая с экстрасенсами/суперсенситивами, имеющими естественнонаучное и гуманитарное образование (иногда то и другое), убеждаешься в первую очередь в очевидном и ожидаемом: каждый из них в своих теориях оказывается ближе к имеющемуся набору знаний. Однако порой случается, что не только гуманитарии вынуждены бываю отойти от психологических рассуждений и углубиться в биофизические эксперименты или математические теории, но и естественники, придя к идеям нейрофизиологии, обращаются к относительно точной сфере гуманитарного знания. Во всяком случае среди этой группы людей есть осознание того, что способности экстрасенсорно-суперсенситивного характера должны объясняться не только спецификой существования Вселенной и организацией (сочетанием) материи и духа в ней, но и способностями головного мозга человека мыслить образно, абстрактно, логически, создавая такие условия, при которых возникает возможность «тонкоматериального» воздействия, позволяющего "творить чудеса" с собой, себе подобными, равно как и с иными формами живого на Земле.

Характеристика представителей различных групп людей, обратившихся к магико-мистической, в том числе магико-медицинской деятельности, требует - из-за принятых в научной практике способов оценки "посвященных" и близких к ним лиц - некоторых обязательных пояснений. Дело в том, что в

шамановедении, например, ведется длительнейшая дискуссия о психическом состоянии шаманов. В оценке современных людей, занявшихся в последние годы магико-мистической деятельностью, есть также две крайности - их считают либо шарлатанами, либо умалишенными. Ведовско-колдовская традиция рассматривается специалистами более просто - как шарлатанская (вероятно, только благодаря неинформированности научной среды об экстатических формах такой практики).

Вопрос о психических аномалиях среди приобщенных к магико-мистической деятельности изначально неточно формулируется. В краткой характеристике типов лиц, имеющих отношение к "контактам с ирреальным", показано, что в психиатрическом плане их невозможно рассматривать как единую группу. Магико-мистическая практика - слишком широкая сфера деятельности для того, чтобы ею занялись только сумасшедшие или только шарлатаны. Помимо этого, само явление не может сводиться лишь к ритуальной или обрядовой практике: за ним стоит колоссальный пласт до сих пор плохо ведомых человечеству свойств и особенностей человека, природы, Вселенной. Сложности анализа вызваны тем, что есть широко известная медицинская литература о круге заболеваний, в основном, истерического характера, которые связаны непосредственно с проявлением "странных" качеств человека. Но медики и даже психоаналитики описывают проявление странных состояний своих пациентов, людей, как правило, уже тяжело больных (8), практически никто из них до недавнего времени не обращался к исследованию самих странных явлений в широкой среде.

Такая смена ориентации приводит, как правило, к значительному изменению взглядов, однако результаты подобных исследований в нашей стране (и не только) были "закрыты". Кроме того, большинство этнологов и фольклористов, делавших свои выводы о психическом состоянии шаманов, колдунов и прочих, основывались либо на чужих описаниях «шаманской болезни», либо на разовых наблюдениях работы приобщенных к магико-мистической практике, да и то, чаще всего, это были наблюдения искусственных ситуаций. Поспешность выводов обусловлена и трудностями общения с подобным контингентом людей, и тем, что

вопрос о психическом состоянии "знающих" относили к "проходным", не считая, что именно он является основой основ в изучении магико-мистической практики.

Проблема психического состояния шаманствующих, приобретенных к ведовско-колдовской деятельности, а также новоявленных магов и целителей требует своей конкретизации не в общем и целом: в данном случае необходимо определение статуса каждого конкретного лица. Здесь невозможно даже уповать, например, на передачу в генокоде неких "психических отклонений", либо на то, что шаманами становятся психически больные, излечившие себя (9). В настоящее время хорошо известно, что необычные способности можно обрести, как минимум, тремя путями: путем обучения, при "посвящении" (разовом или многократном), в результате тяжелой физической либо психической травмы (Харитонова, 1999); существование же родственных династий пока не позволяет говорить о "генетическом наследовании" способностей, скорее всего, мы имеем здесь дело с передачей **знания** и навыков путем обучения и посвящения (Харитонова, 1994, 25-36), что может делаться с учетом некой *предрасположенности* к деятельности магико-мистического плана.

Даже там, где проблема наследования шаманской практики, занятия официальной "шаманской должности" всегда привлекала внимание собирателей материала и исследователей, ситуация с тем, кто становится шаманом (особенно настоящим шаманом), не совсем ясна.

В работах встречаются разнородные и противоречивые сведения, например: "Ненцы считали, что шаманом было определено стать уже при рождении. Иногда на лицо были отличительные признаки - шепочка на темени или родимое пятно. Однако их могло и не быть - шаманом обычно становился один из сыновей шамана, так как шаманский дар считали наследственным" (Хомич, 1981; 8);

"Шаманский дар передавался по наследству от отца к младшему сыну (бывало и старшему), но чаще от деда к внуку. Если сын шамана должен был наследовать дар отца, то как уверяли селькуны, отец-шаман задолго до внешних проявлений знал об этом, но держал в тайне (...) Селькуны рассказывали, что часто в неспехах молодого шамана они узнавали пацеры деда-шамана, даже если внук никогда не слышал его камлания. (...)

Селькун не мог стать шаманом по собственному желанию. Первым условием того было наличие в роду предков-шаманов" (Прокофьева, 1981; 44);

"Относительно хорошо прослеживается преемственность шаманов от поколения к поколению лишь в роде авамских иганасан Игамтуеу'о" (Грачева, 1981; 73).

"Представления о передаче шаманского дара соответствуют общей схеме воззрений кетов на жизнь человека (изначальное бессмертие, инкарнация). Шаманский дар признавали вечным, а его носители - отдельные шаманы - составляли всего лишь временные (на одну человеческую жизнь) звенья в общей, бесконечной цепи его существования" (Алексеевко, 1981; 99).

"Шаманский волшебный дар не наследственный, хотя понятие о некотором кровном родстве между шаманами одной и той же местности замечается в том поверии, что "в роду, где раз объявился шаман, он уже не переводится..." (Сорошевский, 1993; 604).

Данные относительно восточнославянской практики также разноречивы. Их можно суммировать приблизительно так: в знахарстве заметна передача-обучение (но не только наследственная) сведений, навыков и даже текстов для лечения - поскольку речь идет о прикладной деятельности; в ведовстве обычно имеет место наследование близкородственное, так как передается **знание** и сопутствующие сведения, навыки, тексты; в колдовстве, где приоритетным является **знание**, передача может быть самой разной, однако члены семьи, где были колдуны и колдуньи (ведьмы и ведьмари) обычно подозреваются в склонности к колдовству и даже если им не передано колдовское **знание**, то они, по мнению односельчан, стремятся его обрести, ср..

- А кому колдуны передают своих чертей?

- Ну, от позора-то старающа своим кому отдать, а не брать свои - кому придецца.

- А если никто не взял, но колдун умер, может, свои догадались стреху вовремя подпереть или еще что сделать?

- Ну, как умер, то уж по свету пошли, а там - кто ни есть подбяреть, найдецца: охотников-то, дураков много по земле шляйца!"

(Архив автора. Зап. в августе 1978 г. от Зарщиковой Н.Т. 1901 г.р. в с.Навлодар Уваровского р-на Тамбовской обл.).

Думаю, надо также особо отметить, что споры о психическом состоянии представителей магики-мистической практики породили легкость перехода людей, обладающих необычными свойствами, от нормы к "аномалии". Этот порой почти незаметный переход от одного состояния к другому трудно уловить исследователю-немедику. в то время как психиатру бывает слишком просто сделать неверные акценты при оценке состояния "посвященных". Изучение психических особенностей практикующих целителей показывает незащищенность таких людей в психическом плане: их работа, в первую очередь эниосуггестивная практика (практика энергоинформационного воздействия), связана с перенапряжением

мозга: плохое знание специфики происходящего во время деятельности магики-мистического характера приводит "знающих" к многочисленным срывам, особенно, если их психика была изначально не очень устойчива (*Гальперин...*, 1997).

Кратчайший обзор специфики современной магики-мистической деятельности необходимо завершить сообщением о тех - в достаточной степени уже исследованных представителями естественных наук и психологии, психиатрии - методах непривычного воздействия "посвященных" и приобщенных, которые используются в традиционной и современной практике. Укажу только на наиболее явственно выделяющиеся и поддающиеся реалистическому осмыслению навыки работы, это: 1) механическое воздействие на физическое тело, а через него на биоэнергетическую систему человека, 2) комплексное энергетическое воздействие а) с прямым физическим контактом и б) без него, 3) энерго-информационное воздействие а) в зоне видимости объекта (при подавлении сознания или без его отключения) и б) вне этой зоны, 4) психотерапевтическое воздействие (включая психоанализ и скрытые формы психотерапии). Расшифровка каждого из названных пунктов достаточно проста и уже привычна для тех, кто интересуется всерьез магики-медицинской практикой, целительством.

Механическое воздействие на биоэнергетическую систему человека (1) предполагает работу рефлексотерапевтического характера: иглотерапию, точечный массаж и прочие варианты активизации точек выхода биоэнергетических каналов.

Комплексное энергетическое воздействие осуществляется (2а) контактным путем: биоэнерготерапевт делает энергетическую "подкачку", накладывая руки на тело пациента и даже иногда легко массируя отдельные участки его (при этом лекарь отдает себе отчет в том, что главное в его работе - "энергетический контакт"): (2б) биоэнерготерапевт держит руки на некотором расстоянии от тела пациента, делая пассы над больными местами (руки в определенном положении просто направляются в сторону тела). Считается, что подобная работа в первую очередь оказывает непосредственное воздействие на энергетическую систему физического тела, а также на "эфирное тело" - своеобразный "двойник" ("тонкое тело") человека.

Энергоинформационное воздействие предполагает работу более высокого уровня, чем предыдущий тип деятельности. Обычно полагают, что имеющие возможность так воздействовать переходят на ментальный и даже каузальный уровни работы. Они занимаются анализом видимых ими причинно-следственных связей происходящего в человеке, природе, ближайшем Космосе. Принципы их диагностики сводятся к инсайтному (почти мгновенному) получению информации - например, по отдельным данным о человеке (сведениям паспортного характера или предмету, бывшему в соприкосновении) либо по его внешнему облику (сам объект, фото). Такой "знающий" может за несколько минут дать подробную характеристику состояния здоровья, ответить на какой-либо интересующий жизненный вопрос, описав искомую ситуацию (так ищут пропавших людей, машины и даже мелкие вещи). Любопытно, что некоторые асы в подобной деятельности получают информацию по малейшей зацепке - через нескольких посредников. Точно так же оказывается требуемое воздействие на перципиента: при его присутствии в кабинете с целью ощутить это воздействие или при незнании присутствующего, приведенного близкими, о возможности воздействия, либо же без перципиента по его фото и даже без такового - только на основе кратчайших сведений с чьих-то слов (место нахождения объекта не имеет принципиального значения). Отсутствующий перципиент может знать или не знать об акте энергоинформационной работы с ним. Качество и характер воздействия могут быть различными (ср.: черная или белая магия).

Энергоинформационная работа в присутствии перципиента очень близка тому, что в медицинской и психолого-психиатрической практике именуется эриксоновским гипнозом (*Ericson, 1980*). В обеих ситуациях сознание пациента "не отключается". Для сторонних наблюдателей, не владеющих техниками работы в ИСС, видимой разницы в этом нет, однако сами операторы хорошо знают, что одно от другого отличается весьма значительно.

Особо стоит поговорить о работе с помощью традиционно понимаемого гипноза. Этот вариант энергоинформационного воздействия осуществляется в присутствии перципиента; такая работа требует отключения сознания воспринимающей стороны. Общее состояние воспринимающей стороны характеризуется подчинением

сознания и воли перцепиента командам индуктора (оператора). Степень подчинения может быть различной: от осознания происходящего при невозможности противостоять воле и команде индуктора до превращения в человека-робота, воспринимающего исключительно голос оператора, а порой даже (в стадии каталепсии) не слышащего вербальных команд. Например, популярные ныне варианты работы с "погружением в прошлые жизни" или "выводом в будущее" часто осуществляются без ярковыраженного внешне гипнотического угнетения; однако, многие специалисты отмечают, что более глубокое погружение с отключением от стороннего даст лучший результат воздействия.

Психотерапевтическая работа является неизбежной спутницей целительской, шаманской, знахарско-ведовской практики. Она может быть ситуативно непреднамеренной и специально осуществляемой. Ситуативно непреднамеренная психотерапевтическая работа сопровождает любую деятельность магико-мистического характера в самых разных контекстах. Такое воздействие имеет место даже там, где его трудно ожидать: например, медицинские работники, декларирующие неверие в возможности воздействия шаманских, ведовских или целительских сил, очень часто оказываются предварительно "психотерапевтически обработанными" в гораздо более сильной степени, чем многие из свято верящих в чудеса происходящего - ведь каждый из нас хранит в собственном подсознании фатальный страх перед магией и мистикой, как бы мы ни пытались убеждать себя в его отсутствии (разумеется, очистить подсознание от подобного страха можно, но для этого потребуются специальная довольно сложная работа, увы, с помощью тех же методов, в которые человек отказывается верить).

Ситуативно непреднамеренная психотерапевтическая подготовка всегда присутствовала в традиционном обществе, где она имела как бы две составляющие: социально и личностно обусловленный настрой психики на восприятие происходящего и предварительное знание о том, что будет сделано кем-то из «знающих». Такой настрой позволяет упростить самую "магико-мистическую" работу, а оператору обходиться гораздо меньшими усилиями при воздействии на окружающих.

Специально осуществляемое психотерапевтическое воздействие имеет место в самих магико-мистических актах - шаманском камлании, колдовском или ведовском, знахарском заговорно-заклинательном акте, целительском сеансе. Оно организуется по-разному. При этом могут задействоваться интерьер, одеяние главного действующего лица и аксессуары, используемые им в работе, в том числе вещества для ароматического окуривания, музыка; особенно важен в таких сеансах вербальный текст. Психотерапевтический компонент воздействия на присутствующих зависит не только от исполняющего действие, но и от степени подготовленности перципиента. Любой человек подвержен такому воздействию в силу предрасположенности собственной психики и в силу запаса знаний мифолого-мистического плана.

При характеристике людей, умеющих работать в ИСС, следует помнить о том, что они владеют двумя условно разделяемыми вариантами магико-мистической практики: *суперсенситивной* и *экстрасенсорной*. Разграничение двух направлений деятельности, несколько неудачно выраженное терминологически (при недоговоренности о конкретном наполнении понятий можно посчитать их идентичными), вызвано тем, что не все люди, способные к работе в ИСС, в равной степени владеют возможностями воспринимать информацию и оказывать энерго-информационное воздействие. Итак, работа сенситивного характера сводится к восприятию информации в различных вариантах, вплоть до инсайта ("прямого знания"), позволяющего оператору - по предположениям парапсихологов и иных специалистов - подключаться к Единому информационному полю. Термин "Единое информационное поле" используется чаще в современной эниологии. Целители в таких ситуациях прибегают к более понятным им терминам - "Бог", "Мировой Разум", "Абсолют", а физики, как было показано, говорят о Физическом Вакууме.

Попытаюсь коротко суммировать сведения о разновидностях суперсенситивного получения информации. Это может быть:

1) сверхразвитая интуиция - человек как бы знает заранее, неизвестно откуда, что случится с ним, его близкими или просто где-то встреченными людьми (*Карпенко, 1992*);

2)"параллельные мысли" - обладатель "сверхзнания" в нормальном психическом состоянии четко отграничивает собственные мысли от тех, которые как бы формулируются кем-то в его сознании (разумеется, при развитии болезненных проявлений подобные вещи тут же провоцируют маниакальные состояния).

3)чужой голос, независимо от желания звучащий в сознании или отвечающий на поставленные вопросы (сенситивы - и суперсенситивы, и экстрасенсы - с таким типом получения информации наиболее подвержены возникновению болезненных состояний); при подобном варианте работы современные целители очень часто считают, будто им передают информацию представители иных цивилизаций, а в традиционной культуре голос относили к божественной или дьявольской сущности.

4)инсайт - мгновенное получение ответа на запрос любого уровня и характера, информация приходит в различных вариантах, часто в нескольких сразу, но дается на очень краткое время, поэтому порой оператор при неосведомленности в конкретной области знания не успевает ее принять, например, понять незнакомые слова - они ускользают из сознания, а полученные сведения в итоге могут исказиться;

5)биоинтроскопия - способность получать сведения преимущественно при диагностике человека путем некоего "рентгенозрения" - видения как при рентгеноскопии; такое видение сквозь предметы, бумагу и даже твердые объемные поверхности, в том числе стены, встречается редко, проявляясь чаще всего в результате тяжелых физических травм; биоинтроскопия возможна в цветном и черно-белом вариантах.

6)статичное изображение - видение картин; они могут быть символическими или вполне реалистичными, но требующими чаще всего определенной дешифровки; изображение является и в цветном, и в черно-белом вариантах.

7)динамическое изображение - оператор может видеть своеобразное "кино", некий калейдоскоп событий с весьма четким изображением картин, мелькающих перед его внутренним взором; сюжеты также могут быть реалистического и символического характера, подчас отличаться сюрреалистическим оформлением (последнее зависит не только от пристрастия оператора к

сюрреалистической живописи; подобное бывает и у людей, о такой живописи ничего не знающих).

8)галлюцинаторные проявления бывают обычно в варианте явлений образов не только одному оператору, но и всем (часто весьма многочисленным) присутствующим; образы могут меняться, но сами картины отличаются статикой, держатся довольно долго.

Суперсенситивное знание или получение информации позволяет человеку осознавать процессы, имевшие место в прошлом или настоящем, в том числе происходящие на значительно удаленных от оператора расстояниях (*Болдырева...*, 1992; *Порвин...*, 1993; *Гуртовой...*, 1993), предсказывать будущее. Обычно такие операторы довольно легко работают с событиями личного масштаба. Гораздо сложнее делать точные прогнозы для политических событий, природных катаклизмов. Стоит обратить внимание на то, что операторам-суперсенситивам в их работе часто требуется некий вспомогательный предмет, который многие из них воспринимают как основной при получении информации: это могут быть гадальные карты или карты Таро, кости, лопатка животного и многие другие известные в традиционной культуре предметы и средства гадания; но возможно появление необычных способов "гадания" - видение картин на собственной руке, на небе, на иконе, гадание с помощью разбрасывания соломы.

Сенситивное получение информации осуществляется в разных состояниях: от внешне спокойного, что типично для современных хорошо образованных операторов, которые делают свою работу совершенно незаметно для окружающих - оператор просто отвечает, иногда как бы с небольшой заминкой, на предлагаемые ему вопросы или быстро пишет нужные сведения на бумаге, не теряя при этом контакта с окружающими (10), до полного отключения сознания при включении подсознания в состоянии транса, иступления. В такой стадии аффективного выхода в глубинную фазу ИСС работают часто шаманы, подобное известно и о древнерусских волхвах. В "Повести временных лет" имеется фраза, связываемая исследователями (как, впрочем, и все вставки о волхвах) с именем преп. Никона - "кудесникъ лежаше оцерь" (*Аничков, 1914: 236*).

Экстрасенсорный тип работы связан с возможностями воздействия оператора на окружающих. Очень часто бывает так, что один человек является прекрасным суперсенситивом и при этом оказывается слабым экстрасенсом, и наоборот. Но бывают и исключения, когда в человеке развиты в той или иной степени оба начала - суперсенситивное и экстрасенсорное. Экстрасенсорный тип воздействия ни в коем случае нельзя путать с психотерапевтическим и полагать, будто в случаях магико-мистической практики все "чудеса" происходят исключительно за счет психотерапии, активизирующей психику верящего в возможность чуда человека. Я вынуждена повторить избитую истину: "чудеса" случаются и с теми, кто вовсе не расположен в них верить, правда, при этом очень важным оказывается показатель гипнабельности человека (даже если речь не идет о работе с помощью обычного или эриксоновского гипноза).

О типах экстрасенсорного воздействия говорилось выше, это: 1) биоэнергетическая работа, 2) эниосуггестивное воздействие - внешне в обычном состоянии оператора (естественно, в ИСС) и в типичном состоянии медитации; чаще всего такая работа связана с программированием образно-реалистически или образно-символически выраженного желаемого результата (11), 3) экстроэнергетическое действие (например, при транскирургической операции), 4) экстроинформационная работа (воздействие на любых расстояниях без изначального визуального знакомства с физической сущностью объекта), 5) гипноз в различных его вариантах (12). К названному надо добавить, как минимум, 6) телекинез (*Барашенков...*, 1995).

Об экстрасенсорной практике необходимо еще знать следующее: оператор может воздействовать не только на человека, но и на растения, животных, отдельно взятую живую клетку, определенную среду (в частности, на воду и кристаллы), на технические средства, даже, например, на лазерный луч и многое другое (*Барашенков...*: 1996; *Дубров...*, 1989; *Харитонова*, 1994: 133-140). Экстрасенсорное воздействие значительно усиливается во время коллективных действий, к которым можно отнести камлания, где в работу втягиваются не владеющие экстрасенсорной техникой - умелый оператор имеет возможность использовать потенциал присутствующих.

Экстрасенсорное воздействие регистрируется по-разному (Карцев, 1995): от зримо проявляющихся (напр., при передвижении предметов или командах растениям) до имеющих отдаленные проявленные последствия (напр., при лечении тяжелых и застарелых заболеваний). Это связано и с характером работы, и с типом воздействия, и, конечно же, с желаемым результатом.

В предлагаемом обзоре проанализирована ситуация, характерная для крупных городов, в первую очередь, для Москвы, где сконцентрировалось в настоящее время и научное исследование непознанных явлений, и практическое применение таинственного знания в различных вариантах. Естественно, что на островах российской цивилизации обнажились и обострились несколько не те проблемы, которые свойственны российской глубинке, живущей по-прежнему во многом по традиционным нормам бытия. Однако и туда, благодаря средствам массовой информации, а также "книгоиздательской революции" докатилась волна магического экстремизма. Жители бывшего СССР были подвергнуты атаке А.М.Кашпировского и некоторых его "последователей", в начале книжного бума многие из них обогатили свои немудрящие библиотечки брошюрками по экстрасенсорике, а также книжечками с традиционными гаданиями, заговорами. Чуть позже перестроечная свобода стала очевидной и для хранителей заговорно-заклинательной традиции: к бабушкам и дедушкам увеличился поток приезжих из отдаленных мест, все чаще стали обращаться не только простые односельчане - начали навещаться медицинские работники, знахарей и ведунов стали допускать до работы с пациентами в больницах - по просьбам родственников тяжелобольных.

В сентябре 1992 года во время работы в г. Малоярославце я фиксировала такие сообщения от местных знахарок и ведуний: например, Екатерина Гавриловна М. сообщила о том, что одной из последних ее пациенток была местная врач-гинеколог, успешно пролечившаяся у нее от гинекологического заболевания, от которого она не могла избавиться медицинскими средствами. Другая информантка, Анастасия Ивановна Романова, во время моего пребывания в городке ездила в местную больницу заговаривать ожог - тяжелый больной, на выздоровление которого врачи не очень надеялись, довольно быстро поправлялся. Публикацию материалов, записанных от этих информанток, см.: Харитонова, 1995: 173-180.

Однако необъявленное снятие запрета со знахарства и ведовства не могло привести к каким-либо принципиальным изменениям деревенской ситуации. Традиционная заговорно-заклинательная практика продолжает развиваться по своим внутренним законам, естественно, с поправкой на создавшееся положение. Весна Средневековья случилась в Москве и некоторых других крупных центрах: она повлияла в первую очередь не на хранителей заговорно-заклинательной традиции и настоящих знатоков магико-мистической сферы, а на круг непосвященных, легко верящих в "установки" А.М.Кашпировского, выразительное радиомолчание Алана Чумака и газетные рассказы о привидениях, колдунах, их страшных чарах (13), младенцах, рожденных от инопланетян.

Знахари, ведуны и колдуны по-прежнему "пользуют" своих пациентов с помощью тех познаний, которые им были переданы по традиции. Пожалуй, только некоторые из них стали усваивать современную лексику из области парапсихологии и применять для приезжающих к ним городских людей понятные тем объяснения смысла традиционного деревенского лекарства. Однако в основе своей незыблемыми остаются пока даже представления о сопутствующих лекарской практике явлениях: например, истинные знахари и ведуны по-прежнему не назначают платы за свое лечение, отдавая себе отчет в том, что за Божий дар, доставшийся им часто вопреки их собственно человеческим наклонностям и стремлениям, и Божью помощь человеку они ни с кого ничего просить не имеют права - такую ситуацию уже невозможно себе представить в условиях Москвы, где почти все "потомственные", "наследственные" и даже "монашеские" знатоки своего дела продают "целительную помощь" за весьма внушительные суммы.

Очень любопытны в этом отношении оправдательные интерпретации современных целителей, использующих в работе систему Рейки, о взимании крупных денежных сумм за лечение, а также за «посвящение»: Харитонова, 1997б.

Люди, получившие свои познания в рамках традиции и начавшие практику в родных селах и деревнях, ведут себя в том числе в отношении оплаты за целительскую помощь, согласно канонам, каким следовали их предки. Например, народная целительница (потомственная ведунья) Н.П.Ильина (Харитонова, 1994; 25-34, 1995; 151-156) на вопрос об оплате ее услуг (в настоящее время ведет прием пациентов на дому) отвечает: "Со многих не беру

денег вообще. А как же? Люди приезжают издалека, они и так на дорогу потратились, может, последнее заплатили - что я с них спрошу? Я им еще и сама помогаю. А мне все воздается. Бог все видит. Ко мне придут богатые пациенты, они хорошо заплатят - я с голоду не умру: работать надо, вот и все, на жизнь хватит!" (Архив автора. Зап. 2 января 1999 г.)

Одним из интереснейших сопутствующих заговорно-заклинательной практике явлений считаются взаимоотношения знахарей, ведунов и колдунов с церковью. Поскольку православные храмы восстановлены сейчас в большинстве населенных пунктов городского и сельского типа, то любопытно было бы проследить эти взаимоотношения, чего мне пока, к сожалению, сделать не удалось.

РЕЗЮМЕ

- В последнее десятилетие XX в. в России сформировалась сфера интегративной медицины и народного целительства. Они включают элементы восточных медийн, неразрешенных ранее западных методов (гомеопатия, например), традиционной магико-медицинской практики славян и др.
- Наряду с медицинской сферой резко активизировались, пользуясь отсутствием соответствующей законодательной базы, паразитирующие элементы - оккультные маги, гадалки, предсказатели, предлагающие свою помощь в области бизнеса, личной жизни, здоровья.
- Активно пропагандируются различные оздоровительные методики и духовные практики Востока и Запада, связанные с шаманизмом, буддизмом, индуизмом.
- В нескольких учреждениях страны осуществляется подготовка «народных целителей», в том числе работают курсы по повышению их квалификации и созданы специализированные советы по защите магистерских, а также кандидатских и докторских работ; функционирует Межакадемическая ВАК.
- Практикующие «народные целители» используют различные методики воздействия на человека и окружающую среду (в зависимости от развития собственных суперсенситивных и экстрасенсорных способностей): биоэнерготерапевтическую, биосуттествивную, гишнотические, а также дополнительные методы и техники в традиционных и современных вариантах (массажи, фитотерапию, акиватерапию и многое другое). Мироззренчески они по-разному относятся к традиционной магико-медицинской практике: некоторые унаследовали ее, но большинство имеет ее в своем арсенале как случайную и вторичную, либо же вообще сознательно не обращается к таковой.
- Традиционная магико-мистическая практика, в т.ч. заговорно-заклинательное искусство продолжают на периферии страны развиваться по своим законам, в крупных же городах, и особенно Москве, в определенной среде произошла резкая активизация интереса к оккультизму; наблюдается всплеск оккультных практик разного рода, в том числе «заморских диковинок» вроде культа вуду.

- Создаваемая ситуация позволяет всесторонне и многопланово исследовать не только реальные основы магико-мистической практики и ее своеобразие, но и сопутствующие явления в различных аспектах.

1. При всей сложности взаимоотношений официальной медицины и медицины традиционной, они, кажется, постепенно начинают находить взаимопонимание. См., напр., резюме статьи Кондратовой О.В., Фостенко К.А. "Совершенствование учебного процесса на высших курсах по подготовке и переподготовке народных целителей при ВНИЦГНМ "ЭНИОМ": "1. В последнее время наблюдается значительный приток работников ортодоксальной медицины на Высшие курсы подготовки и переподготовки целителей ВНИЦГНМ "ЭНИОМ", что безусловно должно способствовать повышению качества работы выпускаемых специалистов. 2. К такому же результату должно приводить и увеличение числа слушателей, получающих начальное медицинское образование на медицинском факультате ВНИЦГНМ "ЭНИОМ" (*Вестник...*, 6).

О заинтересованности профессионалов в исследовании «народного целительства» говорит и активное участие медиков в работе названных выше курсов, а также создание межакадемической Высшей аттестационной комиссии (ВАК), организованной несколькими академиями (имеются в виду общественные организации); постановление о создании и положения о межакадемической ВАК см.: *Иулл, №3, 1995; 53-76.*

2. Попытки исследователей логически осмыслить бессознательное не всегда дают неоспоримые результаты. Логизированные интерпретации приводят чаще всего к заключениям о том, что человек является собой своеобразный биокomпьютер. Такая гипотеза представлена, например, в трудах Дж.Лилли. Оценка этой работы имеется в статье В.В.Налимова, Ж.А.Драгаиной "Вероятностная модель бессознательного. Бессознательное как проявление семантической Вселенной" (*Налимов...*, 1984; 120): "Здесь хочется упомянуть, что представления Дж.Лилли (J.C.Lilly) о человеке как биокomпьютере и биопрограммах есть несостоятельная попытка описать бессознательное через логические структуры. Это один из вариантов представлений о человеке как о логическом автомате".

3. Психотехники разного рода, позволяющие воздействовать на сознание и подсознание человека, активно используются многочисленными сектами и школами как религиозного толка, так и ориентированными на "научность" можно вспомнить очень популярную в недавнее время организацию "Аум Сенрикэ", "Белое братство", секту Виссарнона, "являющего последний завет от посланного его отца небесного", а также представителей дианетики и септологии и т.д. Подробный анализ вопроса о деятельности организаций, связанных с идеями возрождения национальных религий, культур и пр. см.: *Штирельман, 1998*

4. Современные представители магико-мистической сферы деятельности часто оперируют разнородной терминологией - оккультной, естественнонаучной и пр., придавая порой понятиям новое содержание. Именно поэтому исследования эмпирического характера, интерпретирующие материалы, полученные от целителей, принято сопровождать специальными словарями.

5. Например, телеканал ОРТ организовал передачи с участием Б.Шапиро-Тулина, пропагандирующего карты Таро.

6. С такой работой я пока встретилась только у В.П.Финогеева.

7. См. специальные книги и статьи Р.Б.Ахмедова - профессионального писателя, вылечившего сотни людей своими фитотерапевтическими сборами (Ахмедов, 1995 и др.).

8. Даже К.Г.Юнг в своей широко известной работе "К психологии и патологии так называемых оккультных феноменов" (Юнг, 1995; 225-300) опирался на данные о людях с тяжелыми психическими расстройствами

9. К известной концепции в последние годы обратились вновь современные исследователи (Вайнштейн..., 1995)

10. Разовые факты проявления сильной интуиции отмечаются у многих людей; постоянное же сверхчувствование встречается редко (Харитонова, 1994; 125-132)

11. Ср. с "образным фаггазированием" Роберта Дезолье (К.Г.Юнг..., 1996; 115-153).

12. Применение некоторых форм глубокого гипнотического воздействия требует обязательного вербального компонента, что весьма напоминает нейролингвистическое программирование (Цатурян, 1993). При этом нельзя забывать о терминологических сложностях: некоторые разновидности суггестивной практики также могут именоваться гипнозом (Райков В.Л. Вселенная и тактильный гипноз/Научно-практические аспекты..., 1995, ч.1; 107-111).

13. К сожалению, в некоторых местах уже были зафиксированы случаи расправ с "колдунами" и "ведьмами", что во многом - и это совершенно очевидно - спровоцировано безграмотной деятельностью представителей средств массовой информации.

ОСНОВЫ МАГИКО-МИСТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ И ЗАГОВОРНО-ЗАКЛИНАТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Приемы обрядов-заклинаний, а отсюда и всех народных обрядов, можно сблизить с магией как позитивной наукой. Этим объясняется твердая вера в силу чар и осуществимость заклинаний. Заклинатель всю силу свою сосредоточивает на желании, становится как бы воплощением воли. Эта воля превращается в отдельную стихию, которая борется или вступает в дружественный договор с природой - другою стихией. Это демоническое слияние двух самостоятельных волеий, две хаотические силы встречаются и смешиваются в этом объятии. Самое отношение к миру теряется, человек действует заодно и как одно с миром, сознание завлакивается гуманоид, час заклятия становится часом оргии, на нашем маловыразительном языке мы могли бы назвать этот час - гениальным прозрением, в котором стерлись грани между песней, музыкой, словом и движением, жизнью, религией и поэзией. В этот миг - созданный сдвигением стихий, в глухую ночь, не озаренную еще солнцем сознания, раскрывается, как ночной цветок, обремененный к утру на гибель, то страшное явление, которого мы уже не можем представить себе - слово и дело становятся неразличимы и тождественны, субъект и объект, колдун и природа испытывают сладость полного единства. Мировая кровь и мировая плоть праздную брачную ночь, пока еще не сплывшей на них злой и светлый дух, чтобы раздробить и разведивить их,

(Блок А.А. "Поэзия заговоров и заклинаний")

Хочу подчеркнуть еще раз, что отличительной особенностью данной книги является исследование живой, существующей по сей день и продолжающей развиваться заговорно-заклинательной традиции на фоне иных типов магико-мистической практики. Эта сфера народной жизни не отмерла в результате борьбы с ней церкви и государства со времен Крещения Руси; она продолжала существовать подпольно даже в советскую эпоху (1). Иное дело, что ее видимые проявления и скрытое бытование по-разному наблюдались и фиксировались, равно как и оценивались. В научной литературе именно это (помимо политических спекуляций и вынужденных недомолвок) вело к заявлениям о естественном отмирании суеверий и колдовства.

В последние десятилетия фольклористы и этнографы фиксировали заговорно-заклинательный материал, лежащий на поверхности

Углубленных специальных исследований с публикациями выводов по такой теме тогда просто не могло быть (2). Сбор материала в условиях фольклорно-этнографических экспедиций и практик сводился к записям сведений, известных самому широкому кругу лиц. Однако любой исследователь понимает, что заговорно-заклинательная традиция есть часть магико-мистической практики, явления эзотерического, скрываемого не только от посторонних лиц (чужих, сторонних наблюдателей), но и от непосвященных людей своей среды. Это - Тайное Знание. И именно **знание «посвященных»**, а не воспоминание о каких-то текстах, которые говорили при случае.

Порой на «посвященных», чаще на «приобщенных» (людей, способности которых не развиты настолько, чтобы говорить об их настоящем овладении **знанием**) выходили отдельные собиратели, которым - при отсутствии продолжателей традиции, например - не самые большие и серьезные знатоки магико-мистической практики пытались **передать** свой дар и навыки (3). Это были редчайшие случаи вынужденной **передачи**, поскольку **знанием** дорожили не как доходным местом (4); «посвященные» понимали, что его **нельзя** безнаказанно доверить случайному человеку: они **передавали** свою практику достойному наследнику (5) или отдельные сведения тому, кому они были необходимы.

Имеется в виду частичная разовая передача. Например, считается, что в некоторых ситуациях любая мать могла оказать сенсорную помощь своему ребенку, особенно, если ребенку еще не исполнилось трех лет. Сливание испуга, загрызание грыжи, снятие бессонницы и т.п. часто выполнялось не знахарками и ведуньями, а бабушкой или матерью младенца, которым передавали на этот случай заговор и сведения об обрядово-ритуальном комплексе, сопровождавшем его; иногда даже специально отрабатывались навыки. И только если мать или бабушка не могли помочь, то тогда уже использовали талант специалиста.

Хочу заметить, что такой тип передачи сохраняется до наших дней. Например, когда моему ребенку понадобилась помощь подобного рода, а оказывать ее было сложно, поскольку соответствующий заклинительный акт должен осуществляться на утренних зорях, то две практикующие целительницы без колебаний обучили меня каждой своему варианту необходимой работы. Кстати, если одна из них владела традиционным знанием по наследству, то другая сообщила мне, что 20 лет назад в аналогичной с моей ситуацией она также получила заговор и наставления по проведению заговорно-заклинательного действия от старушки знахарки, которая не имела возможности к ней приехать и помочь ее сыну, в то время женщина о целительстве еще не помышляла, однако именно этот

первый успешный опыт подтолкнул ее к размышлениям о возможностях воздействия на человеческий организм.

В этом отношении заговорно-заклинательная традиция не отличается от иных разновидностей магико-мистических практик. Например, передача шаманских навыков также осуществляется при наличии "шаманского дара". Естественно, в шаманстве признаки предрасположенности к шаманской деятельности проявляются гораздо более ярко: имеется в виду прохождение кандидата через стадию "шаманской болезни" с ее необычными психическими и физическими характеристиками.

О шаманской болезни существует множество сообщений в различных материалах: *Ксенофонов, 1992; 35-110; Басилов, 1984; 138-170; Ушаев М., 1998; 17-119; Харитонова, 1995а*. Обсуждению состояния кандидата в шаманы в ситуации шаманской болезни посвящены также многочисленные труды исследователей. В этнологической литературе этот вопрос дискусионен. Мнения авторов разделяются: одни считают шаманов психически больными людьми и шаманская болезнь с их точки зрения подтверждает это (Н.Н.Харузин, В.Г.Богораз, Д.К.Зеленин, С.А.Токарев, О.Ольмаркс), другие - вполне здоровыми (С.М.Широкогоров, И.Н.Косоков, И.Чедвик, В.П.Басилов, Г.В.Ревуцenkова), третьи полагают, что наследованные психические отклонения или психическая предрасположенность к особому образу жизни и деятельности исцеляются в результате начала практики шаманских камланий (А.В.Анохин, Л.Я.Штернберг, С.И.Вайнштейн). См. анализ вопроса по состоянию на начало 40-х годов: *Ушаев, 1998; 29-34*.

Единства мнений в оценке феномена "шаманской болезни" психиатрами и психологами также не существует. К сожалению, большинство из них высказываются на основе сведений из специальной этнологической литературы. Это относится, например, к широко цитируемому мнению С.Н.Давиденкова (*Давиденков, 1947; 137-154*). Пожалуй, здесь стоит назвать одну специальную работу, автор которой приходит к прекрасно аргументированному выводу о том, что шаманами не могут быть психически больные люди: *Joehen U. Haas, 1976*. Отмечу, что для современной трансперсональной психологии и представителей других специальностей, в том числе этнологов, освоивших техники ИСС и ПСС (шаманского состояния сознания), такой вопрос в принципе не стоит. Очень хорошо сказал о шамане психолог и этнолог Х.Кальвайл, который подчеркнул, что шаман «не психотик и не дитя», и резюмировал: «Психология переживает период младенчества по сравнению с теми знаниями, какими владеет шаманья, а психиатрия излившие отягощена чисто теоретическими знаниями» (*Кальвайл, 1998, 168*).

В шаманстве обретение знания часто происходит непосредственно: не через реальную передачу от старшего младшему, а через

выход кандидата на это **знание** самостоятельно, в период "преследования его духами". Обретение **знания**, разумеется, не только в шаманстве но и в любой иной магико-мистической практике, связано с навыками проникновения в ту таинственную сферу, которую именуют коллективным бессознательным (6).

Все это означает, что до сути магико-мистической деятельности знатоков славянской заговорно-заклинательной практики всегда было очень трудно добраться. На поверхности оказывался только вспомогательный ряд - обрядово-ритуальный комплекс, заговоры. Мало того, при распространении сведений о магико-мистической практике в рамках заговорно-заклинательной традиции в первую очередь обращалось внимание на то, что надо было заучивать и запоминать заговорно-заклинательный текст. И это небезосновательно. Сам по себе вербальный компонент для «приобщенных» (8) к **знанию** был своего рода палочкой-выручалочкой, - ведь если текст был составлен и использовался как подручно-вспомогательное средство «посвященным» специалистом (то есть, был "работающим" текстом), то он и у слабого ведуна или знахаря мог сработать как это самое вспомогательное средство.

Более подробно о "магии" текста, действия и особых предметов будет говориться в специальных разделах. Здесь же подчеркну еще раз только то, что текст - именно заговорно-заклинательный, основной текст заговорно-заклинательного акта (*Харитонова, 1992: 91-106*) - пытались в первую очередь получить и заучить все непосвященные специалисты. Данная тенденция приводила всегда к тому, что распространялось, естественно, не **знание**, а только навыки и вспомогательные средства (*Харитонова, 1993: 1997*) Эти сведения всплывали на поверхность, расходясь все шире: тексты искажались при передаче, утрачивая свою изначальную ритмико-мелодическую стройность, и становились из "магических" самыми обычными слегка или значительно подпорченными фольклорными образцами, что позволяло практикующим легко расставаться с ними

Суть практики в рамках заговорно-заклинательной традиции не просто хорошо скрывалась - она даже не могла быть выявленной по естественным причинам: проблема **передачи знания** лежит в совершенно иной сфере. Для настоящей **передачи** нужен был

избранник, обладающий необходимыми задатками, либо же, в критической ситуации (когда, например, колдун, жаждущий смерти, не мог уйти без этой передачи) - случайный человек, которому посвященный мгновенно открывал энергетические каналы и "перестраивал" (в нейрофизиологическом плане) работу мозга (Харитонова, 1990: 36-44).

Сообщений об "озарениях", случившихся благодаря деятельности сильного колдуна (экстрасенсорно одаренного человека), очень много. Вот как, например, рассказывается об этом в одной из быличек (9):

"...Был дедушка у них какой-то, колдун. И вот он, когда помирал, никак долго помирал, не мог помереть. Так вот кто в избу зайдет летом, как кто заходит, он:

- Пате! Подойдите ко мне! Пате!

Но уж все знают, че он колдун, там сыновья да невестки. Никто к нему не подходит, уходит. А я, гыт, была девчонка, може, лет там девять мне было, я забежала хлеба кусочек взять, а он:

- Хвения, подойди ко мне! На!

Я, говорит, подошла, он меня за руку взял - я все знать стала"

(Зиновьев, 1987: 256-365).

Среди записываемой фольклористами сказочной прозы встречаются и иные сообщения об обретении **знания**, хорошо иллюстрирующие различные варианты спонтанного проявления суперсенситивно-экстрасенсорных свойств, известных энологам. Разумеется, объяснение появления этих способностей в фольклорной прозе может быть весьма далеким от реальности. В качестве примера приведу сообщение твиз былички, зафиксированное мною в Полесье: девушка, вынужденная искать пропавшую в Иванову ночь корову, ходила по лесу и неожиданно для себя осознала, где эта корова может находиться. Обнаружив ее на "увиденном" месте, она вернулась домой, легла спать, а утром обнаружила в своем лапте "цветок папоротника". Она решила, что именно этот цветок ей позволяет "видеть" и "знать", завила его в ладанку и всю жизнь не рассказывалась с ним, помогая своим знаниям людям.

Таким образом, резкая активизация суперсенситивных способностей, происшедшая, очевидно, на фоне сильного эмоционального стресса (блуждание по лесу в Кутальскую ночь¹), мотивируется обретением таинственного цветка папоротника.

Обладание ведовско-колдовским **знанием**, как и шаманским даром, никогда не являлось благодатью. Если это было настоящее **знание**, то многие пытались избежать его получения. К обретению **знания** относились и относятся до сих пор как к тяжелому бременю, обязующему человека вести определенный образ жизни, жить для

других, а не для себя и тяжело расплачиваться за любую попытку уйти от своего предназначения.

- Я тябя, дитешак ты мой, у Господа Бога вымолила. Бабка-то твоя ждала внучку от старшего сына, чтоб ей свою печисть прирядать, а я за тябя все молилась, чтоб Господь Бог ды Присвятая Дева Богородица того не допустили. Вот оно так и случилось, ты хоть и в не избе пародилась, ды в два иразлика вяжиких пошла - на Пасху и в день Ягория Великомученика. Тебя сам Господь уберет, под свою крылышку взял.

- А кому же потом бабушка силу передала?

- Чирлей-то своих? Как положено младшему сынку пошел. Он с того видно, и пить стал."

(Архив автора. Зап. в 1976 г. от Зарициковой Н.Т. 1901 г.р.; Тамбовская обл., Уваровский р-н, с Павлодар.)

Одна из современных целительниц, получившая по наследству свое звание от бабушки, на мой вопрос, хотела ли она это звание унаследовать, честно призналась, что у нее были совершенно иные планы в жизни и она долго пыталась избежать начала активной практики.

- Просто вот обстоятельства так сложились, передали и вынудили. Меня сначала просто это бесило. Ко мне же все приставали. Я говорила: ну отстаньте вы от меня, отстаньте, ради Бога, - ну не хочу я лечить! И все-таки... представляете? - вот судьба! Мне жалко людей... Они издалека часто приезжают. И работаю каждый день, каждый день!

- Эту судьбу Вам предопределила бабушка?

- Да. Она меня выбрала. И Натальей назвали. У меня еще были две двоюродные сестры Натальи. И вот, представляете, как странно: обе они умерли, - одна еще маленькая была, а вторая уже после того, как бабушка мне передала... Судьба!

(Харитонова, 1995: 154-155).

От «посвященных» почти невозможно получить материал, используемый ими в их практике, если они осознают его магическую значимость. Впрочем, у них в активе обычно имеется совсем немного того, что является ценными полевыми находками для фольклористов и этнографов - заговоров или ритуальных экзотических действий, в которых можно усмотреть мифологические корни.

Стремление записать как можно больше заговоров и сведений о них всегда приводило исследователей, как, впрочем, и незадачливых искателей "магических ключей", к выходу на поверхностные познания о навыках и вспомогательных средствах, используемых в заговорно-заклинательной традиции. Именно поэтому наши научные архивы обладают довольно значительным

капиталом заговорно-заклинательных текстов, которые могут использоваться, пожалуй, только для культурологических и для сугубо филологических разысканий. Такие тексты в большом количестве записывались от тех, кто мог считаться знахарем или ведунном; иногда этих людей (по незнанию или из-за отсутствия терминологической дифференциации) именовали колдунами. Однако, они, как правило, были далеки от настоящего **знания**.

Данное утверждение не противоречит существующему убеждению, будто знахарско-ведовская практика имела свои положительные результаты. Дело в том, что именно знахари и, отчасти, ведуны больше и чаще других обращались к прикладной медицинской деятельности: среди них встречались хорошие костоправы, фитотерапевты, знатоки способов остановки кровотечений. Заговорно-заклинательные тексты и обрядово-ритуальный комплекс использовался ими сообразно традиционным представлениям о деятельности в рамках магико-мистической практики. Эти вспомогательные средства фактически и являют собой фольклорно-этнографическую традицию почти во всем ее многообразии.

Исследователям не удавалось проникать только в святую святых - в ту сферу, где обрядово-ритуальный комплекс вместе с текстом, разумеется, были не просто данью традиции, а являлись действенными средствами магико-мистической практики. Они "работали" у специалиста, которому были необходимы для его деятельности, а не просто употреблялись в силу знания фольклорно-этнографической традиции.

Любопытно, например, высказывание народного целителя, художника по образованию, обладающего врожденными суперсенситивно-экстрасенсорными способностями, что было замечено уже в раннем детстве, которому знание было передано по наследству: "Я проверял Вашу книжечку (имеется в виду публикация Харитонова, 1992а) - в ней не все тексты работают, знаете, большинство просто как стихотворение: читаешь, а толку никакого!"

(Архив автора. Зап. в сент. 1994 г., г. Москва, от Шайдулина И.К.)

Здесь необходимо сделать одно важное пояснение: лица непосвященные, но обладающие определенными навыками и сведениями о магико-мистической деятельности -- «приобщенные», часто бывают абсолютно уверены в том, что используемые ими в их практике вспомогательные средства срабатывают как основные. И

это естественно: ведь речь идет о людях, не обладающих сильно развитыми сенсорными способностями, значит, они сами не могут отследить энергоинформационную сторону своей деятельности, порой даже понять и прокомментировать ее психоэнергетический аспект, и полагаются только на конечный результат, либо даже на собственное нездоровое восприятие действительности. Если заказчик достиг своей цели, то исполнитель заговорно-заклинательного акта считает, что сработала его система воздействия, независимо от того, что в действительности дало ожидаемый эффект. Объективная оценка эффективности воздействия и оценки со стороны пациентов могут весьма значительно различаться (*Стефанов, 1993*), не говоря уже об оценках самих практикующих какое-либо воздействие - полагаться на них, как показывает практика современного целительства, невозможно (10).

Из сказанного следует, что собиратель фольклорно-этнографического материала при высокой степени доверия к нему со стороны информатора может фиксировать те заговорно-заклинательные комплексы и тексты, которыми пользуется специалист-практик. Однако при этом у собирателя никогда не может быть уверенности в том, что он записал действительно работающую программу: скорее всего, его познакомят с набором вспомогательных средств, отражающих представления человека не посвященного, а приобщенного к знанию о магики-мистической практике. Более того, легче со своими познаниями расстаются именно те, кто понимает их малую ценность.

Приведу один пример из собственной практики. В 1981 году во время работы в Полесской экспедиции (11) я встретила в с. Выступовичи Житомирской области Овручевского района с прекрасно знающей традиционную культуру пожилой женщиной Прасковьей Никитовной Назаровой. Она была весьма сведуща и в области магики-мистической деятельности. Информатор сообщила мне, что знает заговоры, а также то, как надо заговаривать, от членов своей семьи, где практиковали многие. Однако она только научилась всему тому, что могла наблюдать; передали же знание не ей, а ее кузену Ивану, который жил на соседнем хуторе и считался одним из выдающихся колдунов в округе. К нему шли со своими бедами и недугами не только местные жители. Страждущие приезжали

издалека, даже из Киева и других городов. Сама Прасковья Никитовна в тяжелых случаях также обращалась к нему.

Судя по ее рассказу, дед Иван обладал большими ясновидческими способностями, помимо навыка собственно экстрасенсорного воздействия. При встрече со мной колдун без колебаний оказал мне необходимую лечебную помощь, используя заговорно-заклинательный акт, который включал биоэнергетический компонент (как минимум!); говорить же о магико-медицинской практике отказался, объясняя это тем, что не может рассказывать о своей деятельности и тем более что-то передавать, пока сам практикует, да и **передать** может только настоящему преемнику! И это в то время, как от его кухни я записала все заговорно-заклинательные тексты, известные ей, а, по ее словам, именно ими и должен был пользоваться дед Иван (12). Обращу внимание на то, что сама Прасковья Никитовна "лечила" этими текстами; к ней приходили люди, которым она шептала, и кое-кому ее работа, как она считала, все-таки приносила пользу, хотя при передаче своих познаний она не раз подчеркнула, что от нее никакого толку нет, а вот от Ивана, который знает все то же самое (с ее точки зрения именно это, но, может быть, и еще что-то, о чем она не прознала), польза большая всем.

Приведенный пример достаточно типичен. Об информаторах можно сказать, что дед Иван значительно превосходил свою кухню в экстрасенсорных и суперсенситивных качествах; однако Прасковья Никитовна также не была лишена этой одаренности, хотя суперспособности развиты у нее в гораздо меньшей степени. Судя по всему, знахарка рассталась столь легко со своим "наследственным капиталом" не только по причине осознания собственной экстрасенсорной слабости, но и в силу преклонного возраста (у нее было уже мало зубов, а их наличие, как известно, считается признаком знахарской силы и важным средством при правильном нашептывании заговоров); дополнительным стимулом к передаче познаний было и то, что Прасковья Никитовна увидела во мне заинтересованную преемницу, с другой же такой она могла уже не встретиться.

Охарактеризованная ситуация собирательской работы является собой пример естественной передачи познаний. Полученные сведения позволяют изучать фольклорно-этнографическую традицию без проникновения в суть магико-мистической практики.

Для этнографа и фольклориста они ценны сами по себе, поскольку отражают реальное состояние заговорно-заклинательной традиции. Для оценки же специфики магико-мистической практики такой материал мало интересен, так как в данном случае не передавалось **знание** (информатор не обладала им сама) и не было этапа приобщения к конкретной практике, то есть прямого обучения в естественных ситуациях.

Обращу внимание на то, что подобный материал фольклористы и этнографы считают наиболее ценным. И если не стремиться понять явление, а только описывать состояние традиции, то такие исполнительские откровения на самом деле очень интересны, ведь максимальное количество имеющихся в архивах записей представлено текстами, зафиксированными от случайно знающих их людей, а это уже, если можно так сказать, материал, выброшенный на периферию традиции. Разумеется, он также может быть использован при специальных филологических исследованиях. Однако не будем забывать, что в данном случае часть не является микромоделью целого; она представляет собой довольно искаженное отражение одного из аспектов целостной магико-мистической практики и заговорно-заклинательной традиции. Такие тексты, как правило, бесполезно использовать при изучении ритмико-мелодических основ заговорно-заклинательной деятельности (что вполне понятно), а, если подходить к исследованию требовательно и серьезно, то их нельзя как абсолютно достоверные применять даже при анализе поэтической специфики заговоров. Последнее обусловливается импровизационностью заговорно-заклинательных актов, в рамках которых тексты могут как бы заново моделироваться и быть весьма далекими от тех застывших оригиналов, которые информатор способен воспроизвести в искусственной ситуации. Об этом интересном факте бытования заговорно-заклинательной традиции мне уже приходилось писать (*Харитонова, 1993*).

Таким образом, очевидно, что в ситуации с изучением магико-мистической практики и заговорно-заклинательной традиции, как ее разновидности, необходимо корректировать цели и задачи с реальными собирательско-исследовательскими возможностями. Важно разграничивать исследование магико-мистической практики ради постижения ее сути и изучение заговорно-

заклинательной деятельности для характеристики фольклорно-этнографической традиции. Первое отстоит далеко от простого анализа набора поэтически оформленных заговорно-заклинательных текстов и способов их применения. Любой из вариантов работы даст свои результаты, но, пожалуй, эти результаты будут с трудом соотносимы друг с другом.

Надо полагать, что многочисленные утверждения об отмирании заговорно-заклинательной традиции имеют отношение непосредственно к последнему типу собирательской работы и типу анализа набора получаемых при таком собирании текстов. Сама традиция в ее этнофольклористическом варианте в значительной степени редуцировалась, но отмирать, судя по всему, не собиралась вовсе. Закономерные же модификации, свойственные эволюции фольклорно-этнографической традиции в целом, не могли совершенно не затронуть заговорно-заклинательную деятельность. Этот эволюционный процесс требует серьезного современного исследования с учетом того, что магико-мистическую практику - даже в заговорно-заклинательном варианте - искоренить в принципе невозможно, поскольку она отражает одну из сторон функционирования человеческого организма в природном и космическом континуумах. Изучать такую практику необычайно сложно, но это задача вполне реальная, особенно в современной ситуации своеобразного "возрождения" многих явлений эзотерического характера.

Данная работа, как было оговорено изначально, методологически исходит из идеи междисциплинарных комплексных исследований с опорой на естественнонаучные достижения последних лет (см. гл. I). С позиции традиционной науки здесь имеется "нематериалистическое" допущение. Оно сводится к расширению или уточнению понятия "материя": к оперированию термином "тонкая материя" ("психическая реальность") наряду с привычно употребляемым термином "материя", "грубым" вариантом ее. Это толкование вводит в сферу "материального" психоэнергетический и энергоинформационный уровни человеческого существования, а также принимает концепцию прямой зависимости грубой физической материи от ее тонкоматериального слоя и наоборот, что известный исследователь парапсихологических проблем, инженер-механик, кандидат технических наук

Г.М.Заднепровский выразил в виде такого правила: "Каждое изменение в биологической структуре тела **ОБЯЗАТЕЛЬНО** приводит к изменениям в энергоинформационной обстановке; каждое изменение в энергоинформационной структуре **МОЖЕТ** привести к изменениям на физическом плане". "Понимание механизма этих процессов лежит далеко за рамками классических представлений о формах взаимодействия различных видов материи" (*Заднепровский, 1995, 81, 79*).

Энерго-информационная реальность, о которой идет речь, это, фактически, торсионные поля. "Тонкий мир" - одно из наименований образно-символического видения таких полей суперсенситивно одаренными личностями. Для обычного человека «тонкий мир» - некая ирреальность фантомного характера. Отличающиеся необычными свойствами люди говорят не только о возможности видеть происходящее в этом образном мире, но и о реальных действиях в нем.

Г.М.Заднепровский приводит в качестве доказательств научные факты - фантастические, с точки зрения традиционного материалиста, как-то: "История парапсихологических исследований содержит многочисленные и впечатляющие примеры проявления эффекта переноса информации. Наиболее показательными из них являются эксперименты по материализации человеческой сущности и конечностей тела, проведенные известными учеными Ш.Рише, В.Круксом, О.Д.Лоджем, В.Д.Крауфордом и др. В этих экспериментах, проведенных со всеми возможными предосторожностями и в условиях строгого контроля, информационную структуру, создаваемую мысленными усилиями медиумов, доводили до плотного состояния субстанции, "...имеющей, - по словам Нобелевского лауреата Ш.Рише, - циркулирующую кровь, тепло, мышцы, выдыхающей углекислый газ, имеющей вес, разговаривающей и думающей..." (*Заднепровский, 1995, 79*).

Аналогичные факты приводятся в других научных трудах (*Дубров..., 1989*). Очень показательный пример собственной работы такого рода описывает в книге "Мистики и маги Тибета" знаменитая "дама-лама" Александра Давид-Неэль (*Давид-Неэль, 1991*).

Приведу обширную цитату, заслуживающую внимания (цитируется перевод с французского, точность воспроизведения терминов не гарантируется):

"Что же касается возможности создать и оживить призрак - в ней я не могу сомневаться, она вполне реальна.

По привычке ничего не принимать на веру, я решила тоже попытаться произвести опыт материализации. Чтобы не поддаться под влияние внушительных образов ламаистских божеств, всегда бывших у меня на глазах, так как их живописными и скульптурными изображениями я обычно себя окружала, я выбрала для материализации незначительную личность - приземистого дородного ламу бесхитростного и веселого нрава. Через несколько месяцев добряк был создан. Мало-помалу он "закрепился" и превратился в нечто вроде незваного гостя. Он совсем не ждал моего мысленного приглашения и являлся, когда мне было совсем не до него. В основном, иллюзия была зрительной, но как-то я почувствовала задевший меня мимоходом рукав платья и ощутила тяжесть его руки на своем плече. В это время я не жила в затворничестве, каждый день ездила верхом и, по обыкновению, пользовалась отличным здоровьем. Постепенно я стала замечать в моем ламе какую-то перемену. Черты лица, которыми я его паделила, изменились. Его толстощекая физиономия похудела и приняла хитроватое и злое выражение. Он становился все назойливее. Одним словом, лама ускользал из-под моей власти. В один прекрасный день пастух, приносящий нам масло, увидел мой призрак и принял его за самого настоящего ламу во плоти. Может быть, мне следовало бы представить это явление его естественному развитию, но мой необычный компаньон начинал действовать мне на нервы. Его присутствие превратилось для меня в настоящий кошмар. Я уже начинала терять контроль над ним и решила рассеять иллюзию. Мне удалось это только после полугода отчаянных усилий. Моему ламе жилось в это время не очень-то весело.

Нет ничего необычного в умении вызвать галлюцинацию произвольно. Самое интересное в этих случаях "материализации" то, что и другие видят созданный вами воображением образ" (*Давид-Нель, 1991; 210-211*).

И еще пример: "Как-то днем меня посетил один тибетский художник, с увлечением писавший ужасных тибетских богов и усердно им поклонявшийся. За художником я разглядела темного туманный силуэт одного из его фантастических персонажей, так часто фигурирующих на его полотнах.

Я была так поражена, что невольно сделала резкое движение, и художник направился ко мне, без сомнения, с намерением спросить, что со мной случилось. Я отметила, что призрак за ним не последовал. Быстро отстранив моего гостя, вытянула руку и сделала несколько шагов к призраку. Я ощутила прикосновение к чему-то неплотному, отсутствующему нажатию. Призрак рассеялся.

В ответ на мои вопросы художник признался, что он уже несколько недель вызывал виденное мной существо, а в тот день долго работал над изображавшей его картиной. Словом, все его мысли были сосредоточены на божестве, которое он мечтал изобразить. Сам тибетец призрака не видел" (*Давид-Нель, 1991; 209*).

Восприятие «тонкого мира» как объективно существующей реальности характерно для многих культур, которые хорошо сохранили элементы мировоззрения ранних стадий развития человека.

Например, С. В. Иванов, анализируя представления народов Сибири о слове, мысли и образе, приходит к выводу о том, что особенность этих представлений заключается "в приписываемой словам и фразам способности превращаться в видимые животными и фантастическими существами образы, обладающие хотя и призрачной, но все же материальной природой" (Иванов, 1975: 121). Близкие такой трактовке представления наблюдал у долган А. А. Попов, который зафиксировал устойчивые воззрения на объективность существования своеобразных двойников всех вещей и людей, которые способны «войти в голову» человека, заставляя его думать о конкретном существе или предмете (Попов, 1959: 86). Очень интересны интерпретации представления хакасов о том, что энические произведения надо обязательно воспроизводить в полном объеме. В хакасском фольклоре есть легенда о сказителе, который не соблюдал такого закона. Однажды он ехал по дороге и вдруг увидел гору, на которой сидел богатырь, рядом с ним стоял конь. Богатырь спросил сказителя: "Меня почему так оставил, почему в горе оставил?" Сказитель после этого умер (Трояков, 1969: 34).

Вряд ли современный человек, человек цивилизации, вправе относить такие представления только к «заблуждениям древних». Методологический подход, предлагаемый в данной работе, требует смещения некоторых акцентов (как минимум!) в оценках отдельных неплохо изученных явлений, таких, как анимизм, например. Не исключено, что человек, подозревавший в былые времена наличие живого и «мыслящего» начала во всем окружающем его, был гораздо ближе к истинному пониманию положения вещей в космосе, чем его потомок-рационалист, с трудом допускающий веру в наличие «души» у самого себя. Эксперименты с «телепатическим» воздействием на животных, растения, живую клетку в этом отношении очень показательны.

Данных по затронутой проблеме множество. Укажу на широкоизвестные опыты дрессировщика В. Л. Дурова с животными, которые проводились при участии В. М. Бехтерева (Дуров, 1924; Бехтерев, 1919; Вопросы изучения..., 1920; Васильев, 1962). О современных работах по воздействию на клеточные культуры, растения, животных см.: Кренделева..., 1994; Карцев..., 1994; Порвин..., 1993 и др.

Разумеется, этнология была далека от таких знаний и теорий. С. В. Иванов, например, исследуя представления народов Сибири, пришел к заключению: "Подобные представления легко могут быть истолкованы как магические, хотя в действительности они ими не являются. (...) Приведенные в настоящей статье этнографические и философские материалы позволяют сделать вывод о стихийно-

материалистическом характере рассмотренных нами воззрений народов Сибири" (Иванов, 1975: 125-126). Для автора «магическое» и «материалистическое» противоположны: однако современная физика доказывает их единство.

Реальность существования "тонких" (психических) миров и наличие процессов взаимодействия, взаимовлияния "грубой" и "тонкой" материи объясняют очень многое в магии и мистическом видении мира. Добавим к этому, что посредником в контактах материальных сфер, своеобразным медиумом, является каждый человек. Но особенно сильными и активными медиумами оказываются люди с высоко развитыми эниосуггестивными возможностями: *суперсенситивными* – необычные способности в области восприятия - и *экстрасенсорными* – необычные способности в сфере воздействия на окружающий мир. **В основе магики-мистической практики всегда лежали действия человека по отношению к себе подобным и окружающей среде (в первую очередь, к биологически живому), осуществляемые на психоэнергетическом, энергоинформационном уровнях (13).**

Энергоинформационная сфера, присущая, как минимум, всему живому ("живому" в обычном научном понимании), существует по своим объективным законам. Человек способен их понять. Легче всего для людей, не обладающих специальными знаниями и навыками, это прослеживается в сфере психического. Многие могут чувствовать и оказывать психоэнергетическое воздействие, которое поддается определенной корректировке и управлению со стороны лиц, знающих законы психоэнергетики и энергоинформатики и умеющих их использовать по своему желанию. Осознание этих законов во все времена достигалось сообразно уровню развития человечества - конкретной этнокультурной традиции. Именно поэтому работа по их использованию обставлялась сопровождающими факторами, соответствующими степени развития человеческой ментальности на определенном этапе развития общества: магики-мистические представления и практика обрастали специфическими проводительными контекстами и объяснениями. Подобное прослеживается не только при сравнении оккультных воззрений различных исторических периодов, но и, разумеется, при сопоставлении

эзотерических концепций отдельных личностей, обладающих высокоразвитыми психоэнергетическими свойствами. Достаточно сравнить хотя бы концепции "великих посвященных" (*Шюре, 1914*), не затрагивая различия этнокультурного характера в народной традиции

Итак, если суть магико-мистической практики сводится к знанию и овладению энергоинформационными законами и психоэнергетическими свойствами, то путь к обретению «магических» ключей связан с освоением навыков перехода к такому состоянию организма, когда с наименьшей затратой сил можно максимально эффективно действовать, опираясь на **знание**. Состояние же организма, которое позволяет обрести магико-мистические качества, есть не что иное, как Измененное Состояние Сознания, которое позволяет проникать в глубины бессознательного, а это сопровождается переходом к особому типу работы бессознательного-подсознания-сознания, дающему возможность в глубинно-абстрактно-обобщенном виде ощущать Вселенную в целом, то есть, воспринимать реальность в архетипическом или символично-метафорическом варианте. "С глубокой древности было известно, что контакт с архетипическими слоями реальности происходит в особых психических состояниях. Как их сейчас принято называть, измененных состояниях сознания (ИСС)" (*Файдыш, 1995: 65*). Пути достижения ИСС и работа в них своеобразны в различных этнических традициях.

Остановимся на этом вопросе несколько подробнее, так как специфика погружения в ИСС многое объясняет в славянской заговорно-заклинательной деятельности. Известно, что в шаманской и заговорно-заклинательной традициях используются разные типы перехода в ИСС. Многие шаманы и колдуны владеют различными типами погружения в измененные состояния сознания; в отдельных случаях они могут использовать нехарактерные для их традиции способы. В целом же практика шаманизма связывается с аффективным типом погружения в ИСС, а заговорно-заклинательная практика - с особой разновидностью медитативного типа (*Харитонова, 1995: 42-47, 92-94*).

Аффективный тип отличают ярко выраженные трансово-экстатические проявления на определенных стадиях ИСС, что

достигается путем активного использования музыкальных ритмов (игра на бубне, хомусе и пр.), танцевальных движений, песнопений, а также употребления галлюциногенов. Шаманское камлание является актом театрально-зрелищным, требующим наличия широкого круга участников ритуала и допускающим присутствие посторонних зрителей. Заговорно-заклинательное действо отличается прямо противоположными чертами: оно осуществляется тайно при участии только непосредственно задействованных в нем лиц или в строжайшей тайне - только самим заклинателем; вхождение же в ту или иную стадию ИСС происходит либо путем недолгой медитации, либо же путем "прямого выхода" - инсайта.

Медитация (в трактовке, имеющей отношение к практике йогин индийской и тибетской тантре) - внутреннее сосредоточение сознания на идее и на образе, сопровождаемое полной отрешенностью от внешнего мира, отсутствием эмоциональных проявлений, расслабленностью организма, углублением в подсознание и коллективное бессознательное - предполагает прорыв на новый уровень понимания бытия, с помощью медитации просматриваются психосоматические состояния, мотивации, действия любых существ, а также явления, описанные в канонических текстах, которые представляются компендиумом поступков людей и их мотиваций (типичное видение медиатора должно соответствовать содержанию канонического текста). Медитация может служить достижению 1) практической цели (хилляр), 2) дисциplinирующего познания (праджня), 3) конечной цели просветления (бодхи) и нирваны. Одна из целей медитации - освоить увиденное или воображаемое настолько, чтобы безошибочно устанавливать диагноз болезни, ее причины и способы возможного лечения.

В российской заговорно-заклинательной традиции о медитации в йоговском понимании, как правило, речи не идет; однако в процессе работы используется именно принцип абстрагирования от окружающего и концентрации на заданном. Техника подобной медитации допускает (особенно на начальных этапах работы) наличие всех составляющих традиционного заговорно-заклинательного акта.

Приведу пример осмысления медитации в современных исследованиях: "Техника медитаций - умение управлять континуальными потоками сознания без обращения к языковым средствам. Предметом управления является придание четкой направленности свободно текущим, логически не упорядочиваемым потокам мысли.

(...)...медитирующий выходит за границы логически-структурированного сознания. Возникает особое состояние сознания, при котором происходит как бы "слияние" с объектом медитации, "растворение" в нем, потеря представлений о границах собственной личности. Дискретные символы языка оказываются недостаточными для выражения этого состояния сознания. Нарушаются законы Аристотелевской логики, противоречия не вызывают больше удивления, исчезают

причинно-следственные упорядочения явлений, изменяются представления о пространственно-временной структуре мира. Парадоксальность переживаемого воспринимается - как во сне - как нечто естественное" (Наимов, 1978; 90; о различных вариантах медитации - Scharfetter, 1995).

Инсайт - "прямое знание" - соотносится с техникой мгновенного выхода в Единое Информационное Поле и получением "по запросу" любой необходимой информации, в том числе, это мгновенный переход к такому варианту ИСС, который позволяет оказывать необходимое воздействие. "Прямой выход" - это тоже своего рода медитация, но очень краткая, сопровождаемая резким переключением работы мозга в нужный регистр. Подобный тип перехода практикуется редкими специалистами, достигшими большого прогресса в развитии собственных сенситивных и экстрасенсорных возможностей.

Славянская заговорно-заклинательная традиция пришла к особому медитативному варианту погружения в ИСС, возможно, не сразу. Во всяком случае период до введения христианства на Руси позволяет говорить об использовании в магики-мистической практике аффективного типа погружения. Те немногие свидетельства, которыми располагает наша наука, подчеркивают именно аффективные проявления ритуалов, связываемых с волхвами (материалы по древнерусским источникам: *Срезневский, 1958: 1358, 1541; Аничков, 1913; 1914*). Фольклористы, обращавшиеся к изучению волховской деятельности, как правило, подчеркивают ее аффективные особенности: "При языческих игрищах и жертвенных пирах ведун и ведьма впадали в состояние иступленное, в котором произносили предсказания и заговоры. Это подтверждается самым характером языческих празднеств и тем поверьем, что заклинатель, произнося заговор, сам расслабевает, теряет силы" (*Афанасьев, 1851; 159; см. также: Белкин, 1975; 30-36 и др.*). Сходство практики волхов и шаманов, равно как их поведения при отправлении ритуалов, было замечено известным исследователем народов Средней Азии Н.Я.Бичуриным, который использовал термины "волхование" и "шаманство" как равноправные, например: "Она лечила и волховала, т.е. шаманила силою духов" (*Бичурин, 1950: 197*). Идея сходства волхов и шаманов отстаивалась Е.В.Аничковым: "Преподобный Никон несомненно о волхвах знал больше, чем сообщил. (...) Это даст нам представление, как о шамане инородцев. Что и славянские волхвы шаманили, я заключаю из этого упоминания в наших поучениях "вертимого плясания", как

самого ненавистного" (*Аничков, 1914; 236*; см. также: 274-275). Эта идея вновь возникает и в наши дни (*Ревуненкова, 1984; 36*).

Многие исследователи настойчиво подчеркивают мысль о том, что в древности колдовская практика в своих основных проявлениях была сродни шаманской. "В эпоху язычества, - пишет Н.А. Никитина, - русский колдун был шаманом. Возможно, что он тогда камлал как доброму, так и злему божеству": "Когда на колдуна "накатывает", он сохраняет сознание, но воля его целиком подчиняется нечистой силе. Сопротивление ей может кончиться смертью колдуна" (*Никитина, 1928; 324, 312*). А.А. Морозов усматривает проявление шаманских черт даже в практике древнерусских "знахарей и шептунов", которые появились на Руси с приходом христианства, в результате разгрома и уничтожения язычества (*Морозов, 1946; 212*).

Это не означает, будто медитативный тип погружения в ИСС совсем не был известен на тот момент в магико-мистической практике славян. Не исключено, что в деятельности такого рода могли существовать параллельно два типа погружения в ИСС. Иное дело, что письменных свидетельств на этот счет мы не можем ожидать по тем же причинам, по каким трудно обнаружить точные и достоверные материалы о колдовстве в поздних научных исследованиях. Независимо от того, был или не был распространен медитативный тип погружения в ИСС в славянской магико-мистической практике на момент существования института волхвов, именно он либо выжил, либо сформировался и развился под давлением обстоятельств с момента начала крещения Руси. Преобладание в заговорно-заклинательной традиции медитативного типа перехода в ИСС позволяет сделать ее легко скрываемой от посторонних глаз. Скрытой остается основа магико-мистической деятельности, ее суть. Открытая сторона такой практики - ее ритуально-обрядовый комплекс: в первую очередь вербальный и реально-акциональный компоненты (терминология: *Толстой, 1995*). Наиболее сильные представители магико-мистической сферы деятельности хорошо знают, что в этой практике и словесный (заговорный), и предметно-действенный компоненты являются вторичными, вспомогательными. Сильные колдуны могут обходиться без вспомогательного ряда.

Один из примеров такой работы, отраженной в быличке:

"У нас в Коровинной был дядя мой, (...) библию читал, "Черную магию" эту изучал. Но на "Черную магию" его не хватило. Что там не хватило: энергии ли что ли? Бросил он ее. Так он здорово этим делом-то занимался.

Однажды там у нас Костя Федотов женился. Свадьба бежит, а мы сидим на завалинке. Он:

- Ребятиньки, хотите свадьбу посмотреть? (А он всегда дружил, а тут они его не пригласили на эту свадьбу дружить, вот он имя и мстил.)

Мы говорим:

- А че? Хотим, конечно, посмотреть.

- Смотрите, сейчас у передней тройки выпрыгнуте копи. Ну, вот стоим (примерно метров триста было), смотрим: дуга! - дак ить слышно - щелкнула да и кверху вылетела! Но, поплин смотреть, приходим туда. Действительно невеста, жених.. Они уже бежали от вешца. Он:

- Но, посмотрели?

- Посмотрели.

О, они потом его тут: вино, лента на бутылке. (...) Вот видите! Вот это видал. ...Вот и заставил выпрыгнись. Вот это то же на моем веку было."

(Зиньков, 1987: 194-195 285)

Одна из моих информаторов-колдуний, похваляющаяся тем, что может "присвистить любую девушку" (она имела четверых сыновей, которые еще не были женаты), на мой вопрос, как она это делает - будет вынимать след, наговаривать еду и питье или что-то еще? - ответила:

- Того я не роблю: я подявлюса на ййии - и все!

- Но при этом что-то скажете про себя или подумаете?

- То тильки здумаю - и все!"

(Архив автора. Записано в 1985 г. в с. Любязь Любешовского р-на Вольской области, УССР).

Человечество открыло для себя множество вариантов перехода в ИСС. Самые простые из них связаны с приемом препаратов, способствующих изменению биохимического функционирования организма, работы мозга и психики. Наиболее распространенные среди них - прием алкалоидных или галлюциногенных препаратов: использование спиртных напитков, настоев и отваров трав, грибов мухоморов, кактуса пейота (14). К этой же группе способов перехода в ИСС относится современное употребление лекарственных препаратов, а также традиционных наркотических средств. Специалистам по психиатрии хорошо известны такие способы изменения состояния сознания: некоторые из них были использованы в научных исследованиях: например, широко известный галлюциноген ЛСД-25 применялся психиатрами и психологами *(Гроф, 1994)* при экспериментах с сознанием и

подсознанием человека, а также для лечения психических заболеваний.

Другие способы перехода в ИСС опираются на психоэнергетическую работу. Всем хорошо известны явления гипноза, когда оператор, знающий законы суггестии и отработавший принципы психоэнергетического воздействия на людей и животных, может влиять на избранный(е) субъект(ы), подавляя его волю, отключая работу сознания и передавая команды непосредственно в подсознание. Этим командам объект не может не повиноваться, превращаясь на время гипнотического сеанса в своеобразного биоробота, ощущающего только приказы своего оператора. О гипнозе и его техниках написано множество трудов (*Гримак, 1978; Райков, 1995; Lankton, 1995 и др.*). В этом кругу явлений наибольший интерес вызывает техника гипноза, разработанная американским психиатром Эриксоном (*Erickson, 1976; The collected..., 1979-1980; Хейл, 1994*). Особенно любопытны те варианты гипнотического воздействия, при которых сознание перципиента не подавляется полностью, однако работа оператора по воздействию на подсознание оказывается не менее значимой.

Гипнотический тип перехода в ИСС связан со сторонним воздействием, подавлением личностно-сознательных начал. Психоанализ (15) предложил иной тип работы с подсознанием человека, не требующий специального отключения сознания. Различные методики работы с психикой позволяют мягко воздействовать на психоэнергетику перципиента, ненавязчиво корректируя его подсознание; при этом действия оператора согласуются с сознанием конкретной личности. Однако психоаналитические методики не требуют значительных изменений в состоянии сознания, хотя и не избегают этого полностью.

Существуют и психоэнергетические варианты работы человека с собственным мозгом, которые не стоит рассматривать как "самогипноз" - термин представляется некорректным; специалисты пользуются им редко и, как правило, с определенными оговорками, так как самовоздействие сводится не к угнетению сознания (16), а к особым вариантам работы мозга, при которых, как показывают нейрофизиологические исследования (*Гуляев, 1960; Свидерская, 1987; Подклетова..., 1990; Стрелец..., 1997; Кобкина, 1997*).

изменяются принципы активной деятельности правого и левого полушарий и их взаимосвязи. В данном случае выявляются два внешне противоположных типа работы, которые уже упоминались ранее — аффективный и медитативный. Первый рассчитан на действия, напоминающие состояние аффекта (наиболее ярко проявляется не только в шаманских камланиях, но и в религиозно-экстатических действиях, обрядово-ритуальных комплексах (Коновалов, 1908; Райт, 1971: 125-137; Сатлаев, 1971; Дугаров, 1991 и др.), второй же использует техники физического расслабления и концентрации ментально-волевых усилий, наиболее четко отработанные в медитации йогов.

Приведу один очень показательный пример действий аффективного типа: "Калачунами назывались плясуны, собиравшиеся ежегодно один раз только на десять дней, обыкновенно между праздниками Вознесения и Святыя Троицы. Во все сие время калачуны, пробегая местечки и деревни, везде тащовали и прыгали, для таких танцов, вдруг ими сочиняемых, имели они разные размеры, а танцующая едва касалась земли — казалось, летали по воздуху. Они были не просто плясуны, но походные привилегированные комедианты-плясуны, и даже ворожеи и колдуны, одевались в женское платье (ср. с трансвестизмом в шаманизме. *Богова-Тан*, 1910), головы украшали венцами, сплетенными из полыни и других цветов, говорили по-женски, а чтобы не быть узнаваемыми, лица свои покрывали белыми платками. Каждый из калачунов, держа в руке обнаженную пшягу, имел право заколоть оную на том же месте всякого, кто бы осмелился открыть его лицо (...) Суевенная чернь еще приписывала сим калачунам силу исцеления застарелыя болезни: Калачуны, положив больного на землю, начинали прыгать, и, при некоторых местах своих песней, топтали лежащего с головы до ног, ворчали ему на ухо нарочно составленные речи, которыми приказывали болезням удаляться. Князь Кантемир говорит без шутки, что троекратное повторение сего лечения исцеляло от болезней, противившихся долговременному искусству врачей" (Руссов, 1828: 477-478).

Любой из названных типов перехода в ИСС предполагает прохождение через различные стадии: от более простых и слабых к более сложным и сильным, глубоким. Трудности в выделении и обозначении стадий углубления в ИСС вызываются тем, что различные техники (в том числе личные варианты той или иной техники) не просто позволяют представлять классические образцы путешествия от сознания через подсознание к бессознательному, а демонстрируют возможность в каждом конкретном случае с различной скоростью оказываться в той или иной стадии ИСС. Если помнить, что речь идет о сфере психоэнергетической и

энергоинформационной, то нельзя не понять, что двух идентичных ситуаций здесь просто быть не может. Дополнительная сложность разграничения стадий перехода и углубления в ИСС связана с терминологической неразберихой в специальной литературе. Не говоря о том, что психологи и психиатры с большим трудом находят точки соприкосновения в изучении столь специфической области, обратим внимание на некорректность употребления в этнолого-этнографических и антропологических изданиях терминов "транс", "экстаз", "гипноз". Обычно они используются при описании шаманских камланий и обрядово-ритуальных действий экстагического характера. Абсолютное большинство авторов не делают различий между трансом и экстазом; гипнозом же могут именоваться любые явления суггестивного воздействия (Клорозов, 1994). На путаницу в использовании терминов указала Р.Амайон (Hamayon, 1993).

Приводимая ниже таблица, определяющая и характеризующая стадии перехода и углубления в ИСС, в терминологическом отношении тоже является достаточно условной: некоторые специальные термины, употребляемые здесь, заимствованы из медицинской литературы, в том числе частично использованы данные по схеме погружения в гипнотическое состояние (стадиям гипноза) - (Консторум, 1959; 37; автор опирается, в свою очередь, на схему Фореля).

Приведу основную схему С.И.Консторума, характеризующую стадии погружения в ИСС путем гипнотического угнетения сознания:

I степень - легкая сонливость (сомнолентность), чувство расслабленности, гипнотизируемый еще в состоянии проявлять энергию и сопротивляться внушению, например, может открыть глаза;

II степень - гипотаксия, когда реализуются внушения, касающиеся двигательной сферы, но не удаются внушения сенсорных явлений (например, галлюцинаций) и не наступает последующей амнезии;

III степень - сомнамбулизм, когда реализуются любые внушения (гипнотические и постгипнотические) с последующей амнезией.

Далее автор особо выделяет состояние каталепсии, характеризующейся восковой гибкостью с возможным внушением "автоматических движений" (с.38).

С.И.Консторум делает также ряд важных для нашего исследования замечаний, а именно: 1) о том, что стадии гипноза не всегда проходятся последовательно; 2) о вариантности сомнамбулизма и 3) его качественном отличии от сомнолентности и гипотаксии - "Если можно говорить о чисто количественной разнице между сомнолентностью и гипотаксией, то между ними и сомнамбулическим гипнозом разница уже как будто качественная" (с. 39). 4)

"...суггестия, как правило, начинается ("вводится") с воздействия на двигательные функции" (с. 37).

Обращу внимание на одно редакционное пояснение из цитируемого труда: "При изучении стадий гипноза необходимо иметь в виду, что учение о высшей нервной деятельности позволяет физиологически обосновать постепенное развитие гипнотического состояния и уточнить разграничение стадий его развития" (с. 37).

Схема поэтапного погружения в ИСС

Фазы		1	2	3	4	5
типы работы		состояния				
гипнотическое состояние		сомнолентность	гипотаксия		сомнамбулизм	катаlepsия
			шарм	магнетизм		
аффективное возбуждение	индивидуальное	эмоционально-физическое напряжение (возм + секс.)	экстаз	транс	исступление (одержимость)	оцепенение
	коллективное	эмоционально-физическое (+ сексуальное) напряжение	экстаз	транс	одержимость (исступление)	визуализация и материализация
ментальность		эмоционально-физическое отключение	сосредоточение в подсознании	работа в подсознании (вкл. чужое)	прорыв в бессознательное	единение со «сверх сознанием»
		(подготовка «Я-физического» к работе)	(выход на «астральный» уровень)	(работа на «астральном» уровне)	(попытка прорыва на «ментальный» уровень)	(работа на «ментальном» уровне)

Предлагаемая схема смоделирована мною в результате длительных наблюдений над состояниями людей, пытающихся оказывать воздействия различного рода на окружающих, и изучения описаний аналогов в специальной литературе. Она включает только основные типы погружения в ИСС и являет собой некую суммарную

достаточно условную модель. В реальности возможны различные модификации конкретного типа, что зависит от условий эксперимента, навыков испытуемых, особенностей перципиентов. Однако все различия сводятся к скорости прохождения тех или иных стадий погружения и разнообразию внутренних и внешних проявлений состояния человека на определенной фазе погружения.

Данная схема требует некоторых комментариев. Во-первых, она может быть расширена, как минимум, за счет "творческого" типа (точнее, типа "творческо-вдохновенных озарений"), "сексуального" типа (Харитонова, 1995б; 223-228), а также типа "сновидческих" погружений. Во-вторых, необходимо помнить, что она представляет обобщенно-универсальное видение основных стадий погружения в глубины бессознательного. Естественно, что в различных вариантах перехода к ИСС каждая стадия будет внешне выражаться своеобразно, отлично по поведению индивида и внешнему отображению его психо-физических ощущений. Однако многообразные варианты одной стадии объединяет основная компонента: степень углубления в ИСС, позволяющая включить конкретные механизмы работы человеческого мозга и овладеть - на время нахождения в этой стадии ИСС - определенными "магико-мистическими" способностями.

Различные техники погружения - и это вполне очевидно - свидетельствуют о существовании двух диаметрально противоположных путей достижения глубин бессознательного (Сверхсознания): пути активного психо-физического возбуждения в результате аффективного поведения (камлания, ритуально-экстатическая обрядовая и религиозная практика, секс, творческое вдохновение) и пути подавления психо-физиологических проявлений (гипноз, медитация, сновидения, кома).

Стадия I Углубление в ИСС на пути психо-физического возбуждения требует включения всех резервов человеческого организма, чему способствует обращение к активным творческим проявлениям: хорошо ритмизованному музыкальному сопровождению, подвижным ритмичным танцам, мерно-ритмичному пению, а также активному дыханию, бегу, прыжкам и др.; путь психо-физического подавления требует релаксации, психо-физического расслабления, замедления, задержки или особого ритма

дыхания. "отключения" индивида от окружающего мира и сосредоточения в себе, концентрации на психо-ментальной работе. Данная стадия может рассматриваться как подготовительная; она только вводит человека в состояние овладения ключами к магико-мистической сфере.

Стадия II. В первом случае по внешним проявлениям характеризуется экстатическим поведением индивида: восторженно-приподнятое эмоциональное состояние, физическая активность, которую трудно сдерживать, сексуальное возбуждение; индивиду уже сложно остановить себя, поскольку произошло «включение» энергетической системы (задействованы нижние чакры). Во втором случае стороннее гипнотическое угнетение и медитативная концентрация могут ощущаться как слегка "приподнятое состояние" или состояние успокоенности - то и другое сопровождается ощущением легкости межчеловеческих контактов, чувством возможности глубокого понимания состояния и эмоциональных проявлений другого индивида. Данная стадия максимально приближена к выходу в глубины бессознательного: неслучайно люди, освоившие техники медитации, именуют ее, как правило, стадией перехода на астральный уровень. Это этап активного функционирования эмоционально-психической сферы, на котором особенно удаются психо-эмоциональные контакты. Такое состояние можно сопоставить с эмоциональным подъемом у человека в периоды влюбленности, при активизации творческих проявлений, появлении вдохновения.

Стадия III. При аффективном возбуждении отличается переходом к состоянию видимой отрешенности от окружающего мира и погружением в себя; внутренне это сопровождается «магнетическими» ощущениями, чувством высокого «электромагнитного напряжения» (может сопровождаться реальными проявлениями - вплоть до вывода из строя электромагнитных приборов), человеку становится сложно реагировать на внешние проявления «вещного мира». При гипнотическом и ином подавлении наблюдается "полуотключенность" сознания (классический гипноз - перцепиент сконцентрирован на командах гипнотизера и фактически уже не реагирует ни на что иное) с теми же, что и в первом случае, ощущениями - наиболее восприимчивые

индивиды могут чувствовать движения стороннего сигнала внутри своего физического тела. Данная стадия являет собой первую ступень серьезного углубления в сферу бессознательного (точнее, кажется, было бы определить ее как выход на уровень подсознания): знатоки "путешествий в бессознательное" могут говорить о реальности работы на астральном уровне. Эта стадия позволяет глубоко внедряться не только в собственное подсознание, но и подключаться к подсознанию другого индивида, с которым требуется установить контакт; естественно, она дает возможность воздействия на свое и чужое подсознание, трансформации психо-энергетического характера. Здесь проявляются возможности к диагностированию и серьезной корректировке психо-физического состояния другого индивида.

Стадия IV. На пути возбуждения отличается крайними формами аффекта - иступление и одержимость требуют максимального психо-физического напряжения, причем индивид ощущает, что он уже не подчиняет себе, своему сознанию собственные психо-физические проявления, а сам подчиняется им, что и вызывает эффект "одержимости" (активизированное психическое берет верх над физическим); путь подавления свидетельствует также об отключении сознания при ярко выраженной отрешенности от окружающего (в гипнозе - прямом воздействии оператора на подсознание перципиент уже не может самостоятельно выйти из столь глубокого погружения).

Данная стадия - этап предельного приближения к собственно бессознательному; она может описываться как переход от астрального плана к ментальному. В любом случае подобное углубление в ИСС требует серьезной подготовки, поскольку сфера сознания на этом уровне погружения может утратить возможность восстановления своих функций, что грозит срывом в состояние, относимое психиатрами к психическим заболеваниям. Эта стадия характеризуется столь сильным "расширением сознания" (то есть углублением в бессознательное или выходом к сверхсознанию - в зависимости от принципов интерпретации трансперсонального), при котором могут демонстрироваться самые невероятные "магические" трюки - шаманские "фокусы", «вселение духа» в процессе камлания (одержимость). В таком состоянии значительно увеличиваются

возможности получения необычной информации, однако «истинное знание» может быть искажено при перекодировке его в план логического мышления и переводе на вербальный язык. Не исключена даже полная потеря обретенных сведений и фантазирование на заданную тему как результат утраты сведений из области «истинного знания».

Стадия V. На данном этапе два внешне различных пути погружения в ИСС смыкаются: путь возбуждения демонстрирует резкое изменение состояния индивида - у него внезапно наступает нейрофизиологическое торможение или полное отключение (человек падает и лежит некоторое время без признаков жизни); путь подавления фактически предлагает то же самое в вариантных характеристиках (сильный гипнотизер может довести до каталепсии, демонстрирующей полное физическое оцепенение, при котором человек, например, может лежать "как бревно" на двух опорах; углубленный в медитацию йог может не просто продемонстрировать отсутствие физических признаков жизни, но временно как бы прервать ее).

Данная стадия демонстрирует выход в бессознательное, контакт с Единым Информационным Полем, что позволяет в этом состоянии обладать полной «вселенской информацией» или информацией «Сверхсознания», находиться вне реального для нашей системы координат времени и пространства при одновременной гиперконцентрации пространства/времени, «сжатии» их до полного отсутствия. Это мгновения уникального мистического опыта. К сожалению, "самым трудным для научного изучения сознания является необходимость признать гипотезу о его трансперсональной природе у человека (то есть, выходящей за пределы психики отдельной личности)" (Налимов..., 1984: 113).

Естественно, предлагаемую схему можно соотнести с трансперсональными штудиями и прокомментировать через перинатально (внутриутробный)-трансперсональный опыт.

Например, Ст. Гроф выделяет по меньшей мере три типа экстаза, которые могут быть сопоставлены с типами погружения в ИСС: "океанический" или "аниолинический" (ср.: медитативный тип), "вулканический" или "дионисийский" (ср.: аффективный тип), "инфлюэнциальный" или "прометеевский" (творческий тип). Каждый из типов экстаза, выделяемых автором, наиболее ярко проявляет

характеристики некоторых из базовых перинатальных матриц (*Гроф, 1993: 336-339*).

Поэтапное погружение в ИСС также соотносимо с базово-перинатальными матрицами - БНМ, (*Гроф, 1994: 122-168, 173-175*).

Эксперименты с ЛСД и холотропным дыханием подтвердили известное ранее из эзотерической практики: "...с помощью химического препарата воспроизводилось и обнародовалось то, что давно было известно в практике религиозных учений, но всегда держалось в глубокой тайне - под покровом эзотеризма. Обнаруженный феномен сопричастности бессознательного не только онтогенезу (натальные матрицы памяти), но и всему эволюционному прошлому, включая онто- и филогенез, еще не полностью осмыслен современной наукой" (*Налимов..., 1984: 114*).

Предложенный экскурс в технику изменения состояний сознания демонстрирует глубинное сходство различных типов и этапов погружения в ИСС. Овладение этими техниками или какой-то одной из них позволяет человеку вполне сознательно управлять процессами и состояниями на психоэнергетическом и энергоинформационном уровнях. Именно такая работа и является "магико-мистической" деятельностью в различных ее проявлениях.

Теперь представим, насколько трудно принять это утверждение тем, кто исследует фольклорно-этнографическую традицию и успешно записал не один десяток заговоров. Обычная собирательская деятельность с установкой на то, что записываются образцы старинного народного творчества, появление которых было спровоцировано древними суевериями, ничего другого не предполагает и, заметим, не может получить. Ни один обладатель настоящего знания не опустится до того, чтобы "показывать фокусы" ради развлечения публики (в данном случае речь не идет о демонстрациях во время шаманских камланий различных необычных свойств человеческого организма - напр., хождение по раскаленным углям или нанесение бескровных порезов на тело) либо убеждать кого-то в том, что он обладает этим самым таинственным **знанием**: существуют не просто суровые нравственные запреты, но и четкое осознание, что при таком поведении можно лишиться навсегда **знания**, поплатившись за это своим психическим и физическим здоровьем.

Славянская заговорно-заклинательная традиция, как и любая другая магико-мистическая практика, в основе своей всегда базировалась на **знании**, на использовании определенных техник перехода в ИСС и работы в таких состояниях. Это можно обнаружить в различных обрядово-ритуальных действиях, которые до недавнего времени имели место в бытовой практике. Очень ярким примером такого рода являются южнославянские ритуальные исцеления во время русалий (*Арноудов, 1920*)

Обрядово-ритуальные действия, естественно, использовали именно аффективный тип перехода в ИСС. Однако абсолютное большинство таких действий позднего времени свидетельствует о проявлении начальных неглубоких стадий ИСС – у участника действия обычно наблюдается эйфорическое состояние при эмоционально-физическом подъеме. Это характерно для различных обрядово-ритуальных празднеств, связанных с танцами, плясками, песнопением. Интересно, что в некоторых из них явно учитывается момент нарастания эмоционального подъема и прослеживается стремление к его усилению, активизации: например, севернорусские печорские "горки" с вождением медленных хороводов (движение строго «посолонь» в соответствии с правым, положительным торсионным полем!), постепенно переходящих к более подвижным и быстрым и завершающимся плясками – одно из свидетельств правильно организованного действия, способствующего выходу в начальные стадии ИСС. Неслучайно поэтому после хороводных гуляний люди чувствовали своеобразное весеннее обновление организма.

Частная магико-мистическая практика славян, как уже было замечено выше, использовала медитативные типы работы. Помимо них не исключалось гипнотическое воздействие, точнее это можно обозначить как суггестивное программирование.

Об этом свидетельствуют лица, на которых оказывалось подобное воздействие. Вот один из примеров:

"Было это на свадьбе на одной. Мы приехали туда с Васей. Началась гулянка. Ну, уж все подвыпили, песни поют. А я петь люблю. Голос у меня красивый. Я пою - все удивляются. И вот был там один дядька. Он ко мне подошел и говорит: "Давай с тобой выпьем". А мне и невдомек, что что-то случиться может. Я с ним пить-то отказалась. Он усмехнулся и пошел.

Тут опять начали петь. А у меня настроение хорошее, я опять пою! Вдруг замечаю, что на меня все как-то странно смотрят и молчат. И тут я понимаю, что я пою, а голоса-то своего совсем не слышу. Я хочу людям-то сказать что-то - а голоса совсем нет, а мне кажется, что я просто кричу изо всех сил! Тут мне так странно стало, я заплакала. Ну, тут Васю привели. Он посмотрел на меня и все понял. Он ведь, Вася-то, у нас сам колдун, только не сознается: ему мать передала.

Он послал за тем дядькой. Тот идет - а Вася встал в двери, уперся руками в косяки и стоит, его не пускает. А тот перед ним также встал. И вот они стоят, смотрят друг на друга. Ну, тот дядька-то не выдержал. Отвел глаза и пошел. Вася - за ним. Не знаю уж, что они там во дворе делали, только Вася за мной пришел, вывел меня во двор, а тот - там на завалинке сидит. Вася-то говорит, чтобы я перед тем стала на колени и прощения просила. Делать нечего, я стала на колени, а сама думаю, как же я буду прощение просить, если я ни слова вымолвить не могу? Хотела так что-то сказать - не получается, а прощение просить - голос идет! Ну, я попросила у него прощения. Он мне и говорит "Ветавай, молодка, да не хорохорься больше!" Ветав сам и пошел. И со мной все нормально стало. Только плакала я потом очень" (*Харитонова, 1990: 41*).

Не исключено, что восточнославянские колдуны могли использовать галлюциногены или алкалоиды. К сожалению, подобными вопросами никто, насколько мне известно, специально не занимался. Я также ранее не собирала подобных материалов: в моем архиве есть только случайные записи о возможном употреблении, например, мухомора. В частности, моя бабушка, рассказывая мне об одном из известных в тамбовско-воронежском пограничье колдунов, упоминала о том, как он всегда собирал и использовал мухоморы. Окрестные жители знали, что он очищал со шляпок мухоморов краску и неизвестно для чего сушил эти очистки; оставшиеся части грибов использовал в пищу, поскольку они не содержат ядовитых веществ. Рассказывалось также о грибах "плясунках" (бледная поганка?), которые могли специально использоваться в целях изменения состояния сознания, поскольку после их приема люди "на стены лезли - плясали и скакали". Есть отдельные упоминания об употреблении белены (белладонна?) в подобных целях. Однако, это только глухие свидетельства, материал же такого рода, повторяю, специально не собирался.

Таким образом, в восточнославянском колдовстве, очевидно, использовались варианты медитативного и гипнотического перехода в ИСС. Множество сведений на эту тему содержится в различных рассказах-меморатах мифолого-религиозного характера (*Харитоно-*

ва, 1990а), которые записывались в большом количестве и имеются во многих архивных хранилищах (18).

Приведу еще пару довольно показательных примеров из опубликованных материалов:

"Есть у нас колдуны, где же их нет-то? Вот и у вас в городе поди есть? Нашего Григорий зовут. Если кто его разозлит, дак он не прощает. Робит он у одного, а тот ему не заплатил, че ли. Дак он так сделал, что тот мужик, хозяин, гонядь свою не видит, а остальные видят все. Или еще с одним хозяином разругался, и тот теленка своего перестал видеть. Люди видят, а он нет" (*Былички...*, 1991: 269-228).

"А вот тут, я тебе скажу, в Знаменке при моих глазах картина была. Промколония тогда еще гоняла по Нерче лес. А в Знаменке ходил паром через реку (он и сейчас там же ходит). В то время перевозчиком работала одна женщина. И вот мимо парома плот проплывал. Один на плоту взял да посмеялся, отправил ее. Сам хохочет. Она ему:

- Не пожалей смотри!

Он хохочет. И вот, видно, отпесло их немного, его и схватило.

Пришлось к берегу приставать. Пристали, его привезли в Знаменку в больницу. Но и там ничо не могут сделать. Тогда председатель сельсовета пошел к ней и говорит:

- Ты, Марся?

- А вот так и так.

- Ты уж его прости, они тебе лобу сумму выплатят.

Она тогда уж согласилась, простила его. У него сразу все прошло.

- Теперь, - говорит, - сроду я не буду!"

(*Зиновьев, 1987: 133/190*).

Видимо, работа медитативного характера в российском колдовстве всегда стремилась в своем совершенствовании к инсайту ("прямому выходу") - сложнейшему и наиболее быстрейшему варианту переключения функционирования мозга. Поэтому неслучайно настоящих колдунов было немного (как, впрочем, и больших шаманов). Вряд ли это предопределялось административными и церковными преследованиями. Скорее всего, инсайт был известен издревле. Утвердившийся в традиции вариант работы требовал очень серьезной подготовки и значительного развития суперсенситивно-экстрасенсорных способностей у знающих.

С позиции развития подобных способностей и использования определенных вариантов воздействия на людей и окружающую среду в славянской заговорно-заклинательной традиции можно выделить три известные фигуры, занимающиеся

постоянной магико-мистической практикой: знахарь, ведун, колдун. (Харитонова, 1995: 28-42). Помимо этого существуют маги, не прибегающие к заговорно-заклинательному искусству. Это классифицирование, как и любая иная попытка загнать в рамки жесткой схемы сложнейшие явления человеческой жизни, разумеется, в достаточной степени условно. Пытаясь выделить основные типовые фигуры, связанные с магико-мистической практикой, приходится сознательно идти на условное использование терминологии. Однако последнее неизбежно: наименования представителей магико-мистических профессий в народной среде расплывчаты, неустойчивы и многочисленны.

«Это отмечали многие исследователи. Лица, о которых идет речь, известны под многочисленными и разнообразными названиями: колдун, ведун, чаровник, чародей, чернокошечник, еретик, ведьма, чаривник, характерник, волшебник, ворожбит, знахарь, явоток, знающий, шенгун, порчельник, ворожба, заговорник, лекарь, дял, Дял женщины, ведьма, ведунья, вепига, знахарка, гадалка, чародейка" (Токарев, 1957: 22). В этнографических описаниях XIX и начала XX в. обычно выделяются две основные "профессии", которые даже противопоставляются одна другой: это колдуны и знахари, как их чаще всего называют. (...)

Надо сказать, что профессии знахаря и колдуна имеют в известной мере разные исторические корни, разную основу. Профессия знахаря основывается прежде всего на знании разных лечебных трав и приемов народной медицины, к чему применяются, конечно, и различные шарлатанско-магические средства, заговоры-заклинания и т.п. Таких знахарей-врачевателей мы находим в самых примитивных народах. Профессия же колдуна связана с древней верой во вредоносную магию - порчу, с чем соединяется отчасти и вера в сверхъестественную власть человека над природой" (Токарев, 1957: 22, 23).

Есть и иное мнение, высказанное собирателем полевых материалов "Один и тот же человек - кудесник, знахарь и порчельник называется в жизни колдуном, а по смерти, если бы он заходил по ночам и стал бы есть людей (...) еретиком" (Ефименко, 1874: 187).

Разница в терминологии объясняется не только наличием множества диалектов и нескольких наречий в трех восточно-славянских языках, но - кажется, в большей степени - слабым осознанием того, что конкретно именуется тем или иным словом. Определяют явления и именуют лиц, с ними связанных, те, кто не имеет четких представлений о знании посвященных и об особенностях их работы. И как современный человек не в состоянии понять, чем отличается, например, биоэнерготерапевт от

эниосуггестолога, так хранитель народной культурной традиции не может четко осознать, в чем отличие деятельности колдуна от работы знахаря: совершенно естественно, в такой ситуации употребление существующих терминов будет неустойчивым и неточным.

Попытки выявить множественность терминов в народной среде и как-то использовать существующие наименования важны скорее для лингво-фольклористических изысканий. Наша задача - исходя из сути "магико-мистических" (психоэнергетических и энергоинформационных) процессов, выделить и поименовать, не удаляясь значительно от традиции и учитывая известные представления «посвященных», значимо различающихся по принципам работы суперсенситивно-экстрасенсорно одаренных людей и примыкающих к ним по роду деятельности лиц. А такая классификация (с оговоркой ее условности, как и любой иной) может включать четыре названных типа.

Разграничение знахарей, ведунов, колдунов и магов основывается на принципиальной разнице в характере их способностей, деятельности, используемых средств и техник. Это различие определяется в первую очередь степенью развития необычных способностей у людей, которые стремятся к занятиям магико-мистической практикой, в том числе в ее заговорно-заклинательном варианте.

У славян, занимающихся магико-мистической практикой, отмечены все известные варианты необычных способностей: телепатия («чтение мыслей» на расстоянии), ясновидение (видение – различными способами – происходящего в местах, где не присутствует оператор), проскопия (предвидение событий в будущем) и ретроскопия (знание о событиях прошлого), предсказания через ясновидческий сон (целенаправленное вызывание сна-предсказания, запоминание его и расшифровка), инсайт (мгновенное обретение любого знания путем «единения со Сверхсознанием»), биоинтроскопия (в просторечии – рентгенозрение; диагностирование за счет видения «как на рентгене»), гипноз, биоэнерготерапия, эниотерапия (эниосуггестивное воздействие), телекинез (передвижение предметов или удерживание их «энергией мысли»; обычно используются пассы руками на близком расстоянии), телепортация («перевос» предмета из одного хронотопа в другой), транسخирургия

(комбинированный вариант работы при минимальном использовании режущего инструмента и основном биоэнергетическом и эниосуггестивном воздействии) и прочее. Обретались и развивались они по-разному: человек мог отличаться необычными задатками с детства, получить какие-то способности путем непосредственного развития при обучении учителем; возможен и вариант быстрого раскрытия (супер)способностей при непосредственном воздействии предшественника, умеющего это делать, или в результате каких-либо психо-физических потрясений, тяжелых физических травм, особенно некоторых травм головы; эмоционального шока, длительной депрессии (Харитоновна, 1995; 90-91; 1999, 289).

Из современной эниологии известно, что такие способности человек может развивать на протяжении своей жизни, если он знает, как это делать и постоянно практикует в магико-мистической сфере. Разумеется, у каждого из нас есть предел развития любых талантов; кроме того, на этом пути можно оступиться, что приводит к нежелательным последствиям, вплоть до перехода адепта в разряд психически больных. Анализ сведений о том, что могли делать маги, колдуны, ведуны и знахари, позволяет предположить: каждая из названных групп людей стояла на определенном уровне развития суперсенситивных и экстрасенсорных качеств.

Круг знахарской деятельности охватывал по преимуществу народную медицинскую практику прикладного характера. Она включала фитотерапию (лечение отварами и настоями трав), мануальную практику (костоправство и массажи), рефлексотерапию (в основном, прижигание известных точек энергетических каналов, например, полынью), литотерапию (лечение камнями), акватерапию (водолечение в бане и проруби), уринотерапию (лечение мочой), апитерапию (лечение медом и продуктами пчеловодства), гирудотерапию (лечение пиявками), рудометство (кровопускание) и некоторые другие частные методики практического лечения.

Помимо навыков в области чисто прикладных вариантов лечения знахарь мог обладать некоторыми способностями биоэнергетического свойства и суммой познаний в области обрядово-ритуальной практики.

В дальнейших характеристиках я могу опираться только на личные наблюдения без использования аппаратуры и свидетельства пациентов. Это были

как разовые эксперименты в полевых условиях, так и длительные наблюдения с контрольными повторами. В лабораторных условиях я имела возможность контролировать избранных испытуемых в необходимых для эксперимента количествах, кроме того, за ними велось наблюдение со стороны группы специалистов ВНИИТМ «ОНИОМ», материалами которых я могла пользоваться.

Биоэнергетические свойства (*Харитонова, 1993а*) у знахарей и знахарок проявляются в лечебной деятельности: используя какой-либо один или сразу несколько (комбинацию) приемов прикладной медицины, они одновременно при осуществлении заговорно-заклинательного акта могут (почти случайно!) оказывать слабое влияние на биоэнергетику пациента. Однако основная сфера их воздействия ограничивается физическим телом пациента. При большинстве несложных заболеваний этого вполне достаточно для полного излечения; в сложных же ситуациях они иногда очень значительно облегчают состояние больного, не устраняя причины заболевания и, естественно, не излечивая пациента полностью.

Если знахарь обладает развитыми хотя бы в некоторой степени суперсенситивными способностями, то он лучше и легче диагностирует пациента и, естественно, воздействует на него. Успех лечения и в данном случае предопределяется не только личными качествами лекаря, но, в первую очередь, суммой и качеством его познаний в области прикладной медицины. Можно сказать, что знахари, как и привычные нам современные медицинские работники, могут быть более или менее плохими или хорошими в зависимости от их осведомленности в лекарском деле. Несобычные способности здесь проявляются редко и играют незначительную роль, но, и не обладая таковыми, человек, знающий прикладную медицину, практиковал достаточно успешно.

Обрядово-ритуальная сторона деятельности может осмысляться и использоваться знахарем по-разному. Это зависит от нескольких причин. Использование заговорно-заклинательных текстов и сопровождающих обрядово-ритуальных контекстов диктуется наличием определенной суммы познаний в этой области. Если знахарю, помимо чисто прикладных навыков, передали такие сведения, то он будет их применять с большей или меньшей степенью активности. Степень активности может зависеть от:

- осведомленности человека о ценности этой стороны практики,
- возможности использования "магической" составляющей

ритуально-обрядового комплекса (по причинам: 1) наличия способностей у конкретной личности и степени развития их, а также 2) качества переданного материала).

Не исключены варианты, когда обладающий повышенными психоэнергетическими способностями знахарь не пользуется известными текстами и даже обрядово-ритуальным контекстом из-за некачественности переданного материала, что он сам может оценить благодаря своим способностям и отказаться от этого полностью или частично (в зависимости от своих нравственно-интеллектуальных качеств). Возможно и обратное: знахарь с неразвитыми суперсенситивными качествами использует переданное ему заговорно-заклинательное наследие в силу существующих представлений о его необходимости и работы в рамках определенной "школы". Если это высококачественный, "работающий" материал, то он может в значительной степени помогать знахарю в целительском процессе, чего он сам порой бывает не в состоянии понять.

Среди практикующих в рамках заговорно-заклинательной традиции восточнославянских знахарей встречаются самые разные специалисты. В каждом конкретном случае можно определить характер и качество их работы, на что, естественно, требуются время, открытость общения и определенные навыки в области парапсихологии.

Характеризуя деятельность знахарей, я не упомянула о психотерапевтической компоненте их лечения, на что отдельные из таких практиков опираются в некоторой степени. Дело в том, что первичное психотерапевтическое воздействие на ищущего помощи и утешения может оказать любой человек, не говоря уже о фигуре с "ролевым поведением" магически отмеченной личности: надо, как известно, обладать определенной суммой личностных качеств. Но это не есть целенаправленное психотерапевтическое воздействие в лечебных целях.

Естественно, каждый знахарь, ведун и даже колдун способен использовать психотерапию как один из принципов воздействия на пациента. Однако невозможно утверждать в применении к народным методам лечения, что психотерапия существует среди них как особый метод. Это - только сопроводительные моменты, которые возникают, кстати, не всегда. Таким образом, работала

одна из лекарок, наблюдаемых мной на протяжении нескольких лет. Марфа Павловна Уголькова (г. Малоярославец Калужской области) Она всякий раз после своих сеансов подолгу разговаривала с пациентами, особенно если чувствовала их страх перед болезнью и неуверенность в возможности исцеления.

Стоит оговорить условность присутствия психотерапевтической компоненты в народной медицине. Известно, например, что в случаях, когда знахари и ведуньи не могут помочь пострадавшему, то те обычно обращаются к сильнейшему колдуну или магу, невзирая на то, что в округе он может быть хорошо известен своей «черномагической» деятельностью. Если же колдун (а это, как правило, так) оказывается еще и человеком неразговорчивым, нерасположенным к душеспасительным беседам, то тут, пожалуй, можно говорить только о негативном психическом давлении, а не о психотерапии.

При лечении у знахарей, ведунов и колдунов чаще всего психотерапевтической оказывается сама ситуация: срабатывает настрой человека на то, что ему будет оказана помощь. Однако эти психические мотивации присутствуют в самых разных жизненных ситуациях и вряд ли их можно рассматривать как нечто особенное в системе знахарской практики. Психическая заинтересованность должна рассматриваться только как сопутствующий элемент в оказании необычного воздействия на человеческий организм (*Харитонова, 1993; 102*) за исключением отдельных случаев, предопределенных личностными качествами знахаря, а не специальной методикой работы.

Полагаю, что нельзя путать с психотерапией как методом коррекции психики и, соответственно, психической коррекции организма ситуацию в традиционном обществе, при которой некий психический эффект достигается самим обращением к лекарю, что предопределяется жесткостью регламентаций человеческого поведения (*Вайбуриш, 1985; 8*) и особой ритуализацией жизни знахарей, ведунов, колдунов (*Харитонова, 1993; 91-92*). Люди, имеющие отношение к заговорно-заклинательной деятельности и магико-мистической практике в целом, не только в рабочих ситуациях, но и в обыденной жизни несколько выделяются из профанной среды, так как они связаны непосредственно с сакральной практикой. Любый знающий имеет в деревне

своеобразный имидж. Жизнь "в образе" для него естественна и привычна, если он сам причисляет себя к профессионалам и окружающие признают его за такового. Колдуны, ведуны, знахари – это в некотором смысле маркированные члены социума с определенным ролевым поведением. Их повседневное бытие воспринимается как ритуализованное, связанное с сакральным, которое, "балансируя на грани с профаническим, хотя бы косвенно и негативно обозначает эту грань, а в некоторых ключевых точках непосредственно реализует свою противопоставленность сфере профанического" (Топоров, 1988; 53).

Степень ритуализации поведения знахарей, ведунов, колдунов, магов в обыденной жизни различна. У наиболее сильных представителей магико-мистической практики, особенно у тех, кто претендует на роль черного колдуна, тяга к маркированности проявляется гораздо более явно, чем у других (Коваленко, 1891; 141-149; Никитина, 1928; 299-324). Особый статус человека магико-мистической ориентации связан с тем, что в его жизни все время чередуются моменты ритуальной практики и обыденности. Существование на грани профанного и сакрального заставляет заклинателя играть свою специфическую роль. Повседневное ролевое поведение диктуется для него, видимо, не только необходимостью внедрять в подсознание окружающих мысль о своей необычности, избранничестве, но и деятельностью особого рода, которая всякий раз требует перевоплощения, быстрого вхождения в рабочее состояние (перехода в ИСС). Это приводит к тому, что представитель магико-мистической сферы деятельности вне роли не живет, у него оказывается как бы два варианта ее: роль личности, наделенной необычными свойствами (ритуализованное поведение) и роль человека, реализующего эти необычные качества в конкретном деле (ритуальное поведение).

Все это заставляет рядовых членов коллектива относиться особым образом к представителям магико-мистической сферы. А уже одно такое отношение, не говоря об особом воздействии на психику при ритуальном поведении заклинателя, отправляющего заговорно-заклинательный акт, является своего рода психотерапией. Такая "психическая атака" особенно важна для знахарской работы.

где подсознание пациента должно сработать само по себе, давая установку на выздоровление.

Итак, знахарство отличается тем, что в значительной степени опирается на особую психическую подготовленность пациента к возможному воздействию (своего рода психотерапию) и прикладную медицину. Заговорно-заклинательные обрядово-ритуальные комплексы используются знахарями в первую очередь в силу традиции, но не реального осознания их ценности для активизации необычных способностей человека. Суперсенситивные и экстрасенсорные возможности у таких людей либо слабо развиты, либо отсутствуют вовсе.

Ведовство, выделенное как промежуточный вариант между сильным и слабым (до полного отсутствия) полюсами развития психоэнергетических, а также энергоинформационных свойств, объединяет людей, суперсенситивные и экстрасенсорные качества которых обычно достаточно высоки. Ведуны в большинстве своем владеют способами диагностирования сенситивного характера и вариантами слабого экстрасенсорного воздействия биоэнергетического ряда. Поскольку основу их деятельности составляют психоэнергетические факторы, вполне осознаваемые многими представителями этой группы, то прикладная медицина и психотерапевтические моменты воздействия могут учитываться ими в меньшей степени, чем знахарями.

Однако это не означает, будто они принципиально не владеют или сознательно отказываются от одного и другого. Их осведомленность в различных медицинских методиках зависит от: 1) установки на оценку собственных экстрасенсорных возможностей и 2) наличия и степени развитости сенсорных качеств. Большинство практикующих ведунов, которые по преимуществу занимаются медицинской деятельностью, стремятся к освоению прикладной медицины, понимая, что такими методами можно достигнуть более быстрого и лучшего видимого результата, чем психоэнергетическим воздействием. Однако чаще всего они комбинируют различные методы при лечении пациентов и опираются на свои психоэнергетические возможности вместе с традиционными заговорно-заклинательными познаниями в случаях оказания иной

помощи обратившимся к ним людям (привороты/отвороты, хозяйственные и промысловые нужды и т.п.).

В зависимости от собственной суперсенситивной и экстрасенсорной одаренности (от степени развитости этих качеств) ведуны практикуют определенные варианты работы. В своей лекарской деятельности они не ограничиваются почти никогда прикладным воздействием, а используют эти методы как дополнительные к основному воздействию посредством, как теперь принято говорить, работы с тонким телом человека. Обычно это биоэнергетическое воздействие и сенситивная диагностика. В работе для них важен контакт с пациентом, хотя порой они не отказываются наговаривать вещи незнакомых тяжелобольных людей, какне-то предметы быта.

Заговорно-заклинательная практика для ведунов является основой их работы. Большинство из них были подготовлены к такой деятельности предшественниками («Приложения», 1, 4, 6, 7). Совсем необязательно в данном случае предполагать прямое наследование традиции - навыки и познания в работе могли получать и со стороны; однако чаще всего ведовской практикой занимались те, кто унаследовал ее от своих близких.

Магико-мистические проявления в ведовской практике являются нормой, поскольку специалисты этого класса не просто обладают определенными способностями, но и умело используют их, соединяя суперсенситивные и экстрасенсорные элементы своей работы с обрядово-ритуальной практикой. Супервосприятие позволяет им организовывать свою заговорно-заклинательную работу таким образом, что процесс заклинания, направленный на конкретную личность, корректируется в зависимости от самочувствия перцепиента, особенно в ситуации лечения, и его реакции на оказываемое воздействие. А это значит, что одаренный ведун имеет возможность не просто использовать известные ему заговорно-заклинательные комплексы и тексты, но видоизменять их по ходу лечения, пытаясь оказать максимальное воздействие на пациента или ситуацию. Особенность этой работы - вариационно-импровизационный подход к осуществляемому процессу заклинания. Отдельные примеры такой деятельности мне уже приходилось приводить в раннее публиковавшихся статьях (напр.,

работа очень сильного и интересного современного целителя, унаследовавшего знание. А.П.Бабича - Харитонова, 1993; 98-99).

Отношение к традиционной унаследованной заговорно-заклинательной практике у лиц, причисляемых к ведовской группе, различно. Они, как правило, способны оценить рабочие возможности конкретного текста или заговорно-заклинательного комплекса и даже отшлифовать и усовершенствовать искаженные варианты. Некоторые из них, обладающие наиболее высокой степенью развития суперсенситивных качеств, могут корректировать не только собственную деятельность и известный им материал, но и работу коллег (правда, не всегда точно).

Большинство ведунов обладают большими потенциальными возможностями развития своих суперспособностей. Этому благоприятствует богатая практика, особенно медицинская, и определенный уровень осознания сути магико-мистического, принципов работы в этой сфере. Совершенствование суперсенситивных и экстрасенсорных качеств может идти как по одной из двух линий, так и по обеим сразу. Многие ведуны рассказывают обычно о себе, подчеркивая, что в молодости они обладали значительно меньшими возможностями; с годами и опытом их практика становилась все более совершенной. Правда, не исключены и жалобы на то, что в преклонном возрасте силы стали не те и здоровье не позволяет уже делать многое из того, что легко давалось раньше (Харитонова, 1995; 179-180).

В такой ситуации закономерно возникает вопрос: не могут ли лица, причисленные к группе ведунов, со временем развить настолько свои качества, что обретут более высокий магико-мистический статус? Полагаю, это не исключается. Однако в моей полевой практике таких случаев не наблюдалось. Теоретическое же предположение на этот счет считаю обоснованным, поскольку в среде современных народных целителей (в том числе наследственно получивших свои познания и навыки) есть образцы подобного совершенствования. Например, один из наблюдаемых мною на протяжении последних пяти лет народных целителей А.А.Сафтуф («Приложения», 4), который, по сути дела, является настоящим колдуном, получившим достаточно необычное посвящение, когда-то начинал с простых гаданий и обыкновенной знахарско-ведовской

практики: в настоящее же время он обладает широчайшим набором суперсенситивных и экстрасенсорных качеств, работая на энергоинформационном уровне, используя инсайт и многое другое, что приближает его к магам (*Харитонова, 1995: 168-172; 1995б: 1997; Материалы..., 1, 1999: 215-221*).

Высочайшим магиико-мистическим статусом в народной среде обладают колдуны. В данном случае стоит сразу прокомментировать используемый термин. Колдун в деревне - это вовсе не аналог «черного мага», как часто считают, благодаря литературной подаче образа и полудантаслическому развитию его в быличках и бывальщинах. Колдунов боялись, поскольку не понимали, что именно они собой представляют, что за сила помогает им осуществлять невозможное для простого человека: "Население считает их за общающихся с невидимыми духами почему, признавая за ними известную "силу", боясь их прогневить..." (*Осокин, 1906: 112*). В народе хорошо знали, что колдуны не просто сильнее знахарей ("Один взгляд таких народных феноменов заставляет иного мнительно трепетать." - *Верещагин, 1909: 80*), но и то, что знахари могут учиться у колдунов (*Верещагин, 1909: 85*).

Колдун в традиционном мировоззрении противопоставлен знахарю как приверженец Сатаны служителю Бога. Однако посвященные хорошо знают, что реального противопоставления или противостояния не существует: принципы магической работы одни; моральная же сторона и «оформительская» сторона заговорно-заклинательного акта различны (*Харитонова, 1991*). Противопоставление двух названных фигур вполне обосновано; но суть его заключается в силе суперсенситивного восприятия, экстрасенсорного воздействия и принципах работы двух персон. Что же касается "черной" и "белой" магии, которой якобы пользуются колдуны и знахари, то это мнение сложилось в среде непосвященных. И вызвано оно, с одной стороны, «периферийным знанием», а с другой - существующей в культуре дихотомией, стимулируемой в данном случае христианской концепцией.

Приведу для сравнения мнение известного исследователя шаманизма Х.Кальвайта: «Плане сознание ориентировано нейтрально, оно не различает ни добра, ни зла, оно стоит по ту сторону человеческих ценностей. Силы, с которыми имеют дело шаманы, нельзя характеризовать ни как белые, ни как черные, ни как позитивно, ни как негативно направленные; они могут быть непозволены для

воплощения любого человеческого требования. (...) Само представление о злом шамане является выражением раздутых страхов и механизмов защиты, выработанных как этнографами, так и членами тех племен, на культуру которых лег отпечаток культуры исследователя.

Наши представления о черных колдунах порождают разные негативные концепции, которые здесь должны быть в общем виде перечислены.

1. Этнологи, к сожалению, обращались, проводя свои исследования шаманства, часто не к тем информантам, а именно к обычным представителям племени, вместо того, чтобы обращаться к хранителям святой традиции. Поэтому в их распоряжении оказывалось собрание фольклорных историй нешаманов о шаманах, что не имело ничего общего с шаманским универсумом. Они описывали изображение пейзажа, а не сам пейзаж.

2. Возникшая еще во времена средневековья, разогретая институтом инквизиции война с ведьмами, преследование традиционных культов и церемоний придало шаманству и чародейству привкус запретного, сатанинского, а со времени научной революции за ними водится дурная слава суеверия, которое должно быть обуздано разумом. Церковь уничтожила все трансперсональные идеи западного мира, а наука, ошибочно полагая, что не имеет ничего общего с церковными догмами, продолжает все то же инквизиторское наступление, руководствуясь здравым смыслом с не меньшей жестокостью и не менее невежественно. Если перкви виделись лишь пустыни, где духовные вожди, крайне продвинутые в своем развитии, встречались с просвещенными проповедниками, то ученый видит лишь черных магов, перед которыми стоят наставники человеческого духа и мастера психологического преодоления самих себя. Охота на ведьм существует и по сей день, лишь укрывшись под покровом научности (...)» (*Кальвайт, 1998: 144-145*).

Но даже среди непосвященных хранителей фольклорной традиции подчеркиваются различные экстрасенсорные возможности колдунов и знахарей. О колдунах говорят как о сильнейших представителях магико-мистической деятельности, которые в своей работе полагаются на собственные силы и на помощь inferнального мира; знахари же работают, с точки зрения непосвященных, только с Божьей помощью и помощь пациенту идет не от них, а от Бога.

Схожие пояснения можно обнаружить в высказываниях самих знатоков традиции. Например, одна из не очень сильных колдуний объясняла мне так особенности своей практики: "У меня мама все знала. А дед был ясновидящий. (...) Биотоки могут быть, но это дело случая. Это (с помощью биотоков, - В.Х.) голову можно - снять головную боль, если биотоки у тебя есть в руках, ну еще что-то... Но должен дар быть..." На вопрос о том, может ли ее заговорами лечить кто-то другой, информантка сказала: "Не-ет! Если дара нету, биотоков нету, как врачи говорить, то это - дело случая."

может помочь, может не помочь. Но, скорее, не поможет!" (Харитоновна, 1995; 179-180, 178).

В этих объяснениях есть доля истины. В знахарской деятельности, как уже указывалось ранее, заговорно-заклинательная практика используется не в варианте магико-мистическом, т.е. с опорой на суперсенситивно-экстрасенсорные возможности человека, а просто по традиции. Знахарь не ощущает своей биоэнергетической работы (он знает только о возможностях воздействия физиотерапевтического и психотерапевтического плана), поэтому он и апеллирует к Божьей помощи, ссылаясь на Божью волю и провидение в последствиях лечения. Колдуну же не требуется такой камуфляж. Он точно знает, что и как делает; он обладает способностью видеть "тонкий план", а посему часто и сам говорит о потусторонних существах; при наличии же гипнотических свойств может еще и "показать" каких-то персонажей, что, естественно, приводит к появлению слухов о подчинении ему существ inferнального мира. Можно добавить также: колдуны часто ощущают себя настолько сильными, что не приходят в церковь (зная, например, насколько слаб священник) и даже попирают церковную атрибутику - разумеется, это способствует появлению славы "черных служителей Дьяволу".

Однако нравственные постулаты и отношение к церкви, которую часто воспринимают как административную организацию, не стоит путать с особенностями магико-мистической практики. Что же позволяет колдуну чувствовать себя столь сильным и вести себя даже высокомерно? Естественно, наличие суперспособностей (разумеется, если речь идет о талантливом человеке, а не о шарлатане). Наиболее одаренные колдуны обладают качествами ясновидцев. Это может выражаться в вариантах провидческих - предвидение событий и ситуаций, - а также в навыке "прямого выхода" в Информационное Поле, то есть, в возможности получения любой информации по непосредственному запросу. Помимо суперсенситивности у таких людей бывают очень хорошо развиты экстрасенсорные способности на уровне возможностей энергоинформационной работы. Это означает, что некоторые колдуны могут оказывать сильнейшее воздействие на человека, ситуацию, явления природы, не считаясь с такими важными

параметрами нашего мира как пространство и время. Обычно о подобных людях рассказывают столь странные вещи, что фольклористы записывают эти сообщения исключительно в разряд быличек. И если бы в современном мире не было Ури Геллера, хорошо известных нашим ученым Эльвиры Шевчик и Бориса Ермолаева, китайского уникама Чжан Баошэна, то можно было бы отнести все странные сведения к разделу фантастики. Однако нынешнее развитие эниологии (парапсихологии) уже не позволяет сделать это.

Ури Геллер - обладатель удивительных психокинетических способностей, которые изучались множеством представителей различных областей науки, в частности, весьма консервативными американскими физиками Г.Путхофом и Г.Тарлом. Широко известны его эксперименты по изменению веса предметов, влиянию на магнитное поле и др. Во время визита в Россию У.Геллер продемонстрировал свой знаменитый эксперимент по деформации и "разрезанию" металлических предметов (ложек и вилок) на расстоянии (*Жизнь...*, 1993).

Эльвира Шевчик и Борис Ермолаев способны демонстрировать своеобразное "зависание" предметов в воздухе, с ними работает большая группа отечественных ученых, эти феномены и опыты известны широкому кругу специалистов, занимающихся парапсихологическими явлениями.

Об уникальных феноменах в китайской практике изучения необычных явлений: *Винокуров...*, 1993; 271-281. Об известном экстрасенсе Чжан Баошэне китайскими кинодокументалистами снят фильм (скорость движения пленки 400 кадров в секунду), где показываются уникальные возможности Чжан: под его воздействием, например, меченые таблетки лекарств проходят сквозь стенки опечатанного стеклянного сосуда. Обратим внимание на тот факт, что изучение энергоинформационных процессов приводит современных исследователей к заключению о возможности мгновенного обретения любой информации: "Предполагается, что информация, вырабатываемая, возникающая в какой-то системе информационного континуума, мгновенно меняет состояние в с е г о континуума. Здесь необходимо еще раз подчеркнуть, что речь идет не о бесконечной скорости распространения информации, а о неприменимости этого понятия к процессу переноса информации вообще. Информационное дальное действие происходит как бы поверх пространства и, видимо, поверх времени и этим, наверное, объясняется единство и общая взаимосвязь космоса.

Отсюда неизбежно следует вывод о том, что в любой точке пространства содержится вся вселенская информация, то есть информационный континуум подобен некой непрерывно меняющейся голограмме, мгновенное значение которой будем называть *м а т р и ц е й* и *и н ф о р м а ц и и*. Мысли о том, что "вся информация есть везде" настойчиво повторяется в древних источниках "космос отражается в человеке", "человек есть микрокосм", предание о канале воды, в которой есть информация "о всех морях и океанах". Эти мифологемы в более поздние времена отразил в своем учении о монадах Лейбниц, полагавший,

что "каждое тело чувствует все события Вселенной, посему тот, кто способен к видению, может прочесть в любой отдельной вещи обо всем остальном, более того - обо всем, что случилось и случится, постигая в непосредственной данности то, что удалено во времени и пространстве".

Ссылаясь на новую физическую теорию ("причинная механика"), предложенную знаменитым ныне Н.А.Козыревым, и его опыты с космическим пространством, можно указать "на весьма неожиданное свойство информационного континуума - наличие в нем информации о будущем, а также возможность получения этой информации при определенных условиях" (*Карпенко, 1992; 314, 313*).

Итак, если колдун - это человек, обладающий очень сильно развитыми суперсенситивными и экстрасенсорными качествами (те и другие могут быть развиты в разной степени и проявляться в различных вариантах), который может практически мгновенно получать необходимую ему информацию, оказывать тоже почти мгновенно требуемое воздействие, не считаясь с расстоянием и временем, то как он должен вписываться в рамки заговорно-заклинательной традиции? Использует ли он привычные традиционные средства и каким образом? Зафиксированные материалы упорно свидетельствуют о том, что колдуны делают невероятные вещи, однако описаний того, как это происходит, практически не существует.

Все это не означает, что колдуны оказываются совершенно вне традиции. Скорее всего, надо предположить, что среди наиболее сильных колдунов оказываются маги. Обладая суперспособностями, развитыми в высочайшей степени, такие люди хорошо понимают, что основой их деятельности является работа мозга, умение входить в те состояния сознания, которые позволяют осуществлять магико-мистические действия.

На практике периодически удается сталкиваться не только с описаниями случаев, происшедших в результате работы колдуна или мага, но и с магико-мистическими действиями, которые, в отличие от заговорно-заклинательных, осуществляются совершенно без традиционного фольклорного текста. Например, в одной из карпатских экспедиций в Тячевском районе Закарпатской области мне удалось присутствовать при таком довольно длительном магико-мистическом акте. Женщина, которую все считали колдуньей, занималась любовной магией. Пришедших к ней клиентов она встретила у дома, сказав при этом, будто почувствовала загадя, что посетительница направляется в ее дом. Ее приветственные слова свидетельствовали о точности психоэнергетического восприятия пришедших. Она, изначально предупредив, что одна из пришедших - очень тяжелая клиентка и ей ничего нельзя гарантировать, все же приступила к работе. Было осуществлено одно за другим несколько магических действий, которые

не сопровождалась никакими текстами – женщина только давала практические указания. Однако при опыте работы с подобными людьми можно было сразу же обнаружить довольно активную психоэнергетическую и энергоинформационную работу: она время от времени дотрагивалась до клиенток («разогретьшимися» ладонями (известно, что в таких ситуациях операторы часто повышают температуру собственного тела или отдельных частей его)), можно было иногда поймать ее специфические взгляды, «прорабатывающие» определенные чакры, у клиенток возникали типичные для таких ситуаций ощущения: дрожь, покалывания, мурашки по телу и «внутренние мурашки» по спинному и головному мозгу...

Интересно, что один из элементов работы был связан с тем, что клиенткам было предложено спать бюстгалтеры, которые были водружены на ножки перевернутой скамейки, а после работы белье вернули женщинам с указанием хранить его в своих вещах, не стирая, пока они не вернутся домой. Этот факт особенно любопытен в свете сообщения М Хопфала о редких случаях магии – избавление от инцестии – с женским бельем, которые он фиксировал в Венгрии (часть Тячевского района, где находится поселок, была как раз венгерской). В материале М Хопфала сообщается: «Не говоря ни слова я должен был спать с нее (лифчик и на девять дней поместить его там, где проходит много людей (например, перекресток)» (Хопфал, 1993; 259)

Можно предположить, что многое зависит здесь от того, каким образом было получено **знание**, сведения о технике перехода и работы в ИСС. Например, "мгновенная передача энергии" или открытие энергетических каналов практикуется довольно широко в различных системах, ориентированных на возможное посвящение через посредника или учителя. Это имеет место, в том числе, в системе йоги. Подобные вещи научно обосновывает и признает современная психология (Гроф, 1993; 417). Если колдун обрел свое **знание** мгновенно ("взял" из рук другого, умирающего или жаждущего избавиться от **знания** колдуна) либо при посвящении **знание** было передано с сопутствующими комментариями, но без традиционных навыков, то такой человек может впоследствии довольствоваться только тем, что имеет. Тем более, что в подобных ситуациях он сам оказывается как бы во власти инфернального мира: переданные "черти" преследуют его и заставляют делать то, что не всегда совпадает с его желанием (то есть он, имея открытый выход в подсознание и бессознательное, страдает от всевозможных видений, которыми не умеет управлять)..

Это состояние во многом напоминает "шаманскую болезнь" у кандидатов в шаманы. Если преследуемый духами кандидат сможет справиться со сложностями перестройки работы собственного мозга

и понять законы перехода в ИСС, а также принципы деятельности в таких состояниях, то, получив "потустороннее" посвящение и первичный шаманский статус, он должен в дальнейшем (и это почти повсеместно распространенное правило) проходить посвящения в реальном мире, которые сопровождаются передачей необходимых для традиционной шаманской деятельности навыков (Этаде, 1998: 93-118). Обучение реальными учителями (более старшими и опытными шаманами) приводит к упорядочению **знания** и отработке навыков. В такой ситуации шаман становится повелителем духов, а они перестают быть его преследователями: он обращается к ним при необходимости, они же сами крайне редко тревожат его. Естественно, при этом шаман начинает камлать в соответствии с законами традиционной практики, сам же в рамках традиционно-культурных представлений занимает соответствующее место и играет отведенную ему роль, ритуализуя свою жизнь и поведение по законам, принятым в данном этнокультурном континууме.

Колдун, прошедший своеобразную энерго-информационную инициацию, оказывается в положении кандидата в шаманы. Но если последний знает, что по традиции он должен найти учителя и пройти реальное посвящение, то первый чаще всего не имеет таких возможностей. Являющиеся ему видения бывают обычно устрашающими (ср. с описаниями в различных «книгах мертвых»). Он должен либо подчиниться требованиям осаждающей его "нечисти", либо искать помощи и советов у кого-то из более опытных товарищей, кто согласился бы ему посодействовать: самому адепту бывает крайне сложно выпутаться из создавшейся ситуации. Естественно, если обретший силы находит коллегу-учителя, то он может получить не только советы по управлению психоэнергоинформационными силами, но и обрести навыки работы в рамках заговорно-заклинательной традиции.

При традиционной передаче-обучении колдовству новичок обогащается сразу **знанием**, навыками и развивает необходимые ему свойства («Приложения», I.4). Комплексное посвящение позволяет наиболее мягко и правильно начать колдовскую деятельность по традиционным правилам. Однако в деятельности колдунов обрядово-ритуальная практика и заговорно-заклинательные тексты

играют более вспомогательную роль, а не являются, как у ведунов, обязательной составляющей их работы. Поэтому обладающие колдовскими способностями со временем подчиняют себе не только "инфернальные силы" - осваивают полностью технику вхождения в ИСС и работу в таких состояниях, - но и заговорно-заклинательную традицию: они используют обрядово-ритуальные и текстовые элементы по необходимости (иногда напоказ заказчику-зрителю), обычно полностью владея ситуацией, импровизируют ее контекст. Если такой колдун обладает поэтическим даром - замечу, что развитие суперспособностей стимулирует развитие творческих возможностей, в том числе поэтического дара (20), то он легко импровизирует тексты заклинательного характера: при необходимости импровизатор создает прекрасно «работающие» произведения, но он может не дорожить ими и не превращать в свои, используемые при случае, заклинания (что, естественно, также не исключено и зависит от принадлежности информатора к определенной творческо-психической категории (*Харитонова, 1987*)).

В народной традиции именно колдунов считают наиболее знающими и способными специалистами в области магии. Но при строгой дифференциации магико-мистической практики особо выделяется еще и группа «магов» как самых сильных представителей такого рода деятельности. Некие не очень четкие указания на существование таковых встречаются даже в среде «непосвященных»: о тех, кто считается наиболее сильным черным колдуном, часто не просто рассказывают «небылицы», но специально подчеркивают, что невероятных результатов эти люди достигают мгновенно, причем им совершенно не требуется использование каких-либо обрядово-ритуальных действ, а уж тем более сложных объемных заговорно-заклинательных текстов. О таких обычно сообщают, будто они пользуются или учились когда-то по «Черной Книге», а также что они имеют в услужении подручную «нечистую силу».

Подобные сообщения нельзя отнести к обычным преувеличениям, свойственным фольклорно-мифологической прозе о колдунах. Среди них, действительно, есть чрезвычайно одаренные в суперсенситивно-экстрасенсорном отношении люди, которые не унаследовали чью-либо практику в ее обрядово-ритуальном варианте. Кое-кто из них даже плохо представляет себе, что такое

традиционное колдовство или ведовство. Однако они, будучи от рождения одаренными сверхспособностями, либо обретя такие способности в результате каких-либо травм (Харитоновна, 1999), оказываются с какого-то момента своеобразно маркированными членами социума. Если такие люди просто активно эксплуатируют дар ясновидения, то их могут считать (в зависимости от того, какой тип поведения они изберут и какую традиционную личину примерят) святыми, предсказателями-пророками, блаженными, юродивыми, просто деревенскими дурачками – что может быть связано с естественными трансформациями в работе мозга.

Те, кто получив сверхспособности и осознав это, начинают целенаправленно исследовать себя и обнаруживают колоссальные разносторонние возможности работы собственного мозга, становятся в результате своих экспериментов магами, иногда находя поддержку на этом пути у себе подобных. Естественно, от предшественников можно получить и «магическое посвящение», но без исходного потенциала, без предрасположенности к деятельности такого рода, без наличия особой «силы» дойти до степени мага нереально.

В традиционном обществе магов могут причислять к наиболее сильным, чаще всего «черным» колдунам, сами «посвященные» понимают разницу между колдуном и магом, которая проявляется и в качестве суперспособностей, и в характере их обретения, и в используемой магико-мистической технике, и в скорости достижения результатов, и в их своеобразии.

Среди людей с суперспособностями оказываются так называемые одержимые (ср. *Виноградова, 1999*). Они могут быть чрезвычайно сильны в магико-мистическом отношении особенно в моменты приступов, однако такие личности не могут причисляться к магам – они не смогли осознать своих возможностей, справиться с энерго-информационными перегрузками и правильно организовать работу мозга. И хотя по силе своей они, действительно, часто равны колдунам и даже магам, такие личности могут только сопоставляться с представителями той или иной группы, но не причисляться к ним. В психонейропсихическом плане неконтролируемая одержимость воспринимается как аномальное состояние. Именно невозможность контроля за работой мозга и отличает одержимых от магов и колдунов, которые сами вызывают состояние «аномального» функционирования мозга и управляют его деятельностью на всех этапах изменения состояния сознания.

Необходимо обратить внимание на еще один важный момент – состояние одержимости максимально приближено вызываемое искусственно на продолжительное время «вселением духа» в шаманском камданви. Шаману

справиться с «вседвижимым духом» - получить от него необходимую информацию и избавиться от собственного сознания от прищельда – помогают участники камлания, контролирующие сеанс. Впрочем, он и сам изначально «задает программу» процесса и хорошо знает правила избавления от тонкоматериальных сущностей.

Отмечу, что в шамановедении имеет место спор о том, считать ли «одержимость» (камлание с введением духа) шаманизмом? Один из наиболее популярных авторитетов в изучении шаманских техник М. Элиаде не признавал одержимость необходимым элементом шаманизма, полагая даже его изначально чуждым этой практике (Элиаде, 1998). Однако в науке имеет место и прямо противоположная концепция П. Шмидта, который, как и Х. Финдейзен (Findeisen, 1957) считал одержимость основополагающим свойством шаманизма (Ревуненкова, 1979; 251-253). Если же учитывать психо-физиологическую сторону явления, то становится понятным, что «одержимость», как и «ожгаз», который причисляется к основным признакам шаманизма, являются разными по глубине стадиями погружения в ИСС при аффективном типе работы: ожгаз – вторая стадия его, одержимость (исступление) – четвертая. Путешествие шамана осуществляется в третьей («стране») стадии с включениями четвертой, а иногда и пятой: четвертая стадия дает возможность максимального приближения к «Сверхсознанию» (Харитолова, 1995б; 237).

Стоит сказать и о том, что состояние «одержимости» - временного присутствия «второго Я» в человеческом сознании – хорошо известно парапсихологам. Есть много случаев, героями которых были люди, далекие от идей магико-мистических практик. Один из наиболее впечатляющих примеров недавнего времени (приведу его в интерпретации Хольгера Кальвайта – Kalweit, 1987) касается появления в мире живых духа «доктора Фрица». Некто доктор Фриц был убит, по сообщению духа, во время первой мировой войны. Дух доктора Фрица вошел в Джозе Педро де Фрейтас (Ариго). Благодаря этому Ариго за несколько лет до автокатастрофы, в которой он погиб (1971 г.), сам предсказал свою смерть. Простой бразильский рабочий оказался избранником духа, который потребовал от него заняться медицинской практикой. Дух доктора Адольфа Фрица сначала преследовал его как голос, потом визуализировался в галлюцинациях. От притягивавшей неведомой силы Ариго не смог освободить даже экзорцистский обряд церковный обряд изгнания бесов). Ему пришлось уступить духу и начать свою целительскую практику. Наблюдатели, в том числе и психиатры, обследовавшие Ариго и не нашедшие в его психике никакой патологии, отмечали, что его лечение длилось чаще всего по несколько секунд. Например, первый опыт сводился к тому, что Ариго отнял у городского инвалида костыли и приказал ему бежать, что тот и сделал, не успев очнуться. Столь же быстро Ариго оперировал своих пациентов ржавым ножом в состоянии полугипноза, наблюдатели отмечали, что в такие моменты у него менялось выражение лица и голос: он утверждал в это время, что является доктором Фрицем. За почти 20 лет своей активной практики Ариго исцелил тысячи пациентов. Ему помогал не только доктор Фриц, но и другие духи. Интересно, что после гибели Ариго доктор Фриц не исчез, а выбрал другую телесную оболочку.

Четкое обозначение групп людей, имеющих отношение к маги́ко-мистической практике, соприкасающейся непосредственно с заговорно-заклинательной традицией, вовсе не означает, что сами хранители фольклорно-этнографического наследия могут разграничить и обозначить все именно таким образом и столь же дифференцированно. Как уже не единожды подчеркивалось, только весьма немногочисленные "посвященные" способны с определенной степенью точности разделять и характеризовать тех, кто имеет суперсенситивные и экстрасенсорные свойства. Широчайший круг лиц, не посвященных в эзотерическое **знание** маги́ко-мистического плана - а именно они являются основными информаторами фольклористов и этнографов, - предлагают чрезвычайно разнородные обозначения и характеристики тех, кто имеет отношение к заговорно-заклинательной традиции и, тем более, маги́ко-мистической практике в целом.

Путаница в наименованиях и характеристиках фольклорных персонажей, как известно, вызывает большие сложности при анализе фольклорно-этнографического и этнолингвистического материала. Л.Н.Виноградова, например, в одной из своих статей отметила: "В процессе работы над "Этнолингвистическим словарем славянских древностей" авторы столкнулись со значительными методологическими трудностями, связанными с проблемой идентификации сходных между собой персонажей низшей мифологии, принадлежащих разным этническим и локальным традициям славянского мира, т.е. с проблемой идентификации персонажей в рамках одного демонологического класса. В частности, непростым оказался вопрос, какие конкретно мифологические персонажи, известные в повериях западных и южных славян, соответствуют понятию "ведьма" и могут быть описаны в словарной статье под этим общим названием" (*Виноградова, 1992: 58*).

При работе с маги́ко-мистической практикой дополнительные сложности провоцируются еще и тем, что информаторы, естественно, не разграничивают реального и мифологического пластов сведений - а ведь это в данном случае необычайно трудно сделать не только хранителям традиции, но и ее исследователям в силу специфики "мистического видения", наличия/отсутствия возможности воспринимать "психические миры Вселенной".

Наиболее отчетливо в материале магико-мистического круга это проявляется в понятии о ведьмовстве, которое необходимо отграничить от ведовства. Если ведовство относится к вполне реальным действиям, а сами ведуны и ведуньи являются людьми с развитыми в не очень высокой степени суперсенситивными и экстрасенсорными способностями, то ведьмы и ведьмаки - это уже полумифические персонажи, хотя за ними стоят вполне конкретные лица и достаточно легко объяснимые действия

Ведьмовство и ведовство привлекли внимание ученых еще в XIX веке наряду с колдовством и волхованием (*Афанасьев, 1851; 1851а; Сперанский, 1906*). Традиция наименования ведунов и ведьм в научной литературе весьма разнородна. Предлагаемое здесь классифицирование является определенной рабочей схемой, называние персонажей в которой логически более или менее четко соответствует их функциям и характеристикам. Определенные сложности может, видимо, вызвать использование терминов "ведун", "ведунья" и "ведьмак", "ведьма" с учетом того, что в исследованиях прошлого столетия (*Афанасьев, 1851, 1851а*), как и в работах наших дней (*Дуревич, 1987; 12-47*), эти понятия не разделяются, а, как правило, для наименования мужского персонажа используется слово "колдун", для женского - "ведьма"

Однако здесь имеется некоторая натяжка, так как колдовство и ведовство исходно различались, понятие "ведовства" сопрягалось с понятием "знахарства" и распространялось, прежде всего, на лечебно-магическую практику, в отличие от "колдовства" и «ведьмовства» ("В языческую эпоху народного развития ведение понималось как чудесный дар божества; весь объем понятий сосредоточивался в умении понимать таинственный язык обожествленной природы, наблюдать и истолковывать ее явления и приметы. Ведение это было высшей премудростью; оно тесно соединяло человека с священными стихиями воды, огня, света, над которыми гадали и предсказывали, которым молились и приносили жертвы и силою которых раскрывали правду (судили) и совершали очищения. Под понятие ведения подходили все религиозные обряды: это было полное знание языческого богослужения и его значения в разных случаях жизни" (цит. по: *Афанасьев, 1996; 47-48*). "Ведьмовство" же, скорее всего, исходно имело иной набор функций; не исключено, что сведения о ведьмовской деятельности во многом спрогнозированы западно-европейской традицией. Однако в славянской традиции слишком слабо разработан комплекс представлений о сношении с Дьяволом, полетах на шабаш и т.п., одновременно с детально осмысленными функциями оборотничества, нанесения специфических повреждений типа "пакидывания хомутов".

Неслучайно ведьма часто отождествляется с колдуньей (*Виноговьев, 1987; NN 236, 237, 273, 276, 383 и др., Виноградова, 1992; 61, 66*) и воспринимается как наиболее сильная, особо умелая колдунья, обычно знающая с нечистью и даже самим Дьяволом.

"Колдунья - это кто колдовать уметь. Колдуны - они, там, порчу папускають, глаза отводють... А ведьмы - то уж ведьмы! Вот бабка Шюрка - про бабку-оборотку-то слыхала? собакой-то тут на людях по ночам скатываетсяца, там, вазле Спицыныва буерака? - вот она ведьма.

А то ище в войну тут у нас одна была, то из белорусов шла, от немцев бегли они. Она тут работала в колхозе сколько-то, а потом к себе обратно ушла. Вот это была - да!.. Я ей тут помочь какую ни есть дала: буряки у нас с матрцей были, картошка... ды ище дитенку ие пальтупку сшила. А она мне: "Натанька (она меня, как Люба, звала: Натанька), ды давай я тебе калодизь пьд окном вырыю! За одну почь вырыю, а ты мучица ня будишь!" А я воду-то, гарод пылывать, с речки носила - далека! Ну тут я сразу смякнула - не-е-ет, брат-ты мой, мне такой калодизь пи пужон!

- А почему ты не захотела?

- Ишь ты какая! "Почему ни захотела?" А кто рыл-то б яго? А? Ня знаишь? А я - знаю! Я и у ней спросила, вроде как дурой прикинулась: как это ты за ночь-то за одну яго вырыишь? А она мне: "Ды я яго сама-то рыть ня буду. Мне лишь слово сказать, а у тябя он к утру пьд окном и будить." Вот так-то, моя милыя! Это уж дело дьявольское, видать. Черти тут у ние рыл-т бы!

- Бабушка, а почему ж она - ведьма? У колдунов же тоже черти есть? Может быть, она была просто колдунья?

- Ды вить пры ние гыворили - она и скидывалась (*была оборотнем*, - В.Х.) А то ище в колхозе она мяпками яйцы куриные возила. В мяпки, бывала, покладеть сама как-та, завязеть йих - и ны хадок (разновидность повозки, в которую впрягали лошадей, - В.Х.), и сама ище сверху сядеть. И все до яичка довязеть! Того у нас ни один колдун ни дельт!

(Архив автора. Записано в августе 1978 г. в с. Павлодар Уваровского р-на Тамбовской обл. от Заричиковой И.Т. 1901 г.р.)

Анализ функций персонажей, относимых к категории ведьм, показывает, что среди них есть вполне реальные - с точки зрения современной эниологии - действия, которые свойственны особо развитым в суперсенситивно-экстрасенсорном плане людям. В данном случае фольклорная традиция не ошибается, выделяя ведьм природных и ведьм научных (Виноградова, 1992: 62): те и другие достигают значительных вершин магико-мистического искусства

Попытаюсь проинтерпретировать с учетом эниологических знаний некоторые наиболее "сверхъестественные" и, одновременно, существенные для ведьм (в отличие от колдуний) характеристики. Оборотничество, приписываемое ведьмам и колдуньям, либо особо именуемым "оборотням" и "обороткам", проявляющееся то в переходное время суток, то глубокой ночью, может вызываться врожденными или хорошо оттренированными гипнотическими

навыками. В этом, кажется, трудно усмотреть что-либо сверхъестественное. Впрочем, здесь могут иметь место моменты обычного галлюцинирования, вызванного чувством страха, чему способствует особое время суток, а также, обычно, пугающее место действия. Помимо этого, в тех же самых ситуациях возможна материализация образа, по крайней мере, на фантомном уровне (20). Разумеется, это очень сложно, но, как показывают эниологические эксперименты, вполне осуществимо.

К ведьмовству-оборотничеству примыкает широко известное явление ликантропии, культурологический аспект исследования которой, наряду со смежными формами "превращений" предложила Е. А. Шервуд

В своей книге "Ведьмы, оборотни и другие" она обратила внимание, в частности, на роль красных мухоморов в изменении состояния сознания и психо-физических проявлений в результате приема грибов и иных психоделических, галлюциногенных средств (Шервуд, 1996; 63-76).

"По мнению фармакологов в красном мухоморе находится вещество, которое, подобно атропину, стимулирует центральную нервную систему. В то время как его антипод мускарин, также содержащийся в мухоморе, и действие которого следует за действием атропина, резко подавляет ее" (Puharich A. *The Sacred Mushroom*. Garden City, 1974 P.94; Schmiedeberg O. & Koppe R. *Das Muscarin*. Leipzig, 1869. S.2, 38f.).

"Поедание красных мухоморов с ритуальными целями было известно в России и во Франции, у финских лапландцев, у самоедов в Сибири, у венгерских шаманов и у других народов. (...)

У тех древних европейских народов, о которых известно, что они использовали в ритуальных целях красный мухомор (...) подобное совершалось с целью оборотничества, а именно при превращении в "медведей" и "волков" (Шервуд, 1996; 67).

Воздействие грибов настолько глубоко, что человек получает возможность без особых психо-физических усилий оказаться в состоянии "alter ego" - углубиться в свою внутреннюю сущность, приблизиться к собственной "звериной природе", получить сверхвозможности **знания**.

Обретение сверхвозможностей в ситуации использования грибов и некоторых других галлюциногенов оказывается увязанным в единый комплекс с мощной активизацией психо-физических возможностей в первую очередь агрессивного и сексуального профиля. Этим объясняется комплекс представлений о зверино-мифической природе ведьм и других оборотней и традиция оргнистических пабашей: "Северная "ведьма" посылает свою "душу" в странствование, в то время как ее "повседневное" тело остается пребывающим в этом мире. А ведьма одного из западноафриканских племен (temne) покидает повседневный мир (погу) из определенной точки, откуда она может покинуть этот

мир: при этом лицо ведьмы меняется, все больше приобретая звериные черты - протупает ее "животная" природа" (*Шервуд, 1996: 70*).

Как известно, зельями разного рода пользовались в том числе ведьмы. "отправившиеся на шабаш" и иные "сверхъестественные" мероприятия (*Шервуд, 1996, 4-22*)

Л.Н.Виноградова по славянским материалам отмечает такую характеристику ведьм, как двоедушие (*Виноградова, 1992: 60*) Сверхъестественное, на первый взгляд, свойство объясняется с помощью довольно широко распространенной особенности психики, которая эниологами рассматривается как выход астрального двойника. О путешествиях вне тела во время сна, а, точнее, в переходные к глубокому сну моменты известно как из данных психопатологии у европейских народов, так и из сообщений о практике шаманства у народов Азии, Америки.

"Существенным качеством шамана является способность в состоянии транса или другом более высоком состоянии сознания отделять душу от тела. Таким образом его душа получает возможность посещать в пространстве и во времени удаленные места, чтобы там провести наблюдения, или же перемещаться в древние времена, чтобы там от духов предков требовать советов по актуальным повседневным вопросам (...)

Если шаман "летает", то его тело находится в глубоком, внешне похожем на смерть сне, и никто не отваживается разбудить его. Переживания полета кажутся шаману после его пробуждения сном. "Эти полеты во сне представляют особую разновидность грез шамана..." (*Эзотерика, 1991: 386*).

"- Я, когда, например, ложусь спать, то, бывает, улетаю. Ложусь и начинаю засыпать, а сама становлюсь холодная-холодная! Это муж потом говорил. А меня тогда нет тут - я летаю, смотрю что-то. Вижу часто какие-то города, где я никогда не была, Землю вижу.

- Как видишь?

- Знаешь, могу видеть, как будто я очень высоко лечу, как на самолете, а могу низко лететь, могу ходить где-то... По-разному, как хочу»

(*Архив автора. Из интервью с молодой шаманкой Розой М., зап. в августе 1992 г. в г. Якутске*).

"- Не знаю, может быть это у меня какое-то психическое заболевание. Я случайно вдруг поняла, что умею что-то делать, как те, кто лечит сейчас...

- Целители?

- Да, целители.

- Вы уже лечили кого-то?

- Ну что Вы! Я же не училась. Я просто, знаете, иногда вот иду и вижу человека, и вдруг сразу почему-то знаю, что у него что-то болит. И мне очень хочется ему помочь...

- А почему Вы решили, что Вы можете лечить? Может быть, это Ваше воображение так срабатывает?

- Ну, я не знаю... Но мне кажется - могу. У меня еще странность такая есть. Но это уж вообще... Наверно, это что-то с психикой все-таки. Я во сне летаю.

- Многие летают во сне, особенно дети.

- Нет, я не так летаю. Понимаете, вот у меня недавно было... Я тоже сначала думала, что просто снится. А тут все время так: я выхожу как будто из себя, медленно сначала. Потом все быстрее: то ли иду, то ли лечу - из квартиры, по лестнице, где-то по городу, потом куда-то в какие-то другие места... Я думала, это просто так. А несколько дней назад я так летела - уже возвращалась домой, и когда по лестнице пробегала или пролетала... ну, одним словом, я увидела, что там стены внизу, панели, покрашены. А утром выходила из дома, то этого не было. Ну вот. Я встала, по-настоящему встала, и побежала вниз: смотрю, а там, правда, все покрашено. Ну как я это могла узнать?"

- *(Архив автора. Из интервью с Припой Н., 32 л., зап. в мае 1994 г. в г. Тамбове).*

С такими странствиями весьма сходны обычные шаманские путешествия. Эти особые состояния психики провоцируются, видимо, различными свойствами. Путешествие в состоянии перехода ко сну – это случайные прорывы в ясновидение, либо, как в шаманских путешествиях, странствия по "психическим мирам" при целенаправленном переходе в ИСС в результате особой работы психики.

Полеты на пабаш ведьм могут быть также, как путешествия шаманов, запрограммированными странствиями по "психическим мирам", особенно, если речь идет о сообщениях-меморатах или признаниях с пересказом подробностей со стороны лиц, подозревавшихся в ведьмовстве и сношениях с Дьяволом. Такие свидетельства должны восприниматься не только как оговаривание себя под пытками, но и как сообщения о действительных фактах "психических путешествий".

Интересно, что эксперименты трансперсональной психологии демонстрируют при углублении в бессознательное архетипический материал, связанный с видениями дьявольских оргий в том числе (*Проф, 1993; 337-338*): видения возникают в рамках "вулканического" или "дионисийского" экстаза, по терминологии автора, что соотносимо – в соответствии с концепцией, предлагаемой в данной работе – со стадиями транса и исступления при аффективном типе погружения в ИСС.

Любопытно также еще одно сообщение Ст. Грофа о том, что при использовании техники интензивного дыхания и интроспективной ориентации в процессе трансцендентального опыта у большинства испытуемых довольно быстро наступает состояние, когда оказываются возможными "встречи с архетипическими образами божеств или демонов и сложные мифологические сцены. Спектр

экстрасенсорных переживаний, доступный среднему участнику, включает проблески телепатии, опыт выхода из тела и астральных проекций" (*Проф, 1993: 417*).

Интересно, что современные исследователи отметили неточность широко распространенного представления об активных процессах инквизиции в период средневековья: "Прибавим к этому, что развертывание массовой охоты на ведьм с конца XVI столетия неверно было бы рассматривать как прямое продолжение преследований более раннего периода. Сравнительно недавно было показано, что использованные в свое время Ганзеном и Зольданом свидетельства о массовых расправах над ведьмами, якобы имевших место в конце XIII и середине XIV в., не что иное как фальшивки, сфабрикованные в XV, XVI и в начале XIX в. Голландия, начавшиеся в эпоху Реформации, были бесприцельным явлением, которое нужно объяснять, исходя из условий именно этого времени, а не ссылаясь на многовековую традицию" (*Дуревич, 1987: 13*). "Этим периодом предложено считать эпоху Возрождения: "Данные процессы с их ужасными последствиями всколыхнули общество не в "темные" средние века, но либо на исходе их или даже в эпоху Возрождения с его высочайшей культурой" (*Шервуд, 1986: 42*). Они же подчеркивают различие в толковании понятия "ведьма": "До XVI века в протоколах допросов фигурируют лишь "летающие по ночам" и часто признается, что прodelывают это сами люди или их души, что заставляет и принуждает их к этому некое феобразное существо. С начала же XVI века все чаще и чаще начинает утверждаться взгляд, что допрашиваемые - не люди, и свои действия они уже производят не в отдалении от людей, а внутри общества, всячески вредя и досажая ему" (*Шервуд, 1986: 42*).

Материалы о ведьмах и ведьмовстве см.: *Шпенстер..., 1990*; славянские известия: *Антонович, 1877*; *Елеонская, 1917: 64*; *Смелянская, 1996*.

В данном случае не исключены и несколько иные варианты, которые с большим трудом воспринимаются рационалистическим мышлением, например, вариант с целенаправленным выходом фантома-двойника.

Очевидно, что более простые действия ведьм или колдуний также имеют под собой реалистическую психическую основу, хотя и обрастают в фольклорно-мифологическом творчестве массой пикантных подробностей. Так, например, порча скота, людей, в частности, беременных женщин, "надевание хомутов" и подобное в эниологических концепциях объясняется различными типами энергоинформационных поражений, которыми часто грешат маги или колдуны.

Вполне понятна и активизация ведьмовской деятельности в определенном возрасте: ведьмами, как и шаманками, женщинам проще быть в периоды, когда они свободны от деторождения; и

юношеский и климактерический периоды - время, наиболее подходящее для энергоинформационных сбоев в организме и повышения психической активности (*Харитонова, 1995б; 232-233*); неслучайно многие факты полтергейста связываются исследователями со стихийными прорывами психической энергии подростков.

Обратите внимание, что ведьмовские действия чаще бывают свойственны женщинам, а не мужчинам; и, как правило, одиноким женщинам. Это объясняется не столько социальными, моральными и культурными причинами, сколько чисто психо-физиологическими. Дело в том, что активизация "сверхъестественных" (парапсихологических) свойств психики очень часто вызывается сексуальной неудовлетворенностью, избытком психической энергии, которую женщина не может направить в творческое русло, например (*Харитонова, 1995б, Фреймарк, 1994*). Неслучайно проблема женской истерии в истории психоанализа разрабатывалась не всегда гладко, можно вспомнить известную ситуацию с пациенткой З.Фрейда Анной О, доставшейся ему от Й.Брейера (*Шертук..., 1991; 99-103, Фрейд, 1989; 346-359*).

Ведьмовство, особенно природное, довольно обременительно для женщин. Многие из ведьм стараются избавиться от непомерных психических перегрузок, связанных с деятельностью в ИСС-состояниях; это отражается в традиционном знании: женщина может в результате каких-либо действий покончить с ведьмовством и стать просто сильной колдуньей, способной лечить и снимать порчу (*Виноградова, 1992; 69*). Очевидно, что рационально-сверхъестественное начало в ведьмовстве является тем же, что в магии и в колдовстве. Иногда ведьмы, как и колдуны, достигают вершин искусства магов, а это уже граничит с фантастическим волшебством. Фольклорно-мифологические интерпретации позволяют этому персонажу максимально приблизиться, а иногда перейти в разряд фантастических или мифологических.

Таким образом, с традиционной заговорно-заклинательной практикой оказываются связаны четыре значительно различающихся по своим суперсенситивно-экстрасенсорным способностям типа личностей, имеющих прямое и непосредственное отношение к магико-мистической практике. Каждый из них использует в той или иной мере обрядово-ритуальные комплексы и заговорно-

заклинательные тексты. Если для первой группы (знахарей) такие тексты и действа есть не что иное как слепая дань традиции, для второй группы (ведунов) они являют основу их практики, разумно сочетаемую с суперсенситивными и экстрасенсорными факторами, то для третьей группы (колдунов/ведьм) они являют собой исключительно дополнительные, а иногда вспомогательные элементы деятельности: представителям четвертой группы – магам – это вовсе не требуется. Попавшие в руки знахарей традиционные, часто весьма искаженные, тексты и сведения, в их среде подвергаются в основном дальнейшим искажениям; в среде ведунов они живут своей естественной жизнью, хотя некие трансформации их даже с нарушением "магических" свойств вполне реальны; колдуны же имеют возможность совершенствовать традицию, однако делают это, видимо, крайне редко, так как сами в этом особой нужды не испытывают.

Ситуация с магико-мистическими проявлениями в рамках заговорно-заклинательной традиции достаточно хорошо известна: практическое воздействие на перцепиентов (ограничимся в данном случае наиболее показательной медицинской деятельностью) оказывают и знахари, и ведуны, и колдуны. Возникает вопрос: одинакова ли природа этого воздействия? Все изложенное выше подсказывает отрицательный ответ. Магико-мистическая сторона воздействия наиболее ярко выражена у колдунов, менее значима – у ведунов и практически отсутствует у знахарей. Положительное воздействие знахаря обеспечивается использованием прикладной медицины; у ведуна чаще всего сочетанием того и другого (в различных комбинациях); у колдуна же используется в первую очередь магико-мистическая компонента, что, разумеется, не исключает частных обращений при оказании лекарской помощи к конкретным приемам прикладной медицины. Добавим, что собственно магическая практика не нуждается обычно в дополнительных средствах. Именно это объясняет разграничение сфер деятельности знахарей, ведунов, колдунов и попытки выделения магов в традиционном социуме.

Если представители магико-мистической сферы деятельности в рамках заговорно-заклинательной практики оказываются в различной мере причастными к реальной психоэнергетической и

энергоинформационной - "магической" работе (работе в ИСС) и если они по-разному опираются на традиционные заговорно-заклинательные средства, то возникает вопрос о том, что дают человеку эти традиционные заговорно-заклинательные средства в плане достижения "магического эффекта" (перехода и работы в ИСС)? Правильно построенный и оформленный заговорно-заклинательный комплекс позволяет тому, кому необходимы вспомогательные средства для перехода в ИСС, медленно и постепенно достигать желаемого состояния и осуществлять нужное экстрасенсорное воздействие либо суперсенситивное восприятие в нем. Для тех же целей служит произносимый текст.

Мнение, распространенное среди непосвященных и активно поддерживаемое знахарями - также непосвященными - о том, что заговорный текст оказывает непосредственное воздействие на перцепиента, разумеется, ошибочно.

Проблема воздействия заговорно-заклинательного текста пока не нашла своего полного объяснения. Очевидно, к пониманию этого максимально приблизились восточные учения. Их адепты осознавали не только могущество слова, но необходимость его сочетания с ритмом и интонированием, что делалось для максимальной концентрации мысли в процессе перехода в ИСС. Магические формулы - только часть целостного комплекса; они - при нужном интонировании - способствуют воссозданию известного ритма, который позволяет выйти в одну из стадий ИСС. Сравним: "Движимый вождением разделить с нами жаркое, он пошел быстрее, и непроизвольно его шаг перешел в ритмическую посылку, практикуемую во время тренировок. Привычная ассоциация этого ритма с мистической формулой, сообщенной ему учителем, заставила его мысленно повторять ее. С повторением формулы сочеталось регулирование дыхания и в соответствии с предписанными правилами - слова формулы отмечали такт дыхания. Затем последовало состояние транса" (*Давид-Неэль, 1991; 151*).

Восточнославянские заклинатели хорошо знают, что заговор должен проговариваться в особом темпо-ритме при своеобразном интонировании (*«Приложения», 1, 4*). Они используют некоторые дополнительные приемы для усиления воздействия проговариваемого текста, например, говорят весь текст на одном выдохе, своеобразно чередуя вдох и выдох (этому обучала меня летом 1989 года одна из ведуний в украинском Полесье на хуторе Адамчуки Любомльского района Вольнской обл.). То же самое относится к проговариванию молитвенных текстов ("Молитву можно тоже пробалаболить так, что никакого толка не будет. Все зависит от того, как - как четко, как точно, как обдуманно ты ее проговоришь. "Отче наш." - это великая молитва. Только ей можно очень многое сделать!" - Архив автора. Зап. от народной целительницы, использующей заговоры и молитвы, наряду с восточными методиками, Т.Кочиной в сентябре 1998 г., Москва; см. о ней: *Харитоновна, 1994; 17-24; 1995, 156-160*).

Речь идет о воздействии заговора на самого заклинателя, а не на перципиента («Приложение», 1). Воздействие, оказываемое на перципиента, будет опосредованным. Подтверждение тому не только "пештание" заговоров, но и отказ магов от их использования.

Изучение воздействия заговорного текста в последние годы имеет место в психолингвистике. Обращу внимание на одну из работ последних лет, претендующей на обобщение достижений в данной сфере: *Черепанова, 1996*. В издании, замечательном по подаче материала и доброму по подборке цитат из самых разных источников, использована для анализа текстов заговоров, мантр, заклинаний различного рода и психотерапевтических "настроев" любопытная система оценки фонетической стороны вербальной компоненты (*Журавлев, 1974*).

И.Ю.Черепанова, трактующая суггестию исключительно как феномен, порождаемый развитием второй сигнальной системы (влияние идей нейролингвистического программирования - НЛП?), осуществила свое исследование в филологической и материалистической традиции (в привычном понимании - "материя - реальность, данная нам в ощущении"). Автор не учитывает, что барьер наших ощущений, продиктованный социально-психическими установками, может в значительной степени смещаться в сторону так называемого "непознанного". Но это - естественно - не имеет отношения к лингвистике (даже «суггестивной»), поскольку смысл суггестии (воздействия внушением) не сводим к работе слова. Суггестия, зарождающаяся в момент формирования второй сигнальной системы, связана с появлением слова; однако корнями своими она уходит в звук и его интонирование, силу, тембровую окраску; еще же глубже - суггестия идет от работы чего-то, что предшествует звуковому общению, но звуко-вербальным компонентом контакта внешне оформляется. За всем этим стоит, высокопарно выражаясь, некое движение души. С момента освоения второй сигнальной системы человеческие движения души (эмоции и чувства) начинают дублироваться в своем выражении не только языком жестов и взглядов, но и языком слова и мысли. Последнее не учтено автором.

В так называемой экстрасенсорике очень многое трудно понять из-за сложности разграничения "рабочих сфер": ведь воздействие идет различными путями, в нем задействовано "движение души" в варианте особым образом "сформулированной" эмоции, что подкрепляется сложнейшей работой мысли и воображения - создание мысле-образа (здесь астральная сфера "прорывается" в физическую, воплощая магическую задачу), а также дополняется и дублируется работой слова (мысль-слово, текст). Разумеется, все это допускает различные варианты сочетаемости, что зависит от способностей и навыков человека, практикуемой методики, а выливается в качество и характер оказываемого воздействия.

Кстати, применительно к теме нашего исследования очень важным и до сих пор совершенно научно неразработанным аспектом остается именно это пограничное: мысль-образ/мысль-слово. Пожалуй, здесь психолингвистика могла бы увидеть много интересного.

Возвращаясь к книге И.Ю.Черепановой, приходится констатировать, что автор (в чем она, вероятно, совершенно права) осталась на филологической позиции. А это не позволяет не только раскрыть тайну "дома колдуньи", но даже

определить его местоположение. Конечно, очень сложно сейчас в ситуации прорыва в неизведанное оказаться на мировоззренческой платформе, которая многим представляется чрезвычайно неустойчивой. Но сделать эту платформу более надежной могла бы как раз работа в области психолингвистики, учитывающей достижения парапсихологии (эниологии). Тот факт, что заговор воздействует на перципиента только опосредованно, не требует, впрочем, специального доказательства, поскольку исследователям, наблюдавшим хотя бы единожды естественные ситуации заговаривания, хорошо известно, что заговоры проговариваются захлебывающимся тихим шепотом - понять и воспринять текст при таком наговаривании перципиент не может. Заговаривающий же (оператор) при правильном напештывании текста испытывает многоплановое воздействие: 1)напештывание меняет частоту и глубину дыхания, вызывая гипотаксию. 2)ритмико-мелодический, интонационный рисунок способствует включению в работу определенных зон головного мозга, 3)синтаксическая организация заставляет концентрировать внимание, 4)поэтический, семантико-стилистический ряд способствует формированию образных представлений и включению в работу "тонкого плана".

Итак, правильно организованный "работающий" текст помогает оператору, а грамотный, одаренный суперсенситивно и поэтически оператор имеет возможность не только откорректировать искаженный текст, но и создать новый. Те, для кого нет проблем с входением в рабочие ситуации (маги и колдуны с высоко развитыми суперспособностями), текстами могут не пользоваться вовсе, как и не обращаться к заговорно-заклинательным комплексам. Таким образом, пространства магико-мистической практики и заговорно-заклинательной традиции не сопряжены полностью; графически их соотношение можно представить как неполное наложение двух окружностей.

Обсуждая степень изученности заговорно-заклинательной традиции и проблемы исследовательской работы, нельзя не подчеркнуть еще раз, что эти проблемы в гораздо большей степени психологические и психофизиологические, нежели чем этнофольклористические или культурологические, даже если при изучении их мы отстраняемся от малопонятной пока области эниологии.

РЕЗЮМЕ

- Магико-мистическая практика и заговорно-заклинательная традиция восточных славян существуют до настоящего времени и остаются действенными благодаря передаче из поколения в поколение истинного знания, а не традиционному функционированию фольклорно-этнографического материала (текстов, навыков и средств), который создает

фоновое маргинальное знание. **Знание** обуславливает работу человека на психоэнергетическом и энергоинформационном уровнях – то и другое связано с ИСС, люди, обладающие им, отличаются суперсенситивным восприятием и экстрасенсорной силой.

- Известны различные способы погружения в ИСС: с помощью средств, содержащих вещества, воздействующие на работу сознания, путем использования техник психофизического возбуждения и техник психофизического угнетения. В восточнославянской практике выработана особая техника, синтезирующая аффект и медитацию. Эта техника представлена в рамках заговорно-заклинательной традиции. Не исключено, что ее становление было связано с трансформацией языческих шаманских техник, упоминаемых в древнерусских источниках в связи с кудесниками и волхвами.
- Помимо аффективно-медитативного заклиательного процесса, восточнославянские знатоки магико-мистической практики использовали гипноз и исцелит (в варианте «прямых слов» или «прямого выхода»).
- Различные способы погружения и работы в ИСС на глубинном психофизиологическом уровне, видимо, схожи друг с другом. Их соотношение позволяет выделить по пять этапов погружения, каждый из которых характеризуется определенными возможностями суперсенситивного и экстрасенсорного свойства.
- Магико-мистическую практику восточных славян сохраняют различные группы «посвященных» (обладателей **знания**), «приобщенных» (осваивающих **знание**), а также непосвященных хранителей фольклорно-этнографической традиции. Их можно разделить с учетом основных качеств и развития способностей на 4 группы: маги, колдуны, ведуньи, знахари. Все они, кроме магов, связаны с заговорно-заклинательной традицией.
- В традиционном наименовании лиц, имеющих отношение к магико-мистической практике, много путаницы. Это сказалося, например, в фольклорной трактовке ведьмовства и ведовства. Научная интерпретация природы **знания** позволяет объяснить суть ведьмовских трансформаций, соотнести ведьмовство с реальным колдовством и искусством магии.
- Принципы магико-мистической работы представителей выделенных групп различаются. Их последовательность определена наличием и своеобразием **знания и силы**, умения использовать **знание**.

1. Исследование архаических мифоритуальных комплексов в Японии, например, позволило подтвердить, что глобальные социально-политические изменения приводят к серьезным нарушениям культурной традиции и дезориентации личного и общественного сознания. "Архаические мифоритуальные комплексы в периоды кризисов общественного сознания реанимируются как средство первичного социального и психологического структурирования и распространяются в силу своего архетипического значения (...) Таким образом культура в условиях кризиса сохраняет себя путем возвращения к своим исходным формам" (Башников, 1999).

2. Здесь уместно вспомнить результаты экспедиций 20-х годов, когда вряд ли еще можно было предположить, что заговорно-заклинательная традиция хотя

бы в какой-то степени успела отреагировать на борьбу с суевериями. Однако, Л.М.Астахова уже во второй половине 20-х годов констатировала весьма значительные изменения, довольно быстрое исчезновение традиции (Астахова, 1928).

3. Один из редких примеров такой передачи был зафиксирован во время работы Северной фольклорной экспедиции филологического фа-та МГУ им. М.В.Ломоносова В.Е.Добровольской (Добровольская, 1994).

4. Именно так пытаются представить момент наследования традиционной заговорно-заклинательной практики в отечественной фольклористике теоретики, далекие от реального понимания особенностей народной духовной культуры.

5. В данном случае имеется в виду не родственное наследование, а наследование по предрасположенности к сенсорной деятельности, т.е. наличием определенных свойств и качеств.

6. Термин, предложенный К.-Г. Юнгом, в настоящее время используется довольно активно. Некоторые исследователи дифференцируют понятие "коллективного бессознательного" с учетом его национальных, общечеловеческих и иных разновидностей, что фактически соотносимо с понятием "эгрегора"

7. Этот широко используемый в среде современных парапсихологов и народных целителей термин отображает понятие, близкое к "коллективному бессознательному" К.-Г. Юнга и "ноосфере" В.И.Вернадского; "Информационным Полем" или "Единым Информационным Полем" принято называть некое образование, схожее со "Сверхсознанием".

8. «Посвященные» - в данном случае лица, обладающие особыми способностями суперсенситивно-экстрасенсорного характера, практикующие в рамках конкретной магико-мистической практики вследствие передачи им системного знания, практических навыков и сведений о культурной стороне традиции; «приобщенные» - лица, обладающие набором знаний о магико-мистической практике в конкретном варианте (вариантах), но либо не имеющие особых суперсенситивно-экстрасенсорных способностей, либо не успевшие еще развить полученное знание. В отличие от «посвященных» и «приобщенных», лица, знакомые с представлениями «посвященных» понаслышке, т.е. обычные хранители фольклорно-этнографической традиции, называются «непосвященными»

9. Те устные рассказы, которые фольклористы обычно именуют быличками, могут использоваться (разумеется, с определенной степенью осторожности) в качестве информации из первых уст о таинственных и необычных явлениях. Однако, достаточное достоверная информация содержится преимущественно в меморатах (Харитонова, 1990а; Золотова..., 1989).

10. Сенсорное воздействие различного типа практикуют лица, психическое состояние которых во многих случаях не позволяет доверять их оценкам и оценочным критериям (Балла, 1993; Меццержакова, 1996; Меццержакова, 1999).

11. Полесские экспедиции ИСиб АН СССР (РАН) работали под руководством Н.И.Толстого на территории украинского, белорусского и русского Полесья (позже в Закарпатье) с 1962 года. Хронику экспедиций см.: Тура, 1983; Алапкина..., 1986; Бушкевич..., 1994; Антропов..., 1995.

12. Записанные мною материалы хранятся в ПА ИСиб РАН.

13. "Психозергетика" и "энергоинформатика" - термины, используемые для обозначения деятельности человека, не выраженной явно в физическом

варианте, связываются с необычными проявлениями бытия. Термипы не являются устойчивыми, часто используются в близких, но различающихся значениях. Помимо них в аналогичных ситуациях могут использоваться терминологически слова "биоэнергетика" или "биоэнергоинформатика". Выбор терминов определяется тем, как автор трактует проявления необычного в человеке и природе (как собственно психическое или биологическое, биофизическое) и насколько строго разграничивает принципы разнородного воздействия.

14. Об использовании галлюциногенов существует обширная литература - *Rosenbohm, 1991; Harner, 1973 и др.* Довольно много об этом пишется в периодических научных и научно-популярных изданиях, напр., *Shaman's Drum* *A Journal of Experiential Shamanism* (*B. Schaefer, 1996; Emanuel Satzman..., 1996*)

В отечественных исследованиях об использовании мухоморов у шаманиствующих народов российского севера и Сибири - *Батьянова, 1995; 233*. "Особую группу видений представляют галлюцинации, связанные с принятием мухомора - древнейшего психотропного средства коренных народов Камчатки. Сохраняются элементы культа мухомора: ему воздаются символические почести (нашедший мухомор должен спеть песню или станцевать и пр.), употребление мухомора связано со строгими правилами (к сожалению, они не всегда соблюдаются), первое принятие мухомора в молодом возрасте происходит под руководством старших и иногда носит черты инициации. Главное назначение мухомора видят в том, что он предоставляет людям возможность общаться с умершими: "Это как волшебная пицца, она связывает жизнь двух миров". За время трех экспедиций на Камчатку мной было записано около 50 рассказов о мухоморах, в том числе легенды, сказки, многие из рассказчиков подробно передавали ощущения, связанные с принятием мухомора, галлюцинации, видения и слышанные ими "под мухомором"..."

15. См.: *Шертук..., 1991*. Идея сопоставления психоаналитических техник с традиционными суггестивными методиками не нова. *Леви-Стросс, 1985; 165-182; Ревуненкова, 1992; 160-163; Тимофеева, 1997; 429* ("После К. Леви-Стросса параллель между лечением шамана и психоанализом стала общим местом.")

16. Отмечу, что в отдельных исследованиях как "самогипноз" трактуется медитация: "...медитация, как одна из форм самогипноза - тщательно разработанный в религиозных системах путь осознанного вхождения в бессознательное" (*Налимов..., 1984; 113*). Если под термином "гипноз" понимать то, что обычно понимают психиатры, а именно "...применение внушения в чистом, так сказать, виде..." (*Конторум, 1959; 34*), то, учитывая акцент, делаемый на "внушение", вряд ли медитацию можно воспринимать как гипноз даже в варианте "само-", поскольку это не "самовнушение", которое обычно именуется аутотренингом и широко используется в психотерапевтической практике, в том числе в современных вариантах "целительства" (*Сытин, 1990 и др.*)

17. Дальше об особенностях работы человеческого мозга прокомментировал Вяч. Вс. Иванов (*Иванов, 1978*).

Современные исследования, по проблемам искусственного интеллекта поставили под вопрос привычную аксиому, будто человек думает головой: "...выяснилось, что в процессе мышления принимает участие не только головной мозг, но и вся нервная система, для которой кора мозга является своего рода

"пультом управления". Оказалось, что мыслит весь человек, а не его отдельные части. Это подтверждается еще и тем, что многочисленные попытки локализовать в мозгу "орган мышления" оказались безуспешными" (*Карпенко, 1992; 309*).

18. Это не противоречит утверждению С.И.Дмитриевой, о том, что активная запись быличек началась в последние десятилетия (*Дмитриева, 1994; 97*). Однако мне представляется, что более корректно было бы не связывать процесс напрямую с "исчезновением запретов на различные формы верований": интерес к быличке и запись мифологической несказочной прозы имели место задолго до "оттепели 1986 года", после чего, фактически, изменилась ситуация в издательской практике. Собираателями же этот материал вовсе не "игнорировался": экспедициями МГУ он активно записывался в 70-е годы и ранее; по зафиксированным образцам делались курсовые и дипломные работы.

Значительные собрания материала (помимо широкого известного архива В.П.Зиновьева, Иркутск) имеются, например, в архиве кафедры русской литературы Нижегородского университета, в Перми (в ПГУ - архив К.Шумова, защитившего кандидатскую диссертацию на тему: "Современное состояние былички в Северном Прикамье. Опыт машинного анализа сюжетного состава локальной традиции" (Екатеринбург, 1993) и опубликовавшего множество своих записей: *Былички..., 1991; Правдивые..., 1993* и др.; о современных модификациях "быличек" - *Корабельникова..., 1989; Шумов, 1990*

19. Работа с современными народными целителями убеждает в том, что, если суперсенситивно-экстрасенсорно одаренный человек не имеет возможности реализовывать свой творческий потенциал в поэтическом варианте в процессе непосредственной деятельности, то он, как правило, начинает писать стихи либо для своих пациентов, либо для себя (*Харитонова, 1994; 38-50, 212-216; Мартынов, 1994* и др.); многие обращаются к живописи - "лечат картинами" (*Харитонова, 1994; 81-88*). О творческих устремлениях шаманов см. *Ревуленкова, 1992; 87-104*

20. Наиболее ярко процесс материализации продемонстрирован при описании обрядово-ритуальной практики "леопардовых людей" у Гарри Райта - *Райт, 1971; 132-134*.

ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИИ МАГИКО-МИСТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Практическая Магия представляет искусство воздействовать динамизированной человеческой волей на эволюцию живых сил Природы в смысле ее ускорения...

(Папюс «Практическая Магия»)

Колдунья - не всегда ловкие шуты, обманывающие темный и суеверный народ при помощи своей сметки, которая дальше других видит и выше стоит, но также знахари, как остаток древних волхвов и кудесников, вызванные народной потребностью в качестве врачей и значении целителей от действия всякой вражьей силы.

(Максимов С.В. «Колдун»)

Современное состояние заговорно-заклинательной традиции восточных славян, как и магико-мистического искусства в целом, являет собой очередной, вполне закономерный этап развития, который не позволяет ни констатировать их исчезновения вследствие утраты веры религиозной и суеверно-языческой (как это было принято считать в отечественной фольклористике до недавнего времени), ни говорить об их возрождении и восстановлении (с чем нередко можно столкнуться в работах последних лет). Исчезнуть этому явлению не позволит его востребованность человеком во все времена, а возродиться ему нет смысла, так как оно не умирало.

В последнее десятилетие особенно очевидными стали возможности актуализации отдельных аспектов магико-мистической практики и заговорно-заклинательной традиции вместе с тем пластом духовной культуры, в который они вплетены естественным образом. Востребованность «неоязычества» в свете смены политической и идеологической ориентации у определенной части населения повлекла за собой интерес к названным феноменам, что привело к их, во многих случаях, искусственному «возрождению» - обращение к древнейшей традиции через современное видение особенно в кругах городской интеллигенции порождает «неотрадицию», в то время как в деревенской среде сложившаяся ситуация просто позволила местной традиции существовать открыто (*Ширельман, 1998*).

Частные трансформации любой традиции вполне естественны в процессе эволюции. Иное дело, что в настоящее время

наместились серьезные изменения в оценках и научных трактовках эзотерической практики, оккультного знания. Сейчас речь должна идти о начале процесса массового освоения знания, которое считалось эзотерическим и оккультным. Этот процесс заметен пока в крупных городах, но он развивается стремительно. Разумеется, невозможно полагать, будто происходящее в больших городах совершенно не затронет периферию, однако адаптация традиционной культуры к научным новшествам и модным веяниям там будет медленной и постепенной. Механика этих процессов во многом схожа с известными механизмами взаимодействия культуры элитарной и народной, христианской и языческой (*Нотман...*, 1977).

Что вселяет уверенность в нетленности магики-мистической практики? Можно ответить просто: ее длительная история и современное состояние. Однако, такой ответ не укажет основной причины, представив следствия. Главная же причина коренится в практико-философской предопределенности формирования, многовекового существования и невозможности исчезновения этого явления человеческого бытия (не только быта!), стимулированного нашей психикой (точнее, как считает эниология, психоэнергетическими и энергоинформационными свойствами человека и природы, космоса).

Исследователи имеют дело с многотысячелетним развитием магики-мистических знаний и практики, поскольку историю магии и заклинательной деятельности надо отсчитывать со времен появления человека разумного. Во всяком случае ученые имеют возможность анализировать даже заклинательные тексты очень ранних традиций. Например, В.Н.Топоров указывает: "Подлинно классической заговорной традицией древности, занимающей первое место среди других по сыгранной ею культурно-исторической роли, по праву считается египетская. Ее первенство определяется многими факторами - древностью письменной фиксации (тексты на шумерском и аккадском начиная с III тысячелетия до н.э., абсолютный рекорд); ее длительностью (во всяком случае, в течение трех тысячелетий продолжалась органическая преемственность этой традиции в неких единых рамках; о дальнейшей ее судьбе говорить сложнее, хотя нет сомнений в наличии ее позднейших филиалов..." (*Топоров, 1995: 17*).

Проблема возникновения и формирования магики-мистической практики в древнейшую эпоху существования человечества рассматривалась многими представителями отечественной и зарубежной науки (*Афанасьев, 1865; Фрэзер, 1980*;

Тайлор, 1989; Малиновский, 1992; Кагаров, 1929; Токарев, 1990 и др.). Разумеется, конкретные интерпретации зависели всякий раз от философско-методологической позиции авторов, состояния науки и тех материалов, которыми они располагали. Очевидно, что любая теория на этот счет должна была учитывать сумму факторов практико-функциональных, психологических, культурологических и иных. Но ни одна из них не могла учесть факторов эволюционных.

Обратимся еще раз к древности, ко временам предистории человечества. Палеоантропология в лице наиболее смелых представителей этой научной отрасли давно заявила о том, что человек в процессе своего формирования утратил некие свойства и навыки, наличие которых обеспечивала развитая шишковидная железа (Поринев, 1974). Отличительная черта формирующегося человека - способность к суггестии, в значительной степени более высокая, чем у его современного потомка, который почти утратил эти свойства в результате существования в условиях технократической цивилизации.

Кстати, обратим внимание на повышенные суггестивные и творческие способности детей, особенно тех, которые по каким-либо причинам на протяжении длительного времени имеют возможность сохранять свои исконные свойства. Это было продемонстрировано на одном из специальных мероприятий, семинаре "Дети XXI века", организованном во ВНИЦТНМ "ЭНИОМ" в январе 1992 года (Мещерякова, 1993). Отмечу, что длительные последующие наблюдения психолога за детьми, проходившими психологическое тестирование, показали, что со временем все они утратили свои задатки, среди них не оказалось ни одного выдающегося в суперсенситивно-экстрасенсорном отношении человека (*устное сообщение психолога Е.А.Мещеряковой*).

Любопытные эксперименты с развитием суперспособностей различного рода у детей проводятся в центре Вячеслава Брошников, однако говорить о том, что в результате развития "суперспособностей" мы получим новую генерацию необычных людей XXI века, вряд ли стоит, учитывая предыдущий опыт и исследования специалистов; психологи при продолжительном наблюдении за этими детьми и нейрофизиологи пришли к пугающим и тревожащим выводам (*устное сообщение психолога Г.В.Таратыновой*).

Суггестивное общение есть не что иное как возможность психоэнергетического и энергоинформационного обмена. Таким образом, есть основание полагать, что психоэнергетическое и энергоинформационное взаимодействие было развито у человека до формирования второй сигнальной системы: довербальное общение

несводимо только к наличию языка жестов (1), например, или развитию мимики и звуковой сигнализации. Впрочем, все названное и позволило сформировать то, что позже станет магико-мистической практикой, перейдет в разряд тайного знания.

Вторая сигнальная система, судя по всему, активно стимулировала прогрессивное в нашем нынешнем понимании развитие человечества, но при этом резко застопорила суггестивное общение, которое при наличии языка стало не столь необходимо, как раньше. Развитие навыков вербального общения повлекло за собой изменения в процессах работы мозга и трансформации в нем, в том числе вызвало видоизменение шишковидной железы, которая со временем превратилась в своеобразный атавизм.

В этом контексте стоит обратить внимание на одну чрезвычайно любопытную деталь. Все мы привыкли к тому, что человек мыслит на каком-либо языке, часто даже задаем вопросы билингам о том, какой из языков является для них языком мышления. Обычны ответы о том, что мысль формулируется на первом, родном языке или на том, на котором в данный момент человек общается.

В беседе с выдающимся пивхским писателем и деятелем культуры Владимиром Санги, прекрасно говорящим как по-русски, так и по-пивхски, ему был предложен вопрос о языке мышления. Совершенно неожиданно для интервьюера Санги ответил... что не думает ни на каком языке, и даже изумился как же на языке можно думать? (*Архив Д.Функа. Зап. в п. Ноглики, Сахалин в октябре 1999г.*)

Разумеется, отвечающий принадлежит к числу людей творческих, для которых образное мышление приоритетно по сравнению с мышлением логическим, вербальный инструментарий – хотя для Санги именно он является важнейшим элементом творчества – становится «второй ступенью» при перекодировке мысленной информации, отрыв которой от первой «человек природы» (даже в ситуации с В.Санги, прожившим большую часть жизни в столичном очаге культуры и цивилизации) улавливает и, видимо, хорошо опущает. Это свидетельствует о том, что «человек природы», творческая личность легко может переходить на уровень образно-символического, суггестивного общения. Таким людям проще погружаться в магико-мистическую сферу бытия. Данный пример – косвенный аргумент того, что шаманы, ведуньи, колдуньи – прежде всего личности, имеющие колоссальные творческие способности (*Ревуненкова, 1974; 109, 111; и др.*), что позволяет им при желании легко пропикать в магико-мистическую сферу.

Естественная утрата суггестивных навыков должна была вполне закономерно привести к тому, что психоэнергетическая и энергонформационная сферы стали достоянием немногих избранных: тех, кто "отставал в развитии", сохраняя способности

видеть "тонкую" материю и управлять ею, а через нее - и грубой физической реальностью.

Дальнейшая эволюция человечества по пути от природы к культуре, от культуры к цивилизации должна была способствовать утрате и забвению суггестивных навыков. Они все прочнее закреплялись за немногими избранными, точнее, теперь уже "посвященными" в таинственное **знание** своими предшественниками, причем избранники должны были страдать от того, что при посвящении проходили болезненный путь восстановления утраченных функций мозга и организма в целом. Шаманская болезнь и страдания колдунов вызваны в первую очередь именно этим (подробно вопрос изложен мной: *Материалы...*, 1999 2: 185-197).

Становление магиго-мистической практики, очевидно, должно было быть связано с попытками не восстановить утраченное в целом - человек вряд ли осознавал, что он что-то теряет нечто очень важное - но найти возможность сохранить необходимое для поддержания жизни людей, контактов с природой и космосом.

Здесь стоит вспомнить, что древнейший период истории - время мифологической истории - исследователи аборигенных культур вслед за Стэннером именуют «временем сновидений» (dreaming time), что вполне реалистично отражает своеобразное состояние «жизни в мифе», состояние во «времени до всякого времени». Это представление аборигенов стоит воспринимать как попытку охарактеризовать то специфическое состояние едва формирующегося социума, когда абсолютное большинство homo sapiens были «открытыми структурами», напрямую общавшимися с Бессознательным и Сверхсознанием - то есть можно сказать, что они почти постоянно находились в ИСС, видимо, в довольно глубоких стадиях, что совершенно закономерно и было охарактеризовано как «время сновидений». Разумеется, о глубине погружения в ИСС в отношении человека в далеком прошлом можно говорить только с позиции современного человека: для человека «периода/времени сновидений» это состояние, вероятно, было естественным и практически постоянным, только в результате дальнейшей эволюции, приспособляясь к меняющимся условиям, человек вышел из него, уйдя в конце концов в своем развитии так

далеко, что даже перестал понимать, что значит общение со Сверхсознанием и собственным Бессознательным.

С окончанием "времени сновидений" исходная способность нормального функционирования психоэнергетической и энергоинформационной сфер стала достижима только в ИСС - измененных состояниях сознания. Поиски выхода в "тонкие миры" приводили к формированию различных способов погружения в ИСС, что зависело от имеющихся природных галлюциногенных и алкалоидных средств (наиболее простой путь) и, вероятно, от сохраняемых знаний о достижении необычных состояний путем неких, так сказать, технических ухищрений.

Довербальная эпоха существования человека должна была оставить воспоминания о важности жестов и телодвижений, ритмизованных и различно интонируемых криков, природных звукоподражаний. Поиски человеком путей перехода в ИСС, естественно, приводили к идее использования каких-то элементов из арсенала общения людей "времени сновидений". По всей вероятности, на основе этих воспоминаний и знаний могли формироваться ритуальные действия, способствующие достижению каких-либо стадий ИСС. Коллективные танцы с набором значимых жестов, исполняемые в отработанных ритмах, музыкально-шумовое сопровождение, звуковое оформление с определенным интонированием помогали человеку достичь состояний, в которых он как бы возвращался к самому себе, к своему прошлому, и получал возможность временно использовать те свойства, которыми его предки обладали постоянно. Эту стадию сохранения психоэнергетических способностей обнаруживают исследователи в племенах, ведущих образ жизни, который было принято именовать "первобытным" и даже "диким".

История культуры свидетельствует о знании различных техник достижения ИСС. Аффективный тип погружения в ИСС, наличествующий в различных коллективных ритуалах (*Сатлаев, 1971: 130-141*) и в дошедших до нас шаманских камланиях (2), широко распространен. У древних славян он мог использоваться в коллективных, и индивидуальных вариантах. Отголоски первых дожили до нового времени - наиболее ярко они выражены в южнославянской традиции русалий (*Арнаутов, 1920*).

Индивидуальные варианты вхождения в ИСС – шаманские камлания, например – у славян не сохранились, но некоторые исследователи считают таковыми практику «волхвов»

Не исключено, что уже на самых ранних стадиях формирования техник перехода в ИСС существовали два принципиально различающихся варианта работы по погружению в такие состояния - аффективный и медитативный, которые впоследствии трансформировались в различных культурах в какие-либо специфические разновидности. Более того, можно предположить, что эти два принципиально различающиеся пути к одному и тому же состоянию отображают некое важное различие человеческих типов рационально-конструктивного и эмоционально-творческого (вспомним Л.Н.Толстого с его делением людей на "понимающих" и "непонимающих"). Трудно представить себе в этом разделении абсолютно четкое разграничение типов, однако общая ориентация такого плана кажется вполне очевидной

При изучении народного целительства я невольно обратила внимание на проявление подобных закономерностей. Любопытно, что в целительство пришло значительное число людей инженерных профессий, особенно интересными среди них оказались инженеры-системотехники, работающие с компьютерными системами (см. очерк о И.В.Комаровой - Харитонова, 1994; 125-132). Абсолютное большинство среди людей "негуманитарных профессий" активно используют методы рационально-конструктивные "колдовского" типа. В свою очередь, эмоционально-творческие личности гуманитарного профиля при первой же возможности стараются либо выразить себя через какой-то вариант собственно творчества (живопись, музицирование, песнопения, танцы), либо, если представляется такая возможность традицией или наличием "школы", осваивают шаманские техники.

Наблюдения за современной практикой использования техник погружения в ИСС и учет имеющихся в специальной литературе свидетельств явно демонстрирует наличие двух типов этого навыка, один связан с тренировкой психоэнергетических возможностей и развитием энергоинформационных (условно - «шаманский»), другой - с максимально активным использованием энергоинформационных свойств (условно - «колдовской»). Постепенное раскрытие энергоинформационных качеств через психоэнергетические позволяет человеку идти по пути духовного развития, воссоздавать себя как гармоничную личность.

свособразного Богочеловка, который способен не просто существовать в земном мире, но разумно функционировать в системе Космоса; жить не только за счет психофизического, но и за счет психоэнергоинформационного знания

Иными словами, личность, вернувшая себе утраченные возможности осваивать "тонкоматериальные" пространства психоэнергетического и энергоинформационного, стремится к равновесному раскрытию интеллектуальных и эмоциональных качеств, к равновесному развитию интуитивного (хотя оно и остается преобладающим) и рационального начал. Это подтверждают современные психотехники (3) Главное же на таком пути развития - естественное существование в Космосе, сосуществование со всем тем, что окружает человека, при стремлении принимать окружающее, познавая его. Этот путь развития определяет ненавязывание своей воли другому, всему окружающему. Он соотносим в системе наших познаний с шаманским путем: шаман не скрывает своих знаний (не в смысле отработки и воспроизведения трюков, а в плане известного ему о мире: не скрывает своего мировоззрения), он стремится с помощью этих знаний и необычных способностей вернуть в мир нарушенный порядок: претворение Хаоса в Космос - в различных масштабах - его главная задача.

Противоположный вариант погружения в ИСС и вместе с тем иной путь развития в традиционной культуре воплощается в колдовстве и собственно магии. Работа мага и колдуна рассчитана на трансформацию мироздания только им известным тайным путем. Однако самим магам и колдунам ведомы, как правило, способы трансформации, но не подробности пути преобразований. Неслучайно их деятельность направлена на сиюминутные магические эффекты: мгновенная активизация психоэнергетического и столь же краткий, но эффективный контакт с энергоинформационным позволяет магу или колдуну свершить многое, однако, как бы не в согласии с тонкоматериальной сферой психоэнергетического, а путем игнорирования и подавления ее, путем навязывания своей воли окружающему и, в том числе, конкретному лицу, по просьбе или вопреки желанию которого что-то делается. Страх перед колдуном (магом) во многом связан с его установкой на подавление чужой воли при магической работе.

Можно сказать, что первый путь отличается стремлением к ненавязыванию собственной воли, к гармонизации, второй - к навязыванию своей воли кому-то или чему-то, а это даже при попытке восстановить порядок (хаотичное вернуть в состояние космического равновесия) фактически ведет к нарушению законов гармонии. Глобально второй путь воспринимается как движение от Космоса к Хаосу (4), а не наоборот. Это и вызывает отрицательное отношение к колдовству («черной» магии). Два указанных пути нельзя рассматривать со знаком плюс и минус; они оба имеют право на (со)существование и как бы уравновешивают друг друга. Но за ними просматривается и из них исходит принципиально разная работа: спокойное восстановление порядка и силовое навязывание его.

Оба пути имеют положительные и отрицательные свойства. Шаман, в технике которого переход к глубинному бессознательному сопряжен с длительным нахождением на каждом этапе погружения в ИСС, прилагает максимум психофизических усилий для осуществления своей задачи. При этом он демонстрирует всем свой путь и сам всякий раз проходит по "тонким мирам", медленно переключая работу мозга, углубляясь поэтапно в бессознательное, позволяющее ему в итоге подключиться к Единому Энергоинформационному полю (выйти в Сверхсознание).

Колдун (маг) сводит до минимума свое путешествие в бессознательное, мало того, он, скорее всего, не в состоянии проделать путь шамана (не в физическом, а в психическом плане), поскольку не знает этого пути и не стремится создать (сформировать и отшлифовать) свою «тонкоматериальную Вселенную»: становление магов такого типа не связано с медленным и поэтапным развитием сферы психоэнергетического, в отличие от шаманов, переживших "шаманскую болезнь" (период тренировки и освоения навыков путешествий по тонким мирам, то есть, период формирования и разработки сферы психоэнергетического).

Можно предположить, что в нейрофизиологическом плане эти два типа погружения в ИСС очень значительно различаются: если первый медленно "переключает" участки рабочей активности мозга, то второй мгновенно "включает" нужный участок (5). Каждый из этих путей чреват определенными последствиями для работы

мозга и функционирования психики, но любой из них даст требуемый результат.

С нейрофизиологическим процессом, психофизическими и психоэнергетическими особенностями человека связаны самым непосредственным образом шаманские и колдовские знания о мире. Обратим внимание на очень разную степень разработанности представлений о потустороннем в шаманской и колдовской традициях. Шаманские путешествия во время камланий позволяют стороннему наблюдателю и исследователю картографировать передвижение шамана и "сопровождающих лиц", "увидеть" тонкие миры "глазами" основного действующего лица (6); именно потому эти миры оказались хорошо известны кругу непосвященных, но «приобщенных» к **знанию** лиц, а также довольно детально представленными в литературе. Картины «психической Вселенной» колдунов приходится восстанавливать через весьма скромные сведения, имеющиеся в образцах заговорно-заклинательной поэзии; создать полное описание колдовского иномирья реальной возможности нет, тем более с ней оказываются совершенно незнакомыми сторонние наблюдатели, не знающие заговорно-заклинательных текстов.

Исследователям восточнославянской или русской заговорно-заклинательной поэзии удастся обычно реконструировать отдельные фрагменты картины иномирья (Алеева, 1982). В сущности и другие мифологические жанры, даже ритуалы в целом позволяют воссоздать некую общую в достаточной степени условную схему народных представлений на тот или иной счет (Велецкая, 1978). К сожалению, только в последние годы исследователи стали уделять больше внимания самой мировоззренческой системе, отображаемой в таком материале, которые ранее фольклористы крайне редко записывали и, тем более, обобщали в силу известных политико-административных причин. Реконструкцией системы представлений по "живому" материалу много занимаются этнолингвисты (см. труды сектора этнолингвистики и фольклора ИСИБ РАН - серия "Славянский и балканский фольклор", в т.ч. обобщающий свод по материалам Полесских экспедиций *Славянские древности...*, 1995, на жанры, новоствующие о прямых контактах с "психическими мирами", обратил особое внимание академик П.И.Толстой - Толстой, 1995).

Представить цельный свод знания славянских "посвященных" о "психических мирах" вряд ли возможно (естественно, в данном случае речь идет не о "мифологической картине мира", которую реконструируют исследователи, а об описаниях "психических миров", являющихся в видениях «посвященных», о реально используемой практиками магико-мистической сферы "иномирной тонографии", которая частично может отображаться в текстах заговоров и контекстах заговорно-заклинательных действий). Только по традиционным в основе

своей текстам об этом говорить невозможно - знание "посвященных" поливариантно, оно значительно шире и глубже по сравнению с тем, что отображается в отрывочных текстах разного рода, зафиксированных собирателями, тем более что среди заговорно-заклинательных текстов имеются, как минимум, две группы, различающиеся по иномирной тонографии и реалиям: "бытовые", "реальные" тексты и "ирреальные", "иномирные" (последние, кстати, могут быть с преобладанием языческих или христианских реалий).

А) "Обхожу я, раб Божий, с когтем лева-зверя
мое милое стадо, крестьянский живот.
Как мои коровушки до сей поры боялись медведя,
так теперь да боится медведь моих коровушек:
а к этому моему слову
небо и земля –
ключ и замок,
аминь."

(Майков, 1994; 123/286)

Б) (Текст сообщен "волхвом Дорофейкой", обвиненным в попытке "напугать тоску" на царя Петра Алексеевича и царицу Наталью Кириловну по столынику А.И. Безобразову):

"Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!

Лягу я перекрестясь,
пойду помолясь,
из избы дверьми,
двором в ворота,
путем дорогою в чистое поле:
в чистом поле стоит дуб,
под дубом золот-стул,
на золоте-стуле сидит девица Маремьяна,
прядет золот кужель,
и где раба ни завидит царя Петра,
следок станет скрадывать,
к сердцу прижимать".

"Прихожу я раб Дорофей,
кланяюсь,
покоряюсь,
опущаю ключи в окиян-море,
чтобы тем ключам по окияну-морю
не плавать во веки веком.
Аминь."

(Труворов, 1889; 709. Построения разбивка В.Х.)

Различные принципы мироощущения колдуна и шамана исходны. Подчеркну еще раз, что они используют два разных пути путешествия в бессознательное с магическими целями и задачами. Не исключено, что эти пути равноправны и равноценны, а также, вполне возможно, что, как равноценные способы достижения магических результатов, они сложились параллельно. Только шаманский путь исходно был *мистико-магическим*, тогда как колдовской - *магико-мистическим*. Разумеется, нельзя с абсолютной уверенностью утверждать это: не исключено, что одна из практик сформировалась раньше другой (7).

Впрочем, использование ИСС с проявлением аффекта в самых разных вариантах (например, современные дискотеки) необходимо человеку для нормального психофизического существования (8); и это позволяет с большей уверенностью полагать, что два пути прорыва "назад, в бессознательное" вполне могли сосуществовать изначально, а не трансформироваться один в другой, например, что, кажется, было бы чрезвычайно сложно осуществить.

Для исследования славянской магико-мистической практики важен момент возникновения каждого из типов перехода в ИСС. В славянской истории нельзя обойти вопрос о том, что представляли собой «волхвы» на Руси и почему наша магико-мистическая практика в итоге сформировалась именно как колдовская, заговорно-заклинательная, а не как шаманская.

Немногочисленные свидетельства о волховской деятельности связаны в основном с рассказами о гонениях на волхвов и попытках церкви уничтожить языческую мистико-магическую практику. Это вполне понятно, поскольку христианство имело собственную мистическую концепцию видения мира (разработанную систему представлений о "тонкоматериальных пространствах"), очевидно, совершенно несовпадающую с языческой. Разумеется, на первый план выходили аргументы иного характера, однако и они диктовались глубинной сутью психического.

Несовпадение двух концепций и, соответственно, мистических практик было принципиально: здесь сталкивались два пути постижения психоэнергoinформационного мира - условно говоря, "шаманский" - аффективный (к нему обращаются те, кого в летописях собирательно именуют волхвами) и, как ни

парадоксально это звучит, "колдовской" - медитативный (его рекомендует монотеистическая религия, предлагающая готовое знание и путь прямого обращения к Сверхсознанию = «Богу»); при этом в первом случае достигалось гармоничное сосуществование с Космосом, а во втором - декларировался постфизический переход в тонкий план существования, то есть, навязывалась очевидная разорванность психофизического и психоэнергoinформационного

Сопоставление христианских обращений к Богу (личных молитв; не имеются в виду церковные богослужения, хотя и они вполне укладываются в эту общую схему) и колдовства в данном случае кощунственно только на первый взгляд. Речь идет о практике прямой апелляции к Абсолюту либо его заместителю - использованию прямых команд в адрес бессознательного: в качестве разграничивающего момента не может выступать даже преобладающая в одном случае просьба (смирненные мольбы), а в другом - приказ, поскольку эмоциональное и психоэнергетическое оформление того и другого в значительной степени варьируется и "сдвигается" в разные стороны, тем более, у тех, чье мировоззрение слависты определяют через понятие «народного православия».

Обратим внимание на то, что до III века для христианства был как раз характерен путь прямого общения с Богом. "В третьем веке, приблизительно после Александра Севера и до Константина, движение Церкви навстречу миру и государству шло усиленными темпами". "И по своей внутренней религиозной жизни Церковь потеряла свой характер оригинальности и вплотную подошла к языческой религии. Насколько по своей метафизике она стала похожа на языческие философемы, в особенности на систему неоплатоников, настолько же и по своему культу она уподобилась языческим религиям, приняв в себя из них почти все их существенные элементы. Вместо прежнего непосредственного богообщения возникает пышное богослужение, величественный и многословный ритуал, сложные молитвы, переполненные символами и риторикой" (*История... 1991: 154-155*).

Думаю, цитата не требует подробных разъяснений. Авторы «Истории религии» имеют в виду внешнюю сторону, приблизившуюся к пышным языческим ритуалам. По своей же внутренней сущности именно исходно церковь была близка в сфере таинства

богообщения к языческим практикам контактов с «иномирным»: в реалистическом осмыслении - это попытки выхода в ИСС.

Таким образом, в задачи языческих практик шаманского склада входит постижение **знания**, обретение его через чувственный психический опыт; задачей же монотеистических религий, в т.ч. (и в первую очередь) христианской, является запрет на прямое, непосредственное **знание** и принятие готового набора сведений о мире с возможностью обращения к Единому Сущему через молитву.

Здесь имеется в виду отторжение индивида от возможности постигать мир через собственный мистико-экстатический опыт (ИСС). Известно, что раннее христианство не чуждалось этого. Сочетание Святого Духа во многом перекликается с определенными стадиями ИСС. Это подтверждают исследователи христианства: "После того, как Дух Святой сошел на учеников Христа и они почувствовали себя преображенными, рожденными в новую жизнь и обладающими божественными силами - с тех пор **вдохновенность** стала непременным признаком христианина. Об этой вдохновенности и ее явных признаках рассказывается в Деяниях, как о чем-то самом обычном, как о неизбежном атрибуте жизни. (...)

Что же такое эта вдохновенность Св. Духом? Проявления этой вдохновенности очень многочисленны и включают в себя многообразные духовные состояния, начиная с чисто моральных до проявлений "экстатических". "В другом месте (1 Кор. 12) апостол Павел говорит, как о дарах Духа, о слове мудрости, слове знания, даре исцелений, чудотворений, пророчеств, различении духов, говорении на разных языках, истолковании языков. "Ревнуйте о дарах духовных", неоднократно повторяет апостол, - другими словами - старайтесь, чтобы были вдохновенны все ваши поступки, чтобы была вдохновенной ваша мудрость, ваша вера, ваша любовь, чтобы вся ваша жизнь была не сонным прозябанием, а свободным изливанием сверхъестественных, божественных сил" (*История...*, 1991: 133-134).

В этом контексте совершенно естественными воспринимаются многочисленные ереси и христианские секты мистического и экстатического (*История...*, 1991: 188-212; Коновалов, 1908).

Интересен рассказ Г.П.Федотова (Федотов, 1990) о Ниле Сорском, первым принесшим на Русь из Греции теорию «умной» молитвы, путем к которой является внутренняя аскеза.

Традиция непрерывной «Иисусовой молитвы» или «умной молитвы» берет свое начало в среде греческих исихастов ("молчальников"). Она связывается с именем Евагрия Понтийского – египетского подвижника, современника св. Василия Великого и св. Иоанна Златоуста. Мистическая практика в варианте созерцания и непрерывной молитвы была изложена Евагрием в трактате «О молитве». Этот трактат известен в авторстве св. Нила Синайского (Мейендорф Иоанн Введение в святоотеческое богословие Нью-Йорк, 1985, с. 203). Евагрий был осужден как еретик на V Вселенском соборе, его сочинения сохранились в сирийских переводах.

Сочинение о практике "умной" молитвы, написанное в середине XIX в. в России, приписывается святителю Феофану Затворнику, есть также предположение о написании ее кем-то из Олонецких старцев.

В мистическом православии есть еще и традиция «умного делания», продолжающая исихазм, также использующая медитативную практику с уходом в «тонкоматериальный мир».

В «Откровенных рассказах странника» и «Уставе» преподобного Нила мистическое учение излагается словами греческих исихастов и, естественно (что подчеркивает исследователь), оказывается темным и труднопонимаемым для человека, не имеющего опыта в мистической практике. Г.П.Федотов приводит описание тренинга, данное Нилом. Тренинг являет собой один из вариантов медитации, подтверждая тем самым, что святые использовали медитативный путь погружения в ИСС для достижения озарений (тогда как юродивые - путь аффективный!):

"Основой этого греческого метода является соединение молитвы с телесным ритмом дыхания и сердца. Задержание дыхания в сосредоточии внутреннего воображения ("ума") и сердечной области сопровождается непрерывным ритмическим повторением молитвы Иисусовой. Преподобный Нил не боится опасностей мистического пути и, зная все трудности его для многих, увлекает к нему описаным блаженных состояний созерцания.

Итак, вначале необходимо «поставить ум глух и нем» «и имети сердце безмолствующе от всякого помысла». Достигнув этого полного внутреннего молчания, ум начинает «зрети присно в глубину сердечную и глаголати: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помози ми». Эту молитву можно читать и сокращенно, особенно для новичков. «И тако глаголати прилежно, аще стоя, аще сидя или лежа, елико можно да не часто дышени...» Замечательно, что в этом напряжении внутренней молитвы нет места видениям, хотя бы горнего мира:

«Мечтающий же зрака в образа видений отпюды, не приемли никако же, да не прельщен будещи». Если одолевают помыслы, хотя бы и благие, можно, оторвавшись от «умной» (то есть духовной) молитвы, говорить молитву «усты». Но это допустимо тогда, когда «изнемогает ум зовый и тело и сердце изболит». Тогда хорошо и пение, то есть чтение псалмов и церковных служб, как некая «ослаба» и «успокоение». Но нельзя самовольно оставлять молитву (то есть «умную»), чтобы становиться на пение. «Бога бо внутрь оставль, извне призываети». Это нисхождение в область «худейских вещей» (псалмы) Григорий Синаит называет прелободешаем ума» (Федотов, 1990; 172).

Совпадениями с практикой «язычников» изумляют не только техники вхождения в ИСС, но и видения и ощущения при достижении искомого состояния: «Чудесно изображается божественная радость «умной» молитвы словами Исаака Сирина: «Выжигается воистину в тебе радость и умолкает язык... Кипит из сердца присно радость некая... и впадет во все тело пища пьяная и радование». Это состояние не что иное, как «небесное царство». Еще дерзновеннее изображает его Симеон Новый Богослов: «Кий язык изречет? Кий же ум скажет? Кое слово изглаголет? Страно бо воистину страшно, и паче слова. Зрю свет, его же мир не имать, посреди кельи на одре седа; внутрь себе зрю Творца миру, и беседую и люблю, и ям, питаюся добре единым боговедением, и соединяюся Ему, небеса превосхожду; и всем известно и истинно. Где же тогда тело, не вем... И се Владыка ангелом равна показывает мя и лучше тех творит»» (Федотов, 1990; 172-173; ср.: «Приложения», 1, 4).

Интересно сопоставить с использованием молитв в заклипательной практике колдуном А.А.Сафлуфом: "Понимаете, это все равно экстаз какой-то. Ну, вот читаешь ты молитву - ее кто-то поет, кто-то еще что-то. А я вот читаю молитву - я попадаю в экстаз, начинает лить на меня что-то с небес такое - канал усиливается, энергии много становится, чувствуешь и объем, который растет... Это когда немножко с хрипотой (читаешь), причем не замедленно, а вот когда быстро, без передышки, когда чувствуешь уже где-то кислородное голодание начинается - вот эта вся процедура. То есть, вот оно что-то начинает открываться: и тебе радужные краски, и тебе все на свете... Хотя здесь - не верни, что хочешь, - то есть, слабо, наверное, ограничена вот с этим потоком работа" ("Приложения", 4).

В учении исихастов, которые в XIII-XIV веках развили и углубили практику "умной" молитвы, один из признаков богообщения - встреча с Фаворским светом (свечение, сошедшее на Христа на горе Фавор во время молитвы), который рассматривался как свет

Преображения, свет "будущего века", предвосхищение Царства Божия.

Этот Свет видит в медитации, например, А.А.Сафтуф: "(Однажды я) просто провалился как бы, но это, правда, наверх был провал, я провалился как бы в яркий-яркий свет. Он теплый сам... Ну, здесь, наверно, Вам об этом свете много кто говорил. То есть, живой свет. Другого слова я просто найти не могу, потому что это что-то такое, что светит, что думает, что отвечает, что узнает мысли... вот непонятно... Находясь в этом свете, ты знаешь на этот момент все. Любой вопрос - его даже задавать не надо, поскольку ты уже *знаешь* ответ. Это как бы *всезнающе* какое-то... (...)

А самое главное (при попадании в этот свет) - это какая-то эйфория, то есть, состояние души. ты купаешься в этом, тебе хочется любить все на свете, шутить, смеяться, кричать - там были выбросы, вспышки какой-то радости неземной просто, непонятной...

Кстати, "манька" может развиваться запросто в таком состоянии. Можно возомнить себя - кем угодно. И люди, я понимаю, как в этой точке психотрекуют элементарно! А самое главное - после этого похода в свет, в поток - появляется тяга опять туда попасть. А это - болезнь на всю оставшуюся жизнь, как наркомания. Избавиться от этого очень сложно, сложно управлять собой при этом" (*"Приложения", 4*).

Ощущение "фаворского света" – одна из стадий ИСС; следовательно, "умная молитва" способствовала прямому выходу в измененное состояние сознания.

Обратим внимание: «фаворский свет» – это Свет, видимый внутренним зрением. *Физики предупреждают*, что «свет, воспринимаемый глазами (освещение), и Свет, который видят внутренним зрением (торсионные излучения), субъективно в мозге человека отражаются одинаково и потому на этом субъективном уровне не различаются, что и служит причиной путаницы, в том числе терминологической. Они имеют разную физическую природу. (...) Воспринимаемый глазами свет имеет электромагнитную природу, а Свет, воспринимаемый внутренним зрением, имеет торсионную природу. Последнее проверялось экспериментально с использованием торсионного генератора, который предварительно прошел метрологическую проверку, показавшую, что этот прибор не излучает не только свет, но и не создает вообще никаких электромагнитных излучений. В то же время внутренним зрением оператор «видел» торсионное излучение этого генератора, правильно фиксируя положение включено-выключено в условиях двойного слепого эксперимента, а также правильно рисуя диаграмму направленности излучения генератора» (*Акимов, 1999; 20*). На связь же Света с мыслью, Сознанием указывает не только современная физика, это заложено в концепции Агни-йоги: «Мысль и Свет настолько связаны, что можно назвать мысль Светоносной» (*ЛУМ, 1996; 143*).

Таким образом, христианская среда была знакома с особой техникой медитации, которая могла использовать как "внутреннюю" ("умную") молитву, так и произносимую вслух. Достижение состояния видения благостного света, к чему приходили исихасты и их последователи таким путем, могло быть либо единением со Сверхсознанием, либо одним из этапов погружения в ИСС, за которым следовал этап перехода к видению образов - странствию в "психических мирах" (ср. с данными Р.Мюди по состоянию клинической смерти - *Мюди, 1991*). Исихасты держали себя в состоянии переполненности "светом" - "духом", вызывавшим чувство восторга, легкости, преображения. Люди, испытывающие подобное, единодушно говорят о том, что помимо восторженно-успокоенного состояния, всезнания и всепонимания, они чувствуют нежелание «возвращаться в тело», подчеркивая, что общение со «Светом» своеобразный наркотик: единожды попав в него, человек будет всегда стремиться к этому состоянию. Вероятно, то же случалось и с исихастами, достигшими этого предела. Те, у кого были иные задачи, могли перейти к непосредственным мистико-магическим "странствиям в психических мирах", к магиико-мистической деятельности.

Исихазм в настоящее время вызывает большой интерес у занимающихся личностным самоусовершенствованием, изучением традиционных техник перехода в ИСС и достижения определенных возможностей в этих состояниях, российские исследователи богословия также вновь обратились к этой теме. "Было обнаружено и осознано, что древние школы духовной практики и мистические традиции, к числу которых принадлежит исихазм, способны открыть современному человеку новые ресурсы в его собственной природе и новые пути осмысления реальности. На Западе открытие этих ресурсов и путей направилось почти исключительно по внехристианскому руслу, сведясь к небывалому интересу - как науки, так и широких кругов - ко всевозможным школам восточной мистики, таким как йога, дзэн, даосизм, суфизм. Обращение же к исихастской традиции показывает, что несомненно в них новое знание о человеке, обретение человеком новых возможностей контроля над собой и изменение себя, расширение горизонтов его сознания и деятельности, - все это существует от века в недрах самого же христианства и православия. Но нужно творческое усилие, дабы это увидеть и извлечь." (*Хоружий, 1995:132*)

А вот еще одно мнение, свидетельствующее о близости религиозного опыта собственно мистическому: "Восточное предание никогда не проводило резкого различия между мистикой и богосло-

исм. между личным опытом познания Божественных тайн и догматами, утвержденными Церковью", - констатирует В.Н. Лосский: "Богословие и мистика отнюдь не противопоставляются; напротив, они поддерживают и дополняют друг друга" (*Лосский, 1991; 9*).

Но при всем том христианская практика предполагает мистическое знание для избранных, паства должна же довольствоваться сведениями из уст пастырей духовных. Отсюда христианский запрет на психоэнергетическую и энергоинформационную практику аффективного типа (ср. гонения на волхвов). Однако этот запрет логически подводил человека, особенно обладающего развитыми суперсенситивно-экстрасенсорными способностями, к магическому («колдовскому») пути развития - точнее, маги́ко-мистическому пути общения с бессознательным: всепоглощающая вера + сила воли + сильнейшее эмоциональное напряжение при возжелании чего-то могли через молитву ("магический ключ", "прямые слова") привести к достижению желаемого. Как известно, на этом пути духовного развития творили чудеса христианские святые, блаженные, юродивые (см. описания биографического характера с рассказами о чудесах: *Тысячелетие... 1988; 37-149; Ключевский..., 1990; Федотов, 1990*). Те, для кого такой путь был сложен или неприемлем по каким-то причинам (а нельзя исключить, что два пути духовных исканий соответствуют двум типам психоэнергетической организации человека!), возвращались к аффективной технике.

Известны довольно многочисленные сектантские движения, которые опирались в первую очередь на аффективную практику общения с Божественным началом. Это секты хлыстов, скопцов, шалопутов, прыгунов, малеванцев, а также своеобразные кружки некоторых деятелей религиозного толка, вроде Татариновой, Котельникова, Радаева.

Вопросы экстатических движений в рамках христианства рассмотрены в уникальной по анализу материалов (в том числе, почти недоступных исследователям, из церковных архивов - дела о хлыстах) работе Д.И. Коновалова (*Коновалов, 1908*). Полный текст работы включает 3 части: 1. Картина сектантского экстаза: описание физических и психических явлений экстаза в их последовательном развитии; 2. Природа, разновидности и условия возникновения сектантского экстаза; 3. Значение экстаза в истории русского мистического

сектанства. Исследование публиковалось в журнале "Богословский вестник" в 1900, 1908 гг.

Д.П. Коновалов в первой части своего труда, в частности, размышляет: "Означенные секты правильнее было бы называть не просто мистическими, а "мистико-экстатическими" или прямо "экстатическими", потому что действительным выражением существа их религии является экстаз, как состояние, в котором сектанты непосредственно переживают мистическое общение с Божеством, ощущают физически и чувствуют Его могущественное воздействие на самих себя. Еще более точным было бы наименование "восторженно-экстатические" или "интуистические" секты, на том основании, что наблюдаемый в них религиозный экстаз отличается рельефно выраженным восторженным характером" (Коновалов, 1908: III)

Таким образом, "мистико-магический" и "магико-мистический" пути постижения человеком своей психоэнергетической и энергоинформационной составляющей сосуществовали и сосуществуют в разных культурах, на различных этапах развития человечества и предопределено это гораздо более глубокими причинами, нежели причины бытийной сферы.

А теперь вернемся ко временам принятия христианства Русью, к вопросу о славянском язычестве, предшествовавшем христианству, в том числе мистическому, к вопросу о «волхвах»

Скупые исторические свидетельства о славянских волхвах, которые были собраны уже в первой половине XIX века (Руднев, 1838: 4-28) и глубоко проанализированы в интересующем нас аспекте Е.В. Аничковым в начале XX века (Аничков, 1914), наводят на мысль о том, что, если учитывать собирательный вариант наименования, то это были отнюдь не мудрые и спокойные звездочеты-астрологи, восточные мудрецы, как их характеризуют авторы "Материалов для археологического словаря" - "Волхвы - собственно маги, мудрецы и звездочеты; в наших же летописях являются под этим именем прорицатели и гадалщики, поборники исчезающего язычества..." (Древности..., 1885: 199-200).

Библейская энциклопедия определяет данную группу лиц так: "Волхвы - ученые мужи, обладавшие обширными знаниями тайных сил природы, занимавшиеся наблюдением небесных светил и т.п. (...) и, наконец, волхвы, или мудрецы, по необыкновенной замеченной ими на востоке чудной звезде совершившие путь в Вифлессем на поклонение Богомладенцу Спасителю (Мф. II, 1, 2), так как древние пророчества внушили волхвам ожидать на Востоке

рождение Спасителя мира" (*Библейская...* 1991: 133). Однако то же издание сопоставляет волхвов с магами, волшебниками, особенно указывая на волхвов египетских, которые занимались снотолкованием, волшебством, ворожкой и т.п., а также подражали чудесам, "совершенным Моисеем и Аароном": они упоминаются "во времена Иосифа и Моисея (Быт. XLI, 8, Исх. VII, 11)".

В славянских же источниках, если следовать традиции наименования волхвами различных групп язычников, то можно ориентироваться на концепцию родственности волхвов шаманам, которая вполне аргументированно изложена у Е.В. Аничкова (*Аничков, 1914: 235-283*). Автор писал, анализируя летописи: "Сходство наших древних волхвов с шаманами в самом процессе их вдохновения. Как шаманы ссылаются на духов, так волхвы начинают предсказания "нама бози поведають" или "явило ми ся есть 5 богъ". Как шаман падает в оцепенение после своей пляски, так волхв (у *Никона речь идет о чудестике* - В.Х), о котором рассказывает Никон, лежит "оцеп". Строгое запрещение "вертимаго плясания", это заявление, что "всех же играний проклятое есть много вертимое плясание", не оставляет сомнений в том, что волхвы схожи с шаманами и по тому способу, каким они приводили себя в экстатическое состояние" (*Аничков, 1914: 271*).

Под "много вертимым плясанием", очевидно, понимаются периодические многочисленные и быстрые вращения «волхва» вокруг собственной оси; именно это предельвают не единожды шаманы в процессе "путешествия" во время камлания. Такие вихревые верчения - один из физических способов воздействия на работу мозга.

Обратим внимание на мифологическое восприятие вращения: в мифологизированном мировидении вихрь считается нечистой силой, в нем крутятся черт, ведьма. Интересно, что болезнь в заговорах может ссылаться на крутящуюся воду. Ощущение вращения (закручивания) может возникать у работающего заклинателя при вхождении в ИСС (*«Приложение», 4*), во время передачи магико-мистического знания (*«Приложение», 1*). В лекарской практике колдунов использовалось понятие «ветерков», которые воспринимались как вращающиеся составляющие основу человеческого организма - во время обряда лекарка «разбирает» тонкое тело на ветерки, а потом снова собирает их вместе. На мой вопрос о видимом вращении на «тонком плане» А.А. Сафтуф сообщил, что, помимо видимых вращающихся чакр (втягивающие воронки), воспринимается вращение самого биополя человека, которое у абсолютного большинства людей движется по часовой стрелке и только у некоторых - против

Естественно, все это заставляет вспомнить торсионные поля с их правым и левым вращением, а также то, что на важнейшую роль вихревого вращения или спирального движения было отмечено еще в ведийских источниках, в герметическом учении, в учении «Живая этика» и др.

Славянские «волхвы», судя не только по сообщениям об их деятельности, но и по сведениям об обрядово-ритуальной практике экстатического характера, действительно, воплощали тот вариант контакта с ирреальностью, с божественным началом, который максимально приближен к шаманским проявлениям. Если опираться на мнение о том, что "шаманство" (точнее: экстатические техники, используемые "посвященными" для контакта с потусторонним - на этом совершенно правильно настаивал Мирча Элиаде - *Элиаде, 1998: 17-20*) лежит в основе всех древних ритуально-магических и религиозных практик, то такой вариант «волхования» для Древней Руси кажется вполне естественным

Интересно, что в волжурских диалектах до настоящего времени встречается упоминания волхов, а народная память хранит некое представление о них: "Че ты ходишь, как волха - чешесаная?" (обычное замечание девушке, которая ходит с включенными нерасчесанными волосами) или "Ни бясень, как волха!" - говорят сильно расшалившимся, прыгающим и громко кричащим детям (*Архив автора. Материалы Тамбовско-Воронежского пограничья*)

То, что «волховская» практика была практикой шаманствующих в своей основе, не вызывает сомнений у большинства исследователей, обращавшихся к данной теме, хотя, конечно, самих свидетельств о деятельности «волхов» на Руси не так много. В отечественных летописях под именем волхов выступают «поборники исчезающего язычества» (*Древности... 1885: 200*). Однако среди них могли оказаться представители различных групп. Возможно, наименование «волхвы» использовалось в некоторых случаях по отношению к представителям нескольких групп или даже ко всем язычникам в целом, хотя несомненно так могли называться именно немногочисленные древние маги.

Истинные волхвы могли быть не просто грамотнейшими людьми своего времени, но и авторами трактатов. Н.А. Богоявленский, например, полагает, что занятия волхованием считались результатом книжного научения: ссылаясь на Новгородскую кормчую 1280 г. он сообщает о писании волхвами книг и их

использовании (*Богоявленский, 1960: 16*, в кормчей речь идет о "волшебных" книгах), а со ссылкой на Рязанскую кормчую 1284 г. указывает на тождественность волхвов и звездочетов (*Богоявленский, 1960: 17*), что вполне соотносится с представлением о восточных волхвах, мудрецах и звездочетах.

Не менее любопытны в этом отношении современные волховские организации (*Кудрявцев, 1999*). Они имеют строжайшую внутреннюю иерархию, отправляют специальные обряды, заявляют о хранении ими традиционного языческого, в т.ч. волховского знания. Недавно из беседы с очень интересным и сильным целителем, которого наблюдаю почти десять лет, я узнала, что он с некоторой пор стал членом волховской общины, его призвали туда, указав на то, что пришло его время выполнить свое предназначение. Этот человек совершенно уверен в том, что волхвы - истинные хранители древнейшего с вязынского знания, а волховская традиция на Руси не прерывалась никогда.

Описания же «волховских» действий, как уже указывалось, свидетельствуют о том, что среди «поборников язычества» были специалисты, практиковавшие аффективный тип вхождения в ИСС, углублявшиеся в это состояние до стадии оцепенения ("кудесник лежаше оцеп"). Именно эта стадия позволяет получить необходимую информацию из сферы Сверхсознания, чтобы перекодировать ее на доступный окружающим язык. Классические шаманы, действительно, в процессе камлания-путешествия к духам периодически или единожды (в наиболее напряженный момент) падают и остаются в оцепенении некоторое время, после чего сообщают присутствующим о результатах своих контактов с божествами. Но это свойственно не только шаманам.

Сравним пример из жизнеописания Рамакришны (Гадахаха Чаггарджи): попытки увидеть богиню Кали, ощутить божественную Мать, привели его в состояние влюбленного безумца. В своем биографическом рассказе он поведал: "Как-то раз я чувствовал себя во власти невыносимой госки. Мне казалось, что кто-то выжимает мое сердце, как мокрую салфетку... Муки терзали меня. При мысли, что я так и не удостоюсь благодати божественного видения, страшное неистовство овладело мною. Я думаю: "если так должно быть, довольно с меня этой жизни". В святилище Кали висел большой меч. Мой взгляд упал на него, и мой мозг пронизала молния. - "Вот. Он поможет мне положить конец". Я бросаюсь, схватил его, как безумный... И вдруг... Комната со всеми дверями и окнами, храм, - все исчезло. Мне показалось, что больше ничего нет. Передо мной простирался океан духа, безбрежный, ослепительный. Куда бы я ни обращал взор, насколько хватало зрения, я видел вздымавшиеся огромные волны этого сияющего океана. Они

яростно устремлялись на меня, с ужасающим шумом, точно готовились меня поглотить. В одно мгновение они подступили, обринулись, захватили меня. Увлекаемый ими, я задыхался. Я потерял сознание и упал..."

К данному высказыванию есть пояснение Р Роллана: "В тексте значится буквально: "Я потерял все свое естественное сознание". Эта деталь имеет значение, так как из дальнейшего явствует, что другое сознание, внутреннее, наоборот, достигает при этом высшего развития" (Роллан, 1991, 19).

"После отъезда Тотанури (к концу 1865 года) Рамакришна оставался еще более полугода в заколдованном огненном кругу. Он продолжал, напрягая все свои силы, стремиться к тождеству с Абсолютом. В течение шести месяцев, по его утверждению, он находился в каталептическом состоянии экстаза, в каком пребывали, судя по описаниям, древние факиры: тело, покинутое духом, было, точно заброшенный дом, предоставлено разрушительным силам. Если бы не племянник, бодрствовавший над этим телом без хозяина и пасьяльно кормивший его, Рамакришна бы умер" (Роллан, 1991, 46).

Вернемся к выражению - "кудесник лежаше оцеп". Обратим внимание: в тексте четко указывается, что это был кудесник, а не волхв. И если информация точна, то данный факт можно использовать как подтверждение того, что кудесники (1) и волхвы (2) - по крайней мере, до тех пор, пока авторы не стали путать наименования всех многочисленных групп лиц, практиковавших магико-мистические ритуальные действия - не просто непонятные служители языческого культа, а две разные группы таковых: 1) шаманствующие приверженцы древних божеств, связанных с потусторонним («нижним» миром, миром предков), жрецы языческого культа, 2) «просвещенные» ученые мужи, вероятно, знатоки науки о Вселенной, в том числе астрологи, поклонники и служители верховных божеств света и солнца.

Е.В. Аничков не дифференцирует волхвов и кудесников. Сообщения об оцепнении кудесника, а также летописные рассказы о том, что волхвы «сотвориша скверное свое мольбище в варганы, и в бубны, и в трубы» (Псковская летопись), позволили профессору отождествить древнерусских «волхвов» с шаманами (Аничков, 1914: 235-236, 274-276). Но, пожалуй, логичнее предположить, что Псковская летопись уже использует наименование «волхвы» как собирательное. Описываются же в этом и других летописных свидетельствах такие действия по принципу *loci communes* – «общих мест» (что было характерно не только для эпической фольклорной традиции, но и для книжно-летописной). Однако там, где речь идет

о шумных игрищах, где «творятся кудесы», кажется, стоит усматривать деяния кудесников.

Об отправлении «волхвами» обрядово-ритуальных действий типа шаманских красноречиво свидетельствует набор музыкальных инструментов, традиционно сопутствующий шаманам (бубны и варганы), указания на то, что они проводили свои языческие "мольбища" столь странным для христианской традиции способом: краткие сообщения о поведении самих «волхвов» во время мольбищ также подтверждают, что речь идет о действиях, близких шаманским камланиям и различным ритуалам аффективного типа. Такие действия рассматривались христианской церковью как беснование, вселение беса в человека или одержимость. Не исключено, что так называемые «волхвы» на самом деле использовали хорошо сохранившуюся в шаманизме технику «вселения духа».

Одержимость, как и экстаз, заинтересовала этнологов давно (*Ревуенкова, 1980: 38-49*). По всей вероятности, ближе других к истинному пониманию экстаза, транса и одержимости подошел в редко используемом нашими исследователями англоязычном труде 1935 г. С.М.Широкогорова, который предложил разделить одержимость как достижение состояния "вселения духа" и как болезненное состояние непроизвольного "двоедущия" (ср. кликушество, икотничество).

К этому можно добавить, что при контролируемых экстазе, трансе, одержимости (точнее это было бы именовать именно «вселением духа», в отличие от собственно «одержимости»=«двоедущия») имеют место некоторые вариации в соотношении сознания/бессознательного в работе оператора (в том числе шамана): одержимость, как и иступление, предполагает преобладание бессознательного над сознанием (ср. сомнамбулизм, в медитации - "попытка прорыва в бессознательное"); при трансе это соотношение в достаточной степени сбалансированно, на стадии же экстаза - преобладает сознание.

Многие шаманы (а также все те, кто использует аффективный тип погружения в ИСС) ощущают вхождение в глубокие стадии ИСС (прорыв в бессознательное) как своеобразное озарение и одновременное перенаполнение силой, знанием, эмоциями. Психофизически это воспринимается как выход собственной «тонкой структуры» и вселения чужой, возможно, вселения духа предка, призываемого для помощи в камлании.

По представлениям бурятских шаманов, в них в таких ситуациях вселяются онгоны-покровители, духи их предков-шаманов. "Главное действие черного шамана - камлание.

основывающемся на "вхождении" в него шаманского духа, после проведения обряда шаман чувствовал во всем теле легкость и бодрость. По описанию В.А.Михайлова появление и вхождение в шамана онгона подобно блеску молнии, который мгновенно ослепляет и оглушает его, приводя в оцепенение. Это состояние моментально сменяется приливом какой-то силы извне. Появляется какая-то неудержимая, безумная энергия, и физическая легкость, и поэтическое вдохновение. Избранник духов начинает свои песнопения - поэтическую импровизацию. Этот молниеносный блеск - физическое проявление онгона буряты называют "дулэн" - "пламя онгона" (Михайлов, 1996: 23, цит. по: Галданова, 1998: 30).

Описание момента перехода в одну из наиболее глубоких стадий ИСС вполне сопоставимо с приступом эпилептика, болезненное состояние которого вызывается стихийным прорывом в ИСС, чего не выдерживает его психофизическая сущность - вспомним описание начала приступа у князя Мышкина в романе Ф.М.Достоевского "Идиот", когда герой за секунду до потери сознания видит Свет и ощущает на мгновение свою общность с ним, испытывая состояние всезнания.

Ощущение необычно ярких цветов сопровождает выход Сознания из физического тела (Морди, 1991), а момент единения со Светом интерпретируется обычно как единение со Сверхсознанием. Сверхзнание, несущее Свет в мир человеческой бытийности, было, очевидно, доступно волхвам, о чем, может быть, свидетельствует их наименование. А.Н.Афанасьев, например, возводил слово "волхв" к санскритскому "валг" - означающему "светить", "блистать". Не исключено, что название отражает процесс обретения сверхзнания в медитативной технике достижения глубоких стадий ИСС.

Любопытна и еще одна деталь. Очень тонкий исследователь славянских древностей, А.Н.Афанасьев в своих штудиях попытался провести параллели между наименованиями "волхвы" и "жрецы". Слово "жрец" он производит от глагола "жреть" = "гореть". Ученый полагал, что волхвы - это языческие жрецы, поклонявшиеся огню, солнцу и занимавшиеся жертвоприношением путем сожжения. Однако не исключено, что чисто лингвистические штудии в данном случае далеки от жизненной реальности. Дело в том, что блестящий, ослепляющий свет, хорошо известный абсолютному большинству

посвященных и тех, кто случайно «провалился» в глубины Бессознательного/Сверхсознания, проходя через определенные стадии ИСС, вовсе не вызывает ассоциаций с горением. Это теплый, ласковый свет всеведения, попадая в который человек обретает всезнание и нежелание избавляться от такого состояния. Блистающий свет знаком тем, кто погружается в ИСС через медитацию, сосредоточение; именно на медитативном пути это отмечено как запоминающаяся особенность. Не исключено, что лингвистика в данном случае помогает не объединить «волхвов» и «жрецов», а, наоборот, разграничить их.

Слово «жрец», возможно, отображает состояние (ощущение "горения") входящего в ИСС аффективным путем (может быть, кудесника?); переход сопровождается значительным повышением температуры тела, чувством жара во всем организме или его частях (впрочем, йоги в некоторых стадиях ИСС могут растапливать снег своим телом!), огня в телесной субстанции - человек превращается в некое подобие огня, возбужденно буйствующего в своих экстатических проявлениях (9). Таким образом, жрец - это может быть не только «жарящий» но и "горящий", отождествляемый с огнем.

В данном контексте стоит обратить внимание на одну деталь. Сжигание как способ уничтожения позволяет очень быстро отделить физическое ("грубую материю") от психофизического и энергоинформационного ("тонкой материи"). Это было хорошо известно древним славянам. Вспомним, например, похороны знатного руса, описываемые в записках Ибн-Фадлана, покойный подвергается сожжению, а один из его соплеменников объясняет «одному арабу», что именно такой путь является скорейшим для попадания в пределы иного мира (*Гаркави, 1870; 96-102*). Интересны и иные сообщения такого рода, ср., напр.: *Геродот, II 1972: 204 (69)*. Знание о наиболее быстром переходе тонкого тела человека в состояние энергетической упорядоченности с помощью сожжения тела физического стало доступно нашим современникам, благодаря развитию науки. Исследуя необычные явления, Л.В. Болдырева и Л.В. Сотникова (*Болдырева..., 1992; 1992а*) на основе экспериментов в области квантовой механики пришли к выводам, весьма схожим с древними представлениями. Интересно, что их теория позволяет предположить (а средневековое знание, вероятно, подтверждает) правильность изобретения способа уничтожения так называемых вед.м. только путем сожжения от субъектов с высоким развитыми психоэнергетическими и энергоинформационными свойствами можно было избавиться быстро и навсегда. Кстати, такое явление позволяет по-новому взглянуть, например, на миф о Прометее, похитившем огонь у богов и подарившем его человечеству.

Захоронение останков людей, обладавших при жизни сверхвозможностями психоэнергетического и энергоинформационного характера вело к их блужданию по свету в виде «привидений», «вурдалаков», «теней», что хорошо известно из народной традиции. Это может быть объяснено таким образом: переспавшиеся психоэнергетические и энергоинформационные структуры продолжают некое самостоятельное существование вне тела. Фантомные образования, напоминающие более всего искусственно создаваемые объекты (ср. *Давид-Петль, 1991*) со временем, видимо, как и последние, становятся злобными сущностями, что отображает фольклорный материал.

Сказанное выше означает, что сжигаемая жертва очень быстро достигает своего места назначения - "тонкоматериального" мира.

Жрец - "горящий" (но не - или не только - «сжигающий») - являет собой существо/сущность, находящееся в процессе жертвоприношения одновременно в двух мирах, он, как любой медиум, соединяет в себе эти миры, проникая при этом в оба: "горение" помогает ему разделить, не расторгая, две своих ипостаси (физическую и психоэнергоинформационную).

Важно и значение слова "жрец" в смысле отправителя ритуалов языческого культа, служителя культа. Даже если волхвы, действительно, как полагал А.Н.Афанасьев, могли быть профессиональными служителями культа, поклонявшимися солнцу и занимавшимися жертвоприношением путем сожжения, то это вовсе не означает, что они должны были быть шаманами. Если в Древней Руси уже в те времена сформировалась жреческая каста, то волхвы как солнце- и огнепоклонники могли быть своеобразными "белыми шаманами", с которыми в исторически поздние времена мы встречаемся у народов, сохранивших традиционное шаманство (10). Скорее всего, волхвы занимались официальной религиозной практикой, в то время как бытовыми магико-мистическими делами должны были заниматься лица, не имеющие отношения к официальной религиозно-административной деятельности.

И еще: если А.Н.Афанасьев прав, то восточнославянские волхвы не были просто учеными астрологами, а, как минимум, совмещали какие-то функции, для выполнения которых им необходима была практика погружения в ИСС. Разумеется, это могли быть погружения и не аффективного типа; повторяю, видение света, ощущение горения связано с определенным этапом перехода в глубинные стадии ИСС при использовании различных техник.

В ведении волхвов, учитывая их статус официальных жрецов языческого государства, могли быть важнейшие контакты с верховными божествами (отправление коллективных ритуалов в т.ч. с жертвоприношениями), предсказания, ликвидация серьезных несчастий. Что же касается врачевания и нормализации быта, решения житейских вопросов, то, скорее всего, этим занимались те, кого летописи упоминают как кудесников, чаровников, ворожей, колдунов, баб богомерзких.

Не исключено, что волхвы, как наиболее сильные маги, могли вмешиваться в решение сложных бытовых проблем. Косвенным свидетельством того можно считать опять же терминологические данные: слово «волхв» часто упоминается даже в поздних летописях, т.е. после того, как жреческий культ волхвов был явно уничтожен. В поздних официальных источниках, возможно, более по традиции, волхвы упоминаются вместе с ворожеями, т.е. в контекстах, где логично было бы называть колдунов. Например, встречаются указания такого типа: "А скомороха или волхва или бабу ворожею выбити из волости вон" (цит. по: *Срезневский, 1958, 1358*). Вполне возможно, что в средние века и новое время термин используется в документах либо некорректно, либо в соответствии с первоначальным значением слова: волхв=маг. Понятно, например, что в Петровские времена волхвов=жрецов как таковых на Руси уже не осталось, однако так по-прежнему называют тех, кто пытался колдовать и чаровничать, заниматься магией. Например, в одном из документов петровского времени значится: "А тот волхв Дорофейка говорил с ним, Андреем Безобразовым, и хотел ему сделать: напустить по ветру вражески, на великого государя царя Петра Алексеевича и великую государыню царицу Наталью Кирилловну" (*Труворов, 1889; 703*). Здесь, очевидно, слово «волхв» используется как синоним мага – сильнейшего колдуна.

Терминологическая путаница в таких документах вряд ли могла кого-то смущать, поскольку на Руси жестоко расправлялись со всеми лицами, которые вели деятельность, противоречащую христианским установкам. Поборниками сил зла, Сатаны, злого духа считались не только волхвы, гонения на которых начались с введения христианства. Жесточайшие расправы со всеми, кто был замешан в попытках обращения к потустороннему, к магико-

мистической сфере, продолжались несколько веков: служителей языческого культа сжигали на кострах, на которых они ранее приносили свои жертвы языческим божествам. Например, в соответствии с Уложением царя Алексея Михайловича 1649 г., упомянутый выше «волхв» (маг или колдун) Дорофейка вместе с "волхвом Федькой" был заживо сожжен в срубе 8 января 1690 года, в то время как стольник А.И. Безобразов был казнен отсечением головы.

Казнь сожжением для лиц такого типа была выбрана, видимо, не случайно: европейская инквизиция точно так же уничтожала ведьм и - что самое любопытное - тех, кто пытался донести до людей новое знание - вспомним судьбу Джордано Бруно (1548 - 1600).

Жестокая борьба с культом волхвов на Руси совершенно закономерно должна была привести к его довольно быстрому исчезновению. Однако магико-мистическая практика не исчезла бы, даже если бы вместе с волхвами на костры отправлялись все колдуны и чародеи. Сопротивление со стороны служителей языческого культа, представителей магико-мистической практики церкви и административной власти особенно активным в тех исторических условиях быть не могло. Ранних известий о борьбе князей с волхвами, которые сообщаются в основном в летописных вставках, сделанных Никоном, немного. Трудно сказать, насколько активной и жестокой была эта борьба. В более поздних документах имеются упоминания о единичных случаях уничтожения поборников язычества. Однако в период средневековья пассивность власти и церкви в отношении языческих проявлений могла быть спровоцирована тем, что поклонники языческого культа видоизменили свой способ жизни и деятельности.

П.Я. Новомбергский, внимательно изучавший документы о колдовстве на Руси в процессе работы над своими рукописями по истории медицины, был совершенно не согласен с мнением - которое высказывает в том числе и В.Б. Антонович (*Антонович, 1887*) - о том, что борьба с колдовством и еретичеством в Российском государстве не была столь жестокой, как в Западной Европе: "Вдумываясь в общий смысл приведенных нами исторических документов, мы находим, что процессы о ведьмах в России протекали с такою же жестокостью, как и на Западе, что к этим процессам правительственная власть московского государства привлекалась не менее, чем в католических или протестантских странах. Здесь разница лишь в масштабе деятельности, а не в существе ее. Еще можно добавить, что оригинальною чертою русской истории является отсутствие демонологии, религиозно-философского учения о ведьмах, развивающегося на Западе

в недрах схоластики под влиянием и лучения памятников классической древности и некоторых, до настоящего времени еще не устраненных, элементов язычества в церковном христианстве" (*Новомосковский 1907*, цит. по *Русские*, 1993, 382).

Некоторые исследователи считают, будто волхвы могли «переродиться», составить бродячие скоморошьи труппы, которые появлялись в селениях не только ради потехи, но и для отправления старых традиционных обрядово-ритуальных действий привычными им способами (*Белкин, 1975: 30*). Не исключено, что это реальный вариант судьбы отдельных волхвов. Но, скорее всего, скоморошьи труппы можно связывать с практикой кудесников. Сконденсированное вокруг волховского жреческого культа **знание** должно было сохранять себя различными путями. Скоморохи могли взять на себя функции отправителей стародавних коллективных ритуалов аффективного типа. Но без сомнения существовавшие в то время способы индивидуального погружения в ИСС с использованием аффективной техники могли сохраняться не только в бродячих труппах.

Научные исследования связывают волхвов и с колдовской практикой. Есть предположения, будто волхвы (особенно если они были в первую очередь хранителями **знания**, магами) могли слиться с колдунами, либо чаровниками. А.Н.Афанасьев считал, что само слово "колдун" может быть осмыслено как "тот, кто совершает жертву". Таким образом ученый максимально сближал колдунов и волхвов, он писал: "Колдуны и колдуньи издревле занимались врачеванием, которое принадлежало в язычестве к обрядам религиозного очищения" (*Афанасьев, 1851: 52*). Скорее всего, эти обряды очищения имели бытовой характер, а колдуны занимались бытовой, в т.ч. лекарской магической практикой. Волхвы, будь они магами, владевшими медитативной техникой погружения, или даже шаманами, практиковавшими аффективную технику индивидуального погружения в ИСС с целью предсказаний, например, вряд ли изначально опускались до бытового колдовства. Однако принципы общения с "психическими мирами" у волхвов и колдунов, возможно, имели общие корни. Но это не может быть убедительным доказательством того, что волхвы *превратились* в колдунов: обе группы могли иметь различные техники постижения сферы бессознательного и сосуществовать издревле, занимаясь каждая

своей деятельностью. Не исключено, что некоторые колдуны были не менее сильными в магико-мистическом отношении в сравнении с волхвами, но они, скорее всего, не были служителями официального культа.

Брошенное мимоходом замечание Д.К. Зеленина о подобии колдунов языческим шаманам (*Зеленин, 1991*), а также утверждение Н.А. Никитиной: "В эпоху язычества русский колдун был шаманом. Возможно, что он тогда камлал как доброму, так и злему божееству" (*Никитина, 1928: 324*) - вызывает очень серьезное сомнение в силу принципиально различающейся техники погружения в ИСС и работы в таких состояниях. Шаман (посвященный, сильный) и колдун могут восприниматься как равноправные и даже идентичные представители магико-мистической сферы деятельности только по наличию суперсенситивно-экстрасенсорных качеств, но не по используемой технике и внешней атрибутике.

Обратим внимание на свидетельства исторически позднего времени. Шаманы часто боялись допускать колдунов на камлания, колдуны же считаются в большинстве случаев не менее сильными (а иногда и более) чем шаманы, ср.: "Колдун не любит шамана, а шаман колдуна. Колдун неохотно допускается к шаманству, (...) Колдун может чинить козни и шаману, если тот недостаточно силен" (*Анучин, 1914: 19*).

На самом деле в реальности, вероятно, противоречия между шаманами и колдунами не были столь остры. Они могли возникать в ситуациях 1)вражды конкретных людей или 2)слабости шамана – ведь в таком случае присутствие более сильного в психоэнергетическом и энергоинформационном отношении соперника могло навредить ему при погружении в ИСС или просто сорвать камлание.

Приведу любопытный современный пример. В процессе работы Международного междисциплинарного конгресса «Шаманство и иные традиционные верования и практики» целительницей-шаманкой Т.В.Кобежиковой было высказано предложение не собирать вместе для работы на конгрессах шаманов и колдунов, экстрасенсов. Мотивировала она это тем, что шаманам очень тяжело находиться даже в одном зале с колдунами и экстрасенсами - после такого общения надо проводить специальные очистительные обряды.

Интересно, что совместная работа и соседство с шаманами вовсе не смущали ни колдунов, ни экстрасенсов, ни народных целителей. Приехавший на этот мероприятие бурятский шаман Б.Ц.Рипчинов (7 посвящений) и алтынец из Якутии А.С.Федоров, по их словам, также не испытывали никаких неудобств и только посмеивались по поводу утверждений о невозможности взаимного общения.

Кстати, столь же дифференцированными оказались мнения по поводу разрешения съемок во время сеансов обращения к духам и камланий. Например, А.С.Федоров позволил снимать на видеокамеру, фотографировать и даже сканировать «тонкое пространство» во время проведения обрядов благопожеланий и камлания, тогда как Т.В.Кобежикова запретила всякие съемки.

Не исключено, что тема вражды колдуна и шамана в некоторой степени надумана (вспомним, что шаманы враждовали и друг с другом, разумеется, как и колдуны - *Кенин-Лонсан, 1999; 98-101*). Это могло быть вызвано отчасти лингвистическими сложностями и непониманием специфики работы различных групп лиц, обращающихся к магической сфере знания. Интересно, например, как трактует пенецкий исследователь шаманизма термины, связанные с магико-мистической практикой: в пенецком языке шаманящие служители культа называются "тадебе, от глагола тадебеть 'заговорить, произнести заклинание', тадебтенгось 'колдовать, ворожить' Дословный перевод - 'колдун, ворожей'" (*Лар, 1998; 24*). Далее автор использует "...общепринятый термин "шаман", чтобы избежать путаницы").

В древнеславянской же традиции, если соотносить волхвов с шаманами, усматривая в их практике аффективные начала, то, не исключено, что колдуны имели свой аспект магико-мистической практики и вовсе не мешали волхованию как обслуживанию основного языческого культа. Впрочем, более правдоподобной кажется ситуация соотношения волховской практики (но не роли в государстве и характера деятельности) с колдовской, а практики кудесников с шаманской.

Наряду с волхвами и колдунами в ранних источниках упоминаются довольно часто кудесники и чаровники. А.Н.Афанасьев считал, что "названия эти составлялись, как обозначения тех или других особенно наглядных признаков языческого богослужения: *кудесник* и *чаровник* указывают на таинственность, сверхъестественную силу, творчество..." (*Афанасьев, 1851а: 94*).

Наименование вторых весьма прозрачно и можно предположить, что они занимались собственно магической деятельностью – «наведением чар», а это могло быть сопряжено с владением гипнозом: «чаровать», «очаровывать» имеет значение оказания необъяснимого сверхъестественного воздействия – введения в состояние частичного отключения сознания; с этим понятием связан термин "шарм", использующийся в т.ч. для обозначения одной из стадий гипнотического воздействия. В.И.Даль определяет значение глагола «чаровать» как творить чудеса с помощью нечистой силы (*Даль, 1955. Т. IV; 583*). К сожалению, в XIX веке исследователи свели это понятие в основном к осуществлению сопроводительных магических действий в процессе заклинания (*Познанский, 1917*), что, пожалуй, выхолостило

пеходное представление о чаровании, при котором с использованием техник гипноза «отводили очи» и «наводили чары». Обратим внимание на то, что очаровывание могло быть связано с музыкой и пением. И тогда соседство кудесников и чаровников не будет восприниматься как случайное.

О фигуре кудесника известно очень мало. Размышления исследователей на этот счет обычно особо не аргументируются. Вот, например, как пишет об этом И.И. Огиенко (митрополит Илларион) в своей книге «Дохристиянські вірування українського народу» (Виннипег, 1965): «У старовину волхви і кудесники були однозначні, а пізніше від них пішли наші ворожбит, знахар, відмак (...) чарівник — хто вмів чарувати» й т.п. У київському Словнику 1627 р. Пам'яті Берніди старе слово «кудесник» перекладається по-нашому на «чарівник», але подається й зирдливо **кудес — чорт** (*видостено злою, - В.А.*)» (цит. по *Українська*, 1992, 14-15).

Е.В. Аничков, как уже было указано, не разделяет волхвов и кудесников и даже подменяет в цитате наименования, называя кудесника волхвом (*Аничков, 1914, 271*). О невозможности решения вопроса на имеющемся материале пишет С.А. Токарев: "Существовали ли профессионалы-шаманы отдельно от жрецов, сказать невозможно. Составляли ли "волхвы" и "кудесники" две разные категории служителей культа и чем именно они различались, остается тоже неизвестным" (*Токарев, 1957: 21*).

В словаре В.И. Даля «кудесник» трактуется как ряженный, в личине, играющий и безобразничающий в неистово-возбужденном состоянии во время «кудес», т.е. святочных игрищ (*Даль, 1955 II: 212*). Обратим внимание на то, что святки самым непосредственным образом связаны с культом предков, с представлением о том, что в это время предки приходят в мир живых, а ряженные на святках являют собой этих представителей потустороннего мира (*Виноградова, 1982*). Если вспомнить, что любые ритуальные действия в рамках «ритуалов перехода» (*Гентер, 1960*) также вызывают представителей иного мира в реальность или позволяют человеку максимально приблизиться, проникнуть в потусторонность (ср. русальные действия (11), гадания - *Виноградова, 1981; Дмитриева, 1994а*), то нельзя исключить того, что кудесники могли быть отправителями экстатических ритуалов, вроде южнославянских

кукеров, румынских калушаров. В поздней традиции - это группы молодежи, собирающиеся на короткое время для совершения необходимых обрядов, например, русские волочобники. Остатки действ такого рода имели место в XIX столетии у южных славян: во время русалий широко использовалась обрядовая практика аффективного типа с пелительскими задачами (*Арсудов, 1920*).

О сходных ритуалах у молдаван, например, сообщал в "Отечественных записках" Ст. Руссов - в первой половине XIX века на окраине Российской империи перед Троицей организовывались группы калачунов: "Они были (...) походные привилегированные комедианты-плясуны, и даже ворожеи и колдуны... Суеверная чернь еще приписывала сим калачунам силу исцеления застарелых болезней, калачуны, положив больного на землю, начинали прыгать, и при некоторых местах своих песней топтали лежащего с головы до ног, ворчали ему на ухо нарочно составленные речи, которыми приказывали болезням удалиться" (*Руссов, 1828: 476*).

Итак, кудесники самым непосредственным образом связаны с миром предков по характеру отправляемых обрядово-ритуальных действ: это зримо подчеркивает их наименование (*Харитонова, 1995: 74-75*). Термин "кудесник" образован от корня "куд" (12) - злой дух, бес (*Даль, 1955 II; 212*), что могло быть связано не только с представлением о кудесниках как выходцах с того света, но и с их экстатической практикой, которая не исключала и технику одержимости (вселения духа). Это название теснейшим образом связано с наименованием духов предков, которым поклонялись язычники, а возможно и языческих божеств. Вспомним некоторые лексические параллели: у восточных славян - "кутнее окно", в которое подавали угощение предкам, Морозу, Волку (*Виноградова..., 1997*), "кутний угол", в котором традиционно сидел уж-покровитель; с этим местом связана масса действ, имеющих отношение к миру предков: на кутний угол, например, выливали воду с новорожденного и покойного, под него закапывали нитки или картофелины при выведении бородавок (13). Интересно, что у тюрков Сибири и Средней Азии "кут" имеет значения: "душа", "двойник человека", "счастье, приплод", "зародыш"

Весьма любопытно в контексте представлений о выходе предков в мир живых сообщение современной хакаской пелительницы-шаманки

Г. В. Кобележниковой: "По нашей мифологии (известно, что духи покойных, злые духи в том числе, «возют», ходят по земле), и вот я смотрю - до марта месяца (их вижу), чаще всего я их встречаю до февраля, до Сретения; а потом уже их становится все меньше, меньше и меньше... На 21 декабря у них период активизации" (*Архив летописи. Зап. июль 1997. Москва*)

Очевидно, деятельность кудесников - отправителей экстатических обрядов - была связана с потусторонним миром, миром предков, возможно, вплоть до прямого контакта с духами (вселение духов - одержимость). Может быть, именно они (а не волхвы!) отличались особенным буйством своих ритуалов, черты которых могли сохраниться в исторически позднем колядовании? Возможно, в официальных документах, где ярко выражена идея вреда жреческого культа волхвов, несколько неточно даются описания и расставляются акценты? Вполне вероятно предположение, что кудесники, в отличие от волхвов, обращались в своих экстатических ритуалах к божествам - как это принято в классическом шаманизме (условно говоря, нижнего мира - «бесам», тогда как волхвы совершали требы и приносили жертвы божествам мира верхнего. И тогда вырисовывается вполне понятная картина «шаманского» состояния древнеславянских представлений. Волхвы и кудесники в такой ситуации напоминают группы «белых» и «черных» шаманов, которые, как известно из различных культурных традиций, не всегда четко разграничиваются, их представители могут совмещать разные функции, часть этих функций могут брать на себя старейшие члены кланов (*Проблемы... 1981*).

Наряду с мужчинами, имевшими отношение к магико-мистической практике, в документах различного времени упоминаются и женщины. Иногда словоформа женского рода употребляется в том числе для волховской деятельности, например, в Лаврентьевской летописи дается такой перечень женщин-волшебниц: "...жена зеленица, чароденица, наузница, вльхва..." (цит. по: *Смирнов, 1909: 25*). Для более позднего времени Н.Ф.Сумцов указывал даже на преобладание женщин в магико-мистической практике: "В Малороссии знахарь уступает первенство знахаркам; и баб-ворожей гораздо более, чем знахарей, и к первым чаще обращаются" (*Сумцов, 1890: 290*). Н.Ф.Сумцову вторит П.Е.Ефименко: "...самыми усердными последователями черта являются женщины; мужчины редко бывают ведунами" (*Ефименко,*

1883; 378). Н.Сперанский в работе "Ведьмы и ведовство" объясняет преобладание женщин в магико-мистической практике, ссылаясь на Я.Гримма: женщины собирали травы и варили их; у них больше досуга и нужного опыта; они более впечатлительны, больше подвержены сомнамбулизму. Н.Сперанский также подчеркивает, что женщины преклонного возраста "умерли для любви и труда и могут полностью отдаться чародейству" (*Сперанский, 1906: 153*)

Участие древнерусских женщин в магико-мистической практике, разумеется, отвергаться не может. Однако возникает сомнение относительно их активной культовой деятельности, к которой имели отношения волхвы. Лаврентьевская летопись дает пример использования слова «вълхва» не в «административном» значении, а в трактовке, сохраняющей основной смысл волхования – занятия магией, волшебством.

Разделение мужской и женской деятельности магико-мистического характера находит аналогичные аналогии, например, в поздней шаманской практике якутов где – при множестве женщин-шаманок – «белыми шаманами», жрецами, остаются мужчины, с чем высказыванием современного антрополога о женской ритуально-магической практике во время международного конгресса «Шаманизм и иные традиционные верования и практики» в интервью после обрядов поклонения духам якутский антрополог А.С.Федоров в ответ на вопрос об отправлении обрядов, обращенных к духам верхнего мира, извиняясь, сказал о том, что это невозможно, поскольку женщины – нечисты (*Материалы... 3 1999*). Впрочем, такое прослеживается не по всем шаманским традициям «Не было по словам телеутов также различий между бубном шамана и бубном шаманки ни в форме, ни в рисунках. Женщина шаманка у телеутов могла камлать высшему божеству Ульгешо, что не разрешалось, например, у кумандишцев» (*Потанов, 1949: 197*).

Е.В.Аничков предполагал, что женщина "искони еще в глубокой языческой древности играла выдающуюся роль в ведовстве и знахарстве, и когда кончилась политическая роль волхвов, эта высшая ступень эволюции значения и влияния на население, вновь, как встарь, ведовство и знахарство... выдвигает исконную носительницу тайных знаний - женщину" (*Аничков, 1914: 281*).

Пожалуй, это заключение требует незначительных пояснений: политическая роль волхвов, скорее всего, вряд ли могла в чем-то особенно ущемить женскую магико-мистическую практику, так как официальное жречество, как правило, не подменяет собой их

сферу деятельности, а, выделившись из нее, фокусируется на коллективных обрядах особого рода: оформившийся жреческий культ в период становления религиозной системы не претендует на подавление привычной магико-мистической деятельности простых шаманов и шаманок.

Участие женщины в магико-мистической практике исходно предопределено ее физиологическим и социальным статусом. Она - существо, максимально приближенное к природе, непосредственно контактирующее с потусторонним миром в процессе деторождения (*Харитонова, 1992в*), наделенная особыми магическими свойствами в периоды физиологическо-ритуальной нечистоты и беременности; на ней лежит ответственность за сохранение потомства, семьи и рода. Впрочем, эти же свойства и мешают женщине в период активного деторождения заниматься серьезной магико-мистической практикой, оставляя ей сферу магико-медицинскую как необходимую для обеспечения выживания потомства (*Харпер, 1994: 42; Батъянова, 1994*).

Это отнюдь не деталь культурологического плана. Представители магико-мистической сферы деятельности в ее самых разных вариантах прекрасно осведомлены о том, что отсутствие сексуальной жизни увеличивает магический потенциал как женщины, так и мужчины (*Харитонова, 1995б: 222*).

Однако, по мнению некоторых ученых, этот вопрос гораздо более сложен и запутан, чем полагают современные "экстрасенсы". ср.: "Большинство исследователей обратило внимание на тот любопытный факт, что, помимо прочих своеобразных особенностей своих, медиумы очень часто обладают и ненормальной половой организацией. Нередко при этом наблюдали полнейшее изменение в направлении полового влечения. Но это не всегда так. Очень часто приходилось встречаться с необычной анестезией эротических ощущений или наблюдалось явное увеличение интенсивности полового влечения благодаря медиумической деятельности (что особенно удивительно!). В тех же случаях, когда не наблюдалось ни изменения в направлении полового инстинкта, ни увеличения интенсивности влечения, ни половой анестезии, в существе медиумов резко выступали противоположные половые признаки. Мужчины проявляют черты известной женственности и мягкости не

только в сфере духовной жизни, но и во всей своей физической внешности, женщины же наоборот, отличаются резкостью и твердостью, словом, чисто мужскими чертами. Таким образом, невольно напрашивается вывод, что медиумизм находится в известной причинной связи с половой организацией медиума.

(...) необходимо согласиться с мнением тех ученых, которые утверждают, что своеобразная половая природа медиума, наличие в нем противоположных половых признаков есть необходимая предпосылка медиальности данного человека" (Фреймарк, 1994: 6-7).

Считается, что особой магической силой обладают те, кто стремится к "смене пола", точнее, к слиянию в своей психофизической сущности женского и мужского (Василов, 1992; Харитонов, 1995: 231-235; интересный материал см.: Богораз, 1910, 1962; Батьянова, 1995б).

К сожалению, кажется, никто из интересовавшихся вопросом шаманского трансвестизма не занимался статистической стороной «смены пола». Судя по приводимым в литературе примерам, чаще мужчины стремятся обрести женскую ипостась, становясь шаман(ка)ми. В данном случае приходится учитывать не только то, что состояние трансвестии соединяет мужское и женское, позволяя человеку (и культурологически, и психофизиологически) быть одновременно «в двух мирах», но и наводит на известную мысль о первичности «женского шаманства» и магической деятельности в целом.

Женщины Древней Руси, по всей вероятности, были активными ворожейками, гадалками, ясновидящими, предсказательницами, занимались знахарством, ведовством и, конечно же, колдовством (в поздней трактовке этого термина). В средневековых документах юридического характера они упоминаются наряду с мужчинами, особенно в сыскных делах о нанесении вреда колдовством (Забелин, 1851). Некоторые авторы подчеркивают особую жестокость в расправах с ними: "Женщин, обвиненных в волшебстве, чаще всего жгли в срубе, реже зарывали живьем в землю" (Смирнов, 1909: 238).

Скорее всего (и это вполне соотносимо типологически с иными магико-мистическими практиками и ранними религиозными

культами) традиционная народная медицина в большей степени принадлежала женщинам, тогда как мужчины стремились к религиозно-политико-административной карьере. Однако такое разделение в достаточной степени условно, поскольку речь идет не об обычной деятельности, а об употреблении собственных, во многом таинственных психо-физических и энергоинформационных способностей по их назначению. Известно, что люди, обладающие необычными свойствами, далеко не всегда могут использовать их по личному усмотрению: получив таинственный дар, большинство из них становится его заложниками. Это подметил Л.Я.Штернберг, указавший на то, что талант шамана не дар, а тяжелое бремя. Люди, наделенные таинственным даром, редко выбирали свою карьеру, они вынуждены были выполнять те функции, к которым их принуждало наличие способностей: разумеется, в данном случае половая принадлежность сказывалась на определении социального статуса человека с необычными качествами, отчасти, вероятно, на том, в какой именно период жизни человек имел возможность более полно отдалиться творческо-сакральной сфере деятельности.

В традиционной магико-мистической практике восточных славян фигура колдуна до настоящего времени остается одной из самых популярных. При характеристике колдунов и исследователи народной культуры, и ее хранители часто говорят о том, что эта группа людей отличается стремлением к несправедным поступкам, использованием "черномагической" практики. Но если абстрагироваться от отрицательно оцениваемых поступков тех, кого чаще всего причисляют к колдунам (порой просто за склочный характер и бесконечные угрозы другим, без всяких реальных на то оснований), то в первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что колдуны считаются наиболее сильными магами, к помощи которых прибегают, опасаясь их таинственной силы и способностей (иногда запугивания со стороны священнослужителей), обычно в тех ситуациях, когда не может помочь никто другой.

В качестве типологической параллели можно вспомнить о разделении шаманов на "черных" и "белых". "Белые" шаманы, весьма напоминающие культовых жрецов, общались только с верхним миром, а "черные" камлали преимущественно в нижний

мир, были связаны с разными духами - именно они, как и колдуны, считались самыми сильными.

Колдуны – «посвященные» обладатели **знания**, которое они сохраняли и совершенствовали на протяжении веков, отличаются от прочих тем, что могут оказывать очень осязаемое воздействие на людей и окружающую среду непосредственно и опосредованно - через вещи, принадлежащие человеку, еду и питье, по фотографии. Их воздействие считается настолько мощным, что им приписывается, например, управление погодой (зафиксировано множество "быличек" на Русском Севере – *МГУ*; в зоне Полесья – *ПА Исаб РАН; Толстой, 1994; Бушкевич, 1996*).

С.А.Токарев отмечал, что «специалистов вредоносной магии и «делателей погоды» («вызывателей дождя») мы тоже знаем у очень многих отсталых народов» (*Токарев, 1957: 23*).

Прощлюстрирую это утверждение одним из впечатляющих примеров управления погодой, наблюдавшихся Гарри Райтом, американским врачом, интересовавшимся магией разного рода.

"Одним из наиболее впечатляющих был танец грома... (...) "Танец грома" служит примером страшной гармонии, существующей между примитивными обычаями этих людей и силами природы. Гармония эта недоступна логике и непонятна для представителей цивилизованного мира, однако она проста и совершенно естественно воспринимается сознанием туземцев. (...)

В начале танца на небосклоне не было ни облачка. Взглянув случайно вверх, я заметил, что небо стало затягивать грозные облака. Танец продолжался, посыпались раскаты грома, еще больше воодушевившие танцоров. С криками и гримасами они совершали дикие прыжки. Я чувствовал, что и меня постепенно захватывает безумие, овладевшее ими, но оно не мешало мне испытывать беспокойство при мысли, что тяжелые тучи, собравшиеся над нами, поменяют мне делать снимки.

Принц Ахо, казалось, почувствовал мое беспокойство. Он склонил свой могучий торс вплотную ко мне и сказал на ухо: "Дождя не будет, мы не разрешаем ему идти без танца дождя".

Я пользовался каждым мгновением для съемок, стараясь запечатлеть все детали этого зрелища. Но небо вскоре заволочило настолько, что продолжать съемку стало невозможно. Воздух был горячим и влажным, температура явно превысила сто градусов по Фаренгейту. Раскаты грома приближались, сливаясь с грохотом барабанов. Я ждал, что вот-вот блеснет молния и разразится ливень. Но раздался еще один удар грома, и танец неожиданно прекратился. (...)

Принц обернулся ко мне, на его отвислых губах появилась улыбка, он поднял глаза к небу. Солнце снова ярко сияло в густом синем небе. Угроза дождя миновала.

- На этот раз мы устроили это зрелище для развлечения, - сказал он смеясь. " (Райт, 1971: 134-137).

Колдуны, особенно наиболее сильные среди них, схожие по силе и характеру работы с магами, - мастера инсайтного воздействия, одаренные ясновидением (в различных его вариантах): они «глядят в воду», либо просто «знают» неведомо откуда, «слышат» на расстоянии. Они научились не только пользоваться скрытыми возможностями человека (тайно, но на глазах у всех), но и разработали технику передачи **знания**, позволяющую мгновенно приобщить новичка к колдовской практике. Очень многое в их поведении и тем более действиях непонятно непосвященным хранителям культурной традиции, а непонимание всегда рождает страх и опасения.

Помимо колдунов, заговорно-заклинательной деятельностью занимаются знахари и ведуны, упоминания о которых встречаются уже в ранних сообщениях (Афанасьев, 1851а: 37). Оба наименования связаны с близкими по смыслу глаголами: «знать» и «ведать».

Представление о некоем таинственном знании (судя по всему, **знании**) распространяется обычно хранителями традиции на широкий круг лиц, имеющих отношение к магико-мистической практике и, в частности, к заговорно-заклинательной традиции. О колдунах, ведунах и знахарях, специализирующихся на магических приемах, могут говорить, что «он (она) знает»: это, как правило, свидетельствует именно о приобщенности к магико-мистическому знанию, а отнюдь не к собственно знахарской практике (она как раз охватывается этим в незначительной своей части). Именно потому термин «знахарь/знахарка» иногда распространяется на ведунов и даже на колдунов. При этом могут следовать пояснения:

«- Ды она, Катя-го, тоже, вроде, шептуха, знахарка. Ды про нее всяко говорят... Отцу у ней был... тоже знал. Ей отдал, говорят.

- А что, она что-то плохое делает?

- Ды не-ет, так никто не замечал за ней... Она - помогает... Ну ды ладно, про то все знают, она, голуба моя, по воде глядит, глянет как-то на воду - и все знает.

- Так что, ее колдуньей у вас считают что ли?

- Ну-ну, а я и говорю, знает она».

(Архив автора. Зап. 1992 г. в с.Малоарославце Калужской обл. от Романовой А.И., 74 г.).

Если учитывать взаимосвязь "ведовства" с "вещанием" (вещий), на что указывают многие источники, то можно предположить, что роль ведунов сводилась исходно не столько к лекарской помощи, сколько к предсказаниям (вещанию - ср.: «чревовещание» как говорение вселившегося духа, напр. в ситуации с икотниками - *Никитина, 1993; 15-17*). Они могли специализироваться на ясновидении в различных вариантах (проскопии - предвидении, ретроскопии - видении прошлого, не исключено, биоинтроскопии - «рентгенозрении»), тогда как знахари отличались именно тем, что знали, как оказать практическую и магиго-мистическую помощь в различных ситуациях, в первую очередь, в ситуации болезни.

Исследователи, анализируя знахарство и ведовство, обычно указывают на глубинную связь ведовства с магией, с обучением магическому искусству или владением книгами «черной магии»

Хранение книг «черной магии» часто приписывается тем, кого в округе считают колдунами и ведунами, т.е. весьма сильными в магиго-мистическом отношении людьми. Встречаются сообщения, как правило, зафиксированные от совершенно несведущих информаторов, далеких от реальных представлений о знании, о хранении книг «черной магии» у знахарей и просто у кого-то из соседей. Рассказываются случаи о самообучении искусству гипноза по таким книгам или, чаще всего, о том, как начавшие читать «черную магию» случайно вызвали нечисть, которая стала требовать от них «работы».

«Ведуны - это ведьмак такой, это кто по книжке колдует. Были такие особые книги у людей, "Черная магия" назывались - там и про гипноз все говорилось» (*Архив автора. Зап. в 1992 г. в д. Малоярославец от Сивачевой М.Я., 72 л.*).

«По «черным книгам» люди учились колдовать и гипноз делать; в этих книгах написано было и про то, как в волка или свинью перекинуться! Были раньше такие бабки-оборотки, они тоже по таким книгам учились!» (*Архив автора. Зап. в 1994 г. в д. Лисицыно, Тамбовской области Жердевского р-на от Долгова В.В., 53 л.*).

Представление о чернокнижниках и характере знания, зафиксированного в таинственных «черных книгах», в народной

ереды более чем расплывчато. Уже А.Н.Афанасьев со ссылкой на Джарха Болгарского и Стоглав указывал: «К таким черным книгам старинные памятники относят: Волховник, Чаровник, Мысленник, Коледник (от колёда), Громник, Остролог, Острономия (Звездочетие), Путник (должно думать, книга о значении встреч), Вороноград (о значении полетов птиц), Шестокрыл, Аристотелевы Врата (и Аристотель), Рафли и другие» «К этим книгам относили даже иногда геометрию и отчасти лечебники» (Афанасьев, 1851: 56). Об изданиях подобного типа см.: *Флоринский, 1879; Тихомиров, 1898; Сперанский, 1899-1908*. Что же касается людей, несведущих в этой области, то они именуют «черной книгой» любое «подручное пособие» лекарок и лекарей разного рода, вплоть до тетрадок с записанными молитвами и заговорно-заклинательными текстами.

В настоящее время ситуация, благодаря активизации книжно-издательского дела, изменилась. Во многих домах появились книги, в названии которых имеется слово "магия" (в том числе широко известный трактат доктора Папюса (Жерара д'Анкоса) - *Патюс, 1992*), теперь более осведомленная публика именует «черными книгами» уже специальные издания по магии, парапсихологии, оккультные трактаты.

Более точно термин «черные книги» распространялся на специальные рукописные самоиздания с таинственными, иногда каббалистическими или похожими на них заклинаниями, где тексты писались белым по черной или синей бумаге. У восточных славян крайне редко встречаются такие рукописи, хотя сведения о них до сих пор сохраняются в народной среде, обычно в кругу "посвященных", либо близких им лиц. По сообщению М.И. Леконцевой: "Заговоры каббалистической традиции обычно записаны в самодельных книгах и тетрадях, иногда готовых школьных тетрадях, блокнотах, сшитых из бумаги амулетах. Самодельные книги и тетради чаще всего изготовлены из черной или синей бумаги, текст написан белыми чернилами. Наиболее ценные рукописи хранятся в Библиотеке Академии наук Латвии, в секторе фольклора они представлены фотокопиями. Называются эти черные книги чаще всего "Шестой и седьмой книгами Моисея", иногда указывается, что подлинник хранится в монастыре Санта Монтана. Эти сборники и соответствующая практика известны по всей

Латвии. Сведения об аналогичных "черных книгах" имеются относительно Литвы, Польши, Чехии и Словакии, Германии, но этнографический и ареально-семиотический анализ распространения каббалистической традиции еще ждет своего исследователя" (*Лекомцева, 1995: 108*).

Ведовскому знанию отводится более значимое место, в то время как знахарство может восприниматься как "обмельчавшее ведовство, ниспавшее на степень простого ремесла" (*Древности... 1885: 201*).

"Ведун, от глагола ведать (санскрит вид, видана) - знать, знание и синонимы его вещун, вещий человек, ведающий, знающий, одаренный сверхъестественными познаниями и мудростью... "Подобно волхвам, ведуны, вероятно, ничто иное, как одно из многочисленных прозвищ жрецов" священнослужителей прежнего язычества"... (*Древности..., 1885: 201*)

Данных, чтобы причислить ведунов к непосредственным служителям жреческого культа, кажется, нет. Обычно в традиционном обществе имеется множество разновидностей занимающихся магико-мистической деятельностью. Каждый из них выполняет свои функции. Далекое не все они имеют отношение к непосредственному жречеству.

Если учитывать предположение, что прехристианская Русь имела традиции, связанные с практикой шаманства, то в качестве типологической параллели можно обратиться и к традициям такого рода, сохранившимся до наших дней. Например, у негров "Шаманы делятся на две группы: непосвященные - *мал тадеба* (шаман без бубна - неггер) и посвященные - *тадеба си'ма* (шаман, имеющий бубен без подвесок). Непосвященные имели разные названия в зависимости от своих функций: *юдартана* - предсказывающий события по снам, *сэвтана* - видящий далеко и умеющий распознавать болезни своей внутренней силой (говоря современным языком - экстрасенс), *иттана* - дающий жизнь, предсказывающий судьбу, *тэвтана* - шаман-переводчик; *инутана* - советчик, прорицатель. Непосвященных шаманов было много. В отличие от посвященных, они занимались хозяйственной деятельностью. Совершая простые формы жертвоприношений, они пользовались очень ограниченным набором атрибутов, не приводили себя в экстаз, и лишь некоторые из них обладали силой гипноза" (*Лар, 1998: 25*). Интересно, что функциональные различия прослеживались даже непосредственно во время кампаний: "Слово *выоутана* (здесь и далее курсив автора, - В.Х.) происходит от существительного *вы*"(д) 'выкупить', 'человек, обладающий гипногическим воздействием'. У негров *выоутана* был важной фигурой среди других шаманов. Он является хранителем традиций предков, памяти,

мудрости народа и осуществляет общий надзор за всем, что касалось религии - основы этнической культуры, этнического единства

У *выду'тана* есть два непосредственных помощника - *тэттана* и *шлутана*. *Тэттана* - от глагола *тэттангось* 'вторить, повторять', т.е. 'шаман-переводчик', который во время камлания вторит или подпевает выду'тану. После окончания сеанса он переводит присутствующим то, что сообщили духи шаману. *Шлутана* - от слова *шлудота* 'умный, вдумчивый, мудрый'. *Шлутана* выполняет роль советчика, прорицателя" (*Тар*, 1998; 26)

В "Древностях..." подчеркнута, что со временем, в период средневековья, слово "ведун" переосмыслилось и стало парным к слову "ведьма", т.е. за ним закрепилось значение "отвлеченного и преимущественно зловредного мифического существа, одаренного колдовством и чародейной силой", "ведуны употребляют эти свои познания на порчу людей и животных" (*Древности...*, 1885; 201).

Однако среди "посвященных" хранителей традиции и до сего дня, не взирая на литературно-художественную популяризацию западноевропейской ведьмы, встречается исходное толкование термина и правильное его употребление (пара: ведун/ведунья, в отличие от обозначения полумифического персонажа-оборотня: ведьмак/ведьма).

В целом с такой трактовкой понятий нельзя не согласиться. Знахарские познания, судя по всему, на самом деле исходно имели прикладной характер: это было, скорее, ремесло, практическое знание (костоправство, рудометство, фитотерапия, литотерапия, водолечение и пр.), связанное в основном с лекарской деятельностью. Сведения о такой деятельности не были особой тайной. О практических способах лечения знахари и знахарки рассказывали, не таясь (*Попов*, 1903). Разумеется, в древности такая практика не могла быть оторвана полностью от сакрального магико-мистического знания, которое было больше присуще ведовству, колдовству и иным вариантам связи со "сверхъестественным".

Ведовство в народных представлениях со временем начинает все больше принимать сверхъестественный вид. Возможно, этому способствует особый тип ИСС, который используют принадлежащие к этой категории лица. Их силы и способности, как и у их современных последователей, видимо, позволяли работать на так называемом "астральном уровне", уровне образно-фантомных проявлений и видения таковых. Вероятно, с этим связана

устойчивая тенденция приписывать ведунам (ведьмам и ведьмакам) навыки ликантропии, оборотничества в среде непосвященных хранителей культурной традиции. Как ни странно, в этом есть доля истины.

Все фантастически описываемые проявления магии и мистики связаны со способностями человека входить в глубокие стадии ИСС. Если человек хорошо знает, как и для чего он это делает, то его работа в ИСС может быть четко спланированной, легко осуществляемой при минимуме мистических ощущений - так работают сильные колдуны и маги.

Однако обретение способности входить в ИСС для многих чревато пристрастием к пребыванию в состоянии особой творческой фантазии, которая дает возможность "путешествовать по тонким мирам" и ощущать себя в процессе этих странствий в различных обликах. Для классической психиатрии такие "способности" граничат с психическими заболеваниями, а в некоторых ситуациях свидетельствуют об их наличии. Провести грань между людьми, увлекающимися творческим фантазированием, и теми, у кого сознание полностью подчинено и подавлено таким "творчеством", крайне сложно. Еще большую неразбериху в этот вопрос вносит ясновидение вместе с проскопией и ретроскопией.

Скорее всего, все названные варианты общения с бессознательным были известны на Руси уже к времени принятия христианства. Вспомним, что о ликантропии сообщает Геродот: «У невраов обычаи скифские. (...) Эти люди, по-видимому, колдуны. Скифы и живущие среди них эллины по крайней мере утверждают, что каждый невр ежегодно на несколько дней обращается в волка, а затем снова принимает человеческий облик. Меня эти рассказы, конечно, не могут убедить; тем не менее так говорят и даже клятвенно утверждают это» (*Геродот, IV 1972: 213-105*). Сведения о ликантропии и об ином оборотничестве широко представлены в различных источниках и, конечно же, в фольклоре (обращение в волков свадебных поезжан, сообщения о том, что под шкурой убитого волка или медведя оказалось тело человека; ночные превращения ведьм и т.д. (*Славянские древности...*, 1995: 418-420).

Приведу любопытную деталь общения с целительницей ИС Осиновой, которая, как многие люди творческого склада, под воздействием своих занятий

сенсорной, обратилась к поэзии: по ее сообщению, в одну из бессонных ночей она написала стихотворение о своих "прошлых жизнях", в первой из которых она была, по ее заверениям, волком (*Архив автора. Зат. в окт. 1995 г., Москва*)

К перечню ведьмовских деяний стоит добавить многочисленные сведения о "полетах во сне и наяву" у некоторых людей с развитыми ИСС-способностями. Наряду с неуправляемыми путешествиями человек с развитыми ИСС-способностями может совершать подобные перемещения по собственному желанию, входя в нужный момент в одну из стадий ИСС (*Харитонова, 1999б: 267-276*). И, наконец, любое шаманское камлание - это спланированное и управляемое путешествие по тонким (психическим) мирам. "Наяву" наблюдают проявления реалити тонких миров люди, вошедшие в ИСС в процессе отправления какого-либо традиционного ритуала (14).

Если кудесники, а, может быть, и волхвы действительно использовали аффективную технику вхождения в ИСС в процессе а)обретения истинного знания, б)отправления культовых ритуалов, а также в)обрядово-ритуальных действий, то вполне естественно предположить, что во всем этом коренится ведьмовское начало. Ведьмовство (15) могло быть спровоцировано творческой фантазией и особыми ощущениями, испытываемыми в некоторых стадиях ИСС. Это могло возникать в ходе обрядово-ритуальных действий (например, во время "кудес"), тем более когда такие действия предполагали отождествление личности с образом, навязываемым маской и костюмом, общим восприятием конкретного костюмированного персонажа в рамках традиционной культуры.

В связи с ведовством в его исконном понимании стоит обратить внимание на ворожбу. О ворожешах в ранних источниках упоминается редко. Однако со временем это наименование, видимо, входит в практику более активно. Например, церковные наставления упоминают их наряду с ведунами: "...аще кто в болезни дерзнет призвати еврейна врача или немчина или от иных вер еретических или русского ведуна или шепотника или баб богомерзких ворожей или кудесниц..." (16), а в сыскных делах этот термин фигурирует повсеместно - ворожками там именуются лекарьки, специализирующиеся в том числе на любовной магии (*Забелин, 1851*).

Понятие о ворожбе, очевидно, соотносится с привораживанием в первую очередь. В поздней традиции этот термин распро-

страняется на гадания, что, кстати, также соотносится с любовной магией, поскольку абсолютное большинство гаданий связывается именно с этой сферой. Интересно, что любовная магия в оценочном плане не воспринимается четко как "черная" или "белая": здесь многое зависит от контекста, нравственных установок и моральных норм. Во всяком случае даже нынешние специалисты магико-мистической сферы обычно не могут четко определить эту часть магического искусства. К «черно-белой» магии относят чаще всего не только любовные "присушки" и "отсушки", но и средства по повышению/ослаблению сексуальной потенции, по вызыванию сексуальных желаний к конкретному лицу, созданию ситуации невозможности сексуального общения с любым иным партнером или с конкретным партнером и даже лишение сексуальной потенции вообще. Позже традиционное знание именует специалистов такого профиля колдунами и колдуньями, даже если ничего плохого за этими людьми замечено не было. Так, например, одну из моих информанток называли колдуньей исключительно за обладание ясновидческими способностями и знание «черно-белой» магии, чего она ни от кого не скрывала, считая помощь такого рода естественной и полезной.

«- Я тебе, если хочешь, - похвалялась она, - так сделаю, что твой мужик ни с одной другой бабой спать не будет.

- Что значит "не будет"? Не захочет?

- Хе-хе... Оп-то, можа и захочет, да "хотелка" не встанет; на одну тебя стоять будет. Вот. А можно и так: вот я вижу, мой на какую бабу поглядывает - я и сделаю, что у него на нее не встанет, так, на всякий случай - чтоб чего при случае не вышло...»
(Архив автора. Зап. 1992 г. в г. Малоярославце)

Свидетельств о насильственной деятельности такого рода множество. Чаще всего они напоминают, действительно, серьезные колдовские деяния.

"Это уж было со мной, врать не буду... (...) Так вот они с этой Зиной чего-то начали скандалить, скандалить. Он ее не стал это... уважать. В общем, дело почти до развода. А эта Зина потом - у ей дядя был, Вася Сучок, - его пригласила ладить этого Митьку, присушивать. А он, этот Митька, никак... Издают на чай там или на суп, на че ни, - он сообразил, что его ладит, - не ест. Она потом меня уговорила, чтоб...

- Вот че, мы, - говорит, - с Надей твоей придумали. Вы обедайте вместе приедете. Мы будем готовить вместе. Пусть дядя Вася ладит его, Митьку этого, а кушать-то мы вместе

Ну вот, этот дядя Вася ходит, ладит. Кушаем вместе. Я раньше эту Зину как и не замечал, а тут! Вот уедем мы с ем (в колхозе работали на прогонях с... и

вог все подумкиваю что, все она что передо мной как... в глазах эта Зина. Ну, и до того дело дошло - я начал ее преследовать. Просто он меня... - на него-то не подействовало - а он меня прикомпоат к ей: суп-то вместе ели, чай пили из одного чайника. И вот до того что я... давай уж ей обьявляться вроде в любви. Ну, молодой был лет двадцать пять там. А ей тоже вроде надоело. И пока мы с ей не стелелись до самого грешного, все это я об ей страдал.

А потом давай того дядю Васю просить, ее дядо-то: вот так и так, мол, вы Митьку прислушали, а прислушили меня.

- Ну, радно. С завтрашнего дня не будет того. И потом не стал я ее преследовать. Своя жена стала как жена. А то свою-то не надо, а к ей гянет. Вот что подействует! Надо же! "

(Зинovieв, 1987; 192-193-280)

Обычно специалисты подобного профиля занимаются и проблемой деторождения. Обратим внимание на то, что данная сфера магико-мистической практики самым непосредственным образом перекликается с ведьмовством (*Шпренгер...*, 1990). Таким образом, возможно, именно этот пучок функций позволил ведунам/ведуньям в процессе средневековых трансформаций стать не только ворожеями/ворожейками, но и ведьмаками/ведьмами!

Поднятая магико-мистическая практика относит любовную, эсексуальную магию и магию по продолжению рода к сфере деятельности ведуний. Они же, в зависимости от своих способностей, могут заниматься не только строго лечебной практикой, но бывают вполне в состоянии "навести порчу" (*Харитонова, 1995: 151-156; Приложения, 1,2*). Если характеризовать их через систему современных эниологических понятий, то это люди, работающие на биоэнергетическом уровне с переходом на энергоинформационный. В эзотерической терминологии их деятельность распространяется на астральный план и частично ментальный.

- Вы знаете, вот у этой... Вы ее ведуньей называете, у нее я сразу тогда увидел... ну, как сказать... одним словом, фигуру такую, которая за ней стоит, когда она работает. Это - мужчина. И работает не она, по сути дела, а он. Вот как у меня было, когда я Вам рассказывал про этого товарища, которого я себе подчинил и ему все указания давал, а он за меня все мгновенно делал. Помните? Потом он мне не нужен стал, я от него отказался. А у нее - он основной.

- Это значит, она в своем развитии остановилась, в отличие от тебя?

- Ну, что я не могу сказать. Но она не сама работает. То есть, как "не сама". Вообще-то тоже сама, но таким путем. Может быть, пока"

(Архив автора. Зап. в 1997 г. в Москве от А.А.Сифтуфа, 31 л.)

Астральный план связан во многом с эмоциональной сферой деятельности и возможностями фантомных трансформаций: именно это и важно для указанного раздела магии, а также для известного свойства ведьм/ведьмаков - оборотничества. Последнее может свидетельствовать о том, что контаминации и путаница ведовства с ведьмовством не совсем случайны, однако в отношении исследования магико-мистической практики славян для решения данного вопроса требуются дополнительные сведения.

В процессе средневекового становления магико-мистической практики и трансформаций заговорно-заклинательной традиции таинственная сфера деятельности "посвященных" распределилась, видимо, в конце концов, вполне логично и закономерно между тремя группами лиц: колдунами, ведунами и знахарями; четвертая группа - маги - не имеет отношения к собственно заговорно-заклинательной традиции, поскольку эти специалисты в своей практике не нуждаются в слове и даже ритуале. Если часть волхвов уцелели, то именно они могли стать основой для формирования группы магов и влиться в группу колдунов.

Однако есть мнение, будто бы уцелевшие волхвы бродили по Руси с группами скomoroxов, либо же образовали эти группы, может быть, вместе с кудесниками (*Пономарев, 1897: 298; Борцевский, 1914: 3-4; Гальковский, 1916: 317; Воронин, 1941*). Исключить полностью такую возможность нельзя, хотя скomoroxьи увеселения более близки кудесникам, а не волхвам - прорицателям и жрецам.

Исследователь феномена русского скomoroxства А.А.Белкин указывает - со ссылкой на статью А.А.Морозова "Скоморохи на Севере" (*Морозов, 1946: 212-213*) - будто косвенным свидетельством перерождения волхвов в скomoroxов могло быть то, что "на протяжении всей своей исторической жизни скomoroxи слыли ведунами и знахарями, людьми, являющимися с нечистой силой способными напустить "порчу" и принести всякий вред" (*Белкин, 1975: 30*). Но, во-первых, именно это и связывает их с колдунами, а, во-вторых, хорошо известно, что в народной традиции любых специалистов со стороны обычно наделяли сверхъестественными способностями и побаивались их. Это проявлялось в отношении печников, пастухов (*Максимов, 1903; Щепанская, 1986: 168*), коновалов (*МГУ, северные экспедиции*), торговцев, особенно

продававших предметы, которые в определенных контекстах обретали магическое значение (например, изготовители и продавцы сит и решет, приходившие на Тамбовщину из Поволжья, воспринимались как "знающие").

Сито и решето широко известны как особые магические предметы. Например, у славян в сито или решето можно было высматривать ведьм (*И.А. Ненб П.Ш.* эти предметы используются в шаманской и колдовской практике венгров, где решето отождествляется с бубном и часто выполняет его функции (*Антал, 1995: 258-263*)).

Предположение о трансформации волхвов с их вырождением в "мелких волхвов и колдунов" (в моей классификации – магов и колдунов), которые стали "темными знахарями и шептунами, возможно не лишенными некоторых шаманских черт" (*Морозов, 1946: 212*), вызывает сомнение в своей второй части. Если именно волхвы были шаманами, то речь должна идти о том, что их целевшие коллеги поменяли "шаманскую" технику аффекта, требующую зрелищного выражения при музыкально-шумовом оформлении, на технику магов (инстайтно-медитативную), которой можно пользоваться тайно даже на глазах у непосвященных. На первый взгляд, такая смена маловероятна. Однако, современная традиция свидетельствует о том, что серьезные шаманы и колдуны могут владеть различными техниками, но использовать по преимуществу одну – ту, которая свойственна их этнокультурной традиции. Сильный колдун по необходимости может выступить в роли мага, а маг использовать элементы заговорно-заклинательной традиции, на которой базируется колдовская техника. Сильным шаманам также известны техники магов, хотя они и используют преимущественно камлания. В современной практике хакасская целительница-шаманка Т.В.Кобежикова (уже имеет бубен, но часто пользуется только варганом) по-настоящему камлает исключительно в подходящих для того ситуациях в среде шаманствующих; в иных случаях предпочитает пользоваться "целительскими методиками".

Таким образом, волхвы (они же – маги) вполне могли "переквалифицироваться" в колдунов. Не исключено, что колдуны, как и волхвы, имели какое-то отношение к практике жертвоприношений, т.е. осуществляли контакты с божествами, а не только искали применения своим необычным свойствам в быту.

Если же древнерусские волхвы были, действительно, настоящими магами и хранителями **знания**, в том числе хорошо разработанных магических техник, то ни о какой «переквалификации», по сути дела, речь не должна идти: волхвы потеряли статус официальных жрецов, но это не значит, будто они лишились магического **знания**, они продолжали оставаться магами, по восточнославянским понятиям – колдунами.

В поздней традиции (XVIII - XX в.) утверждаются в основном представления о трех группах посвященных в магико-мистическую практику: знахарях, колдунах, ведунах/ведьмах (если не учитывать более "узких" и "мелких" специализаций типа гадалок, толкователей снов, "обороток" и пр.). Однако в среде непосвященных терминология путается, познания являются очень неустойчивыми, что в итоге приводит к резкой поляризации знахарей и колдунов с тенденциями либо относить ведунов к (полу)мифическим персонажам, либо объединять их с колдунами, приписывая тем и другим владение черномагическим знанием через "черные книги", контакты с "нечистыми" (вплоть до заключения сделки с Дьяволом).

Вероятно, это во многом способствовало распространению мнения о дуалистическом принципе разделения магико-мистической сферы. Разграничение по принципу положительный/отрицательный базируется в первую очередь на нравственно-моральном критерии: все зависит от того, как оценивается магический акт - как сделанный во благо или во вред. Но при двучастном делении возникают вопросы: то, что сделано во благо одному, не может ли оказаться во вред другому? как определить, что можно оценивать как доброе деяние, а что - как злое?

Проблема добра/зла в мировоззренческих системах традиционных обществ довольно сложна. В контексте представлений о правильном/неправильном, добром/злом многие магические действия могут оцениваться односторонне; именно эта односторонность подхода присутствует обычно в любовной и сексуальной магии. Современные же практики часто предупреждают своих клиентов о том, что воздействие при случае может вернуться на просящего об услуге. Если, например, осуществляется привораживание кого-то, кто, узнав через какое-то время об оказанном на него воздействии, сам или с чьей-то помощью снимет этот приворот, то магический

удар возвращается на инициатора действия. Аналогичное происходит при снятии негативных воздействий любого плана. У практикующих целителей-колдунов и ведунов есть специальные обрядовые действия, с помощью которых они или сами пострадавшие по их совету освобождаются от причиненного им вреда, в то время как информационно-энергетически спровоцированные болезни от них переходят на тех, кто их "создал", причем в более сильном варианте.

Например, ведуны часто берутся за проблемы возвращения одного из супругов в семью, если там есть дети, считая такой шаг, как правило, абсолютным благом. Однако, многие из них хорошо понимают, что это не совсем праведное дело: во-первых, коль скоро так случилось (при попустительстве Бога!), то вряд ли стороннее лицо имеет право вмешиваться, во-вторых, присушка сама по себе не всеми рассматривается как нейтральное магическое средство, многие оценивают ее как "черное" дело, особенно в свете знания о печальных последствиях для самих "присушиваемых".

Помимо нравственно-морального критерия здесь явно присутствует критерий религиозный - на исходные представления наложились христианские воззрения о том, что все благие дела идут от Бога, а все несправедные - от Дьявола. Это разделило и сами магико-мистические акты, и даже заговорно-заклинательные тексты на "чистые" и "нечистые" (*Харитонова, 1991; Харитонова, 1991а*).

Дуалистические представления отразились в тенденции делить всех тех, кто занимается практической магико-мистической деятельностью, условно говоря, на плохих и хороших, а это значит, на угодных Богу и противных ему. Видимо, именно этим объясняется упрощенная дуалистическая классификация, признающая только колдунов и знахарей, черную и белую магию, нечистые и чистые заклинания ("молитвы"). Сами "посвященные" предпочитают разграничение по сфере деятельности, преимущественным интересам или по силе, опыту. Первая классификация может оказаться очень дробной, вторая же, как правило, трех- или четырехчастной с привычными наименованиями, среди которых наиболее часто встречаются "колдуны", "знахари", "ведуны/ведьмы".

Магико-мистическая практика в оформившемся в период средневековья виде досуществовала до наших дней. Главные трансформации, происшедшие в ней с принятием христианства,

служители которого проводили постоянную политику не только разъяснения ошибочности и запретов языческих принципов жизни но и активно подавляли их проявление и уничтожали соборников предшествующего христианству культа, были связаны с постепенным переходом к бытованию в условиях полуподполья. Основное, от чего пришлось отказаться в процессе пассивного сопротивления - это шумные коллективные действия (волховские моления и кудеса в первую очередь) с использованием на аудитории аффективного типа погружения в ИСС

Речь может идти, разумеется, только о постепенном отказе от прежних обрядово-ритуальных действий, об их поэтапных трансформациях, поскольку внедрение христианства на Руси - процесс длительный: данные археологии, например, свидетельствуют о том, что до середины XII столетия можно говорить о распространении христианства только в крупных центрах, в основном Киеве и Новгороде: "В XI - первой половине XII в. сельское население Древней Руси хоронило умерших по языческим ритуалам". "Вторая половина XII - первая половина XIII в. были периодом, когда в сельских местностях язычество еще сохраняло свои позиции. Лишь к концу XIII в. наблюдалось почти повсеместное исчезновение языческого обряда погребения" (*Седов, 1987: 42-43*)

В такой ситуации спасти магико-мистическую практику могла только смена внешнего вида деятельности. Элементы аффективного поведения могли сохраняться на протяжении долгого времени в обрядах и играх, но они утратили свои магические основы, сохраняя при этом элементы древней духовной культуры. И поскольку роль "официального медиатора", связующего человека с божественным миром, взяла на себя церковь, то собственно традиционная магико-мистическая практика должна была удовлетворяться практикой более низкого ранга. В такой ситуации на первое место вышло колдовство, внешнюю сторону которого в значительной степени могли видоизменять христианские представления (точнее, мировоззрение, которое характеризуется обычно как система двоеверия или даже троеверия - *Толстой, 1987: 52*), не затрагивающие основной сути самой практики

Сходными оказались трансформации шаманизма в различных регионах под воздействием как христианских представлений, так и советских нововведений.

напр. в пенепком шаманском пантеоне место главного помощника верховного бога Пума занял христианский святой Николай - Микола Мутратна (Лар, 1998), ср. также: Делимский, 1993; Смоляк, 1991; Успенский, 1982 и др.

XVIII и XIX века, конечно же, внесли некие коррективы в магическое знание и заклинательную деятельность. Наиболее важным для существования названных феноменов было развитие естественнонаучного видения мира. Понятно, что такие сведения проникали в первую очередь в просвещенную элитарную публику, однако со временем они должны были попадать и в народную среду. Это знание, особенно из области медицины, могло использоваться в традиционной практике. То же самое относится и к распространению традиционного знания других народов, если иметь в виду не прямые контакты соседствующих этносов, а опосредованное привнесение знания через элитарную культуру. Например, с середины XIX века в России стала известна, благодаря деятельности П.А. Бадмаева, тибетская медицина (Бадмаев, 1991).

Интересным моментом в развитии магико-мистической практики было время увлечения оккультизмом и спиритизмом в кругах интеллигенции. Издаваемые XIX - начале XX в.в. журналы типа «Ребус» распространяли оккультное знание и попытки их новых интерпретаций. Нельзя забывать и о том, что в это время развивающиеся этнография и фольклористика предлагали любознательному читателю магико-мистические материалы, добытые в народной среде. Взрыв интереса к неизведанному привел, например к формированию теософии как попытке объяснить мир через единую философско-научно-культурную концепцию (напомню, что «Тайная доктрина» и другие книги Е.П. Блаватской рассматриваются как **знание**, переданное Учителями; то же относится к «Живой этике» Е.И. Рерих). Тогда же активизировалось увлечение эзотерикой в городской среде. Разумеется, эта волна не могла не докатиться до российской глубинки, хотя вряд ли серьезно повлияла на состояние традиционной магико-мистической практики.

Естественный процесс видоизменения традиции был нарушен с приходом советской власти, которая заявила некоренением суеверий и просвещением народа на свой лад (17). Создававшаяся ситуация вполне сопоставима с временем крещения

Руси. И тогда главный удар наносился по "религиозно-идеологической" верхушке - официальному культу, волхвам, в первую очередь; однако гонения на всех остальных причастных к магико-мистической практике любого толка продолжались несколько столетий. И в советскую эпоху главный удар был направлен на официальную религиозно-идеологическую среду в первую очередь, а то, что относилось к разряду суеверий, но не собственно религиозного знания, искоренялось уже позже: как путем уничтожения адептов этого знания, так и путем искусственного "просвещения".

В этом смысле, как известно, сельская глубинка пострадала значительно больше, чем крупные города: в Архангельской области, например, в 1926-1927 г.г. планоно разрушались все церковные сооружения, в итоге этой бурной деятельности через некоторое время на территории огромнейшей области осталась только одна действующая церковь - в самом г.Архангельске. Не лучше была ситуация и в других местах: к 70-м годам XX столетия в редких районных центрах оставались действующие церкви, не говоря уже о крупных селах и поселках.

Интересны некоторые результаты такого просвещения. В 70-е - 80-е годы довольно широко было распространено почитание вождей. Если на официальном уровне это было в еще забытых нами формах развешивания портретов, проведения митингов и т.д., то в среде простых деревенских старушек и стариков почитание приняло более "естественный" вид: например, портреты В.И.Ленина, И.В.Сталина, даже Л.И.Брежнева порой приходилось видеть... в иконостасах. Мало того, некоторые хранители традиционной культуры просто причисляли "великих вождей революции" и "отцов народа" к лику святых. Например, моя бабушка в детстве объясняла мне, что "Ленин - он святой, как Микола". Такие оценки, совершенно очевидно, и породили персонажную перестановку в заговорах и шаманских камланиях.

Надо заметить, что советский этап уничтожения православия в его официальном и народном варианте, равно как и остатков язычества, оказался самым действенным в искоренении внешней стороны традиции. Однако с верой и знанием ситуация была не такой простой, как с их внешними проявлениями. Неслучайно, кстати, такую же картину мы наблюдаем у коренных народов Сибири и Севера, где физическое истребление шаманов осуществлялось в 30-е годы очень мощно, а сама деятельность шаманов была запрещена.

В литературе XX века - политической, научной, научно-просветительской - при необходимости указывалось либо на почти полное отсутствие суеверий в народной среде, либо на значительное

снижение интереса к таковому. Кстати, поверхностные выводы о степени религиозности и подверженности суевериям делались в России и ранее, вспомним знаменитое письмо В.Г.Белинского к Н.В.Гоголю, где разгневанный революционер-демократ указывал на равнодушные русского мужика к вере, используя при этом поговорку об иконе "Годится - молиться, не годится - горшки покрывать"

Простое снятие запрета с эзотерической тематики привело к резкой повсеместной активизации магико-мистической практики. Активное восстановление и дальнейшее развитие традиции магико-мистического плана происходит в крупных городах и на периферии по-разному, но в этом процессе есть нечто общее для шаманской и заговорно-заклинательной практики славянского типа. Это нечто имеет отношение к воспроизведению знания через несколько поколений. Казалось бы, подобное вполне естественно можно ожидать в зоне недавно еще активно бытовавшего шаманства, а не в других местах. Там, где была распространена идея избранничества духами на роль шамана, где изначально предки через несколько колен могли передавать свой дар - такое можно считать вполне реальным и естественным. "Нынешние буряты появление современных шаманов объясняют тем, что эти люди были потенциальными носителями шаманской наследственности (*боо удха*), основным свойством которой является непреходящесть. Представление о том, что шаманское *утха* никогда не может исчезнуть, широко бытует в народе. Говорят, что шаманское *утха* (*боо удха*) может проявляться по-разному в соответствии с характером, с духом времени, и это свойство говорит о большой приспособляемости и живучести шаманизма. Нельзя сказать, что в советское время не было людей, "призываемых духами" на стезю шаманства" (Галданова, 1998: 42).

Исследуя современное бурятское шаманство, Г.Р.Галданова приходит к выводу, который вполне подтверждают мои материалы относительно других народов, например, якутов, хакасов: "Тяжелые смутные времена всегда, как показывает история, содействовали появлению таких личностей, как экстрасенсы, ясновидцы, целители, которых как бы сама Природа выдвигала для поддержки слабых и беззащитных людей. В наши дни такие личности, как и в прошлые времена, называются шаманами, исходя из того, что все они

обладают *утха*. Однако если для классического шамана было характерно не только его избранничество духами, одержимость ими, но и как следствие этого - умение впасть в транс, то для большинства современных шаманов состояние экстаза не характерно и, видимо, даже необязательно. Однако существует представление, что душа шамана может отделяться и совершать путешествия в виде астрального тела, и в этом состоянии получать информацию из космоса" (*Галданова, 1998: 42-43*).

Обратим внимание на сообщение о появлении варианта работы шамана без аффективного типа перехода в ИСС при явном наличии таких состояний. Мне представляется, что здесь речь должна идти не о том, будто бы "современные экстрасенсы" - это не шаманы вовсе, а о вполне закономерной смене типов работы: видимо это произошло и у славян в период уничтожения волхвов и христианских гонений на всех прочих приверженцев языческой магико-мистической практики. Вероятно, в период советской власти при более чем значительном сходстве ситуаций шаманы пошли по тому же пути развития своей традиции. Нельзя списывать сложившееся положение на неких "экстрасенсов", которыми, собственно, и являются все те, кто обладает *утха*. Разумеется, кое-какую, кажется, незначительную роль в отказе от аффективных вариантов работы может играть изменение культурного статуса современных людей. Однако это никак нельзя считать одной из основных причин, хотя бы потому, что многие нынешние шаманы, работающие как с проведением традиционных камланий, так и без них, имеют высокий образовательный ценз и имидж высококультурных людей.

В отношении восточнославянской традиции возможность передачи магического **знания** непрямым путем не изучалась. Однако материал последних лет дает такие сведения во множестве вариантов (18). Среди современных целителей есть те, кто получил знание по наследству; те, кто знает о наследственных корнях, но официального посвящения с передачей знания и навыков не имели, те, кто получил знание от уже ушедших из жизни предков таинственным путем. Последняя группа лиц особенно любопытна. Вряд ли все известные и неизвестные случаи таинственной передачи знания можно считать вольной или невольной выдумкой

информаторов. Большинство из известных лично мне целителей проходили специальные тестирования и апробации, включая всевозможное тестирование на лживость, у специалистов – психиатров и психологов. Этот необычный опыт прекрасно вписывается в современные психологические концепции, например, концепцию психосинтеза Роберто Ассаджоли (краткое изложение см. в статье «Самореализация и психологические нарушения» - *Духовный кризис*, 1998, 49-72), не говоря уже о более поздних вариантах трансперсональной психологии.

Таким образом, сохранение магико-мистической практики нельзя рассматривать с учетом только лишь законов развития привычной нам фольклорно-этнографической традиции. В данном случае вступают в силу некие малопонятные пока исследователям законы глубинной психологии, психоэнергoinформатики.

РЕЗЮМЕ

- В славянской традиционной культуре известны варианты аффективной техники погружения в ИСС, которые сохранялись долгое время. Не исключено, что в основе магико-мистической практики в ее заговорно-заклинательном варианте также лежит аффективная техника типа шаманской. Немногочисленные исторические свидетельства о волхвах, кудесниках и прочих лицах, связанных с древними языческими культурами, а также практической магией, подчеркивают детали поведения, свойственные шаманской технике погружения в ИСС – «вертимое плясание» под музыку с использованием бубнов и варганов, оцепенение пророчества.
- Однако анализ материала позволяет предположить, что древнеславянские волхвы, скорее всего, как подсказывает восточная практика, были магами и прорицателями, которым ближе медитативные и нисайтные техники работы. С аффективной практикой соотносимы кудесники и, возможно, еще какие-то группы лиц, которые могли впоследствии образовать экомороньи группы. Таким образом, целеустремленные волхвы в магико-мистической практике восточных славян продолжали оставаться магами и ясновидящими (прорицателями), возможно, и наиболее сильными колдунами в результате частичного приобщения к заговорно-заклинательной практике. Исчезнувшее же «вертимое плясание» (шаманский элемент традиции) вместе с напетыванием таинственных слов, скорее всего, легло в основу аффективно-медитативной техники, используемой в процессе заклинания различными специалистами.
- Магико-мистическое знание было сконцентрировано в среде тех, кого после крещения Руси стали связывать с именем Дьявола и с «черной магией». В народной среде сформировалась группа специалистов, опирающаяся в своей практике на христианскую доктрину – знахари, которых стали считать представителями «белой магии». Большинство их были практиками-

физиотерапевтами и не владели **знанием**. Разграничение по принципу «белой» и «черной» магии не может быть существенным, поскольку магия в основе своей едина, различаются же нравственные установки ее использования. И именно благодаря смелению нравственных установок сформировалась группа ведунов, которые при этом пытались освоить запретное **знание**, а не полагаться на божьи молитвы.

- Представители различных групп обладателей маико-мистического **знания** часто владеют разными техниками погружения в ИСС и работы в таких состояниях. Это приводит к тому, что каждый «знающий» использует технику в соответствии с ситуацией работы. Особенно ярко подобное проявляется в современном варианте традиции.

1. Теория первичности языка жестов, сформулированная Канингом (*Cushing F. Manual concepts - American Anthropologist, 1892, 1:5*), которая на собственном опыте понял и прочувствовал возможность невербального общения жестово-мимическим путем, находит своих последователей среди отечественных ученых (*Иванов, 1978; 62-65*).

2. Описанием аффективного поведения шаманов во время камлания множество, детально с таким материалом можно познакомиться напр. *Ксенофонтов, 1992*. Хочу обратить внимание на современное свидетельство шаманских погружений в ИСС на примере Т.В.Кобежиковой (*Харитонова, 1997; 25, Харитонова, 1999, 254-259*).

3. В данном случае наиболее удачным примером, кажется, является классическая медитация йогов, используемая и нашими современниками, и практика, связанная с трансперсональными техниками (вариант "океанического" или "аполлинического" экстаза, связанная с БИМ-I - *Троф, 1993; 336*).

4. Хаос нельзя воспринимать только как синоним дисгармонии или беспорядка; "хаос" выступает здесь как антиномия "космоса" - как однокоренные "начало" и "конец", которые имеют и прямо противоположные, и одинаковые семантические характеристики. В связи с этим вспомним физическую теорию хаоса, которая как раз демонстрирует "наличие порядка" в сфере "хаоса" - хаос порождается не элементами случайности, а определенной системой закономерностей.

5. Насколько мне известно, экспериментов именно такого плана с использованием технических средств пока не проделано. Однако пейрофизиологи и психологи исследовали уже многое в данном направлении: *Свидерская, 1987; Кошкина, 1997; Стрелец..., 1997; Свидерская, 1999; Ли, 1999 и др.*

6. См., напр., замечательное описание путешествия шамана в книге А.А.Попова "Итапасаия, социальное устройство и верования" (*Попов, 1984*), а также интерпретацию материала (*Файдыш, 1999а*).

7. Вопрос о появлении шаманства дискусионен. Разброс датировок более чем значителен: от времени палеолита до начальных веков новой эры. Это предопределяется в первую очередь тем, как автор понимает "шаманизм" (шаманизм). Если шаманизм представляю как религиозную систему, то, как правило, формирование ее относится к далекому прошлому (*Похансен, 1999*). Если под шаманизмом понимается экстатический тип мистико-магической или

магико-мистической практики, то это понятие распространяется на очень широкий круг явлений, а момент возникновения шаманства относится к древнейшим стадиям формирования человечества (*Уолш, 1996*).

И шаманство, и колдовство, несомненно, связаны с древнейшими вариантами мистики и магии. Каждое явление имеет в основе своей особую технику погружения в ИСС и использования свойств ИСС для совмещения в своем видении и знании миров физического и психического (реального и ирреального) с целью использования сверхвозможностей, предоставляемых этими состояниями. Решение вопроса приоритетности возникновения вряд ли реально как на культурологическом, так и на психологическом материале. Не исключено, что в данном случае важное заключение могла бы дать нейрофизиология.

8. Периодическая психофизическая коррекция, восстановление связей сознания с бессознательным, необходимы любому индивиду, что каждый из нас и пытается осуществить в доступной ему форме: обращение к творчеству или восприятию его результатов (участие в религиозных мероприятиях, танцевальных действиях, музицирование или пассивное слушание музыки, посещение выставок и др.), к веществам, помогающим войти в ИСС (галлюциногены, алкогольные напитки и т.п.), и многому другому.

9. Ср. со значением слова "шаман". Е.В.Ревуненкова называет такие оттенки этого понятия: "неистовство", "возбуждение", "вдохновение", "пророчица", "одержимость" (*Ревуненкова, 1984: 37*).

10. У тех шаманствующих народов, где ясно разделено "белое" и "черное" шаманство (напр., у якутов), "белые" шаманы служат в основном для отправления в основном общечеловеческих ритуальных жертвоприношений и камлают только "верхним" божествам, связанным с небом, "черные" же шаманы, считающиеся, кстати, наиболее сильными (и это естественно, иначе они не смогли бы отправлять свои функции), камлают преимущественно божествам "нижнего" мира, отправляясь в путешествия к Орлику и его приближенным с целью оказания конкретной помощи людям. Замечу, что четкое разграничение сферы деятельности и основных функций свойственно далеко не всем шаманствующим этносам.

11. Один из ритуальных моментов такого типа являет собой русальная неделя. Русалки в восточнославянской традиции часто выступают как непосредственные представители потустороннего мира, предки (*Виноградова, 1986: 104-106*). Об общности представлений, лежащих в основе русальных празднеств восточных и южных славян - *Виноградова, 1992a*.

12. Интересно, что, анализируя слово "колдун", А.Н.Афанасьев указывает ряд корневых морфем, включая туда морфему "куд": "колдун - колд, калд, клуд, куд..." (*Афанасьев, 1851a: 92*)

13. См. материалы Полесского и карпатского архивов ИСиб РАН.

14. Гарри Райт в книге "Свидетель колдовства", приводит поразительный его пример явления такого рода - гл. 9 "Воскрешение из мертвых", где рассказывается о "леопардовых людях" (*Raim, 1971:132-135*).

15. См. подробные инструкции для инквизиции на этот счет, изложенные в трактате "Молот ведьм" (*Шпренглер..., 1990*), а также материалы и интереснейшие интерпретации их (*Шеревд, 1996*)

16. Рукопись Московской Синодальной Библиотеки XVIII в. № 35 (403), л. 54 об. Цит. по.: *Смирнов, 1909, 231.*

17. Сейчас много говорят об истреблении шаманов в период советской власти, однако чапа сия не миновала и восточнославянских колдунов, к сожалению, вопрос этот совсем не исследован.

18. Сошлось на уже опубликованный материал о русском колдуне А.Ф.Сафтуфе (*Харитонова, 1997*), о практикующем ныне в Коми республике ведуне А.Маринюке, о современной целительнице Г.Кочинной (*Харитонова, 1995, 160-161*).

ЗАГОВОРНО-ЗАКЛИНАТЕЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В РЕТРОСПЕКТИВНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Я бы мог выесть эту землю. Я бы мог все загонить
с помощью особой черепахи, которая стоит на голове.
Надо только знать верную молитву, верные слова,
которые здесь нужно применить. Я не открою их тебе.
Это слишком опасно.

*(Lame Deer and Erdoes Richard, «Tahca Ushte,
Medizinmann der Stoupx»)*

Нет сомнения, что зачатки заговорно-заклинательной традиции - явления, наипростейшим образом сопряженного с магико-мистической практикой, - возникают и формируются в столь же глубокой древности, как первые представления о контактах человека со "сверхъестественной" сферой; они же, по заключению специалистов, появились очень рано: «Зачатки магических представлений намечаются уже в мустьерское время, иначе трудно понять скопления черепов и других костей медведя, находимых в мустьерских пещерах» (*Бунак, 1966; 539*).

Вероятно, истоки заговорно-заклинательной деятельности стоило бы отслеживать со времени появления вторичной сигнальной системы, если бы такое было возможно. Но наука не располагает вербальным материалом там, где не сохранились письменные свидетельства. И потому изучение заговорно-заклинательной традиции восточных славян - даже для столь позднего в истории человечества времени как период формирования древнерусской государственности - весьма затруднено.

В последние десятилетия разработаны принципы реконструкции различных аспектов традиционной культуры, многое сделано в этом отношении в области исследования заговоров

Изучением заговора на протяжении времени умалчания о жанре довольно много занимались В.Н.Топоров и Вяч.Вс.Иванов - напр. Иванов В.В., Топоров В.Н. К реконструкции праславянского текста (*Иванов..., 1965*); Топоров В.Н. К

структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией "мирового дерева" (Топоров, 1971) и др. работы авторов.

Вопросами реконструкции духовной культуры восточных славян успешно занимаются сотрудники сектора этнолингвистики и фольклора ИСиб РАН, которым на протяжении многих лет руководил академик П.И.Толстой. В настоящее время выходит обобщающий капитальный труд "Славянские древности. Этнолингвистический словарь в пяти томах"; на протяжении многих лет издается серия "Славянский и балканский фольклор", где публикуются исследования в том числе заговорно-заклинательных материалов – см. работы П.И.Толстого, Л.И.Виноградовой, С.М.Толстой, В.В.Усачевой, Т.А.Лгапкиной и А.Л.Топоркова и др.

Активизация изучения заговоров и малых заклинательных форм приходится на конец 80-х годов. В 1988 г. в ИСиб АН СССР был проведен первый симпозиум, большая часть работы которого была связана с анализом заговорно-заклинательной традиции (*Этнолингвистика...*, 1988). Позже заговор становится одним из наиболее активно изучаемых фольклорных жанров. Особо стоит отметить коллективные издания: Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор М., 1993; Малые формы фольклора. Сборник статей памяти Г.Л.Пермякова. М., 1995; По заговорно-заклинательной поэзии в настоящее время защищаются диссертации, на основе некоторых уже изданы монографии, напр. Юдин А.В. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997. Вышел «Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян» (Кляус, 1997). Изданы новые записи заговорно-заклинательной поэзии, в частности, материалы одного из наиболее крупных фольклорных хранилищ страны - архива кафедры русского устного народного поэтического творчества филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова: Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953 - 1993 гг. М., 1998. Появились региональные публикации, например: Вятский фольклор. Заговорное искусство. Котельнич, 1994 (изданы записи фольклорных экспедиций МГУ); Проценко Б.И. Духовная культура допеских казаков. Заговоры, обереги, народная медицина, поверья, приметы. Ростов-на-Дону, 1998 и др. Активно переиздаются собрания заговоров и трудов, посвященные их исследованию, см., напр., книги изд-ва "Индирик". Помимо научных изданий и переизданий, в последние годы на волне массового интереса к магико-мистической практике вышло в свет множество популярных трактатов по заклинительной деятельности и печатаемых на самом разном уровне - так сказать, образцов "нового чернокнижия", где часто используются тексты из известных собраний.

Однако заговорно-заклинательная традиция, практика заклинания, магико-мистическое искусство в целом не вызывают особого интереса ученых, хотя, казалось бы, именно этот культурный контекст давно должен был бы обратить на себя внимание. Впрочем, здесь есть свои сложности, свои "подводные камни", которые могут представляться непреодолимыми, а могут и оставаться незамеченными. Подчеркну еще раз: самая большая

трудность заключается в том, что заговорно-заклинательное искусство вряд ли возможно глубоко понять вне контекста его реальных "магико-мистических" проявлений, его психозенергетических и энергоинформационных основ.

Письменные (рукописные) памятники, как и многочисленные специальные записи текстов, отражают, очевидно, далеко неполно и достаточно односторонне разновременные картины заговорно-заклинательного искусства восточных славян. Учитывая весьма значительные достижения в области реконструкции славянской духовной культуры и в исследовании заговоров, в частности, попытаюсь предложить лишь несколько гипотез о возникновении и формировании заговорно-заклинательной традиции, которые позволяют высказать новейшие теории в области современных фундаментальных наук и полевые наблюдения («включенное наблюдение» плюс непосредственное обучение) в сфере "магико-мистических" практик.

Рассматривая заговорно-заклинательную традицию восточных славян в историко-генетическом аспекте, можно опираться на три этапа, наиболее значимых в процессе развития магико-мистической практики в целом: 1) время деятельности различных групп лиц, имевших отношение к магико-мистической практике, в том числе возможных жрецов языческого культа - волхвов, кудесников и др., кого некоторые исследователи определяют как шаманов или усматривают в их практике элементы шаманства; их деятельность могла сосуществовать с практикой ведунов, колдунов и иных представителей магико-мистической сферы;

Утверждать без каких-либо оговорок, что в древнеславянском обществе существовал шаманизм, было бы слишком опрометчиво и бездоказательно. Представляется, что на основе имеющегося относительно достоверного материала можно сделать выводы о наличии проявлений шаманства: возможно, были жрецы-шаманы, шаманские техники могли использоваться и помимо выполнения собственно жреческих функций (в исцелении больных, например), шаманские черты - а скорее анимистические и анимические - могли характеризовать мировоззрение населения (*Алороз, 1970*).

2) средневековую традицию (позднее Средневековье и новое время) колдовства, ворожейства, знахарства, а также существовавшую параллельно практику христианского мистицизма;

Особо надо отметить существование разнообразных "божьих людей" - "юродивых", "страшников", "старцев", "угодников", "отшельников" и т.д. Многие из них отличались наличием неких сверхспособностей. Жили такие люди часто при монастырях, там же и практиковали. Русская церковная литература живописно изображает подвиги многих схимников, угодников, подвижников и пр. (см., напр. "Печерский патерик"). Некоторые "божьих людей" даже были канонизированы церковью (Житие блаженной Ксении Петербургской - *Канонизация...*, 1988; 109-120). Ксения Петербургская, как и Игнатий Брянчанинов, житие которого помещено в том же издании (*Канонизация...*, 1988; 121-135), обладала многими способностями, отмечаемыми у представителей магико-мистической сферы деятельности. Тем же отличался Василий Блаженный и многие другие (*Лекции*, 1913; *Федотов*, 1991; *Лихачев...*, 1976). "Божьи люди" развивали в себе в первую очередь суперсенситивные способности: их отличало сповидение и ясновидение в разных вариантах (ретроскопия, проскопия, иногда биоинтроскопия), некоторые из них "пророчествовали" - умели входить в одну из стадий ИСС, когда становится возможным одновременное обретение информации типа ясновидческой и проговаривание ее. В развитии суперсенситивных возможностей они часто опережали даже сильных колдунов: экстрасенсорные же свойства стимулировались у тех из них, кто пытался помогать больным или просто развивать у себя сверхвозможности воздействия на окружающий мир. Такие люди часто брали на себя функции исцеляющих, уподобляясь тем самым по смыслу действий знахарям (опирались и полагались на божью волю), а по силе воздействия - колдунам, поскольку имели условия для тренировки и развития экстрасенсорных свойств: "Несмотря на чисто, казалось бы, христианский характер "божьих людей", основа этой деятельности мало чем отличалась от того же колдовства и знахарства, особенно последнего. Принципиальной разницы между знахарем и "божьим человеком" ни по существу, ни в представлении верующих как бы о том и другом не делали одно дело. Разница была в другом. Знахарей, как и колдунов, было количественно больше - почти в каждой деревне, но масштаб деятельности у них узок. "Божьих людей" было меньше, но каждый пользовался гораздо более широкой известностью, к некоторым ходили поклонники со всей страны" (*То, что...* 1957; 36).

3) знахарско-колдовскую практику XVII – XX вв., основанную на "народном православии" - «двосверии» или еще более усложненной системе взглядов (*Голстой*, 1987) - с преобладанием языческого в ритуале и христианского во многих используемых текстах ("христианский мистицизм" в заговорной практике).

Обратим внимание на то, что в магико-мистической сфере надо учитывать многочисленные напластования различных верований и включение разнообразных практик, о чем писал Е.В.Аничков, совершенно справедливо обращая внимание на усвоение знания вавилонно-халдейского, еврейского, византийского, европейского, финского и т.д. (*Аничков*, 1914; 282-307).

Реконструкция первого (I) этапа (предгосударственного периода и периода образования Древней Руси) существования заговорно-заклинательной традиции восточных славян может обсуждаться только на уровне гипотез, так как сведения о ней крайне скудны и порой путаны, а записей текстов просто не существует (*Очерки...*, 1996: 218-222).

Разумеется, есть археологические возможности подтверждения фактов наличия магико-мистической, вероятно и заклинительной практики. Исследователи славянских древностей указывают на то, что уже в предгосударственный период на Руси "прослеживается формирование сословия жрецов" (*Рыбаков*, 1987: 39; 1987а: 294). Б.А. Рыбаков считает: "Появление государственности привело в IX - X вв. к созданию в русской державе государственного язычества и усилению жречества (волхвов, "кошунников", "погвор" и др.). Волхвы участвовали наряду с боярами в княжеской думе, руководили обрядами и усиленно формировали языческую религиозную систему" (*Рыбаков*, 1987: 40). Автор рискует даже утверждать, "что русское жречество в X в. кроме древних "черт" и "резов" (гадательных знаков) знало и письменность" (*Рыбаков*, 1987, 40), оно же сохранило и возродило в IX - X вв. "значительный фонд индоевропейских мифов" (*Рыбаков*, 1987, 40).

Не вдаваясь в обсуждение предложенных гипотез, отмечу идею значительной роли жречества в Древней Руси накануне крещения поддерживают различные специалисты, в том числе и авторитетные этнографы. С.И. Дмитриева считает: "Одна из главных функций жрецов заключалась в лечебной магии (в частности, с помощью заговоров) и гадании, причем и то и другое совершало одно лицо" (*Дмитриева*, 1994: 73).

Сравним с высказываниями других исследователей: "Мы узнаем про волхвов, что они лечат больных и предсказывают будущее, что они руководят населением во времена бедствий и тают в себе какие-то сокровенные знания" (*Литичков*, 1914: 270), а также: "Издревле у славян существовали свои собственные волхвы-шаманы, носители народной религиозной мудрости и таинственных знаний. Они отвечали потребностям заклинания и предсказания, врачевали, давали советы, руководили религиозным сознанием, являясь прорицателями и пророками в великие моменты бедствий и опасностей" (*Литичков*, 1914: 277). "О дохристианских "волхвах" и "кудесниках" у восточных славян мы знаем, кроме названия, очень мало. По мнению Афанасьева, это были первоначально жрецы светлых богов и

лишь после принятия христианства превратились во враждебных ему служителей нечистой силы. Это оспаривается другими исследователями. Бесспорно, что волхвы выступали в качестве гадалей - "вестников воли богов", вероятно и жертвоприносителей, и служителей храмов, если таковые вообще были" (*Токарев, 1957: 21*).

Эти предположения вполне созвучны позднему состоянию магико-мистической практики и заговорно-заклинательной традиции восточных славян в ее "периферийном" варианте, когда слабые знахарки, знающие по десятку заговоров, берутся одновременно за оказание самых разных услуг, в том числе гадают на картах, кофе и т.д. Современные "народные целители" в лице своих наиболее слабых представителей также стремятся к оказанию широкого спектра услуг. Одаренные в области магико-мистической практики специалисты часто свидетельствуют о противоположном:

"Но чем больше я занимался целительством, тем меньше я мог так легко погадать. Потому что гадал я вообще просто так, человек заходил и я просто сидел и рассказывал - без всякой подготовки, без настройки. Просто сидел и рассказывал, рассказывал - мы с ним трепались, одним словом. Но чем больше я ухаживал за целительством, тем хуже у меня получались такие вещи" (*Архив автора. Зап. от А.А.Сафмуфа. "Приложения" 4*).

Практика традиционных обществ, особенно развивших и сохраняющих шаманскую культуру (а С.И.Дмитриева подтверждает на своем материале существование шаманской традиции у русских: "Исследование представлений русских крестьян о духах болезней и духах окружающей среды свидетельствует о том, что в них сохраняются пережитки шаманства" - *Дмитриева, 1994а: 73; ср.: Мороз, 1977*), демонстрирует обычно разделение функций лекарей, гадалей, прицателей, толкователей снов и т.д.

Замечу, что известны различные варианты возможных специализаций в традиционных обществах. Интересно, что в некоторых из них имеется иной тип сосредоточения функций в руках конкретного лица. Например, у ительменов, где шаманство было представлено в неярко выраженном варианте (по отношению к ним невозможно говорить о сложившейся системе шаманизма как религиозного культа, что отмечали многие исследователи, заставшие у них шаманскую практику, напр., *Крашенинников, 1949: 411-412*), четкой специализации не было. Впрочем, это нетипичная ситуация, возможно, она объясняется во многом тем, что абсолютное большинство "камчадалов" (даже по исследованиям современных этнографов - *Мурашко, 1999*) обладают способностью с легкостью переходить в ИСС. Обратим внимание на мнение одного из ведущих исследователей шаманизма:

"У многих народов, знавших шаманство, наряду с шаманами существовали и другие категории гадателей, лекарей и разного рода служителей культа, близких по своим ритуальным функциям к шаманам, эти категории обычно имели особое название" (*Басилов, 1992:13*).

Сказанное не означает, что функции лекаря и гадача не совмещались вовсе. Поздний материал различных этнических традиций отмечает и такое. Например, у тувинцев шаман, закончивший камлание, обычно гадает всем или некоторым присутствующим при помощи колотушки (*Кетин-Топсан, 1999: 48-49*). Но обратим внимание: лекарь-гадатель является в таких случаях шаманом, а не жрецом, не «белым шаманом». Для служителей божественного культа, жрецов более пристало предсказывать, но не гадать. Однако не исключаю, что С.И.Дмитриева в данном случае не разделяет гадание (мантическое искусство) и ясновидческие предсказания, а из среды жрецов - служителей официального культа - не выделяет шаманствующих лекарей, которые, по моему предположению, соотносятся с кудесниками, но не волхвами, выполнявшими функции официальных жрецов.

Если же речь идет о шаманствующих лекарях, то они могли гадать, предсказывать частные судьбы, поскольку шаманы – «посвященные», прошедшие через «психическое перерождение» в варианте «шаманской болезни» часто обладают даже ясновидением в варианте проскопии в том числе (о обретении подобных свойств - в материалах психиатров и психологов: *Духовный кризис... 1998 и др.*). Официальные же жрецы (волхвы) скорее всего были пророками-предсказателями или магами-ясновидящими.

С.И.Дмитриева подчеркивает также, что лечение осуществлялось с помощью заговоров. Это утверждение трудно оспорить за отсутствием материала, но его достаточно сложно и принять. Более поздняя традиция - периода Средневековья и даже Нового времени - предоставляет материал малых заговорно-заклинательных форм как приоритетных в устной практике. Если считать, что именно их использовали жрецы-лекари (?), то это не очень увязывается со сведениями о "вертимом плясании" служителей жреческого культа и его шаманском характере - шаман пользуется иным типом заклиательных текстов. Такими лекарями могли быть колдуны, но их причастность к официальному жречеству вызывает множество

вопросов. Разумеется, маги высокого уровня, к которым относятся или максимально приближаются колдуны, как и шаманы высокого класса, имели возможность и исцелять, и предсказывать.

Шаманская практика различных этносов убедительно свидетельствует о том, что шаманы часто являются хранителями традиционного знания и фольклора в его крупных эпических вариантах, их камлания сопровождаются речитативными повествованиями (порой на "шаманском языке").

Проблема "шаманского языка" мало исследована. Известно, что шаманы часто используют иноязычные слова, деформируя их или прибегая к очень старым формам, забытым в этих языках, просто переходят на другой язык, особенно если один из родителей иноэтничен, а шаманство наследовалось по его роду (*Богова: 1919*), часто отмечается использование совершенно непонятной лексики (*Плужников, 1995*). Не исключено что с некоторыми шаманами в ИСС происходят трансформации сознания, схожие с теми, которые наблюдаются у членов религиозных эстатических сект спонтанное говорение на неизвестном им иностранном языке (*Коновалов, 1908; 205*). Любопытное исследование одного текста, полученного в состоянии религиозного экстаза (*Лоторов: 1988a*) о шаманском языке и иных тайных языках - *Резуменкова, 1992: 99-101*.

Попытки анализа текстов камланий вводят исследователей сразу же в мир крупноэпических форм. Небольшие по объему заклинания используют обычно слабые шаманы, шаманы без бубна, но и эти заклинания представляют собой разновидность довольно крупных произведений, исполняемых речитативом (см сведения о "чымырчы" - изгоняющих злых духов - и публикации образцов текстов: *Функ, 1997: 18-32*).

Трудно сказать, какие именно заклинания имели место у шаманствующих лекарей и отправителей обрядов, укоряемых древнерусскими летописцами за "много вертимое плясанье", игру на гусях, битие в бубны и прочее. Очевидно одно, что эта традиция, если она в таком варианте имела отношение к лекарскому делу, синтезировала в себе различные элементы, издревле используемые для введения человека в ИСС.

Наличие музыкально-шумового оформления не является доказательством использования в ритуале развитой вербальной основы. Но нельзя исключить гипотезу о существовании таковой даже на том основании, что в сохранившихся типологически (как минимум!) сходных ритуальных действиях вроде русальных

(Арнаудов, 1920) и калачунских (Руссов, 1828) значение текста, кажется, невелико. Однако в русальных и сходных обрядах тексты в каком-то виде присутствовали. Напомню еще раз, что о калачунах, например, сообщается, как они "топтали лежащего с головы до ног, ворчали ему на ухо нарочно составленные речи, которыми приказывали болезням удалиться" (Руссов, 1828: 478). Можно предположить, что «ворчание» в данном контексте означает речитативный вариант исполнения.

В современном ведовском искусстве - точнее, традиции его передачи - есть некоторые моменты, позволяющие предположить существование в заклинательной практике, в том числе лечебного характера, речитативных форм. Именно в ведовском искусстве, где вербальный текст заклинания необычайно важен для настройки заклинателя при подготовке его к работе или уже в процессе ее (Харитонова, 1993: 99-100), существует способ передачи знания - научение заклинанию при особом речитативно-мелодическом воспроизведении текста, что говорит о его специфической ритмометрической, мелодической организации и максимальной приближенности к песенно-речитативному варианту исполнения.

Современная целительница, получившая традиционное ведовское знание в наследство от собственной бабушки, рассказывала об одном из моментов его передачи следующее:

"Пришли - она выбрала речку - еще солнце не взошло. Мы сели на бережок сначала. Одной рукой (*правой*, - В.Х.) она очень сильно держала меня за руку, за левую. И вот она (*левой* рукой, - В.Х.) бросала зерно, когда начало всходить солнце, а второй рукой держала меня и говорила на зерно. У нее вообще такой голос мелодичный, она пела великолепно. И вот здесь это тоже было как концертный номер. Не просто как стихотворение (*проговаривала текст*, - В.Х.), а параспев, какая-то мелодия даже была. И потому это легко запоминалось... Но когда она работала, она никогда так не пела. Она работала спокойно, вот как читается молитва: погружаясь в себя. Вот она ... как будто ее нет! Как будто она здесь и ее нет, - такое ощущение, что ее вот нет здесь! Но это не значит, что я ее не видела. Да, но она никогда не работала параспев, - только шепотом!" (Харитонова, 1995: 151-152).

Сохранение исходных констант при передаче знания вполне естественно. Гипотеза о том, что это свидетельствует об изначальном песенно-речитативном исполнении заклинаний с последующей трансформацией их произнесения в шепотно-наговорную форму,

может показаться довольно натянутой, хотя, конечно же, она как нельзя лучше соответствует привычной общей схеме развития закладательного искусства (*Познанский, 1917; ч. V; Аникин, 1987; 95*).

Существование заговорно-закладательных текстов в рамках магики-мистической практики в двух вариантах вполне сопоставимо с аналогом из религиозной традиции, где молитвы звучат в ходе богослужений в песенно-речитативном варианте, в то время как они же в личностном обращении используются в шепотно-наговорном прочтении (точно так же они, кстати, проговариваются и в процессе заговорно-закладательных действий). В любом варианте важнейшими компонентами являются ритм и интонация.

Молитвенные тексты уже исследовались в этом отношении (*Мухелишвили..., 1993; 45-51; Кагаров, 1981; 70*), как и исихазм (*Хоружий, 1996; 130-137*). На ритмизацию движений, криков и др. - ритмизацию ситуации в целом - делают ставку представители мистических религиозных сект, практикующих "принятие духа", что прекрасно обобщено и изучено Д.Г. Коноваловым (*Коновалов, 1908; 26, 56, 92, 104 и др.*).

Известно, что ритм - основа шаманских камланий, так как техника аффективного типа в принципе не может существовать без этой основы. Естественно наличие особых ритмов в древних ритуальных песнопениях: "Ритм бубна одинаков для всех мифов, составляющих содержание большей части ритуальных вспомогательных песнопений. Он в целом соответствует единообразному размеру стихотворных строк. Удары, сопровождающие пение этих строк, можно нотировать" (*Оппитц, 1998; 63*). Ритмизация необычайно важна для погружения в ИСС при использовании любых техник аффективного типа. Об этом известно из материалов, зафиксированных у различных народов, еще не утративших свои воспоминания об исходном психофизиологическом знании.

Важность ритмических основ в любом магики-мистическом действе диктуется тем, что сами законы так называемых магики-мистических проявлений базируются на ритмах Вселенной, определяющих в том числе возможность духовных прозрений, явлений света, о чем шла речь в предыдущей главе. Подобные вещи отмечены в психологических теориях, учитывающих духовную сторону жизни Вселенной и человека (ср., напр., с высказыванием основателя метода психосинтеза Р. Ассаджоли: «Как и все во вселенной, приток света и любви подчиняется определенным ритмам» - *Духовный кризис..., 1998; 60*).

Предвосхищая современных психологов, Е.В. Аничков писал, что "в ритме коренится та побеждающая и зиждущая сила человека, которая делает его самым мощным и властным из всех животных" (*Аничков, 1905/Ч.2; 309*). О значении ритма для закладательной деятельности человека писалось довольно много (*Харитонова, 1995; 65-68; "Приложения" 1*).

Если считать, что какие-то заговорно-заклинательные тексты сохранились в традиции вместе с ритуальными комплексами, где использовалась аффективная техника при погружении в ИСС (предположительно имевшие отношение к практике волхвов (?) и кудесников), то в них должны были удерживаться и сохраняться привычные ритмы и основы интонирования, если не мелодические константы

В отношении сохранения мелодических основ и ритмо-интонационных констант можно обратить внимание на любопытное явление, известное всем фольклористам-собираетелям: при записи в искусственной ситуации хранители традиционной культуры обычно не могут продиктовать песенный текст - они поют его, а пытаясь вспомнить, всегда начинают палевать: только в процессе естественного звучания текст может быть воспроизведен точно и полно. Синкретизм фольклора дает себя знать даже в современных "синтетических" жанрах

Интонация, наряду с ритмом, относится к доязыковым факторам воздействия на человека (*Боллинджер, 1972: 225*), а потому в магико-мистической практике с ее суггестивной компонентой она необычайно важна: если же считать мелодические и речитативные формы заклинаний наиболее распространенными и вероятностными в древности, то, очевидно, в заговорно-заклинательной поэзии могли сохраниться некие ритмо-интонационные константы, организующие особый тип стиха.

Анализ основного корпуса заговорно-заклинательных текстов, дошедших до нас, а также наблюдения за работой заклинателей разного рода, использующих традиционные заговорно-заклинательные тексты и создающих новые образцы таковых, отчетливо демонстрируют, что преобладающая часть зафиксированных образцов тяготеет к стиховой организации особого типа. Поскольку подробно я анализировала этот вопрос в других работах (*Харитонова, 1990: 1991*), позволю себе только указать наиболее реалистичную точку зрения, касающуюся организации заговорного текста, которая принадлежит Б.П.Гончарову (*Гончаров, 1986: 1987*).

Специфическая стиховая организация текста позволяет воссоздавать необычную целостную ритмо-интонационную схему. Сравним с музыковедческим описанием схематизированного процесса славянского заклинания, предлагаемого Э.А.Алексеевым,

который ощутил это действие как "приковывающее внимание упорное одноуровневое скандирование, затем неожиданный, внутренне напряженный, волевой импульс - акцентный нажим на верхний тон с некоторой его затяжкой и чуть торопливое договаривание оставшегося текста на прежней высоте" (Алексеев, 1986: 88).

Таким образом, даже современная заговорно-заклинательная традиция сохраняет некоторые отголоски седой старины, свидетельствующие, как минимум, о наличии речитативно-мелодических форм заклинаний в магико-мистической практике наших предков. Дополнительным косвенным аргументом здесь может быть особенность звучания некоторых календарных обрядово-ритуальных текстов, исполняемых группами "выходцев с того света" (колядников, волочбников и пр.), где также отмечается речитативно-песенное исполнение.

Высказываемые предположения можно подтвердить, пожалуй, еще одной характеристикой значительной группы устных текстов. Типичные заговорно-заклинательные тексты устной традиции организованы таким образом, что в них чередуются устойчивые формулы и части, допускающие значительное варьирование и импровизирование. На различные возможности конкретных частей заговора в отношении варьирования и импровизирования обычно обращают внимание при передаче (Харитонова, 1993, 97). Аналогичный принцип построения и воспроизведения свойственен объемным эпическим произведениям, в первую очередь песенным (ср с былинами - Ухов, 1970; Гацук, 1971; Чистов, 1986, а также с тюркским эпосом и текстами шаманских камланий). Судя по всему, текстообразовательная сторона заговоров косвенно свидетельствует в пользу их развития из форм, схожих с песенно-эпическими.

Информаторы очень хорошо чувствуют принципы воспроизведения текстов и при передаче своей практики обязательно инструктируют преемников, обращая внимание на допустимость видоизменений определенных частей заговоров во время заклинательных действий.

Кстати, изучение практического использования заговорно-заклинательного материала вызывает сомнения в правильности выводов.

сделанных на основе анализа вербального компонента традиции: "Повторы, рифмовки и перечисления связывают текст закливания в единое целое, из которого нельзя опустить ни одного слова, нельзя ничего изменить или переставить, и потому в конце текст "запирается на замок", чтобы слова в нем дошли до цели и в том же порядке, в каком были произнесены..." (Головачева, 1993: 202-203). В качестве примеров (с 202) А.В.Головачева приводит именно те части текста, которые при передаче информаторы оговаривают как импровизационно-вариационные, сами же в процессе работы достаточно свободно варьируют их, по меньшей мере. Отметим, что мнение автора статьи вполне созвучно давно установившемуся убеждению исследователей в отношении отсутствия импровизации в заговорах (Стахова, 1966: 68).

Вот один из примеров заговора, где даже без специальных инструкций хорошо видно, как чередуются относительно устойчивые формулы и части, допускающие значительные видоизменения:

"Во имя Отца и Сына и Святого Духа
Аминь на аминь
Господь небеса становил на камени,
Господь землю утвердил, -
Утверди, Господи, молитву мою
.....
Стану я, раба Божия (имя рек) благословясь,
пойду, перекрестясь,
из дверей во двери,
из ворот в ворота,
    под красное солнце,
    под светел месяц,
    под частые звезды,
    под утреннюю зарю
    и под вечернюю,
    подо всю утварь божию.
Навстречу мне восемь братьев - восемь ветров,
девятый брат - витной вихорь.
Я емя, раба Божия, покорюся,
я ему помолюся,
до сырой земли поклонюся:
"Гой-еси вы, восемь братьев, восемь ветров,
девятый брат - витной вихорь!
Куда вы попли, куда полетели?"
"Полетели мы качати леса,
    колыбати моря,
    черны грязи высунати."
Я емя, раба Божия (имя рек), помолюся,

к сердцу бы прижимат.
И как эта рыба не может жить-быть без воды без проточной.
так бы и он, раб Божий (имя рек) не мог жить без меня
без рабы Божей (имя рек).

.....
Будьте, мои слова, крепки и липки,
крепче камня-булату:
переговорены - недоговорены -
все сплошн.
Аминь. Аминь. Аминь.

.....
Запираю я эти слова на три замка,
замок - в море,
ключ - в небо.
И кто может отпереть эти замки?
Никто не может кита-рыбы изымать,
бел Латырь-камень зубами достать,
так и мои замки никто не может отпереть.
Аминь. Аминь. Аминь.

(Ф.А.И.У., N 146; разбивка текста В.А.) (2)

Стоит обратить внимание на то, что среди заговорных текстов, в том числе имеющих отношение в содержательном плане к "мифологии второй волны", очень много образцов с элементами сюжетной организации, текстов-описаний ситуаций. Они не рассчитаны на особые видоизменения в процессе работы, хотя непреднамеренное варьирование и в них вполне реально:

"(Болезнь скотины)
Лек я, раб Божей, благословесь,
и встал благословесь
и попоп благословесь и перекрестесь
и вышел из дверей дверьми
и из ворот воротами
и вышел в чистое поле.
И в чистом поле,
в широком раздолы
стану к западу хрепгом,
ко востоку лицом
и помолюсе под восточную сторону
Ис-под восточной стороны
летит подвосточная звезда,
пала звезда на чистое поле
на белый каминь
и коле звезда

белой каминь
на цитыри пясти.
Из этого камня
выходит красная девица,
и хитра и мудра,
и выносит свой притытой отстрильцятый капиновой лук
и вкладывает капиновы стрелы
и стрелят
и отстреливат
и все и думы
и прици
и при зоры
и все витряные перестрелы
и ветряные переломы.
стреляе в рот, а вылетает жоной.
и выгоняе с лутра
и с серцы
и с легка
и с цепени.
ис-пот кожа
ис-пот шерсти
И клюць, клюць каминь моим словам,
отпыне довеку,
аминь повеку"

(Манси́кка, 1926; 229-220; разбивка текста В.Х.)

Предложенный образец текста устной традиции, скорее всего, был переписан из тетради, куда его мог записать даже профессиональный заклинатель. Любая запись — искусственная ситуация, заставляющая искажать текст. Однако этот образец трансформирован, судя по сохраняющейся ритмико-метрической основе, не очень значительно. Впрочем, заговор демонстрирует некоторые нарушения уже в инициальной формуле описания перехода в "иномирье": тем более видоизменения разного рода реальны в различных перечнях. Этот текст, утративший свое изящество либо в процессе переписки, либо в результате воспроизведения "непосвященным", не чувствующим ритмико-метрической основы заклинания, отражает и в иных своих частях естественные искажения, возникающие в процессе бытования в маргинальной заклинательной практике или при письменном хранении (то и другое может сочетаться)

Следующий пример - устное заклинание с хорошо воспроизведенной ритмико-метрической основой текста. Такие заклинания бывают насыщены различными перечнями, повторами - тем, что помогает психозенергетической работе оператора: знахаря, ведуна, колдуна. Однако при всем том сама логика текста, как ни странно, может искажаться - в повествовательной части возникают нарушения разного рода. Для "посвященных" это не только естественно, но и оправдано: наиважнейшим для них являются ритмо-метрические основы.

"Стану я, раб Божий, благословясь,
пойду перекрестясь,
из избы дверьми,
из двора воротами,
во чисто поле
путем дорогою,
по край сипя моря
В сипем море
    есть святой Божий остров;
на свягом Божьем острове
    святая Божья церковь;
в той святой Божьей церкви
    есть престол Господень,
на том престоле Господне
    есть священномученик Христов Аггипа,
    исцелитель зубной,
и беззребренники Христовы
    Козьма и Дамиан.
"Исцели мене скорбь
и болезнь зубную
и грыжу белую".
И речет священномученик Христов Аггипа.
"Есть в той Божьей церкви
    Адамово тело,
не слышит Адамово тело
    звону колокольцева,
    пения церковнаго,
в белом теле ходячей грыжи."
И отвечает мертвое тело Адамово:
"Я не слышу звону колокольцева,
    пения церковнаго,
в белом теле ходячей грыжи,
    гильной,
    жильной.

цуповой.
суставной.
стаповой.
подкожной.
ушной,
глазной,
зубной"

Так же раб Божий (имя рек) не слышал бы в себе
в белом теле ходячей грыжи.

отныне и до века,
век по веку веков. Аминь"

(Майков, 1994; 54-123; разбивка текста В.Х.)

Анализируя тексты с сюжетно-повествовательным началом, можно предположить, что они являются произведениями того периода (3), когда традиция в некоторой степени видоизменилась и широко распространилась среди "непосвященных" благодаря настойчивому административно-церковному стремлению к уничтожению магико-мистической практики и постоянному вынужденному обращению к ней при этом самого широкого круга населения, которое было лишено иной медицинской и прочей магико-мистической помощи. И, действительно, абсолютное большинство таких заклинаний представляет собой некий конгломерат повествовательных элементов с частями текстов, где отражены попытки реального воздействия. Не исключено, что некоторые из них составлялись знатоками вербальной стороны заговорно-заклинательной практики, которые при этом не были "посвященными" - обладателями суперсенситивных и экстрасенсорных свойств.

Обращают на себя внимание некоторые описания, схожие с видениями - а этнографам известно, что "волшебное знание давалось видением" (Елеонская, 1917: 11), - которые случаются у "посвящаемых". Например, предыдущий заговор от грыжи описывает картину, схожую с такими видениями. Приведу отрывок из интервью с русским колдуном, пытавшимся постичь суть шаманских путешествий в нижний мир. Это описание, как мне кажется, будет более показательным потому, что шаманское путешествие в данном случае стимулировалось одной из преемниц методики д-ра М.Харнера, усвоившего и пропагандирующего шаманские техники индейцев, следовательно, в самой исходной

системе никак не могло быть заложено знание о христианской традиции. Скорее всего, видение порождено бессознательным:

"Я спустился в нижний мир (4). Меня там опять встретит медведь, медведь доведет меня до моря. В море я зацепился за акулу, куда-то она меня повезла. Привезла она меня на какой-то остров. Как я видел - залитый ярким светом, краски вообще необыкновенные. Там настолько видно все! - просто душа радуется. После чего я вылез - и передо мной просто пещера. Подошел к пещере, прекрасно вижу, что там двое, по всей видимости, монахов - с кашпопчиками. Причем не видно ни лиц, ничего. Чувствуется, я видел - один подошел сюда, почти к самому выходу и из этой темноты просунул руку. На руку я ему положил вот эту шкатулку, которая у меня была. Рука задвинулась обратно. Ну и там в полумраке видно по всей видимости, какой-то жертвенник или алтарь какой-то, посередине находится, на стенке горит луна - типа банки какой-то, какая-то емкость, может быть, масло - я не знаю, что это такое. Горит вот этот костерчик, огонь небольшой. В принципе так полумрак, еле-еле он освещает что-то.

Кладут они на жертвенник вот эту шкатулку и причем четкие молитвы прут! Но не христианские, а прям заговоры! Я прям чувствую - там же эхо еще - прямо по ушам! Я был так удивлен! Как будто, действительно, в какой-то реальности происходит. И вот что-то ду-ду-ду-ду, ду-ду-ду. Ну, выйдешь, конечно, уже пусто в башке. А там - настолько было удивительно: все слова четко, разборчиво, там нет бубнежек, там, действительно, как пение идет, вот они что-то поют, поют монахи, ходят по кругу... На алтаре - алтарь начинает гореть сначала красным светом, потом красный переходит в оранжевый, потом переходит потихонечку в желтый и дальше переходит в белый. Потом резко пропадает свет, то есть, он вообще перестает гореть. И после этого ко мне выдвигается рука с этой шкатулкой, я ее просто беру и иду обратно" (*Архив автора. Зап. от Сафмуфа А.А. в марте и апреле 1997 г., Москва*).

Подобное сходство с известной долей осторожности позволяет предположить, что некоторая часть текстов с сюжетно-повествовательными элементами могла быть создана "посвященными" в процессе работы в ИСС или в результате видений в ИСС. Разумеется, это относится не только к повествованиям с религиозной тематикой. Такие описания "путешествий в иномирье" могут быть связаны с совсем иными семиотическими единицами, например:

"Встану я, раб Божий (имя рек) благославясь
и пойду перекрестясь в чистое поле
под красное солнце,
под млад светел месяц,
под частая звезды,
мимо Волотовы кости могила.

Как Волотовы кости ни трошнут,

не гнутся,
 не ломаются,
 так бы у меня, раба Божия (имя рек),
 ...фире не гнулся, не ломился против женския плоти
 и хоти и против памятных кости.
 И возьму яз, раб Божий (имя рек), свой черленой вяз
 и пойду я в чистое поле,
 ажю идет в чистом поле встречу бык третьяк,
 заломя голову, смотрится на небесную высоту,
     на луну и на колесницу.
 И подойду яз, раб Божий (имя рек), с своим черленным вязом
 и ударю яз быка третьяка по рогу своим черленным вязом,
 и как тот рог ни гнется, ни ломится от моего вязу,
 так бы и у меня, раба Божия (имя рек),
 ...фире не гнулся, не ломился против женския плоти
 и хоти и против памятных кости
 отныне и довеку"
 (Майков, 1995: 56 20; текст искажен; приблизительная разбивка В.Х.)

Если, действительно, тексты с сюжетно-повествовательными элементами возникали как результат ИСС-видений, то сам принцип их создания заставляет предположить, что такой тип заклинаний мог продолжать традицию древней практики шаманствующих - волхвов (?), кудесников. Сложно представить, каким образом профессионалы использовали подобные тексты, но редкие образцы реальной работы с обращением к аффективно-медитативной технике погружения в ИСС наталкивают на мысль о существовании заговорно-заклинательного акта, структурно близкого шаманским камланиям. Общность глубинной структуры магико-мистических действий различного характера диктуется их основной задачей контакта с иномирным проявлением и техникой, позволяющей эту задачу выполнять. В данном случае трудно согласиться с мнением Е.С Новик: «Но если психотехника шаманского экстаза, весьма слабо изученная, и могла бы объяснить нам какие-то механизмы овладения приемами камлания и способы, какими шаманы приводили себя в определенные состояния, то вряд ли с ее же помощью удастся найти причину, почему все камлания строились по одинаковому канону» (Новик, 1984: 23)

Интересно, что в некоторых действиях, которые удалось мне наблюдать (иногда участвуя в них в качестве пациентки/клиентки или ученицы), заклинатели предпринимали по несколько попыток

перехода и углубления в ИСС (*Харитонова, 1993; 1993а*) как это обычно делают шаманы в процессе своего путешествия. При этом "посвященные" контролировали свое состояние и состояние перципиента. Думается, что это сходство не типологического, а генетического характера, заложенное в природе человеческой психики.

Если предположить, что в заговорно-заклинательной традиции периода образования древнерусской государственности имели место объемные ритмо-мелодические заклинания (возможно, используемые и в процессе исцеления), то возникает вопрос, который волновал очень многих исследователей фольклора когда и на основе чего могли сформироваться такие заклинания? Как известно из истории науки, на него было множество ответов

Обратим внимание, что в данном случае речь идет именно о «заклинаниях», которые требуют речитативного и/ли мелодического исполнения, в отличие от «заговора», который, как подсказывает сама словоформа, надо проговаривать, говорить, шептать (ср. «шептать»).

В научных исследованиях чаще всего фигурирует довольно простое пояснение отвечающее на вопрос "каким образом" сформировались те или иные заклинания, в то время как на вопрос "когда?" представляются весьма уклончивые ответы, что естественно.

Исследователи заговорно-заклинательной поэзии значительно расходились в датировке возникновения и характеристиках изначального корпуса текстов. Можно указать следующие позиции как основные: а) мифологи и младомифологи относили заклинания к древнейшей эпической поэзии: Ф.И. Буслаев, например, указывает, что заговоры "...стоят в теснейшей связи с первобытной эпической поэзией, входят в древнейший эпический миф как отдельные эпизоды" (*Буслаев, 1861, 251*);

А.Н. Афанасьев связывает заговоры с основным мифом и считает их молитвами, обращенными к языческим божествам (*Афанасьев, 1851а; 97*);

б) О.Ф. Миллер предпочел видеть в заклинаниях более древнюю поэзию, чем сама сформировавшаяся мифология, и не считал заклинательные песнопения молитвами, полагая, что молитвы возникли в собственно мифологическую эру (*Миллер, 1866*);

в) А.Н.Веселовский, противореча большинству разнородных оценок заговорно-заклинательной поэзии, высказал в своих трудах (*Веселовский, 1881*) любопытное предположение о том, что основная масса заклинаний возникла на волне нового мифотворчества в период средневековья, который был новым этапом активного развития фольклора под влиянием книжной традиции.

г) В Мансikka предложил теорию (которую абсолютное большинство исследователей сочли просто абсурдной) о происхождении заклинаний из письменных источников (*Manisikka, 1909*).

Остановимся на этом весьма разнородном перечне мнений, из которого можно сделать только один абсолютное достоверный вывод - вывод о невозможности, по крайней мере для науки XIX столетия, решить столь туманный вопрос об истоках и генезисе восточнославянских заклинаний за давностью возникновения материала и отсутствием свидетельств о его бытовании и о нем самом. Однако к сказанному выше можно добавить некие рассуждения, которые в принципе примирят некоторые точки зрения, за исключением последней в работах В.Мансikka игнорируются основы исследуемого материала - автор не учитывает законов бытования устной традиции, к которой в большинстве своем принадлежат заговорно-заклинательные тексты (5).

Итак, в XIX веке были предложены три оторванные точки развития заговорно-заклинательной практики и поэзии: домифологический период - раннемифологическая стадия творчества - время вторичного мифотворчества. О этих первых датировках говорить крайне сложно. Если пользоваться некими аналогиями, типологическим сопоставлением, то можно присоединиться как к одной, так и к другой поэзии, правда, во-первых, имея в виду не ту конкретику, о которой рассуждают их авторы, а во-вторых, учитывая различный материал, имеющий место в рамках магико-мистической практики.

Однако попробуем вернуться к этому вопросу позже а сейчас обратимся к теории А.Н.Веселовского о порождении заговорно-заклинательной практики вторичным мифотворчеством. Основные собрания заговорно-заклинательной поэзии, появившиеся в XIX веке, были составлены в большинстве своем из довольно

объемных текстов, изобилующих христианскими элементами. Более того, в них присутствовало много образцов текстов письменного хранения. И, конечно же, эти собрания не очень точно отражали реальное состояние, специфику заговорно-заклинательной практики в силу ее эзотеризма. Все это способствовало выводам о христианско-мифологической концепции, отобразившейся в заговорно-заклинательной традиции. Отсюда вполне естественно заключение о формировании основного корпуса текстов в рамках христианского мировоззрения. Ничего другого и нельзя было предположить в создавшейся ситуации, тем более что немногочисленные сведения о колдунах и колдовстве из сыскных дел не могли даже идти в сравнение с тем избытком материала с ярко выраженной христианской тенденцией, который предлагали сборники.

Исключением является "Сборник малороссийских заклинаний" П.С.Ефименко, где преобладали малые формы заговорно-заклинательной поэзии, однако, не в силу ориентации автора на фиксацию именно таковых, а по причине абсолютного преобладания их в украинской традиции.

Основные издания этого периода: Майков Л.П. Великорусские заклинания; Иващенко П.С. Шейганья; Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии...; Добровольский В.П. Смоленский этнографический сборник; Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края...; Романов Е.Р. Белорусский сборник; Гринченко Б. Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Библиография; Сумцов Н.Ф. Заговоры.

Эти собрания, как и любые другие публикации заговорно-заклинательных образцов, отражают состояние периферии заклинительной практики, о чем уже говорилось ранее. В силу эзотеризма **знания**, сведения о его настоящем бытовании и о нем самом получить крайне сложно. Любые записи самых опытных собирателей в массе своей представляют набор сведений от неспециалистов (даже если они "практикуют" среди своего окружения) или практикующих «неносвященных». Весьма показательны искажения даже широкоизвестных сведений при такой передаче. Один из ярчайших примеров был зафиксирован П.П.Богатыревым: "Средство заставить вспомнить о себе человека, находящегося в отъезде. Сказал Мих. Мих. Щеголихин. Подать поминание с именем этого человека "За упокою" и поставить свечку фитильем вниз" (*Богатырев, 1993; 233*). Приведенный пример - широко известное средство "порчи на смерть". Оно очень популярно до наших дней. Если даже в простых сведениях о магических действиях представлены такие искажения, то что же говорить о сложнейших явлениях работы в ИСС?

Попробуем, не учитывая пока образцы из сыскных дел, прокомментировать записи, имеющиеся в основных собраниях. Совершенно очевидно, что среди опубликованных есть тексты устные - их отличают, как правило, небольшой объем, ритмометрические особенности, подсказывающие специфику проговаривания, позволяющие распознать за строчко написанным образцом его стиховой рисунок:

"Стану, благославясь,
пойду, перекрестясь, -
из избы дверьми,
из ворот воротами,
в чисто поле,
в восточну сторону
В восточной стороне
    есть Черно море,
в черном море
    есть серой зверь,
Я этому зверю
    помолюсь и поклонюсь.

"Голой зверь, рысь,
побежи в чисто поле,
из моей скотинки
вынимай ноктища,
    из туши в кожу,
    из кожи в шею,
    из шеи в голову -
        спрыском вон.

Милая скотинка,
перетью стрясывай,
зубом скуеывай"

(Заговоры, 1909; 4; разбивка текста В.Х.) (6).

"Ключ, как пособить лицам от порчи. Возьми соли да свищу в правую руку, а в левую ручницу (*тищаль*, - В.Х.), да, пришед к реке, назови именем, да почертни воды вишь, да выреки к сухому шню, да молви так:

как сухому шню отроду не будет,
так бы не было моей ручницы помни
    от пятисот порче
    за тридевяь насаженных порчей,
    да тридевяь на сто насильных порчей,
    да тридевяь на сто пагонных порчей.

Не я отхожу,
не я отсылаю,

не я отговариваю,
отговаривая,
и отхаживает,
и отговаривает
от меня и от моей ручницы
святая Соломея
повелением Пресвятыя Богородицы"
(Зембицкий, 1907; 3 4; разбивка текста В.Х.).

Значительное число текстов представлены такими образцами, которые вряд ли могут функционировать в собственно устной традиции. Это, во-первых, очень сильно искаженные заговоры устной традиции, попавшие в сферу письменного хранения и приобретшие соответствующие изменения:

"На птичью стрельбу.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Стану я, раб Божий (имя рек), благословясь, пойду перекрестясь, Господу Богу помолюсь, пойду из избы дверьми, из двора ворогами, в чистое поле, на тихия заводи и в темные леса стрелять всякия полетучия птицы, как я усмотрю, раб Божий, на тех тихих заводах полетучих птиц, гвса и лебеда, и журавлей, и серых утиц, а в лесу чухарей, пеструх, марьюх, косачей, куроштей, какую седачую и полетущую птицу глаз мой завидит, и ухо слышит на земли, и на воды, и на дереве седачую, - и та птица сиди до моего пострелу на одном месте, не соходи и не солетай прочь из цели моей и со меня, раба Божия (имя рек), а у моей пристрастной пицали и гладкой дробовки. Помолюсь я, раб Божий (имя рек), Михаилу Архангелу: "Троизный воевода, Михаил архангел, архистратиг Господень, укрепи ты сердце и у всякой полетучей птицы, чтобы она меня, стрельца, не видела и не обзревала бы меня и с моей стрельчею пицалью и со всем снарядом пицальным, и ясных очей стрельцовых не видела бы. Как мертвый мертвец с места и на место не переходит и на место с места не движется, так бы всякая птица не убоялася меня раба Божия (имя рек) скорострельной пицали; и как глаз мой птицу завидит, - и не отходи, не отлетай прочь из цели моей; и как очи мои, от меня, раба божия, прочь не отходят и не отлетают, так бы и ты, всякая птица, не отходила и не отлетала от меня, раба божия, (имя рек), и гласа моего, пицального голку, и ныне и присно, во веки веков, аминь". И тех моих слов не отомкнуть, не отгадать и никакому человеку, ни ведуну, ни ведуньи, ни колдуну, ни колдуньи, ни стару, ни младу, ни малу, ни велику. Аминь" (*Ефименко, II, 1878; 183*).

Во-вторых, это тексты, существующие только в варианте письменного хранения, тексты-обереги, своеобразные заместители амулетов:

"Во имя Отца нашего І Христа аминь.

Заклинаю вас, чаровнице, чаровники, мощо Тройци Пренайсвятейшкїи: заклинаю вас през крест и муку збавителя моего Исуса Христа +, которую поднял на древе креста святого + для збавления нашего; заклинаю вас през путь кривавый, который мел в огродку, моолячися за нас Богу отцу Небесному для избавления нашего; заклинаю вас през округную рану +, которую копием прободенно збавителю нашему, на кресте висящему +, заклинаю вас + мощо раны Его пренайсвятейшей в раменах на три пальце глубокой и трох выставляющихся костей от тяжкаго ношения Креста святого; заклинаю вас през бичовання Ісуса Христа терновою короною и кров Его пренайсвятейшую, смерть горкую +, которую поднял для збавления нашего; заклинаю вас през болезни пренайсвятейшей +, которая мела през тяжкій Матки Пренайсвятейшей смуток, котрий мала, гди тело пренайсвятейшее с креста знято през святое оувеселение Матки пренайсвятейшей; заклинаю вас през святых херувимов и серафимов, которые волают: свят, свят, свят Господь саваоф, исполн небо и земля хвалы Его, збав нас, котрий ест на небесех, отжени от нас всякое шатансткіе злости; заклинаю вас през молитвы святейших Патріархов, през заслуги святых пророков, през причину святых Апостолов, през мученіе святых мучеников, през веру святых визанцов, през святость святых паніень, през молитвы всех святых, котрии... от и заслуги их +, шатани проклятии и тебе старший Люципере, который маеш моц над всеми шатанами в пекле, абысь розказал всем шатаном подвластим в пекте тим недопомогати чаровати чаровникам и чаровницам; а гдиби инакшей било в помаганню чаровати, + поприсягаю вас на суд страшный през судию страшиваго, абы есте ся не важили прешкоди чинити, Котрий вам пекло звоевал и отец святых вивел з отхлане пекельных на свое святое з мертвых Воскресеніе. Под тоєю страшною присягою и титулом его страшнаго суду, абы есте ся не важили перешкрди чинити на здоровю моем и тим всем, котріе мешкают в дому моем, + або в котром я застаю и гостицу отправуют, и тим, котрии ся печатают знаменем креста святого +, под тою теды важною присягою абы есте ся не важили в дому, в коморе, в гумнах, в оборях, в стодолах, в пасаках, в садах, лонках, полях в ставах, в сажавках, в горшку горельчаном, в горельце, в пиве, во вшеляких трунках и в убузтве моем, котрое от Господа Бога маю позиченую, шкодити не могут; тое приказую мощцо Бога всемогущего.

Ото + Креста Господня + одбегайте страши противнии. Кресте Господень Сохрани мя +. Кресте Господень Спаси мя.

Буди имя Господне благословенно отныне и до века.

Да будет хвално имя Ісуса Христа и святія матере его Девы Марии Аминь»

(Антонович, 1890; 72-73 2); (7).

Наш метод исследования предполагает в первую очередь работу с текстами живой устной традиции. Следовательно, обратимся к тем образцам, которые могут быть отнесены более или менее точно к сфере устного бытования.

Изучением книжно-письменной традиции занималась Е.Н.Елеонская (*Елеонская, 1917*). Она (к сожалению, не разграничивая специально книжно-письменный материал и устные тексты, попавшие в письменную традицию) отметила, в частности, такие важные моменты: "Письменный заговор был не менее устного хорошо известен в XVII в. людям различных слоев общества, и его боялись настолько, что всякий исписанный клочок бумаги - а тем более письмо, тетрадь, являлись поводом к обвинению человека в волшебстве"; "Написанный заговор зашивали в шапку, носили на себе" (с. 15); "Написанный заговор продавали" (с. 17); "еретические письма", подобно устному заговору, распространялись среди самого разнообразного общества. "; "Из судебных бумаг можно видеть и то, что в некоторых случаях устный заговор ложился в основу письменного" (с. 16); письменный "по сравнению с устным заговором отличается сложностью и носит явные следы обработки и книжного влияния, переписывания внесли ошибки и искажения, которые и не исправлялись, как вследствие непонимания, так и вследствие веры в непогрешимость написанного", с. 19).

Тексты устной традиции отличаются особым стиховым раскладом, который навязывает специфические ритмо-интонационные основы проговаривания - не случайно в простонародной традиции заговорно-заклинательные тексты называли "стих", в то время как в книжно-письменной практике они именовались "заговорец", "уговор", "статья" (*Елеонская, 1917; 19*). Учитывая изложенное выше, можно повторить, что эта особенность - свидетельство речитативно-мелодических возможностей таких заклинаний.

Нельзя исключить, что волна вторичного мифологизма могла вдохнуть новую жизнь именно в тот вариант заклинательной деятельности, который более всего подвергался гонениям в момент активной борьбы с языческим культом: вполне возможно, что основы заговорно-заклинательной практики, сохраняющиеся в специфическом виде элементы аффективной техники перехода в ИСС, были приспособлены "посвященными" к новой реальности. В действительности это выглядело как усложнение религиозной ориентации внутри заговорно-заклинательной деятельности. Процессы, происходившие в заговорно-заклинательной и шаманской практиках последнего столетия, прекрасно подтверждают реальность таких перемен.

Изменения затронули как основной заговорно-заклинательный текст, так и целостный контекст заклинательного действия. В среде "посвященных" такие перемены, очевидно, происходили очень медленно, при установке на магическую сущность

деятельности пойти на трансформации текстов с подменой образов и деталей в них было бы сложно. Иное дело - "маргинальная практика", где за знание принимается получение любых текстов (под видом "магических") и сведений о том, как их можно использовать. В таких ситуациях, как известно, преимущество имеют как раз сторонние сведения; вспомним, что наиболее сильными колдунами и магами всегда считались "чужие" - выходцы из соседних либо отдаленных регионов, а также те, кто имел отношение, хотя бы косвенное, к "потустороннему" миру: магические проявления связаны в первую очередь с тем, что находится вне своего пространства (Щепанская, 1986а; 1996).

Установка на то, что чужое обладает большей силой, а также официальный статус христианской религии (государственной), активная борьба с остатками язычества должны были привести как к быстрому распространению новых текстов книжного и устного происхождения, так и к известным трансформациям в уже бытовавших заклипаниях.

Трансформации целостного заговорно-заклинательного действия, по всей вероятности, также по-разному осуществлялись в кругу "посвященных" и тех, кто использовал сведения о магико-мистической практике и заговорно-заклинательной традиции, не имея на то оснований. В среде "непосвященных" скорее всего сразу же начали функционировать новые "волшебные" тексты как самостоятельные единицы, иногда сопровождаемые некими действиями, свидетельствующими об обращении к Богу (современная практика это хорошо иллюстрирует). Позже тексты могли дополнительно обогатиться начальными молитвенными вступлениями и концовками.

В среде "посвященных", если, действительно, верно допущение о существовании некой традиции, идущей от шаманствующих жрецов, картина должна была быть иной. Древние действия шаманствующих, как и абсолютное большинство самых разных магико-мистических и мистико-магических действий, должны были включать три основных этапа: подготовку к главному действию, само действие и завершение его. Аффективный тип техники перехода в ИСС было бы сложно осуществить по-иному. Поэтому то, что филологи именуют структурой или композицией заговора, а

этнографы, естественно, видят за этим заклинательное действие, включающее вербальные тексты, было исходно заложено в "вертимых плясаниях" шаманствующих.

О композиции заговора - *Зелинский, 1897; 37; Чернов, 1965; Савушкина, 1971, 74; Дикки, 1987; 107-112*. Обратим внимание на то, что фольклористы обычно анализируют как "заговорный текст" всю вербальную часть заговорно-заклинательного акта, которую удалось зафиксировать. "Основной текст заговора, содержащий импликацию, обрамлен стандартным зачином и коповкой, представляющими собой запись программы соответствующего ритуала. Непосредственная соотнесенность с ритуалом выделяет заговоры из других текстов, содержащих мифологические элементы, и позволяет считать их (для определенной эпохи) специфически шаманскими" (*Иванов..., 1963; 150*).

Длительное сохранение языческой традиции и преобладание северо-языческого мировосприятия до сего дня привело к тому, что в заговорно-заклинательных действиях даже в настоящее время для христианского Бога (эта роль отводится обычно Богочеловеку Иисусу Христу, но никак не Абсолюту, с чем связана традиция "прямых слов" у "посвященных") отводится разрешительно-благославляющая и охранительная роль. Потому именно подготовка и завершение заговорно-заклинательного акта выполняются с преобладанием собственно религиозных (в варианте "народного православия") черт: испрашивание благословения, молитвенное вступление, освящение места действия и т.д. в первой части; благодарственная молитва или дополнительное испрашивание благословения, зааминивание, очищение пациента с помощью церковных атрибутов и т.п. - в третьей. В основной же части используются различные тексты, которые, кстати, от случая к случаю могут меняться.

Стоит отметить, что, например, рукописные собрания XVII столетия содержали разнородный материал, свидетельствующий о довольно поверхностном проникновении христианского мировоззрения в языческую заклинательную практику. Один из таких сборников, представленный И.И.Срезневским в "Описании рукописей и книг, собранных для Императорской Академии Наук в Олонецком крае", проанализирован Е.П.Елеонской (*Елеонская, 1917; 24-39*). В нем представлены 1)маленькие тексты, лишённые полностью христианских элементов, 2)тексты, которые "не имеют ни молитвенных начал, ни обращений к святым, но словосочетания раб Божий и заключения аминь в них все же встречаются" (с.35), а также 3)в некоторой степени христианизованные образцы заклинательного процесса, где молитвенные обращения "имеют сходство со вступительными

словами, встречающимися вообще в старинных рукописях. Окончания молитвенные реже, обыкновенно в конце ставится слово а р и н е, что значит аминь, изображенный габарациной" (с.34).

Создается впечатление, что в "народном православии" восточных славян есть понятие о христианском Боге - "Господе" (обычно отождествляемом с Иисусом Христом) - как высшей инстанции, с дозволения которой все и происходит в этом мире, есть в памяти заклинателей целый ряд христианских персонажей различных рангов, какие оказались легко зачисляемыми в разряд «духов», с коими можно контактировать, как с духами языческими. Однако некоторые из них могут становиться заместителями Бога (часто таким святым оказывается Николай Угодник - *Успенский*, 1988 - как и в шаманизме, где он занял одно из самых почетных мест) при апелляции к ним за общим разрешением на заклинание, либо же понятие Бога оказывается видоизмененным и сниженным до понятия духа, обычного ирреального существа.

Кстати, подобное может свидетельствовать об изначальном разделении ролей божеств и духов в язычестве: возможно, что уже волхвы или кудесники обращались к верховным божествам языческого пантеона, испрашивая у них общее разрешение на отправление ритуала, прося помощи, а далее пытались войти в непосредственный контакт с низшими духами. Если эта гипотеза верна, то тогда замещение персонажей в заклинательном акте, оформившемся после распространения христианства, должно было перейти совершенно естественно на систему: Бог - все остальные персонажи, где дозволяется обращение к Богу только с разрешительно-охранительными просьбами и непосредственная коммуникация с другими персонажами.

Если ситуация со сменой божеств складывалась так, как ее представляет Б.А.Рыбаков: "Противоборствуя с проникавшим на Русь в IX в. христианством, языческое жречество предприняло своеобразную реформу, осуществленную около 980 г. В новом пантеоне вместо архаического монотеистического Рода главной становится Перун, бог грома, войны и покровитель князей" (*Рыбаков*, 1987: 40), - то это вполне реально.

Обратим внимание на то, что основная часть заговорно-заклинательного действия вместе с сохраняемыми в основе своей языческими текстами отражала совсем не христианскую картину

мира. И сама магико-мистическая практика, и заговорно-заклинательная традиция базировались по-прежнему на представлениях о мире, делимом на две (четыре) части: мир живых и мир мертвых, в каждом из которых были территории/миры своих и чужих; все части мира были проницаемы для "тонких" существ - духов, которых также можно было использовать по своему усмотрению в магическом обиходе. При некоторых сложностях с определением реального пространства каждой части мира, человек хорошо знал, что покровительства и магической помощи надо искать у "своих мертвых", а наносить вред можно с помощью "чужих мертвых" и т.д. (Елеонская, 1929; 19-21).

Итак, период начала христианизации не позволяет восстановить хотя бы относительно четкую картину состояния заговорно-заклинательной традиции восточных славян. Время первых крещений и последующего активного внедрения христианской религии в сознание широких масс неизбежно должно было породить наиболее значительные трансформации в этой традиции, что должно было сказаться в самой магико-мистической практике, а - со временем - на основном корпусе активно используемых текстов. Обновление основного корпуса заговорно-заклинательных текстов шло "вследствие самостоятельного воспроизведения мифического процесса на христианской почве" (Веселовский, 1866; 291).

По всей вероятности, широкое распространение заговорно-заклинательных текстов христианизованного вида в народной среде приходится на Новое время, тогда как в период Средневековья, видимо, сосуществовали книжная традиция - "отреченные книги", способствующие переходу в традицию письменного хранения отдельных текстов литературного происхождения, и традиция устная, представленная, судя по документальным упоминаниям волхвов, кудесников, ведунов и пр., остатками древних действий "вертимого плясания", которые, возможно, переродились в иной вид, а также собственно колдовской практикой. Вопросы колдовства и прочих магико-мистических действий в допетровской Руси подробно проанализировал Н.Я.Новомбергский: *Новомбергский, 1906; 1907; 1909; 1909-1911*; см. также: *Антонович, 1877; Есипов, 1878; Мамонov, 1881-1885; Зисев, 1890; Кошторович, 1899 и др.*)

Немногочисленные материалы конца XVII столетия демонстрируют наличие традиции схожей с поздней, почти современной нам. Один из ярких примеров, хорошо освещенных в докладе А.Н.Труворова на заседании Археологического института 15 января 1889 г., опубликованном в "Историческом вестнике", является историческое свидетельство по делу "волхва Дорофейки", обвиненного в соответствии с Уложением царя Алексея Михайловича (1649 г.) и казненного 8 января 1690 г. (сожжен в срубе вместе с "волхвом Федькой").

О Дорофейке известно, что это был нижегородский посадский, который занимался ветеринарией и кровопусканием (коновал и рудомет), а также хиромантией (умел "на руку людей смотреть"), лекарством (умел "внутренние болезни у взрослых и у младенцев узнавать и лечить шептами"). При вопросах Дорофейка показал, что "бобами он разводит и угадывает, а ладаном оберегает на свадьбах женихов и невест от лихих людей - от ведунов, а траву богородицкую даст пить людям от сердечной болезни, без шептов; а рвет де тое траву летом в Рождество Иоанна Претечи с шептами "К чему ты трава годна, к тому будь и годна" (*Труворов 1889: 704*).

Дорофейка, оберегавший свадьбы "от лихих людей - от ведунов", сам должен был по договоренности со стольником Андреем Ильичем Безобразовым заняться весьма несправедным делом - ворожбой на царя Петра Алексеевича и царицу Наталью Кирилловну: наслать на них тоску по стольнику. Насылание/снятие тоски в поздней традиции как раз относится в основном к сфере деятельности ведунов, как и привораживание/отвораживание. Впрочем, не исключено, что к этому времени представления о ведовстве изменились: может быть, ведовство уже воспринималось только как ведьмовство, действия - часто полудантанистического характера - осуществляемые со злыми намерениями.

Но возможно также, что Дорофейка пытается просто противопоставить свои добрые деяния делам "лихих людей", понимая, что по знанию он относится к их числу. Замечу, что поздняя традиция связывает порчу и защиту свадеб и молодоженов с колдунами, но не с ведунами. Есть много материалов, подчеркивающих, что свадьбы подвержены наиболее сильным порчам (см.: *Зиновьев, 1987: NN 285-317*), следовательно, свадебные

обряды требовали вмешательства самых сильных представителей магико-мистической сферы деятельности. Не исключено, что Дороефка именуется волхвом (= колдуном) именно по силе своего знания. Это подтверждает и намерение Дороефки "напустить по ветру, вражески, на великого государя..." (Труворов, 1889; 703).

Волхвами, судя по тому же источнику (Труворов, 1889; 714), назывались, действительно, наиболее сильные в суперсенситивно-экстрасенсорном отношении люди – маги и некоторые колдуны. Например, у Сильвестра Медведева три года жил выходец из Польши волхв Дмитрий Силин, который "смотрел по солнцу" – занимался ясновидческими предсказаниями (кстати, по слухам, он делал достоверные исторические прогнозы, например, предсказал судьбу Василию Голицыну), он же обладал свойством биоинтероскопии (узнавал "в животе болезнь"), регулировал семейные взаимоотношения ("буде меж мужу и жены совету не будет – помогает"), а также лечил ("у младенцев уговаривает грыжи").

Кстати, в тот период главнейшими видами колдовства считались "на следу порча, насылание лиха по ветру и вынимание следа"!

Интересны заклинания, которые использует Дороефка: они разработаны по тем же принципам, что и поздние заговорно-заклинательные тексты, в которых сохраняется хотя бы минимальное повествовательное начало, например:

"Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!

.....
Лягу я перекрестясь,
пойду помолясь,
из избы дверьми,
двором в ворота,
путем дорогою в чистое поле:
в чистом поле стоит дуб,
под дубом золот-стул,
на золоте-стуле сидит девица Маремьяна,
прядет золот кужель,
и где раба ни завидит царя Петра,
следок станет скрадывать,
к сердцу прижимать".

.....
"Прихожу я раб Дороеф,
кланяюсь,
покоряюсь,
опущаю ключи в окиян-море,

чтобы тем ключам по океану-мору не плавать
во веки веком.

Аминь"

(Труворов, 1889; 709 - заклинание, с помощью которого Дорофейка, якобы, собирался "напускать тоску"; разбивка текста В.Х.)

(Снятие зубной боли)

"Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!"

Сотворил, Господи, небо и землю;
создал, Господи, в едино слово.

Уговариваю я щепоту и ломоту,
молюсь я святому Антипию,
Николе чудотворцу;

    пошляю святого Антипия к мертвому:
    как у мертвого зубы не болят, -
    так и у раба (имя рек) ни щепоты,
                                ни ломоты,
                                ни пухоты,
                                ни болезни не было бы

во веки веком.

Аминь"

(Труворов, 1889; 709; разбивка текста В.Х.)

В репертуаре Дорофейки есть и заклинания, где, очевидно, представлена попытка контаминации нескольких формульных текстов и оформления их по принципу заклинательного текста, который мог бы вписаться в привычный трехчастный (см. приведенные выше) заклинательный процесс:

(Остановка крови у лошадей)

"Боже наш, помилуй нас!"

Займует царь займище,
тако займися у коня серова (или каков шерсть) руда.
Летят две вороны через океан-море:
крыльями мах-мах,
раны зев-зев,
руда кап-кап.

Аминь тебе, руда!"

(Труворов, 1889; 709; разбивка текста В.Х.)

Тенденция к описанию похода в ирреальный мир (ср. описания шаманских путешествий в иномирье) в первом заклинании, отправка своего заместителя святого Антипия в потусторонний мир (ср. шаманские задания духам) во втором случае свидетельствуют, по всей вероятности, о традиционном, привычном издревле виде заклинательного процесса, в котором могли отображаться хорошо разработанные странствия "шаманствующего" заклинателя по привычным для восточного славянина "психическим мирам". Конечно же, на основе изложенного невозможно утверждать, что древнерусские волхвы (и/или кудесники ?) осуществляли шаманские камлания, однако сам заклинательный процесс должен был строиться по принципу осуществления контакта с потусторонним миром (и в данном случае - это "психический мир", predeterminedный славянской ментальностью). "Шаманствующие заклинатели" могли отправляться в путешествия по иномирию, порождая при этом тексты-описания "психической реальности", как любые другие одаренные личности, находящиеся в определенных стадиях ИСС (вспомним, что одна из функций шамана в древности - поэт (*Ревуенкова, 1992: 95-98*)); неслучайно также переплетение практики шаманов с практикой эпических певцов (*Грачева, 1983: 140-145; Ревуенкова, 1992: 96; Функ, 1995*) или даже полное совпадение их (*Басилов, 1995*).

Если это предположение верно, то тогда отчасти прав А.Н.Афанасьев, относивший заговоры к наидревнейшим текстам ("Заговоры, эти обломки языческих молений, главным образом произносятся знахарями и знахарками", - *Афанасьев, 1851a: 97*); сюжетные повествования о контактах с потусторонним могли быть небольшими "осколками" заклинательных текстов, звучавших во время волховских действий, которые сами по себе, естественно, базировались на мифологическом мировоззрении древних славян и их видении "психической реальности", что в целом опиралось на глубинное архетипическое знание.

Запреты на "вертимое плясание" и преследования волхвов могли заставить их несколько изменить свою заклинательную деятельность. И дело тут не только в отказе от церемониальных жертвоприношений. Изменение условий привело к смене типа техники погружения в ИСС. Кстати, именно это могло породить

путаницу в наименованиях и оценках представителей магико-мистической сферы деятельности в кругу "непосвященных". Если волхвы и кудесники отказались от "вертимого плясания" и изобрели особую технику заговорно-заклинательного акта (см. современное описание такой техники – Харитонова, 1993), где, фактически, сопряжены аффективный и медитативный пути, то таких "нешаманствующих волхвов" уже сложно стало отличать от колдунов. А если допустить, что они позаимствовали и текстовую программу магико-мистического воздействия у последних (ср. третий пример заклинания Дорофейки), то тем более сложно стало их разграничивать. В такой ситуации волхвы и кудесники действительно "растворились" в ворожействе, ведовстве, колдовстве.

Вопрос о создании особой техники перехода в ИСС в заговорно-заклинательной практике совершенно не разработан. Предварительно можно указать на то, что в рамках православия, где, как известно, существовало и существует довольно много мистических религиозных сект, строящих свое общение со Святым Духом на основе аффективных, экстатических техник, был и иной вариант общения с Божественным началом, созданный и применяемый даже в кругу тех, кого церковь особо почитает. Известно, что помимо постов, уединения – а это само по себе способствовало облегчению вхождения в медитацию – в церковных кругах имели место различные учения об особом использовании молитвенных текстов. Вернемся к практике "умной" (то есть, произносимой «в уме») молитвы исихастов, о чем шла речь в предыдущей главе. Если путь непрерывной «молитвы Иисусовой» и путь «умного делания» были известны христианским мистикам, то не исключено, что они были ведомы и другим экспериментаторам с собственным психофизическим началом.

Трудно сказать, кто у кого позаимствовал технику молитвенной медитации; не исключено, что она в христианскую практику попала уже из магико-мистических древних знаний. Не делая иных предположений, отмечу только одно: в заговорно-заклинательной традиции тип работы с техникой "молитвенной медитации" использует именно молитву для начального этапа погружения в ИСС. Заговорно-заклинательный акт организован таким способом, что как раз его первая, вступительная часть,

создана для того, чтобы можно было достичь одного из этапов ИСС (это скорее всего ощущение перехода границы, возможное видение цветowych пятен, при «прямых словах» – выход в «Сверхзнание», «Свет»); основная же часть – путешествие по "психической Вселенной" – программирует ситуацию и предлагает импульс, сфокусированный в кратком варианте, для магического воздействия. За этим следует выход из медитативного состояния.

Созданный тип техники погружения в ИСС и тексты, разработанные с учетом его особенностей, до сих пор используются, в основном, в ведовской, и, отчасти, в колдовской и знахарской деятельности.

Заложенная в слово "программа погружения в ИСС" требует для глубинного воздействия исконного способа воспроизведения: вспомним пример передачи заклинательного искусства Н.П. Ильиной («Приложения» 1).

В самом же заговорно-заклинательном действе (и в этом дополнительный плюс такой системы) текст может использоваться как вспомогательное средство в нескольких вариантах: шептания (основное воздействие семантического поля оказывается на заклинателя), проговаривания или прошептывания с особым сочетанием дыхания (семантическое воздействие оказывается на подсознание оператора – при крайне редком голосовом звучании и на перцепиента – плюс психофизическое воздействие на оператора), а также мысленного воспроизведения.

Таким образом, на мой взгляд, может интерпретироваться одна из ветвей заговорно-заклинательной практики восточных славян. Но она не исчерпывает полностью имеющийся материал и магико-мистические возможности наших заклинателей.

В исторических документах, связанных с колдовскими процессами разного рода, чаще всего приводятся примеры заклинательных текстов, которые трудно соотносить с волховской традицией. Аналогичные небольшие тексты широко используются и в современной заговорно-заклинательной практике. Примеры таких формульных текстов удивительно просты. Е.Н. Елсонская, исследовавшая сыскные документы, отметила: "Простота приведенных заговорных речений заставляет предполагать, что многие из них составлялись тотчас, как только в них являлась

нужда" (Глебова, 1912а, 613). Подобные образцы приводит И.Е. Забелин по материалам XVII века (Забелин, 1851, 486-487) некая ворожка Манька Козлиха, которой мать "оставила при смерти" свое искусство, умела сливать детский испуг, заговаривать рожу, жабу, "горшки на брюхо наметывала" и т.д., она использовала привораживание мужа к жене, немудрящие приговорки, "какова бы рубашка на теле, таков бы муж до жены был"; а ангину (жабу) заговаривала такими словами "Святой Ангел Хранитель, умири и исцели у (того именем, у кого прилучится) болезнь сию". Еще одна ворожка Феклица рассказала, что она умеет уговаривать грыжу "на громову стрелу да на медвежий коготь - даст пить с того воду", а говорит на воду так "как да си, старой жонке, детей не раживать, так бы у (кого та грыжа) и болезни не было" (Забелин, 1851, 489).

Широкое распространение таких текстов и, главное, простота их порождения могут подсказать упрощенное решение вопроса считать их обычными приговорами, только по мнению «непосвященных» имеющими "магическое" значение и не соотносить с «профессиональной» заговорно-заклинательной практикой вообще. Однако в реальности эти тексты использовали разные специалисты. Сыскные дела пестрят ими. И есть еще одна сложность: такие микротексты часто используются (см. выше, третий текст волхва Дорофейки) целыми группами или вписываются в более объемные образования, стремящиеся к созданию описательно-повествовательной ситуации. Например, в одном из московских сыскных дел 1638 г. приводится вербальный текст любовной ворожбы: "...Как люди смотрятся в зеркало, / так бы муж смотрел на жену, да не насмотрелся; // а мыло сколь борзо смоецца, / столь бы де скоро муж полюбил; // а рубашка, какова на теле была, / столь бы де муж был светел..." (Забелин, 1851, 489; те же примеры: Конторович, 1899, 172-174).

Данный пример, возможно, не очень удачен, поскольку этот перечень мог существовать в контаминированном виде только в самом сыском деле, тогда как каждый сравнительно-сопоставительный оборот мог использоваться как самостоятельный, сопровождающий конкретное действие; например, такие магические слова использовались при купании и одеваши невесты

Проблема текстовых трансформаций в заговорно-заклинательной традиции требует отдельного анализа для практики "посвященных" в устном варианте и сведений, бытовавших в кругу "приобщенных" и лиц, не обладающих **знанием** (непосвященных). Как уже не раз подчеркивалось, современная наука располагает в основном материалом второго типа. Анализ заклинаний живой традиции "посвященных" приведет, естественно, к иным выводам.

Е.Н. Елеонская, обнаружив в записях тексты различной величины и модификации, сделала, на первый взгляд, совершенно закономерный вывод: "Разрастанию словесных формул, сравнений, молитвенных обращений в заговоре содействовало то обстоятельство, что тексты заговоров записывались, причем обряд не всегда записывался вместе с заговором. Вследствие этого обряд забывался, а текст заговорный при переписке пополнялся новыми вставками; иногда близкие по цели заговоры соединялись, как вышеразобранный "на супостата" и "на почет от людей", почему заговорный текст в некоторых случаях достигал значительных размеров. Таков путь, по которому шли вредоносные заговоры второй редакции: начавшись короткой угрожающей заговорной формулой, в связи с определенным действием, они утратили связанный с ними обряд и разрослись в своих словосочетаниях. Что касается до заговоров первой редакции, они настолько крепко были соединены с обрядовым действием, что без него уже не могли иметь значения и вместе с обрядом прекратили свое существование" (Елеонская, 1929; 22).

Впрочем, не будем забывать, что письменная фиксация - дело довольно позднего для истории заговора времени, во-первых; во-вторых, и это подтверждает современная заговорно-заклинательная практика, маленькие тексты никто не фиксирует на бумаге - нет нужды писать то, что само по себе придет в голову в нужной ситуации. Например, вряд ли кому-то приходило в голову записывать и перечитывать в конкретных случаях тексты, типа "Как скоро полотенышко на сосенку навью, / так скоро и дороженьку до дома найду" (говорили, навивая полотенце - которое обычно брали с собой в лес, в него завертывали хлеб - на сосну или другое дерево, с естественной заменой слов). Такие микротексты столь же легко

порождались в ситуации необходимости их произнесения, как и утрачивались

Можно предположить, что небольшие тексты заклинательного характера были распространены, как и тексты объемные, среди "посвященных" и "непосвященных". И, как ни странно это на первый взгляд, в той и другой среде они функционировали по одному принципу, хотя в первом случае этот принцип использовался сознательно, а во втором, судя по всему, мог использоваться (и даже срабатывать!) неосознанно. Для пояснения этой гипотезы надо обратиться к истокам тайного знания. Предварительно обратим внимание на один важный факт: микротексты сравнительно-сопоставительного характера встречаются в том числе в объемных заговорно-заклинательных вербальных образованиях. Интересно, что в случаях использования таких текстов специалистами они осознаются как важнейшая часть заклинательного процесса - "ключ"

В 1647 году по указу Алексея Михайловича шацкий воевода Григорий Хитрово "...женке Агафьице и мужику Терешке, дав отца духовного, велел их причастить святых Божьих тайн, велел их вывести на площадь и, сказав им их вину и богомерзкое дело, велел их на площади в срубе, оболовши соломною сжечь" (*Новомбергский, 1906; 73*).

Это наказание последовало за колдовство, которым занималась Агафьица вместе с сестрой Овдотьницей, а научил ее тому колдовству свекор Овдотьницы Терешка Ивлев, который сознался при допросе под пыткой (его пытали "накрепко" и огнем жгли "нещадно"): "Я учил тому дурну только женку Агафьицу, а иных людей женщин и мужчин такому дурну никого не учил, и сам никого не порчивал, и кил не присаживал, и не встаних не делал, и до смерти никого не уморил...". Агафьица и Овдотьница использовали многие приемы традиционной "черной магии" и, судя по показаниям, их практика была весьма действенна. Во всяком случае с помощью кореньев (?) Агашка, например, извела в течение суток выборного крестьянина Степашку Шахова.

Среди колдовских средств оказался, в частности, "кильный стих" - заговор, с помощью которого "сажали килы" (большие гнойные фурункулы):

"На море окняне,
на острове Буяне
стоит стар дуб крепколист,
на дубу сидит черн ворон,
во рту держит пузырь,
и слетает с дуба на море,
а сам говорит
"Ты пузырь, в воде называйся,
а ты кита у него размажься"

А КЛЮЧ ДЕ ТОМУ СТИХУ.

как та птица воду льет, и сама дуется,
так бы того кита дулася
но всяк день
и по всяк час
от ся приговору"

(Новомберский, 1906; 66-67; разбивка текста В. Х.)

"Ключевые слова" наряду с "кодом" всегда составляют особую тайну у знающих. Именно они передаются только наследнику магико-мистической практики. При простом рассказе о заклинании и даже проговаривании текста "ключ" заговора и "код" выхода на непосредственное действие никогда не будут произноситься или будут проговорены с заведомыми ошибками, что не позволит заговору срабатывать в устах "непосвященного". Все это хорошо знают современные хранители традиции. Одна из известных ведуний, например, поясняла мне смысл "ключевых слов" таким образом: "Ключ" - это то, что никогда менять нельзя, как и "кодовый знак": ты можешь менять сколько угодно начало - молись кому хочешь и как хочешь! ты можешь менять сам текст заговора - но не очень, чтобы смысл не менялся! а вот "ключ" - никогда, ни под каким видом, если ты, конечно, работаешь им.

А просто так его вообще лучше не говорить. И тебе его никто не скажет: это же - передать тебе, а сама как будешь работать?"
(Архив автора. Зап. ноябрь 1997 г. от Н., 1949 г.р., Москва).

Традиционные для фольклористики представления о возможностях варьирования и импровизирования в заговорно-заклинательной поэзии, естественно, демонстрируют совершенно иную ситуацию. Исследователи, рассматривавшие многочисленные материалы "маргинальной" практики "непосвященных" (разумеется, среди них могли встречаться и редкие примеры из практики "посвященных", однако «знающие», если и сообщали тексты, то допускали в них сознательные искажения, чтобы они "не работали" у случайного

человека), приходили к совершенно закономерным "литературоведческим" выводам о традиционности заговора, отмечая только случайные непреднамеренные изменения в нем: "Заговоры, например, совсем не допускали импровизации по существу своему, так как каждое нарушение установленной заговорной формулы могло лишить ее магической силы. Поэтому заговоры обычно передавались путем специального обучения или путем записи. Конечно, и в заговорах встречаются изменения в передаче одних и тех же композиций, сокращения или, наоборот, развертывание их отдельными деталями. Но эти изменения, эта вариативность заговоров проистекала в случае сокращения из-за недостаточно точного усвоения заговорных формул, что влекло за собой выпадение целых частей или некоторых деталей. Разрастание же заговоров, очевидно, связано с сознательной деятельностью лиц, профессионально практиковавших заговоры и заинтересованных в том, чтобы сделать их словесно наиболее выразительными, а следовательно, и более действительными или сообщить им по крайней мере внешнюю видимость действительности. Вряд ли на поздних стадиях развития фольклора можно предполагать такое экстатическое состояние заговаривающего, которое в старые времена могло вызвать и произвольную бессознательную импровизацию во время произнесения заговора" (*Астахова, 1966:68*).

О невозможности передачи «ключей» и «кодов» знает каждый "посвященный". Некоторые из них рискуют передавать полный текст заклинания. Например, Анатолий Маринюк, известный костоправ и ведун, который получил свое знание по наследству от деда, согласившись проговорить заговор и описать процесс снятия порчи, при чтении текста (читал специально вслух) проговаривал и "ключ". Однако он считал необходимым пояснить: "Я еще "ключи" не все сказал. Это - самое главное! Но это Вы нигде не печатайте! Это - только Вам! Там важны все слова и порядок, как их говорить" (*Архив автора; Харитонова, 1995: 167-168*).

"Ключевые слова" - это некая метафорическая или символическая квинтэссенция заклинательного процесса.

На значимость метафоры для воздействия на психическую сферу человека обратили внимание психологи, использующие символ в своей практике, и некоторые антропологи, напр., К.Леви-Стросс: "Самым обычным примером подобной индукции является поэтическая метафора. Но ее обычное современное употребление не позволяет ей выйти из чисто психической сферы. Мы должны тем самым отдать должное интуиции Артура Рембо, сказавшего, что "с помощью метафоры можно изменить мир" (*Леви-Стросс, 1985:180*).

Роль метафоры оказывается столь велика благодаря тому, что видение на начальных стадиях погруженности в ИСС само по себе расплывчато-метафорично, однако далее идет углубление в бессознательное и видение из метафорического все более концентрируется, превращаясь в символическое. Таким образом, к

выказанным сентенциям стоит добавить, что быстрее и проще изменить мир с помощью символа, но не метафоры, хотя то и другое работают, каждый на своем уровне

Без использования «ключей» невозможно ожидать желаемого результата. Знающие употребляют различные "ключи" к заклинательному действию; однако у меня есть редкие, правда, довольно "глухие" сообщения о том, что у конкретного человека может быть единый "ключ", как и свой единый "кодový знак". Это особое слово или короткая фраза в тексте собственно заговора, служащие для прямого выхода в сферу обращения и свершения магического действия: в момент произнесения "кода" заклинатель переходит в такую стадию ИСС, которая позволяет ему соединять реальное с ирреальным, видеть одновременно происходящее в мире вещном и мире образно-символическом. "ключевые слова" дают возможность «материализовать» образно-символическое явление, картину, то есть, совершить основное "магическое" действие. Если используются разные «ключи» (кстати, их никак нельзя путать с "закрепками" в заговоре и обычным "зааминиванием"), то они, как правило, являют собой некие формульные сравнительно-сопоставительные образования (как в случае с "насаживанием кил", см. выше), однофразовые простые сентенции или даже одно-два слова. В основном они сопоставимы с теми микротекстами, которые широко бытуют в традиции как самостоятельные - между прочим, в большинстве своем, в среде "непосвященных" лиц.

В чем же суть "ключевых слов"? Почему у "посвященных" они срабатывают как «магические ключи»? И так ли уж опасна их передача?

Обратим внимание еще раз на то, как организуется вербальная часть заклинательного процесса в практике "посвященных". Во-первых (см. выше), они обычно указывают, что в ходе заклинания можно менять очень основательно вступительную, молитвенную часть; могут допускаться изменения, даже значительные, в основной части заклинания (какой бы она ни была - сюжетно-описательной или императивно-назывной); при этом нельзя ни в коем случае менять "ключ" - не допускаются ни вербальные, ни ритмо-интонационные вариации. Разумеется, это распространяется только на "ключевые слова", но не на

завершающую часть заклинания, где, как и в первой части, возможны самые разные видоизменения.

Важно еще одно: как проговариваются части вербального компонента в ритмо-интонационном и звуковом отношении. Первую часть можно говорить вслух или шептать. Ритмо-метрическая основа здесь, видимо, зависит во многом от привычек, степени освоения навыков и сенсорного развития оператора: кто-то потихоньку проговаривает, стараясь четко сказать все слова; кто-то не терпит длинных вступлений и, сказав одну-две фразы, почти "проглотив" их, начинает работать. Уже упоминавшийся А. Маринок поясняет, что он проговаривает: "Первую молитву - четко, как вбиваю кирпич; когда перешел к общей молитве (*заклинанию*, - В.Х.) - шепотом, речитативом" (*Харитонова, 1995: 166*).

В восточнославянской заговорно-заклинательной практике известны даже такие наименования специалистов как «шептун» и «шептуха». Бабки-шептухи - понятие, широко распространенное в наших селениях до сего дня. Обычно так называют знахарок и некоторых ведуний, которые основной акцент в своей практике делают на использование заговорно-заклинательного текста. Шептали не только знахари, но ведуньи и даже колдуны. Обратим внимание еще раз на то, что шептание - лишь принцип озвучивания текстов. Магико-мистические возможности определяются не научением шептать (вернее, не только научением), но специфическими способностями - **знанием**, данным им от рождения или благоприобретенным разными путями. Это следует не только из известных ныне данных по изучению психоэнергетики и энергоинформатики: в народной среде такие представления были распространены издревле. Один из исследователей заговорно-заклинательной традиции П.С.Иващенко, например, сообщал, опираясь на собственную полевую практику: "Сила и значение шептания этого знахаря, равно как и всех других, зависит, по народному сознанию, не только от приобретенного обычно-правильным путем знахарства и в точности соблюдаемого, но еще и даже главным образом, от индивидуальных особенностей того или другого знающего лица" (*Иващенко, 1878; 317*).

Известно, что собственно заговорно-заклинательные тексты именно шепчутся, иногда с частичными голосовыми всплесками, и это, как правило, речитатив. Сами же "ключевые слова" многими заклинателями даже не прошептываются - чтобы их никто не мог услышать. "Ты же их должна сказать лишь себе и тому, кого

просишь. А шепнешь невзначай - услышит не человек, так еще кто... А их никому нельзя доверять - не то сама потеряешь" (*Архив автора Зап. в июле 1994 г. о. Лициццо Мучканского р-на Тамбовской обл. от № 821*).

Та же вербальная часть, которая последует за "ключом", может произноситься снова громко и четко ("как вбиваю кирпич"), поскольку важно именно "заклясть болячку", тут же можно громко отплевываться, отгоняя нечисть плевками, и дуть на пациента - "выдувать из себя дух Господень на страдальца".

Итак, есть конкретные указания относительно способов проговаривания каждой части вербального текста в заговорно-заклинательном действе. На основе этих сообщений уже можно понять, что в самом заговорно-заклинательном действе отображается так сказать, инвариант процесса выхода в "иномирье" и контакта с запредельным. Но в этой трехчастной структуре особо отмечен некий финал центральной части - момент непосредственного контакта со "сверхъестественным" или (в действенном варианте) момент осуществления собственно магического действия. Таким образом, "ключевые слова" - это та самая кульминация заклинательного процесса, которая и позволяет войти в контакт с иномирьем - неким "Разумным началом", бессознательным, Сверхсознанием, что дает возможность перестраивать мир.

Вопрос о том, кто осуществляет просьбу или приказ, сформулированные в "ключевых словах", вызывает разные толкования. "Непосвященные" обычно рассуждают о Боге и Сатане. "Посвященные", как это ни странно, таких толкований избегают. В большинстве своем они считают, что из заклинательного процесса четко следует: выполнение основной задачи перепоручается тем, кого об этом просят. Просят же в заклинании или перед началом собственно заклинательного текста самых разных существ, в том числе святых помощников, например. Просьбы практически не адресуются Богу или Сатане. У Бога испрашивается позволение на оказание помощи; Сатану могут призывать на помощь, но чаще всего он тоже выступает в роли дозволяющего или способствующего персонажа.

Это не значит, что к высшим персонажам вообще невозможно обращаться. Однако так называемые "прямые просьбы"

или "прямые слова" рискуют использовать даже в критических ситуациях далеко не все «знающие». Считается, что это удел наиболее сильных колдунов. И даже им такое бывает крайне сложно сделать.

"Прямые слова" - это не какой-либо специальный заговор, а особый тип заговорно-заклинательного процесса, вербальный же текст там может быть почти такой же, как и в обычном случае. Однако выход на «Абсолют», как теперь принято говорить, в таком процессе происходит непосредственно в основной части заговора. Это необычайно напряженная работа для колдуна, которая, как правило, кончается в лучшем случае его недомоганием, в худшем - смертью.

"Прямые слова - это то, что в заговоре говорится, они могут быть такие же. Но обращаться надо прямо к Богу или к Дьяволу. А тут - все берешь на себя. Потому и тяжело. И не каждый может - это только самым сильным дано. И даже у них не всегда хорошо кончается. Вот я взяла старушку одну - очень сильная была. Но она взялась помочь одной женщине. После первого раза - заболела. А когда та в третий раз приехала - она уже умерла, не выдержала. Тут не только опыт, тут еще и силы нужны. Поэтому никто из сильных не хочет браться за такое, это очень опасно!"

(Архив автора. Зап. ноябрь 1997 г. от Н., 1949 г.р., Москва).

Очевидно, что в колдовской деятельности важно не столько **что произносить и делать**, сколько **как произносить и делать**. И это, естественно, связано с навыками работы в ИСС. Как уже излагалось выше, заговорно-заклинательный процесс и есть переход в определенные стадии измененного состояния сознания. Навыки такой практики путем совершенствования собственной техники даются нелегко. Для осуществления же серьезных преобразований в реальности через "магическую работу" требуется довольно глубокое погружение в ИСС и иногда достаточно длительная работа, что, судя по всему, приводит к негативным последствиям тех, кто попытается это делать, не обладая достаточно развитыми способностями, или не очень умело используя известное им.

Сведения об особенностях традиции позволяют говорить, что обычный заговорно-заклинательный процесс даже в практике "посвященных" не является, так сказать, работой высшего уровня. "Прямые слова" максимально приближаются к тому. Но даже

колдуны - наилучшие специалисты в своем деле - чаще всего не достигают возможностей настоящих магов. Кстати, именно потому им и требуется опора на вербальный текст.

Выявление основ воздействия в области магико-мистической практики и заговорно-заклинательной традиции как ее варианта подводят нас к странному, на первый взгляд, заключению: в настоящей магии, магико-мистической практике текст (слово) утрачивают свое столь важное для знахарской, ведовской и колдовской деятельности значение - вербальная сторона заклинательного процесса, судя по всему, для оказания "сверхъестественного воздействия" (дополним: как и для получения "сверхъестественной информации") не нужна. Мало того, для этого не требуются и другие компоненты обрядово-ритуального действия. Однако в таком варианте могут работать только настоящие маги.

В восточнославянской традиции истинных магов причисляют к колдунам; женщин-колдуний в силу неосведомленности в таинственной сфере магической практики часто называют ведьмами. Рассказы о колдунах, которые осуществляют некое воздействие совершенно непонятным образом, как бы ничего для этого не делая, и есть свидетельства (разумеется, если это не выдумка рассказчика) о владении искусством магии. Магико-мистическая практика требует в первую очередь мыслительных усилий. Магическая работа совершается в глубинах бессознательного, а не в пределах сознания. Для достижения желаемого результата необходим исходный контроль сознания над бессознательным, но не работа сознания. И потому в момент основного действия слово становится ненужным. И потому в момент "контакта с божественным началом" шаман или кудесник/волхв падает на землю в оцепенении. Слова излишни, там, где работает "интуиция" (к чему мы часто пытаемся свести функционирование бессознательного).

Очевидно, что настоящее "сверхъестественное" воздействие оказывается в одной из глубоких стадий ИСС. Однако это вовсе не означает, что магико-мистическая работа в обязательном порядке требует оцепенения, каталепсии или иных видимых признаков нахождения в ИСС, присущих аффективному типу погружения. Высшее искусство управления работой мозга как раз и заключается

в том, чтобы все проделывать тайно, без видимых проявлений этой странной работы в «безмолвном молчании» (вспомним животрепещущие повествования Карлоса Кастанеды о доне Хуане Матусе; см. также: *Кастанеда, 1996*).

Таких возможностей достигают тибетские маги, некоторые "колдуны" (они, естественно, относятся уже к категории магов, но не собственно колдунов), кое-кто из наших современников, которых в официальной практике называют "народными целителями" или "экстрасенсами" (*Харитонов, 1994: 125-132; Мартынов, 1992; Подлягин, 1993* и др.).

Итак, магиго-мистическая практика может осуществляться без всех тех многочисленных сопроводительных элементов, которыми ее обогатили традиционные культуры. Суть этой деятельности одина: управление работой мозга в особых состояниях. Однако достижение таких состояний (см. п. 3) может осуществляться по-разному. И здесь - в силу привычки или научения, так сказать, особой "школы" - имеются множество вариантов перехода в рабочее состояние ("достижения инвариантного состояния"). Потенциальные возможности представителя магиго-мистической практики ограничены его способностями и степенью развития их на каждом конкретном этапе. Способы достижения рабочего состояния определяются этнической традицией, вернее, теми вариантами магиго-мистической практики, которые в этой традиции развились, а также были позаимствованы и влились в традицию.

В каждой этнической традиции могут иметь место несколько вариантов магиго-мистической практики, но обычно какой-то из них оказывается преобладающим. Там, где распространен шаманизм, чаще всего преобладает аффективная техника перехода в ИСС, отработанная в камланиях. У восточных же славян доминирующей оказалась заговорно-заклинательная практика с необычной техникой перехода в ИСС медитативно-аффективного типа. Впрочем, это не значит, будто в традиционном восточнославянском магиго-мистическом искусстве не представлены иные варианты: восточные славяне хорошо знакомы с собственно магической техникой инсайта (в варианте российского колдовства, точнее магии), обрядовая культура даже самого

позднего времени существования (XX в.) доносит до нас отголоски знания и использования аффективной техники, разработанной в ритуально-обрядовой практике: не исключено, что древнее искусство волхвов и кудесников использовало аффективную технику типа той, которая имеет место в шаманских камланиях.

Заговорно-заклинательное искусство восточных славян, опирающееся на медитативно-аффективную технику погружения в ИСС, базируется на традиционном, хорошо разработанном комплексе обрядового характера. Слово, вербальный компонент заговорно-заклинательного действия функционирует в рамках заговорно-заклинательного акта сообразно разработанной концепции перехода и углубления в ИСС. При этом разные заклинатели (операторы) используют вербальный компонент различно, с учетом традиционных установок, ситуации, собственного состояния. Как уже указывалось, важнейшей частью действия являются "ключевые слова": остальное вербальное сопровождение используется для 1)настройки и перехода в рабочее состояние, поэтому оно может в значительной степени варьироваться и даже присутствовать/отсутствовать, 2)"включения" в рабочее состояние, начала непосредственной работы одновременно в реальности и ирреальности ("код"), 3)непосредственной работы в реальности/ирреальности, 4)(после "ключа") постепенного перехода в обычное состояние.

Очень показательны в этом отношении описания работы в ИСС. Эволюция работы с текстом и образом, переход к работе в "глубокой медитации" с образной актуализацией только "ключа" прекрасно отображает в своем интервью Н.А.Ильина - "Приложения", 1).

"Ключевые слова" - своеобразная кратчайшая формулировка программы действия. Именно они сохраняются в строжайшей тайне. Однако их аналоги в виде различных микротекстов активно функционируют в традиции, в том числе, как уже было сказано выше, в среде "непосвященных". И именно такие тексты чаще всего сообщают в ходе сыскных дел под пытками подозреваемые адепты магико-мистической практики, а порой и те, кто только понаслышке знает о ней. Не означает ли это, что в восточнославянском заговорно-заклинательном искусстве такие микротексты присутствуют с древнейших времен?

Бытовая практика традиционного общества на период активной фиксации фольклорно-этнографического материала демонстрирует широчайшее использование подобных микротекстов в варианте приговоров по самым разным случаям (*Елеонская, 1929; Соколова, 1982; Виноградова, 1978; 1988* и др.), в том числе в варианте заговорно-заклинательных текстов в знахарско-ведовской медицине (*Усачева, 1988; 1994*). Это вполне естественно в ситуации веры в магию слова, которое подкрепляет сделанное или само по себе оказывает колоссальное воздействие. Традиционное представление о том, что словом можно убить и воскресить, что слово ведет вполне самостоятельное существование ("Слово не воробей: вылетит - не поймаешь") и т.п. прекрасно подтверждает древнюю веру в магическое наименование. И, как известно, эта вера неслучайна.

Слово "в архаичных традициях действует и существует как бы независимо от исполнителя ритуала, имеет самодовлеющую ценность, обладает большой суггестивной силой"; "Слово в ритуале не просто имеет самостоятельное существование, оно обладает, кроме того, творческой, создающей потенцией" (*Ревуненкова, 1992; 87, 91*).

В свете магии имени можно сделать одно, кажется, весьма существенное замечание: имя позволяет "посвященному" осуществлять "прямой выход" (инсайт) в "Информационное поле" для обретения полной информации о его носителе (см. напр. описание способа получения полной диагностической информации целительницей Н.В. Комаровой по данным: фамилия, имя, отчество, год рождения, - *Харитонова, 1994*); однако, если имя не известно, то по каким-либо иным данным, а тем более, при личном контакте с носителем имени, его можно точно также получить мгновенно. Скрываемое настоящее, первое имя (вспомним традиции аборигенных обществ) обычно выявляется "посвященным" почти также просто - некую усложненность, ситуации создает только "информационный шум" привычного имени или имен.

Фольклорный материал типа приговоров дополняют микротексты, структурно сходные с заклинательными, в варианте пословиц, поговорок, присловий - они встречаются в летописях и других памятниках книжной культуры. Заклинательные речения разного рода, вероятно, широко использовались в период формирования киевской государственности - неслучайно они оказались не только широко распространенными в позднем варианте магико-мистической практики, но и легли в основу объемных заклинаний.

Если микротексты, действительно, связаны с одной из сфер древнейшей вербальной магико-мистической практики, то возникает и еще один естественный вопрос: кто именно мог пользоваться такими заклинаниями? Официальное жречество, представленное либо только волхвами, либо же волхвами и кудесниками (?), было ориентировано на аффективные действия шаманствующих; такие жрецы могли использовать совершенно иные заклинания речитативно-мелодического звучания. Обращение к аффективной технике перехода в ИСС с достижением стадии оцепенения вообще не нуждается в магических квинтэссенциях.

В документальных источниках упоминается довольно много наименований лиц, специализирующихся на различных вариантах магико-мистической деятельности. Чаще всего речь идет о "безчинствах и чародействах", которые творят "чародеи, волхвы и бабы богомерзкия"; упоминаются "кудесники", "ворожки", "обавники", "лихие бабы" (они же, естественно, "богомерзкие"), "звездочетцы", ведающие "кощуны", бабы "смывали и шептуни", "знатцы", занимающиеся "наузами", "зелейством" и т.д.

"Зелейство" - одна из слабо изученных сфер деятельности в магико-мистической практике восточных славян. Утверждение относится и к устной традиции, и к традиции письменной (особо стоит оговорить, что это не одно и то же: аналогом может быть сопоставление устной заговорно-заклинательной традиции и книжного фонда заговоров, например). Традиционные исследования отмечают обычно, с одной стороны, использование лекарственных трав по их прямому назначению в знахарской практике и, с другой стороны, мифологизированное отношение к растительности. (*Флоринский, 1879; Кришичная, 1999*).

За пределами анализа остается важнейшее: не обращается внимание на не просто "знание" трав ведунями (это - удел хорошего травника, так сказать, "фитотерапевта"), но, условно говоря, на интуитивно-чувственное (точнее: суперсенситивное, энергоинформационное) "ведение" окружающего. Не случайно некоторые источники доносят до нас сведения, например, о том, как настоящие "знатцы" берут с собой больного на поиски травы, а, найдя ее, предлагают сорвать эту траву ему самому (*Верещагин, 1898*). Разумеется, не случайно также сообщения о том, что в результате обретения ясновидческого дара человек начинает понимать язык зверей, птиц и растений, - эта, в некотором смысле, метафора говорит о "включении" или развитии суперсенситивного восприятия окружающего. О том же, часто в фольклоризованно-мифологизированном виде, свидетельствуют повествования об обретении дара понимания разговоров зверей, птиц, растений, стихий природы, многообливиными некие снадобья; не стоит забывать, что временное обретение некоторых таинственных способностей может быть обусловлено приемом наркотических снадобий естественного происхождения (*Демич, 1912: 48*).

За этой "мифологией" скрывается реальная суперсенситивная работа, ведущая, особенно в трудных ситуациях, должен опустить на энергоинформационном уровне процесс, который та или иная трава вызовет в конкретном человеке. И только найдя то растение, которое окажет реальную помощь, он предлагает его сорвать (момент контакта для "знатока" является контрольным элементом в работе) и инструктирует пациента, как использовать данный лекарственный препарат. Вспомним, что животные лечатся именно таким "страшным" способом, с той только разницей, что они находят нужную им траву или ягоду, ищут сами.

Большинство наименований специалистов в области магико-мистической практики этимологически довольно прозрачны, в каких-либо вариантах они сохранились и в поздней традиции. О ворожеях и ворожке, бабах-шептуньях, которые шептали, а также "смывали" (умывали и сливали - например, от испуга) уже говорилось выше. Астрологи ("звездочетцы") и фитотерапевты ("зелейники"), как и знатоки "кошун" - мифов и, видимо, эпических песнопений (Аничков, 1914; 285), особой нужды в магических текстах-заклинаниях не имели. "Наоузи" - знание книжного характера, идущее из Византии: „Тайное запретное знание, астрология, каббалистика, алхимия, т.е., именно все то, что наши книжники называли "наоузи" (выделено мной, - В.Х.), все эти знания, на основании которых возникали Громовники, Колядники, Зелейники и проч..." (Аничков, 1914; 284). В средневековых памятниках "чародеи, обавники и наоузотворцы", часто упоминаемые в одном ряду, кстати, вместе с теми, кого именовали "звездочетц, или Громник или Колядник четц", осознаются, возможно, как продолжатели тайной практики волхвов, осуществляемой на основе новых книжно-магических традиций. Однако "чаротворцы", по всей вероятности, опирались не только на новое книжное знание, но и на собственную традиционную магию, известную всем народам мира на ранних стадиях развития.

Обратим внимание на то, что именно "чаротворцы" осознаются книжниками наряду с волхвами и кудесниками основными знатоками магико-мистической практики - ср. "Житие Стефания Пермского": (среди них были) "волсви, и дрозии кудесници, и иные же чаротворци") Позже именно чаротворцев (а не волхвов!) заменят колдуны

Современная колдовская практика (если не учитывать сведения о многочисленных "колдунах"-шарлатанах) говорит о том.

что колдуны сохраняют свойства "чаротворцев", а также магов. Они опираются в первую очередь на магическое действие и магико-мистическое воздействие при высоком развитии суперсенситивно-экстрасенсорных способностей. Способы передачи приемнику колдовской силы, знания путем мгновенной перестройки работы мозга и сознания (с "открытием" подсознания и бессознательного) говорят о высоком развитии сверхвозможностей таких людей. В своей практике они крайне редко пользуются текстами. Таким образом, скорее всего, колдуны восходят к древним чаротворцам, которые, видимо, синтезировали в своей деятельности исконное древнее знание и заимствования развитой магической практики из различных традиций, в том числе и из вавилоно-халдейской

Колдовство и магия, в том числе их наименования, используемые в славянских языках, могут иметь восточные корни. Б.И. Кузнецов, анализируя древние источники, указывает со ссылками на Геродота и различные азиатские (тибетские и др.) источники, что одно из мидийских племен именовалось "маги". "Они, сохраняя свою племенную организацию, уже при Ахеменидах являлись своего рода религиозной группой, профессиональными жрецами, совершавшими разного рода обряды и заклинания. У магов одним из главных жертвенных животных была лошадь" (Кузнецов, 1998: 37). Интересно, что в Полесье до сих пор сохраняются отголоски традиции магических действий с конским черепом, в частности, хранение его на усадьбе или закапывание под домом при его постройке (ИА ИСиб РАН). Обратим внимание также на то, что одна из вероятных этимологий слова колдун - от "калду"/халдей (Кузнецов, 1989: 39). Рядом со Страной халдеев находится Страна, в которой собраны жрецы. На карте она вплотную прилегает к Стране халдеев с восточной стороны. Возможно, что это еще одно название Вавилона" (Кузнецов, 1989: 39).

Из практической магии ("наведения чар") известно, что действия магов/колдунов и ведунов основываются на сознательном уподоблении. Попробуем воспользоваться широко распространенными примерами: для присушивания "вынимают след", который помещается в бане за каменку или в доме за печью, в печи (как правило, в дымоходе). "Чара" рассчитана на аналогию: как сохнет влажная земля или песок, на котором отпечатался след босой ступни человека, так должен «сохнуть» и сам человек.

В исследовательской традиции XIX в. широко использовалось понятие "наведение чар" как соотносимое с "осуществлением магических действий": "Чара есть деятельное умышленное произведение первого члена ассоциации с целью

вызвать появление второго члена, желаемого": "...заговор получится от чара, он есть словесное выражение того действия, которое совершается чарой, и цели, с которой совершается чара". "...раз при производстве чары получается словесное изображение ее сущности, то мог возникнуть прием, а затем и требование, по которому всякая чара должна сопровождаться и словесным ее изображением, т.е. заговором" (*Зелинский, 1897; 22, 25, 28*).

Отмечу, что предлагаемая концепция вряд ли четко отражает реальное положение дел. Кажется, процесс развития чаротворства и заклинания был более сложным. Скорее всего, человек искал выхода на суггестивное воздействие через переход к ИСС, в чем ему могло способствовать слово, выражающее нужную мысль, как и реалии и действия, на такую мысль наталкивающие. С этим связаны различные варианты концентрации и воздействия - "путешествия по психическим мирам" в случае с объемными заговорно-заклинательными актами и кратчайший путь от метафоры к символу с максимальной концентрацией на нем в случае с краткими заговорно-заклинательными формулами, сопряженными с действиями-аналогами (*"Приложение" 1*).

Основные приемы магии выделены, названы и охарактеризованы (*Кагаров, 1929; Фрэнгер, 1980; Токарев, 1957: 124-146 (1959, 1990, с. 404-506)*). На анализе этой и иных концепций в настоящей работе нет смысла останавливаться, так как ее задачи не имеют к этому непосредственного отношения. Некоторые характеристики см.: *Харитонова, 1992; 20-22*.

Подобные магические действия могут сопровождаться словесными формулами, легко создаваемыми на основе акционально-реального комплекса. Естественно, они удивительно похожи на те самые микротексты, которые могут выполнять функции "ключевых слов". Для свершения желания, заложенного в магический акт, колдун/маг или ведун может по своему усмотрению пользоваться или нет возможной вербальной компонентой этого магико-мистического акта. "Я, если работаю, - поясняла мне одна из современных колдуний, - то обычно стараюсь сосредоточиться вообще без слов. Это быстрее и лучше. Но бывает так, что что-то не получается: не очень хорошо себя чувствуешь или что еще... что-то мешает сосредоточиться. Тогда можно помочь себе - сказать "ключ" или заговор даже." (*Архив автора. Зап. ноябрь 1997 г. от Н. ., 1949 г.р., Москва*)

О том же самом твердила мне не раз одна из "полесских ведьм", которая, пытаясь объяснить разницу между моими и своими возможностями, говорила, что она может что-то сделать и подумать (сосредоточиться на главном действе в его образном варианте), а

мне надо еще и "слова казаты" (*Архив автора. Зап. июль 1985, с. Любязь Любешовского р-на Волынской обл. УССР*).

Таким образом, сильнейшими в магическом отношении людьми слово воспринимается как дополнительное средство в их работе. Они не отказываются от заклинаний, но предпочитают, естественно, кратчайшие тексты - чаще всего непосредственно "ключевые слова". Этот, совершенно очевидно, древнейший метод использовался и ранее теми, кто имел значительные суперсенситивно-экстрасенсорные свойства и в своей магико-мистической практике делал ставку на работу мысли. Судя по всему, такие особенности деятельности магов/колдунов и ведунов восходят к чаротворцам, а это значит, что именно в их среде могли использоваться микротексты, которые впоследствии участвовали в трансформациях заговорно-заклинательной традиции.

Почему именно микротексты разного рода стали главной составляющей вербальной компоненты заговорно-заклинательной практики? Случайно ли то, что именно они начали выполнять у знающих роль "ключевых слов"? Судя по всему, это не случайность. Принципы магического воздействия строятся на моделировании ситуации подобия с отождествлением или на непосредственном воспроизведении желаемого. Если образное моделирование перевести в вербальный вариант, то и получатся древнейшие широко распространенные, в том числе в различных фольклорных жанрах, конструкции сравнения, сопоставления, уподобления, отождествления или непосредственного указания.

Очевидно, для человека, знающего о существовании двух реальностей не понаслышке, и понимающего, как значительно "тонкий" мир влияет на тяжелое и малоподвижное "грубое" физическое пространство, одним из важнейших средств воздействия на окружающие проявленные формы будет мысль и текст на основе сравнения, сопоставления, уподобления. Естественно, что те же средства оказались и наиболее ранними по своему внедрению в фольклорную поэзию в целом, где сравниваются, сопоставляются и уподобляются различные реалии, зримые не только "посвященными". Идея сравнения, сопоставления, уподобления лежит в основе творчества раннего периода истории человечества

(Веселовский, 1940). Вероятно, нельзя исключить, что за этим стоит "двойное мировидение" "эпохи сновидений".

Для магики-мистической сферы деятельности более важным, очевидно, является «синхронизирование» реалити "тонкого плана" с реалиями физического мира (не исключено, что это приводит к синергетическим проявлениям и лежит в основе магических законов!) - у абсолютного большинства "посвященных" есть свой мистический опыт. "Мистическая реальность" легко воспроизводится, вызывается в процессе психоэнергетической деятельности; для многих это вполне повторимо в любом заклинательном акте («Приложения» 4, 7, 8)

Таким образом, в заговорно-заклинательной сфере могут создаваться и использоваться в дальнейшем тексты на основе сравнения, сопоставления, уподобления с привлечением реалити "психического" и "физического" миров, либо же с использованием реалити только "проявленного" мира. В том и другом случаях должны возникать союзные и бессоюзные сравнительно-сопоставительные конструкции. Не исключено, что со временем реалити проявленного физического мира могут вытеснять сопоставительный план "тонкой" реальности или наоборот.

Вполне логично предположить, что исходный текст многих заклинаний - это та часть, которая впоследствии станет "ключевыми словами". На основе главного сопоставления различными путями может формироваться, постепенно совершенствуясь, объемный текст (ср. с описанием творческого процесса работы над песней у аборигенных народов: Сенкевич-Гудкова, 1965).

Но коль скоро магики-мистическая практика являет собой тот аспект человеческого существования, который неотторжим от нашей жизни на любом этапе развития человечества (меняются только некоторые особенности восприятия, детали воспроизведения мистической стороны видения и осмысление получаемой случайно или намеренно психоэнергетической информации), то можно предположить, что процесс создания и дальнейшего бытования со всеми обычными для таких текстов трансформациями является если не идентичным, то очень сходным во все времена. Значит, в "живых" фольклорных жанрах, имеющих отношение к магики-мистической практике, всегда сохраняется возможность пополнения и обновления

текстового фонда или видоизменений его. Именно это обеспечивает некоторым жанрам фольклора их бесконечную живучесть, показателем которой является естественный импровизационный процесс, в отличие от жанров и видов фольклора, где нет "психоэнергетического подтекста": основанные только на реальности "проявленного" мира, на художественно-исторической канве бытия, они трансформируются и отмирают с изменением социально-бытовой и психо-социальной сторон жизни, заинтересованных в них (ср., напр., с восточнославянским песенным эпосом, закономерно трансформировавшимся в лиро-эпiku, которая также со временем уступила свое место лирике).

Зафиксированный корпус заговорно-заклинательных текстов, разумеется, невозможно относить к созданным профессионалами, "посвященными". Очевидно, что по своему происхождению тексты устной традиции могли создаваться в различных ситуациях разными людьми. "Первотворцами" многих образцов заговорно-заклинательных текстов могли быть просто поэтически одаренные лица, немного знакомые с поэтикой заклинаний. Однако попробуем все же выявить те разновидности текстов, которые так или иначе могут порождаться "посвященными". Если говорить о тех, кто пользуется магико-мистическими принципами (в отличие от мистико-магических принципов "шаманствующих", использующих аффективный тип техники перехода в ИСС), то можно предположить, что возможности "синхронизации" происходящего в физическом и психическом мирах сводятся к полному отождествлению, уподоблению, сопоставлению и обычному сравнению.

Возможность отождествления в магико-мистической практике допустима потому, что происходящее здесь (в физическом реальном мире) взаимосвязано и напрямую зависимо от случившегося там (в мире ирреальном, психоэнергоинформационном). Следовательно, изменив что-то там, медиум спровоцирует процесс соответствующих перемен здесь. Но поскольку "там" и "здесь" для "посвященного", работающего в одной из глубоких стадий ИСС, практически неразсторжимо (он видит мир как бы двойным зрением одновременно), то некие осуществляемые им действия происходят также одновременно там и здесь. По всей вероятности, можно считать, что исходно принцип отождествления заложен в текстах,

являющих собой описание некоторых наиболее важных процессов и действий: они должны были происходить одновременно в психическом и физическом пространствах. В контексте таких рассуждений можно вспомнить заговорную формулу, относимую исследователями к наиболее древним (*Топоров, 1969; 11-14*): "...тело к телу, кость к кости..."

Этот широкоизвестный по многим древним рукописям отрывок текста рассчитан на одновременную работу с физическим и "тонким" ("эфирным", "астральным") телом/телами. Этот принцип работы известен по современной практике целителей: реальное действие мануального или рефлексотерапевтического характера сопровождается "работой мысли на фантоме", то есть, образным представлением происходящего со значительным опережением желаемых процессов. Этот вариант деятельности - не выдумка преподавателей курсов биоэнерготерапии и энергоинформатики, а известная из традиционной практики методика.

Второй тип - уподобление ситуаций или процессов - выражается в текстах-описаниях происходящего в иной реальности (несмотря на то, что такие тексты могут быть совершенно реалистичными по своему характеру) с указанием на отображение этого в физическом хронотопе заклинателя. Например: "Летел ворон через море, / нашел нитку-шелковитку / Нитка, оборвись - / кровь, остановись" (*Русские заговоры... 1998; 266-1663*).

Интересно, что подобные тексты часто содержат медицинскую информацию-подсказку, например, такой типовой текст "Шла баба .... баба усалась - кровь унялась". Известно, что в народной медицине (как, впрочем, и в профессиональной - в области военно-полевой хирургии при отсутствии иных средств) используется свежая моча для промывания и дезинфекции ран, а также остановки крови, снятия ожога.

Принцип уподобления в магико-мистической работе рассчитан на вспомогательный эффект первой части текста. Поэтому такие тексты могут иметь растянутое описание с краткой сентенцией. Это позволяет заклинателю войти в ИСС, чтобы в финале проговаривания текста осуществить необходимое воздействие, в то время как в ситуации отождествления идет постоянное воздействие в процессе работы.

Сопоставительный и сравнительный принципы магико-мистической работы очень близки к варианту воздействия по принципу уподобления. Разница в том, что в основе текстов лежат различные приемы. Но вместе с тем и принципы работы мысленно-образом тоже несколько разнятся. Однако эти тонкости сами заклинатели обычно затрудняются объяснить.

Два названных принципа работы могут использовать микротексты типа "ключевых слов". Но в традиционной практике имеется и множество объемных текстообразований, построенных по таким принципам. К сожалению, в данном случае я не располагаю материалом, подтверждающим возможность использования "посвященными" подобных объемных текстов для конкретной работы.

Однако вопрос об использовании текстов в магико-мистической практике "посвященных" не может исчерпываться изложенным выше. Дело в том, что надо учитывать не только деятельность сильнейших магов/колдунов, но и более слабых специалистов, для которых опора на заговорно-заклинательное действие и, самое главное, вербальный компонент его просто необходима: без этого они, в большинстве своем, не могут войти в рабочее состояние и оказать нужное воздействие.

Однако для многих специалистов содержательная сторона текстов заклинаний и семантический аспект их оказываются на периферии сознания, так как важнейшим возбудителем работы мозга в нужном для перехода в ИСС ключе будут ритмо-метрические особенности произносимого. Именно поэтому объемные хорошо организованные в метрическом отношении тексты заклинаний иногда бытуют в искаженных в смысловом отношении вариантах, выполняя при этом свои функции.

Итак, подчеркну еще раз, что высказанные предположения о процессе формирования заговорно-заклинательной традиции восточных славян основываются на особенностях мировосприятия "человека природы", для которого не существует деления на живое/неживое: это придумали мы и приписали данное представление *homo sapiens* в целом. "Для человека, ориентированного на традиционное мировоззрение, не существует

"одушевленного мира", поскольку в принципе не может быть "неодушевленного" (Байбурин, 1989; 65).

Восприятие мира как целиком и полностью единого и живого позволяло человеку относиться к слову особым образом. И дело не только в том, что слово есть изначальное наименование, т.е. изначальное знание - следовательно, оно магически освящено (Кабо, 1972; 295). Слово само по себе равно действию, поскольку слово - это вербальный дубликат мысли, психоэнергии, энергоинформации. "Я говорю" и "я делаю" - практически, одно и то же, так как проговаривая, я мысленно отображаю произносимое и тем самым проговариваемое действенно осуществляется в "тонкоматериальном" мире, а "тонкоматериальное" (психоэнергетика) моделирует проговоренное и созданное уже в мире физических вещей.

Такое принципиально отличное от привычного современному человеку мировосприятие, основанное на знании о всеобщем единстве материи и ее "внутреннем" разделении на "грубую" и "тонкую", на знании о принципах взаимодействия и взаимовлияния видов материи, свойственно всем тем, кто обладает способностями суперсенситивов и экстрасенсов, владеет техникой суггестии. Как уже говорилось ранее, по предположениям некоторых палеоантропологов, это свойственно человеку изначально. И если человек, приобщенный к магико-мистической практике, способен ощущать мир таким образом, то можно считать, что тексты в рамках заговорно-заклинательной практики имели возможность возникнуть в определенном виде в каждый из названных ранее периодов. И, самое интересное, в каждый конкретный период формировались именно те разновидности традиции, которые соответствовали определенному варианту состояния фольклора и духовной культуры в целом.

Это означает, что заговорно-заклинательная традиция в одном варианте могла возникнуть изначально (в "домифологический" период), исходя из знания о силе и назначении слова; этот вариант, скорее всего представлял краткие тексты и сопровождающий их магический контекст: возникновение того и другого может быть одновременным в силу наличия знания, видения тонкоматериального плана, что позволяет учитывать сразу несколько способов воздействия. (О дискуссиях на темы

первичности слова или жеста, изначального использования слова или действия в магико-мистической практике и заговорно-заклинательной традиции - Харитонова, 1992; 23-25)

Во втором из учтенных вариантов ("мифологический" период) заклинательная практика имела возможность "возродиться", дополнить уже существующие формы при развитой мифологической традиции, отраженной в мифотворчестве, фольклоре, духовной культуре в целом. Это ситуация "вторичного" отображения: человечество на "тонкоматериальном" (психоэнергетическом) плане наработало некий вариант **знания** за счет своего собственного развития, становления и трансформации духовной культуры (то есть, согласно В.И.Вернадскому, создала определенный вариант ноосферы); такая ситуация позволила как бы снова увидеть и отобразить новый вариант тонкоматериального плана. При развитой эпической традиции и сложной системе культово-религиозных представлений мог сформироваться заговорно-заклинательный материал с объемными заклинательными текстами речитативно-мелодического звучания. Одновременно могли возникнуть и молитвенно-заклинательные тексты (не будем вдаваться в дискуссию о том, что первично).

Третий вариант (период "вторичной мифологии") также не представляется противостественным и даже особо противоречащим двум первым: А.Н.Веселовский писал о текстах - предшественниках заговорно-заклинательной поэзии нашего времени, а они, действительно, являют собой в значительной степени отображение нового этапа состояния психоэнергетики ("тонкоматериального мира" или ноосферы); иными словами, отражают новый этап психического и культурно-исторического развития человека. Таким образом, можно считать, что новая волна мифотворчества, связанная с христианством, в период Средневековья, действительно, как бы заново породила новый вариант - как в формальном, так и в содержательном отношении - заговорно-заклинательной практики и поэзии. Новый мистический опыт позволил отобрать относительно новый набор магических средств и правил. Это может означать, что заклинательные песнопения несколько незакономерно с точки зрения преемственности в развитии искусства сменились проговариваемыми в специфическом варианте текстами

христианской ориентации. Исторически такая смена могла быть обусловлена уничтожением волховской практики и самих волхов на Руси. Однако, особо не настаивая на этом, можно обратить внимание на то, что чисто историко-культурных причин для понимания перемен в заговорно-заклинательной практике и поэзии кажется недостаточно.

Введение христианства повлекло за собой широкое распространение письменности, развитие книжной культуры. Создававшаяся ситуация способствовала, как минимум, двум важным изменениям в состоянии заговорно-заклинательной традиции. Во-первых, Древняя Русь оказалась захлестнутой новыми знаниями, которые, впрочем, вливались как новое вино в старые меха, - из Византии проникали сведения об астрологии, о еврейской каббале, несколько позже, из Европы - об алхимии ("...магия и алхимия не тождественны. Но общая территория их взаимодействия есть" - *Рабинович, 1979: 50*), а также о научно-практических принципах исследования мира. Эти сведения, как весьма убедительно продемонстрировал в своей монографии "Язычество и Древняя Русь" профессор Е. В. Аничков, распространялись в первую очередь в элитарной среде, которая, разумеется, не была чужда и собственным традиционным суевериям. Но поскольку культура различных сословий в рамках одного этноса сосуществует в варианте сообщающихся сосудов, то магические знания Востока, Рима, Византии, Европы попали и в мало просвещенные низшие сословия.

Книжная культура принесла с собой не только некоторые относительно новые оккультные познания, но и готовые тексты, которые были созданы на основе апокрифической литературы и уже использовались в качестве заклинаний (*Алмазов, 1900; 1901* и др.). Эта новая волна христианско-мифологической заговорно-заклинательной поэзии была весьма значительна, а сами тексты, видимо, довольно активно включались в заговорно-заклинательную практику, создавая второй пласт традиции - письменную заговорно-заклинательную прозу/поэзию. В данном случае стоит сразу же четко разграничить две "культуры заклинания", которые в естественном бытовании, конечно же, непременно будут взаимодействовать и оказывать одна на другую довольно значительное влияние.

Впрочем, значение проникновения христианизованного заклинательного текста и молитвы-заклинания в восточнославянскую заговорно-заклинательную практику не стоит, вероятно, преувеличивать. Даже если предположить, что шел процесс заимствования устных текстов, то, учитывая их переводной характер, вряд ли надо допускать мысль, будто значительная часть таких произведений могла закономерно включиться в восточнославянскую устную заговорно-заклинательную практику. Новые знания должны были пройти период адаптации, преодолеть следы иностранщины - греческих, а позже латинских и иных особенностей (Буслаев, 1859). Скорее всего, и изначально письменно фиксируемые молитвы-заклинания, и исходно устные переводные заговорно-заклинательные тексты должны были остаться достоянием письменной культуры, а также использоваться в весьма специфической практике отчитывания молитвенно-заклинательными текстами в среде священников (ср. с традицией траволечения в знахарско-ведовской профессиональной устной практике, особенно "посвященных", и знаниями по фитотерапии из книжно-письменных источников).

Собственно устная заговорно-заклинательная традиция должна была видоизменяться в соответствии с законами традиции фольклорной - устной, творческо-импровизационной в сфере живых, активно бытующих жанров и видов поэзии.

Именно поэтому основные трансформации произошли в содержательном наполнении заговорной поэзии и в оформлении заговорно-заклинательной практики. Одно и другое напрямую взаимосвязано со сменой ментальности, с изменениями в сфере духовной культуры в целом - а это длительный процесс. И в данном случае А.Н.Веселовский прав: эпоха средневековья, действительно, время значительного обновления заговорно-заклинательной традиции восточных славян.

В текстах заговорно-заклинательной поэзии произошли совершенно очевидные трансформации: а) в них появились новые персонажи и реалии, которые могли либо замещать ранее существовавшие (такой тип замещения хорошо известен из современной заговорно-заклинательной практики, когда, например, в широко известном заговоре на кровь вместо Девы Марии

начинают упоминать Иосифа Сталина; подобные факты имели место и ранее, есть они и в современной шаманской практике), либо являться в новых контекстах - мотивах; б) стали создаваться новые сюжеты.

"Стану я, раб Божий, благословесь, пойду я перекрестесь, отцем прощом, матерью благословен, из избы дверьми, ис синей воротами, выду я в чистое поле. В чистом поле злат камень, на этом на златом камешку сидит грозный царь Иван Васильевич. И покорюсе я, помолюсе: Ай жо ты, грозный царь Иван Васильевич, и скуй троп цепи железные, пшобы раба Божья не могла со мной посупротивитесе и не рипьми и не плещми и не руками и не погами" (*Мансицка, 1926; 219-163*)

Не исключено, что русское православие сформировало постепенно в российской ментальности идею сильной личности (обладателя власти) - посредника между человеком и божественным началом, обратим внимание на восприятие обладателя магической силы как обладателя некой власти (*Щенацкая, 1996*)

Интересно наблюдение Е.А.Хелимского, отметившего, что "фактически, идеология трактуется (в не столь уж чуждом ей) мифологическом плане. Так, лексика и фразеология упоминаний о Ленине повторяют тексты мифов о сотворении земли и ее воссоздании после потопа (ср.: "добрый рост жителей, расстеленной Лениным земли", "отцовский закон и материнский закон, расстеленные Лениным")" (*Хелимский, 1993; 99-100*)

Заговорно-заклинательный процесс под влиянием христианства также подвергся значительным изменениям. В основе его оказался языческий принцип общения с духами и ирреальным миром, что на текстовом, вербальном уровне может выступать в варианте "культурного двуязычия", а во внешнем оформлении отразилась попытка "войти в контакт" с христианским божеством. Но обращение к верховной силе далеко не всегда представлено в виде апелляции к Господу, Богородице, святым, - в ситуациях колдовских черномагических заклинаний обращаются не к Христу, а к Дьяволу, сатане, чертям.

За этими "верховными" персонажами господствующей религиозной системы - подчеркну еще раз - остается разрешительная функция. Непосредственная же работа заклинателя возвращает нас к языческим представлениям о светлых и темных силах и их возможностях. Светлые силы связаны с теплом и светом (огне- и солнцепочитание; возможно, жречество волхвов), темные - с тьмой и холодом (культ предков; возможно, жречество кудесников). П.С.Ивашенко отмечает: "Но прибавим к этому, что не только могли заведывать, и действительно заведывали молитвами - обрядным чествованием чистой и нечистой силы и продолжают это делать, в лице изнобленных знахарей и знахарок, до последнего времени, доказательства чего мы находим в фольклорно-русских

пеленгах. И теперь еще в паре свежо убеждение, что одинаково можно расположить в свою, человеческую сторону, доброе и злое существо словесно-обрядным средством или знахарством. Но только такая сила не всем знахарям в равной мере свойственна. Поэтому и между знахарями есть избранные натуры: они-то знают пеленгать не только на добро, но и на зло. Таких знахарей мало того, что почитают, но и боятся, потому что такие пеленгуны и пеленгухи - лица, избранные добром и злом силою; первая и последняя равно им служат" (Иващенко, 1878; 317).

Автор приводит интереснейший заклинательный акт с обращением к Бузе, к которому ходили в полночь - Бузя воспринимается как символ нечисти, черт; в переводе с татарского - "лед" (реально шли к бузине, ср.: когда цветет бузина, начинается похолодание)

"Од папасты Треба взять на кладовищ земли, на могилі мертвого, которого мення (имя) звено і беручи землю казать: "Здоров був (мення мерця)!" - Здоров. - "Лежишь?" - Лежу. - "Не встанешь?" - Не встану. - "Не глянешь?" - Не гляну. - "Не заговоришь?" - Не заговорю.

Потім змипати землю з маком-скакуном (надоліпшим, виросшим из упавших семян в прошлое лето) і обсипати глибої (вероятно, имеется в виду "глухая" ночь - безлунная полночь - В.А.) почч, або (то крайнем случае) як зовсім темно стане, тих людей і ті місяця, звідкля йде напасть. Обсипаючи, треба казать.

Як сей скакун скаче.

Щоб я як понеред миру (людей) скавав

Після щого йти під бузину, або під буз, глибої ночі й проказать три-девять, або хочь девять раз таке.

"Здоров був, бузю!"

- Здоров (мення спасеника) друзю!

- "Що тобі, бузю, було,

Як ти вбив сваго батька,

Матір, сестру й брата?"

- Трещя та мнещя,

Та й так мнещя.

За кожним разом щепнуть гилечку й сховать в кишелю або за пазуху"

(Иващенко, 1878а; 181).

Ср. с сообщением Е.П.Елеонской о поминовении умерших неестественной смертью яйцами и хлебом в лесу, а также об обращениях к покойникам для нанесения вреда кому-то (Елеонская, 1929; 20).

Подобное положение обусловлено тем типом мировоззрения, которое сложилось у восточного славянина в результате образования религиозного двоеверия. В данном случае налицо не просто синтез двух систем верований с их глубочайшим взаимопроникновением, а наличие определенного этнопсихического феномена: человек соединил в своем сознании две мифологические системы (христианскую и языческую), но при этом, с одной стороны, наделил

персонажи той и другой системы общими качествами и свойствами, а с другой, - оставил для христианской практики "разрешительную" функцию на само действие, дополнив ее "охранительной"; для языческой же традиции сохранил коммуникативную функцию - непосредственного контакта с ирреальным миром. Но в ирреальности периодически появляются и христианские персонажи, вполне приспособленные мышлением язычника к своей системе верований. Однако это персонажи, так сказать, низшего уровня: "посвященный" заклинатель понимает, что общаться с Создателем напрямую можно в виде просьбы на разрешение осуществить сам заклинательный процесс и испрашивание благополучного результата.

Впрочем, обращение к любому персонажу, прямой контакт с ним осуществляется в рамках представлений "народного православия", а отнюдь не канонической православной традиции. Именно поэтому Христос, воспринимаемый как человек-Бог, также и Богородица, могут быть персонажами заклинательной ирреальности. Такое отношение, напоминающее современную трактовку христианской концепции "неоязычниками" разного рода, приводит порой и к тому, что образ Бога используется в некоем сниженном варианте: например, в одном из заговоров на облегчение родов присутствуют строки "Стоял Господь на царских воротах в червонных чоботях..." (ПА ИсиБ РАН).

Появление образа Бога здесь вполне естественно с позиции "народного православия". Широко известно, что при трудных родах в церквях открывали царские ворота, если не "помогали" открытые печные трубы, кутнее окно, двери и т.д. Господь, который должен вывести душу младенца из иномира в мир реальный, появляется на символической границе этих миров: в царских воротах храма. Далее все зависит от его движения: "Сам Господь на порог - уже пора младенцу на пол...", то есть душа и тело являются в мир одновременно.

К сожалению, текст зафиксирован в "маргинальной" традиции: он в значительной степени искажен. Однако общий характер его отсылает исследователя к древнейшим текстам, используемым при родовом процессе, где описывается обычно путешествие в иномирье, в картинах которого за путающими мифологическими сценами угадываются физиологические реалии. Один из прекрасных примеров шаманской практики такого рода привел в своем исследовании К.Левин-Стросс (*Левин-Стросс, 1985*), который отметил несколько важнейших моментов, например, то, что в шаманском песнопении "в прерывистом и все убаюкиваемом темпе чередуются физиологические и мифические темы, словно шаман старается стереть грань между ними и уничтожить их различие в восприятии больной" (с.171); "рассказ построен так, чтобы вызвать в памяти реальные действия"

("нелеганы", мифические существа, проникают в матку, "принимают вид пениса в состоянии эрекции и ведут себя соответственно" (с.172); в следующий раз папан сам "подобно пенису проникает "в отверстие Мму" и движется там." (с.174). Физиологический процесс родов - движение младенца по родовым путям - начинается во второй фазе мифа, когда души возвращаются; интересно, что они, как и "Тосподь на парских воротах", обуты (с.178).

Наступление книжно-письменной культуры сказалось не только в изменении мировоззрения и получении новых знаний, а вместе с ними новых заклинательных текстов. Широкое распространение грамотности привело к тому, что со временем, во-первых, письменные молитвенно-заклинательные и заговорно-заклинательные тексты стали проникать в простонародную среду, а во-вторых, часть устных текстов приобрела письменную форму хранения; разумеется, их нельзя путать с изначально книжно-письменными текстами заклинаний. Книжно-письменные тексты, которые были крайне сложны для заучивания и воспроизведения, как уже отмечалось выше, использовались, конечно же, не в роли собственно заклинательного слова в заклинательном действе. Заклинать по написанному вряд ли кому приходило в голову в условиях существования устной традиции. Это не могло случиться еще и потому, что смысл и техника заклинательного процесса не допускали подобного. Объемные, часто просто прозаические или использующие несвойственные устной традиции ритмо-синтаксические конструкции молитвы-заговоры не учитывали главного: с их помощью невозможно было достичь того состояния, в котором человек "контактировал с ирреальностью". Именно потому они обрели функцию оберегов и стали использоваться наряду с магическими предметами: их прятали на пасеке для охраны ульев, держали в доме от воров и пожаров, носили вместе с ладанкой на шею или в качестве излечивающего средства на больном месте.

Письменное хранение текстов устной традиции - явление, вероятно, довольно позднее. Оно, очевидно, больше распространяется на "маргинальную заклинательную практику", то есть на деятельность непрофессиональных заклинателей, которые записывают "на всякий случай" известные ими тексты, но не пользуются ими регулярно.

Впрочем, в период всеобщей грамотности встречаются и отдельные профессионалы, которые хранят тетради с записями. Например, одна из малоярославских знахарок, Царькова Д.Ф., 1918 г.р., жаловалась мне на то, что несколько лет назад спиха сожгла все ее тетрадки и листочки, где она записала "для памяти" используемые ею заговоры. Объяснялась запись естественно и просто: на старости лет женщина стала забывать те тексты, которыми редко приходилось пользоваться. Она решила их записать, а перед началом работы, если чувствовала, что текст основательно подзабыт, просто перечитывала его в тетрадке. Разумеется, работала она, как и раньше, без чтения по написанному.

Интересно, что такое встречается не везде. А.М.Астахова, например, отмечала при обследовании Пинеги: "Но и записанный заговор заучивается наизусть и произносится на память. Листочки с записями заговоров, которые в значительном количестве мы находили в Заонежье, здесь нам не попадались" (Астахова, 1928: 37)

При передаче заговоров, особенно, если речь идет о передаче знания, имеет место установка на успешность усвоения: обучающие часто требуют, чтобы заклинание запоминали с первого раза. Например, М.К. Сливачева - Малоярославец Калужской области, запись 1991 года - упорно настаивала на том, что тексты заговоров, какими бы большими и "нескладными" они не были, писать нельзя даже на магнитофон: такое усвоение, с ее точки зрения, дело совершенно бесполезное: помогать они все равно не будут. Если текст не запоминается сразу - это сигнал к тому, что его либо нельзя передавать, либо конкретный человек его не может перенять и использовать. С тем же самым убеждением я не раз встречалась и ранее. Любопытно, что некоторые знахарки, понимавшие, что им уже не дожидаться преемников, соглашались сказать заговорно-заклинательные тексты для научных нужд, однако как только речь заходила о том, что мне что-то необходимо для собственной надобности, меня тут же лишали возможности записывать, требовали сосредоточиться и запомнить текст с первого проговаривания; многие опытные знахарки сразу же пытались создать некую особую психологическую атмосферу, меняли место нахождения - выводили в сени, уводили "на судышк", к печи - при проговаривании текстов брали за руку, старались смотреть в глаза.

Подобные примеры есть в материалах П.В.Шейна, полученных от г-жи Рачинской: "...Пока я записывала заговоры, он все время что-то шептал, потом брат меня за правую руку и заставлял (как и Арина Максимовна) прямо смотреть ему в глаза..."; "Говоря заговор, Арина очень возновалась, вскакивала со стула, крестила углы, молилась сама и меня заставляла молитву читать. После каждого заговора она брала меня за правую руку, держала ее молча довольно долго, глядя прямо мне в глаза..." (Шейн, 1893).

Работать с настоящим заговорно-заклинательным текстом можно только устно, хотя в отдельных случаях, опять же в "маргинальной" практике, не исключается возможность "репетиции" перед заговорно-заклинательным действием.

Некоторые деформации не только фольклорно-этнографической традиции, но и собственно искусства

«посвященных» были вызваны отношением к магико-мистической практике и ее знатокам.

Даже в 80-е годы некоторые авторы позволяли себе в силу приверженности советской идеологии писать о заговорах и их бытовании откровенные нецензурности, напр: "В эпоху установления общественных порядков, основанных на угнетении и порабощении, возникли заговоры на укрупнение жестоких господ и отращивание их гнева. Этих заговоров не могло быть в "эпоху первоначально-родового равенства" (...) "Заговоры с выражением классового протеста, свидетельствуя о ложных путях борьбы угнетенных, вместе с тем по-прежнему поддерживали в народе надежду на лучшую долю. Такие заговоры стали являться лишь в пору, когда народ встал на реальный единственно правильный путь борьбы за свободу" (Аникин, 1987: 105; 106-107)

В советский период колдуны и знахари чувствовали себя, судя по всему, не лучше, чем в эпоху Средневековья. Заговорно-заклинательная практика была под негласным запретом. Заниматься этим боялись под страхом ареста. "Я не могла ничего получить от моей мамы, хотя все мои предки по женской линии занимались лекарством. Я же училась в институте и тем более даже думать не могла о том, чтобы что-то унаследовать. Да и мама с этим никогда не согласилась бы, зная ситуацию - как преследовали ее, других женщин." (Из интервью с народной целительницей Н.П. Сидорченко: зап. июнь 1994 г., Москва; "Приложения" 5).

Сложная для нормального развития традиции ситуация вызвала различные видоизменения в материале. Поскольку преследовались и уничтожались в первую очередь те, кто обладал действительным **знанием** - как известно, выделить из толпы таких людей не очень сложно, - то постоянную практику (а она неискоренима в силу своей востребованности и того, что даже в последние десятилетия наша медицина не смогла создать приличную альтернативную базу) должны были осуществлять люди, которые были менее одаренными, далекими от настоящего **знания**, однако они при этом обладали какими-то средствами помощи другим.

Приведу только один пример. В д.Замощье Лельчицкого р-на Гомельской обл. мне пришлось работать с известной всей округе повитухой. Она сама и другие опрошенные охотно рассказывали мне о том, что бабушка даже в преклонном возрасте вынуждена была оказывать родовспоможение, поскольку женщины категорически отказывались пользоваться услугами медработников. Объяснялось это просто: у "бабки", при том, что у нее была повреждена частично одна рука, за всю практику не было ни одного случая смертности, а первая же послеванная в райцентр роженица оттуда, увы, не вернулась.

Настоящее магико-мистическое знание восточных славян обмельчало, а заговорно-заклинательная традиция, оказавшись преимущественно в пользовании тех своих хранителей, которые могут относиться к кругу "приобщенных", но отнюдь не "посвященных", естественно, видоизменилась. Это провоцировалось в первую очередь иным отношением к тексту, о чем уже говорилось ранее.

"Маргинальная" заговорно-заклинательная практика сделала ставку на внешнюю сторону заговорно-заклинательного и магико-мистического процесса. Это сказалось на текстообразовании в заговорно-заклинательной поэзии, на качестве текстов в том числе. Явление выхолащивания знания привело к широчайшему распространению сведений из тщательно скрываемой ранее области. Именно эти сведения и составляют в основном тот набор записей, который имеется в архивах и в частных коллекциях собирателей.

Впрочем, даже такой материал позволяет судить (возможно, с некоторой ошибочностью) не только о собственно филологической стороне заговоров, но и о фольклорно-этнографических и этнологических особенностях традиции. Стоит обратить внимание на то, что анализ регионального распространения заговорно-заклинательных текстов весьма зримо и очевидно указывает на некоторые небезынтересные особенности. Уже замечено, что украинская заговорно-заклинательная традиция изобилует малыми текстовыми формами. На краткость украинских (малороссийских) заговоров обратил внимание один из первых собирателей и исследователей их - П.С.Ефименко, который при этом подчеркнул еще одну интересную деталь: "...не распространяясь много о важности малороссийских заклинаний, я скажу только то, что многие из них поражают сходством своим в целом или в частях с языческими молитвами древних литовцев" (*Ефименко, 1874: III*).

Позже на основе имеющихся публикаций были сделаны предварительные выводы о различии украинской и русско-белорусской традиции (*Агеева, 1982: 151*), обособленности некоторых групп украинских заклинаний (*Агапкина..., 1988: 59*): "...западнославянские заговоры имеют более или менее близкие параллели в немецкой (и далее скандинавской) традиции, а украинские образуют особую группу". Насколько эти выводы соответствуют действительному положению дел - сказать трудно.

так как в силу эзотеричности знания, различия методик собирательской работы, невозможности провести "сплошное" (в географическом отношении) обследование, специфики отбора архивного материала для изучения конкретных вопросов, выводы исследователей могут оказаться неточными.

Центрально-русская и белорусская территория хранят некий наиболее удобный по объему и организации вариант заговорно-заклинательных текстов. Они отражают состояние живой, действенной маргинальной практики. Особенно четко это прослеживается в работе с реальными заклинателями, а не с теми, кто случайно запомнил какие-то тексты. Северная же зона при изобилии хорошо оформленных небольших сюжетных текстов предлагает массовое распространение образцов книжно-письменной традиции. Вряд ли это можно объяснить только широким распространением грамотности на севере (за счет старообрядчества, например).

Пожалуй, с некоторой степенью уверенности здесь можно было бы высказать предположение о том, что география особенностей и состояния заговорно-заклинательной традиции отражает общую географию традиции этнофольклористической. И в этом отношении показательно сопоставление географии заклинания/заговора и плача/причести. К сожалению, сделать карту районирования заговорно-заклинательной поэзии или традиции с учетом каких-то ее показателей для этого материала, в отличие от причетно-плачевой поэзии и традиции, невозможно в силу уже называвшихся причин.

Отмечу еще один небезынтересный факт. Возможно, что своеобразие преобладающего материала в конкретных зонах связано с развитием и длительным бытованием там или отсутствием, ранним исчезновением песенных эпических форм. Однако картина наблюдается достаточно своеобразная: там, где песенный эпос очень рано трансформировался в лиро-эпiku и лирику (Украина, например), заговорно-заклинательная традиция предпочла малые, не исключено, наиболее древние варианты текстов, а возможно, и наиболее древний вариант заклинательного процесса, в котором относительно объемные тексты используются при реальном заклинании как набор малых формул.

Там, где песенный эпос жил необычайно долго - Русский Север, например - при этом утрачивал, трансформируясь, свои исходные величины, заговорно-заклинательная традиция максимально обогатилась устойчивыми сюжетными произведениями и текстами книжно-письменной культуры

К сожалению, вряд ли у исследователей есть возможность проанализировать заговорно-заклинательную традицию в ее естественном бытовании глубоко и полно в силу эзотеричности материала. Кроме этого в настоящее время возникли дополнительные факты, которые, очевидно, в значительной степени усложнят ситуацию. В результате всплеска интереса к магико-мистической практике в целом, к эзотерическим явлениям, вследствие активного развития так называемого "народного целительства" ситуация на местах начинает меняться. Активнее эти изменения происходят в городской среде, однако они всерьез затрагивают и сельскую глубинку. За последние 10 лет в стране было издано множество печатной продукции различного качества, содержащей не только различные инструкции по магической практике, но и заклиательные тексты. Помимо изданий фольклорного материала и переизданий редких источников, появилось множество образцов самотворчества, в том числе с заклинаниями и "лечебными стихами". Все это широко расходуется по стране и, вполне возможно, в скором времени создаст ситуацию своеобразного средневекового "чернокнижия".

Не исключено, что заговорно-заклинательная традиция получит новый текстовый набор современных заклинаний. Это следует из стремления многих нынешних целителей к экспериментам с импровизацией или творческим сочинительством текстов. Эксперименты новоявленных целителей с вербальным заклиательным текстом представляются весьма интересными с различных точек зрения. Некоторые сены, осваивая принципы воздействия на человека, "идут от себя": они сами создают свои собственные заклинания. Многим из них удастся улавливать основные ритмы заклинаний или ритмы конкретного организма и воспроизводить нужные ритмо-интонаемы через текст; они довольно просто создают (или полагают, будто получают извне, от Бога) заклиательные новообразования, близкие к традиционной стиховой организации, ложающиеся на определенные ритмико-мелодические

конструкции («Приложения», 11, 12). Те же, кто был знаком с текстами заклинаний и молитв, либо практикуют в известной им традиции, либо начинают экспериментировать с материалом, осознав, что набор слов - не главное в эффективности воздействия.

Наряду с образцами собственно парапсихологическо-заклинательной практики нынешних экстрасенсов издаются и некоторые тексты, создаваемые для аутотренинга: с точки зрения ритмо-мелодической организации в некоторых частях они перекликаются с заговорно-заклинательными произведениями. В этом отношении любопытны, например, "настрои" Г.Н.Сытина (Сытин, 1990), где в огромных и порой нелепейших по содержанию текстах встречаются отдельные части, очень напоминающие заговорные конструкции.

Думается, что подобный довольно резкий скачок от традиционного знахарства к современному целительству даст еще более глобальные изменения в традиции, чем эпоха христианизации. В этом переходе стоит отметить общее стремление к наиболее экономным методам воздействия: целители в большинстве своем отказываются от объемных заговорно-заклинательных действий, используя уже известные в традиции способы быстрого перехода заклинателя к ИСС. И это понятно - большинство их прошло и специальное обучение на различных курсах. Впрочем, в данном случае нельзя сбрасывать со счета некую странную способность традиции к самовозрождению. В этой книге и других моих работах (Суритопова, 1995) приводится много примеров того, как при «мировом посвящении», например, adeпты магики-мистической практики обретают самым необычным, совершенно нереалистичным путем традиционное **знание** и знание (навыки, в том числе): через сон, видение, в медитации, при обнаружении у себя неких **данных**... Можно считать, что выход в Сверхсознание (ср. с ИССферой В.Н.Вернадского!) позволяет извлечь оттуда все то, что **исчезло** веками - «рукописи не горят», а **знание** не исчезает.

Интересно сравнить создавшуюся ситуацию с тем, что происходит в наши дни в зонах распространения шаманизма, например, в Якутии. Якутские целители часто обращаются к музыке, танцу, звукоподражанию, что естественно для продолжателей шаманской традиции. Попытки возродить традиционное магики-

мистическое знание и практику, в которой оно воплощалось, вряд ли можно сводить к жажде культурно-национального возрождения. За этим стоит в первую очередь глобальный интерес человечества к себе самому, к своему космобиологическому началу: это стремление понять, что такое мы и что вокруг нас? И именно эзотерическое **знание** в постижении Космоса и Человека выходит на первый план в силу того, что известные эзотерические сведения не могут дать ответ на эти вопросы.

РЕЗЮМЕ

- О состоянии заговорно-заклинательной традиции восточных славян до крещения Руси сказать что-либо крайне сложно – достоверных свидетельств нет, материала для реконструкций по сути дела тоже. Предположительно можно считать, что славянам была известна практическая магия, существовали некие заклиательные тексты. Охарактеризовать заклиательный ритуал кудесников или волхвов не представляется возможным.
- Исследование современной заговорно-заклинательной традиции предоставляет уникальные сведения по передаче **знания** и принципов использования текстов: это приводит к гипотезе о речитативно-мелодическом исполнении древних заклинаний. Не исключено, что особый тип исполнения, специфическая ритмизация и интонирование способствовали формированию аффективно-медитативного типа погружения в ИСС при использовании заклинаний.
- Формированию особого способа погружения в ИСС с опорой на тексты в их специфическом исполнении могла способствовать в период распространения мистического христианства исихастская техника «умной молитвы»: практика достижения видения у восточнославянских заклинателей и у исихастов схожа.
- Программа воздействия, заложенная в заговорно-заклинательный текст, базируется не только на ритмо-мелодических проявлениях, но и на семантике текста, которая **необычайно** важна для заклинателя (но не для реципиента, который не слышит текст заклинания!). Путем анализа состояний и видения заклинателей в процессе работы удалось установить основные значимые текстовые элементы, такие как «код» и «ключ», выявить их назначение в процессе погружения оператора в ИСС.
- Выявляется соответствие принципов магико-мистической работы типам заговорно-заклинательных текстов, основанных на сопоставлении и на императивных указаниях (уподобление и прямое воздействие).
- Вопрос о трансформации заговорно-заклинательной традиции, рассмотренный в самых общих чертах, акцентируется на моментах принятия христианства и борьбы с языческими культами («уничтожение волхвов») и распространения книжно-письменной культуры и письменности. Первое важно для формирования корпуса ЗТ, сохраняющихся до сих пор в заговорно-заклинательной традиции, особенно маргинальной. Последнее имеет большое значение для становления традиции записи устных заговорно-заклинательных

текстов и распространения их в виде письменных амулетов или хранения «на случай».

- Предварительный абрис географии заговорно-заклинательной традиции позволил вычленил общие закономерности распространения фольклорно-географического материала на восточнославянской территории (Украина, Белоруссия, европейская часть России): наблюдаются некоторые параллели с причетно-плачевой традицией. Подчеркнув этот вопрос не имеет отношения к распространению реального знания.

1. Речь идет о документально датированном первом этапе древнерусской истории. Естественно, до этого момента заклинительная практика должна была существовать, однако о ней можно делать какие-то выводы реконструктивного порядка только после исследования того периода в истории традиции, когда есть возможность опираться на более или менее достоверные свидетельства.

2. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить за предоставленные мне материалы руководителя архива К. Шумова.

3. "Произведение" - условное для фольклористики понятие - известный и потенциально существующий набор вариаций/ вариантов, версий одного "универсумета" (*Харитонова, 1987а: 31*). Ссылки на специальную литературу, где представлен теоретический аспект вопроса, здесь не имеют смысла, поскольку проблема размыта, большинство авторов (в зависимости от исходной оценки сущности и признаков фольклора) придерживаются слишком разных точек зрения на возможности использования этого понятия.

4. Испытуемый рассказывает о втором путешествии в "нижний мир". Во время первого он получил своих духов-покровителей, в частности, медведя и акулу, о которых упоминается далее (опубл.: *Харитонова, 1997: 23, 26*).

5. На эту особенность трудов В. Мансикки обратил внимание В. П. Петров. Критическую оценку, которая несомненно, пуждается в определенной коррекции (работа была написана с учетом требований советской идеологии и в русле конкретной фольклористической школы), см.: *Петров, 1981: 87-88*.

6. Заговоры "извлечены из рукописи под заглавием: "Разные сведения, заимствованные из местного быта жителей, населяющих Шахановскую волость, Архангельской губернии в Шенкурском уезде. Собрал местный священник Копстаггии Иванович Боголенов. Кодема. 1887" (*Заговоры, 1909: 3*).

7. "...заклинания против чаровниц и чаровников списаны мною с одного старинного документа, не датированного, но по внешним признакам написанного несомненно в XVII столетии"; документ приобретен в Галиции (*Антонович, 1890: 72*).

В серии
«Этнологические исследования по шаманству и иным
традиционным верованиям и практикам»
опубликовано:

Т.1. Шаманизм и иные ранние религиозные представления. К 90-летию доктора исторических наук, профессора Л.П.Потапова. Сборник статей/Отв. ред. Д.А.Функ. М.: ИЭА РАН, 1995. 272 с.

Т.2. Функ Д.А. Телеутское шаманство: традиционные этнографические интерпретации и новые исследовательские возможности / Отв. ред. Л.П.Потапов. М.: ИЭА РАН, 1997. 268с.

Т.3. Харитонов В.И. Заговорно-заклинательное искусство восточных славян: проблемы традиционных интерпретаций и возможности современных исследований/Отв. ред. З.П.Соколова. М.: ИЭА РАН, 1999. Часть 1. 292 с.; Часть 2. 300 с.

Т.4. «Избранники духов» – «избравшие духов»: Традиционное шаманство и нешаманизм. Памяти В.Н.Басилова (1937-1998). Сборник статей / Отв. ред. В.И.Харитонов. М.: ИЭА РАН, 1999. 308 с.

Т.5. Материалы международного конгресса «Шаманизм и иные традиционные верования практики», посвященного памяти А.В.Анохина, Н.П.Дыренковой, С.М.Широкогорова. Москва, Россия, 7-12 июня 1999 г. М.: ИЭА РАН, 1999. Часть 1. 322 с.; Часть 2. 384 с.

Готовятся к изданию:

Т.5. Материалы международного конгресса «Шаманизм и иные традиционные верования практики», посвященного памяти А.В.Анохина, Н.П.Дыренковой, С.М.Широкогорова. Москва, Россия, 7-12 июня 1999 г. Часть 3. (II-III кв. 2000 г.).

Т.6. Шаманский дар. Сборник статей к юбилею Анны Васильевны Смоляк. (IV кв. 2000 г.).

С 2000 г. в связи с ограниченными тиражами изданий второго, четвертого и пятого томов серии и невозможностью удовлетворить постоянно растущий спрос на публикуемые работы редколлегия прилагает усилия по размещению изданий в сети Internet.

Следите за пополнением
home page Отдела народов Крайнего Севера и Сибири
Института этнологии и антропологии РАН:
<http://sever.iea.ras.ru>

**Этнологические исследования по шаманству
и иным традиционным верованиям и практикам
Том 3 (в двух частях)**

Валентина Ивановна Харитонова

**Заговорно-заклинательное искусство восточных славян:
проблемы традиционных интерпретаций и возможности
современных исследований**

Научное издание

Формат 60x90 1/16
Гарнитура Times New Roman
16,65 авт. л. Тираж 500 экз.

Участок оперативной полиграфии
Института этнологии и антропологии РАН